This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

1
5

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Saltykov, M. E

БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ

ТОМЪ I

СОЧИНЕНІЕ

М. Е. Салтыкова (Щедрина)

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ съ 1865 г.
А. С. БУГАЕВА,
въ
КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКѢ.
БЫВШІЙ С. И. ЛИТОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)
1876

PG3361
S3B5
1876
v.1

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Положеніе мое, какъ русскаго Гамбетты, имѣетъ ту выгоду, что оно оставляетъ мнѣ много досужаго времени. Никто отъ меня ничего не ждетъ, никто на меня не возлагаетъ ни надеждъ, ни упованій. Я не состою членомъ ни единаго благотворительно-просвѣтительнаго общества, ни одной издающей сто одинъ томъ трудовъ коммисіи. Я не обязанъ распространять ни грамотность, ни малограмотность, ни даже безграмотность; ни полезныхъ свѣдѣній, ни безполезныхъ. Никто не требуетъ отъ меня ни проектовъ, ни рефератовъ, ни даже присутствія при празднованіи годовщинъ, пятилѣтій, десятилѣтій и т. д. Я просто скромный обыватель, пользующійся своимъ свободнымъ временемъ, чтобы посѣщать знакомыхъ и бесѣдовать съ ними, и совершенно довольный тѣмъ, что начальство не видитъ въ этомъ занятіи ничего предосудительнаго.

Знакомыхъ у меня тьма-тьмущая и, притомъ, самыхъ разношерстныхъ. Не забудьте, что я ничего не ищу, кромѣ «благихъ начинаній», а такъ какъ едва ли сыщется въ мірѣ человѣкъ, въ которомъ не притаилась бы хотя маленькая соринка этого добра, то понятно, какой перепутанный калейдоскопъ долженъ представлять кругъ

людей, въ которомъ я обращаюсь. Я жму руки пустоплясамъ всѣхъ партій и лагерей, и нетолько не чувствую при этомъ никакой неловкости, но даже вполнѣ убѣжденъ, что русскій Гамбетта, у котораго нѣтъ ничего на умѣ, кромѣ «благихъ начинаній» (въ родѣ, напримѣръ, земскихъ учрежденій), иначе не можетъ и поступать. Въ свою очередь, и знакомые мои, зная, что у всякаго изъ нихъ есть хоть какой-нибудь пунктикъ, которому я сочувствую, тоже не оставляютъ меня своими рукожатіями. И такимъ образомъ мы живемъ. Пріятели сходятся у меня и диспутируютъ. Одинъ (аристократъ) говоритъ, что хорошо бы обуздать мужика, другой (демократъ) возражаетъ, что мужика обуздывать нечего, ибо онъ «преданъ», а что слѣдуетъ ли, нѣтъ ли обуздать дворянское вольномысліе; третій (педагогъ), не соглашаясь ни съ первымъ, ни со вторымъ, выражаетъ такое мнѣніе, что ни дворянъ, ни мужиковъ обуздывать нѣтъ надобности, потому что дворяне — опора, а мужики — почва, а слѣдуетъ обуздать «науку». Я слушаю эти диспуты, и благодушествую. Выслушаю одного — кажется, что у него есть кусочекъ «благихъ начинаній», выслушаю другого — кажется, и у него есть кусочекъ «благихъ начинаній». Ибо, повторяю: нѣтъ въ мірѣ выжатаго лимона, изъ котораго нельзя было бы выжать хоть капельку «благихъ начинаній». А что̀, думаю я себѣ, подберу-ка я эти кусочки: можетъ быть, что̀-нибудь изъ нихъ да и выйдетъ!

Я знаю, впрочемъ, что не выйдетъ ничего. Я знаю даже, что привычка подбирать дрянные кусочки—привычка негодная, изнурительная. Она держитъ человѣка между двухъ стульевъ и отнимаетъ у него всякую возможность дѣйствовать въ какомъ бы то ни было смыслѣ. *Когда кусочковъ* наберется много, то изъ нихъ обра-

зуется не картина и даже не собраніе полезныхъ матеріаловъ, а простая куча хламу, въ которой едва ли можно разобрать, что̀ куда принадлежитъ. Рыться въ этой кучѣ, вытаскивать на удачу то одинъ, то другой осколокъ — работа унизительная и совершенно безплодная. Я знаю все это, но и за всѣмъ тѣмъ, нетолько остаюсь при этой дурной привычкѣ, но и виновнымъ въ преднамѣренномъ бездѣльничествѣ признать себя не могу.

Вопервыхъ, скажите, на какой-такой «образъ дѣйствія» я, русскій Гамбетта, могу претендовать? Агитировать — запрещено; революціи затѣвать — тѣмъ паче. Вездѣ, куда бы я ни сунулъ свой носъ, я слышу: что̀ вы! куда вы! да имѣйте же терпѣніе! развѣ вы не видите... благія начинанія! И это говорятъ мнѣ безъ смѣха, безъ озорства, безъ малѣйшаго желанія мистифировать меня. Напротивъ того, я чувствую, что субъектъ, произносящій эти предостереженія, самъ ходитъ на цыпочкахъ, словно боится кого разбудить; что онъ серьёзно чего-то ждетъ, и въ ожиданіи, пока придетъ это «нѣчто», боится нетолько за будущее ожидаемаго, но и за меня, Гамбетту, за меня, который непрошеннымъ участіемъ можетъ скомпрометироватъ и «дѣло обновленія», и *самого себя*. Что̀ долженъ я ощутить при видѣ этой благоговѣйной оторопи, еслибы даже въ головѣ моей и вполнѣ созрѣла гамбеттовская рѣшимость агитировать страну по вопросу о необходимости яснаго закона о потравахъ? Очевидно, что прежде всего я долженъ ощутить ту же благоговѣйную оторопь, которую ощущаетъ и предостерегающій меня субъектъ. Онъ ходитъ на цыпочкахъ — стало быть, и впрямь что̀-нибудь да готовится! Онъ такъ благожелательно предостерегаетъ меня отъ опасныхъ увлеченій — стало быть, и впрямь я рискую услышать «фюить!», если не буду держать руки по швамъ!

Оторопѣлый, пораженный пророческимъ тономъ предостереженій, я впадаю въ недоумѣніе и инстинктивно останавливаю свой бѣгъ. За минуту, я горѣлъ агитаціонною горячкою и готовъ былъ сложить голову, лишь бы добиться «яснаго» закона о потравахъ; теперь — я значительно хладнокровнѣе смотрю на это дѣло и разсуждаю о немъ нѣсколько иначе. «А что̀ въ самомъ дѣлѣ», говорю я себѣ: «ежели потравы могутъ быть устранены безъ агитаціи, то зачѣмъ же агитировать? Ежели нужно только «подождать», то отчего же не подождать!» Все это до того резонно, что такъ и кажется, будто кто-то стоитъ и подталкиваетъ сзади: подожди да подожди! И вотъ, я начинаю ждать, не зная, чего собственно я жду, и когда должно произойти то, что̀ я жду. А такъ какъ, въ ожиданіи, надобно же мнѣ какъ-нибудь провести время, то я располагаюсь у себя въ кабинетѣ и выслушиваю, ка̀къ одинъ пріятель говоритъ: надо обуздать мужика, а другой: надо обуздать науку. Скажите, могу ли я поступить иначе? Вы отвѣтите, можетъ быть: да̀, ты нетолько можешь, но и долженъ поступить иначе; ты долженъ агитировать, требовать, писать передовыя статьи въ духѣ пророка Иліи, однимъ словомъ, поступать такъ, какъ истинному Гамбеттѣ надлежитъ... Но позвольте же, господа! Вы забываете, что, вѣдь, я, все-таки, не настоящій Гамбетта, а только русскій обыватель à l'instar de Gambetta, что у меня и вопросы другіе, чѣмъ у *настоящаго* Гамбетты, и средства для агитаціи совсѣмъ не тѣ и что, наконецъ, самая потребность агитировать страну по вопросу о потравахъ совсѣмъ ужь не такъ настоятельна, чтобы нельзя было моментально и навсегда устранить ее однимъ коротенькимъ словомъ «наплевать»...

Вовторыхъ, какъ это ни парадоксально на первый

взглядъ, но я могу сказать утвердительно, что всѣ эти люди, въ кругу которыхъ я обращаюсь и которые взаимно видятъ другъ въ другѣ «политическихъ враговъ»— въ сущности, совсѣмъ не враги, а просто безтолковые люди, которые не могутъ или не хотятъ понять, что они болтаютъ совершенно одно и то же. Какъ ни стараются они провести между собою разграничительную черту, какъ ни увѣряютъ другъ друга, что такія-то мнѣнія можетъ имѣть лишь несомнѣнный жуликъ, а такія-то — безспорнѣйшій идіотъ, мнѣ, все таки, сдается, что мотивъ у нихъ одинъ и тотъ же, что вся разница въ томъ, что одинъ дѣлаетъ руладу вверхъ, другой же обращаетъ ее внизъ, и что нѣтъ даже повода задумываться надъ тѣмъ, кого цѣлесообразнѣе обуздать: мужика или науку. Все это одинаково цѣлесообразно въ томъ смыслѣ, что про всю эту «цѣлесообразность» одинаково цѣлесообразно можно сказать: «наплевать»... Слѣдовательно, если я и могу быть въ чемъ-нибудь обвиненъ, то единственно только въ томъ, что вступаю въ сношеніе съ людьми, разговаривающими объ обузданіи вообще, и выслушиваю ихъ. Но, вѣдь, не бѣжать же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, на необитаемый островъ, чтобы скрыться отъ нихъ!

Я родился въ атмосферѣ обузданія, я таинственною пуповиной прикрѣпленъ къ людямъ обузданія. Отъ раннихъ лѣтъ дѣтства, я не слышу иныхъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ объ обузданіи (хотя самое слово «обузданіе» и не всегда въ нихъ упоминается), и полагаю, что эти же разговоры проводятъ меня и въ могилу. Все относящееся до обузданія вошло, такъ сказать, въ интимную обстановку моей жизни, примелькалось, какъ плоскій русскій пейзажъ, прислушалось, какъ сказка старой няньки, и этого, мнѣ кажется, совершенно достаточно,

чтобъ объяснить, почему я живу, а не рвусь въ пустыню. Но, съ другой стороны, это же самое можетъ служить объясненіемъ и того равнодушія, съ которымъ я отношусь къ обуздывательной средѣ и къ вопросамъ, ее волнующимъ. Я до такой степени *привыкъ* къ нимъ, что, право, не приходитъ даже на мысль вдумываться, въ чемъ собственно заключаются тѣ тонкости, которыми одинъ обуздательный проектъ отличается отъ другого таковаго-жь. Спросите меня, что̀ либеральнѣе: обуздывать ли человѣчество при помощи земскихъ управъ или при помощи особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствій— клянусь, я не найдусь даже отвѣтить на этотъ вопросъ. Я не понимаю, въ чемъ состоитъ сущность его, не могу себѣ объяснить, зачѣмъ тутъ привлеченъ либерализмъ. Мнѣ кажется, что оба рѣшенія, на которыя указываетъ вопросъ, одинаково стоятъ на почвѣ обузданія и различаются между собою лишь совершенно недоступною для меня діалектическою тонкостью. Поэтому, я съ одинаковымъ равнодушіемъ протягиваю руку какъ сторонникамъ земскихъ управъ, такъ и защитникамъ особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствій. Вѣдь, и тѣ, и другіе одинаково говорятъ мнѣ объ «обузданіи»—зачѣмъ же я буду цаловаться съ однимъ и отворачиваться отъ другого изъ-за того только, что первый даетъ мнѣ на копейку менѣе обузданія, нежели второй? Лучше я дамъ каждому по копейкѣ своихъ—и пускай себѣ они сотрясаютъ воздухъ разсказами о преимуществахъ земскихъ управъ надъ особыми о земскихъ повинностяхъ присутствіями, и наоборотъ...

Очень возможно, что я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что всѣ эти частныя попытки, направленныя или къ тому, чтобы на вершокъ укоротить принципъ обузданія, *или въ* тому, чтобы на вершокъ удлиннить его, не имѣютъ

никакого существеннаго значенія. Сегодня на вершокъ короче, завтра — на вершокъ длиннѣе: все это только удерживаетъ дѣло на почвѣ внезапностей и колебаній, ни мало не разъясняя самаго принципа обузданія. Невольно приходитъ на мысль: если такъ много спорятъ объ укорачиваніяхъ и удлинненіяхъ принципа, то почему же не перенести споръ прямо на самый принципъ?

Міросозерцаніе громаднаго большинства людей все сплошь зиждется на принципѣ «обузданія». Я знаю, что многіе удивятся, услышавъ, что къ нимъ примѣняютъ эпитетъ «обуздывателей», но удивятся единственно потому, что слишкомъ ужь буквально понимаютъ слово «обузданіе». Вдумайтесь въ смыслъ этого выраженія, и вы увидите, что «обузданіе» совсѣмъ не равносильно тому, что̀ на мѣстномъ жаргонѣ извѣстно подъ именемъ «подтягиванія», и что дѣйствительное значеніе этого выраженія гораздо обширнѣе и универсальнѣе. Сто̀итъ только припомнить сказки о «почвѣ» со всею свитою условныхъ формъ общежитія, союзовъ и проч., чтобы понять, что вся наша бѣдная жизнь замкнута тутъ, въ безчисленныхъ и перепутанныхъ развѣтвленіяхъ принципа обузданія, изъ которыхъ мы тщетно усиливаемся выбраться то съ помощью устнаго и гласнаго судопроизводства, то съ помощью переложенія земскихъ повинностей изъ натуральныхъ въ денежныя... Увы! мы стараемся устроиться какъ лучше, мы враждуемъ другъ съ другомъ по вопросу о переименованіи земскихъ судовъ въ полицейскія управленія, а въ концѣ-концовъ, все-таки, убѣждаемся, что даже передача слѣдственной части отъ становыхъ приставовъ къ судебнымъ слѣдователямъ (мѣра сама по себѣ очень полезная) не избавляетъ насъ отъ тупого чувства недовольства, которое и послѣ учреж-

денія судебныхъ слѣдователей, попрежнему, продолжаетъ окрашивать всѣ наши поступки, всѣ житейскія отношенія наши.

Ясно, что тутъ скрывается крупное недоразумѣніе, довольно близкое ко лжи, разрѣшеніе котораго совершенно не зависитъ отъ того, чью руку, помѣщичью или крестьянскую, держатъ мировые посредники. Какъ же поступить въ данномъ случаѣ? Что̀ предпринять, чтобы освободиться отъ чувства недовольства, отравляющаго жизнь? Ужь не начать ли съ того, на что̀ большинство современныхъ «дѣльцовъ» смотритъ именно, какъ на ненужное и непрактичное? не начать ли съ ревизіи самого принципа обузданія, съ разоблаченія той массы лганья, которая непроницаемымъ облакомъ окружаетъ этотъ принципъ и мѣшаетъ какъ слѣдуетъ разсмотрѣть его?

Говоря по совѣсти, это именно самое подходящее средство. Я совсѣмъ не отрицатель. Я не отвергаю той пользы, которая можетъ произойти для человѣчества отъ улучшенія быта становыхъ приставовъ, или отъ того, что всѣ земскія управы будутъ относиться къ своему дѣлу съ такою же рачительностью, какъ управа новогородская. Но я стою на одномъ: что частные вопросы не имѣютъ права загромождать до такой степени человѣческіе умы, чтобы исключать вопросы общіе. Я думаю даже, что ежели въ обществѣ существуетъ вкусъ къ общимъ вопросамъ, то это нетолько не вредитъ частностямъ, но даже помогаетъ имъ. При освѣщеніи общихъ вопросовъ и вопросъ о всеобщей воинской повинности будетъ разрѣшенъ сознательнѣе, и вопросъ объ устройствѣ земскихъ больницъ получитъ болѣе раціональное осуществленіе. Иногда кажется: вотъ вопросъ не отъ міра сего, вотъ вопросъ, который ни съ какой стороны не можетъ прикасаться къ насущнымъ потребностямъ общества —

для чего-же дескать говорить о такихъ вещахъ? Но, вѣдь, это вздоръ, любезный читатель! Это только жалкая уловка лгуновъ-дѣльцовъ! Сообразите только, возможное ли это дѣло, чтобы вопросъ глубоко-человѣческій, вопросъ, затрогивающій отношенія человѣка къ жизни и ея явленіямъ, могъ хотя на одну минуту оставаться для человѣка безъинтереснымъ, а тѣмъ болѣе могъ бы помѣшать ему устроиваться на практикѣ возможно выгоднымъ для себя образомъ—и вы сами, навѣрное, скажете, что это вздоръ! Это до такой степени вздоръ, что даже мы, современные практики и дѣльцы, отмаливающіеся отъ общихъ вопросовъ, какъ отъ проказы — даже мы, сами того не понимая, дѣйствуемъ не иначе, какъ во имя тѣхъ общечеловѣческихъ опредѣленій, которыя продолжаютъ теплиться въ насъ, несмотря на компактный слой наноснаго практическаго хлама, стремящагося заглушить ихъ! Еслибъ это было иначе, откуда же явились бы земскія управы? Откуда получила бы тверская земская управа рѣшимость ассигновать необходимыя суммы для поддержанія артельныхъ сыроварень.

Какъ бы то ни было, но принципъ обузданія продолжаетъ стоять незыблемый, неизслѣдованный. Онъ написанъ во всѣхъ азбукахъ, на всѣхъ фронтисписахъ, на всѣхъ лбахъ. Онъ до того незыблемъ, что даже говорить о немъ не всегда удобно. Не потому ли, спрашивается, онъ такъ живучъ, не потому ли о немъ неудобно говорить, что около него ютятся и кормятся цѣлыя арміи лгуновъ?

И такъ, побесѣдуемъ о лгунахъ.

Лгуны, о которыхъ идетъ рѣчь и для которыхъ «обузданіе» представляетъ отправную точку всей дѣятельности, бываютъ двухъ сортовъ: лицемѣрные, сознательно-лгущіе, и искренніе, фанатическіе.

Лицемѣрные лгуны суть истинные дѣльцы современности. Они лгутъ, какъ говорилось когда-то, при крѣпостномъ правѣ, «пуръ лѐ жансъ», ни мало не отрицая ненужности принципа обузданія въ отношеніи къ себѣ и людямъ своего круга. Они забрасываютъ васъ всевозможными «краеугольными камнями», загромождаютъ вашу мысль всякими «основами», и тутъ же, на вашихъ глазахъ, на камни поскудятъ, и на основы плюютъ. Въ обществѣ, эти люди носятъ названіе «дѣльцовъ», потому что они не прочь отъ компромисовъ, и «добрыхъ малыхъ», потому что они всегда готовы на всякое двоедушіе. И Богу помолиться, и покощунствовать. Это ревнители тихаго разврата, рыцари бездѣлицы, показывающіе свои патенты лишь такимъ же рыцарямъ, какъ и они, посѣтители «отдѣльныхъ кабинетовъ», устроиватели всевозможныхъ комбинацій на основаніи правила: «и волки сыты, и овцы цѣлы», антреметтёры высшей школы, политическія и нравственныя кукушки, потихоньку кладущія свои яйца въ чужія гнѣзда, при случаѣ—разбойники, при случаѣ—карманные воришки. Лично, каждый изъ этихъ господъ ничего другого не заслуживаетъ, кромѣ презрѣнія, которое, впрочемъ, значительно умѣряется опасеніемъ: вотъ-вотъ сейчасъ онъ надуетъ! сейчасъ выкинетъ штуку, которая подорветъ ваше благополучіе, уничтожитъ ваше спокойствіе и втопчетъ въ грязь всю вашу жизнь!

Лгуны искренніе суть тѣ утописты «обузданія», передъ которыми содрогается даже современная, освоившаяся съ лганьемъ дѣйствительность. Это чудища, которыя лгутъ не потому, чтобы имѣли умыселъ вводить въ заблужденіе, а потому, что не хотятъ знать ни свидѣтельства исторіи, ни свидѣтельства современности, которыя ежели и видятъ фактъ, то признаютъ въ немъ не

фактъ, а капризъ человѣческаго своеволія. Они бросаютъ въ васъ краеугольными камнями вполнѣ добросовѣстно, ни мало не помышляя о томъ, что камень можетъ убить. Это угрюмые люди, никогда не покидающіе марева, созданнаго ихъ воображеніемъ, и съ неумолимою послѣдовательностью проводящіе это марево въ дѣйствительность. Всегда вооруженные, недоступные и неподкупные, они не останавливаются нетолько передъ насиліемъ, но и передъ пустотою. «Если въ результатѣ нашихъ усилій оказывается только пустота», говорятъ они, «то, слѣдовательно, оно не можетъ иначе быть». И вновь начинаютъ безумную работу данаидъ, совершая мимоходомъ злодѣянія, вырывая крики ужаса и ни мало не наполняя бездны. Лично, каждый изъ этихъ господъ можетъ вызвать лишь изумленіе передъ безграничностью человѣческаго тупоумія, изумленіе, впрочемъ, значительно умѣряемое опасеніемъ: вотъ-вотъ сейчасъ налетитъ! вотъ сейчасъ убьетъ, сотретъ съ лица земли этотъ ураганъ безсознательнаго и тупоумнаго лганія, отстаивающій свое право убивать во имя какой-то личной «искренности», до которой никому нѣтъ дѣла и передъ которой, тѣмъ неменѣе, сотни глупцовъ останавливаются съ разинутыми ртами: это-дескать «искренность»! а искренность надобно уважать!

Вотъ теоретики «обузданія», вотъ тѣ, которые съ неслыханною наглостью держатъ въ осадѣ человѣческое общество. Если хотите знать, которая изъ указанныхъ выше двухъ категорій лгуновъ кажется на мой взглядъ болѣе терпимою, я, не обинуясь, отвѣчу: лгуны сознательные, лицемѣрные. Лично, быть можетъ, каждый изъ нихъ во сто кратъ омерзительнѣе, нежели лгунъ-фанатикъ, но личный характеръ людей играетъ далеко не первостепенную роль въ дѣлахъ міра сего. Я отъ души

уважаю искренность, но не люблю костровъ и пытокъ, которыми она сопровождается, въ товариществѣ съ тупоуміемъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ искренность, примѣненная къ насилію, и общество, руководимое фанатиками лжи, можетъ навѣрное разсчитывать на предстоящее превращеніе его въ пустыню. Я предпочитаю лгуна-лицемѣра уже по тому одному, что онъ никогда не лжетъ до конца, но лжетъ и оглядывается. Хотя онъ тоже не прочь отъ пытки, но у него нѣтъ того устоя, который окружаетъ пытку ореоломъ величія. У мелкаго плута и сердце, и руки всегда короче, нежели у подлиннаго, искренняго душегуба. Вора законъ посылаетъ въ смирительный домъ, душегуба — на каторгу. Не потому онъ дѣлаетъ это различіе, чтобы воръ былъ болѣе достоинъ уваженія, а потому, что онъ менѣе вреденъ. Наконецъ, лицемѣра-лгуна я могу презирать, тогда какъ въ виду лгуна-фанатика мнѣ ничего другого не остается, какъ трепетать. Какъ хотите, а, право презирать, всетаки, хоть сколько-нибудь да облегчаетъ меня...

Освободиться отъ «лгуновъ»—вотъ насущная потребность современнаго общества, потребность, во всякомъ случаѣ, не менѣе настоятельная, какъ и потребность въ правильномъ разрѣшеніи вопроса о дешевѣйшихъ способахъ околки льда на волжскихъ пристаняхъ.

Убѣждать теоретиковъ обузданія въ необходимости ревизіи этого принципа было бы, однакожь, совершенно напрасною тратой времени. Большинство изъ нихъ (лгуны-лицемѣры) нетолько не страдаетъ отъ того, что общество изнемогаетъ подъ игомъ насильно навязанныхъ ему и не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ жизни

принциповъ, но даже извлекаетъ изъ общественной забитости извѣстныя личныя удобства. Меньшинство же (лгуны-фанатики), хотя и подвергаетъ себя обузданію, наравнѣ съ массою простецовъ, но неизвѣстно еще, почему люди этого меньшинства такъ сильно вѣрятъ въ творческія свойства излюбленнаго ими принципа, потому ли, что онъ влечетъ ихъ къ себѣ своими внутренними свойствами, или потому, что имъ извѣстны только легчайшія формы его. Есть много постниковъ, которые охотно держатъ постъ, сопровождающійся постною стерляжьей ухою, но которые, навѣрное, совсѣмъ не такъ ретиво пропагандировали бы теорію умерщвленія плоти, еслибъ она осуществлялась для нихъ въ формѣ ржаного хлѣба, приправленнаго лебедой.

На дѣлѣ, героемъ обузданія оказывается совсѣмъ не теоретикъ, а тотъ бѣдный простецъ, который несетъ на своихъ плечахъ всѣ практическія примѣненія этого принципа. Онъ несетъ ихъ безъ усладъ, которыя могли бы обмануть его на счетъ свойствъ лежащаго на немъ бремени, безъ надежды на возможность хоть временныхъ экскурсій въ область запретнаго; несетъ потому, что вся жизнь его такъ сложилась, чтобъ сдѣлать изъ него живулю, способную выдерживать всевозможные обуздательные опыты. Онъ чтитъ всѣ союзы, но чтитъ не по стольку, по скольку они защищаютъ его самого, а по скольку они ограждаютъ другихъ. Для него лично, нѣтъ въ мірѣ угла, который не считался бы заповѣднымъ, хотя онъ самъ открытъ со всѣхъ сторонъ, открытъ для всѣхъ воздѣйствій, на изобрѣтеніе которыхъ такъ тароватъ досужій человѣческій умъ.

Вотъ для него-то именно и необходимы тѣ разъясненія, о которыхъ идетъ рѣчь.

Нельзя себѣ представить положенія болѣе запутан-

наго, какъ положеніе добродушнаго простеца, который изо всѣхъ силъ сгибаетъ себя подъ игомъ обузданія, и въ то же время чувствуетъ, что жизнь на каждомъ шагу такъ и подмываетъ его выскользнуть изъ подъ этого ига. Строго обдуманной теоріи у него нѣтъ; онъ никогда не пробовалъ доказать себѣ необходимость и пользу обузданія: онъ не знаетъ, откуда оно пришло и какъ сложилось; для него это просто modus vivendi, который онъ всосалъ себѣ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Съ другой стороны, онъ никогда не разсуждалъ и о томъ, почему жизнь такъ настойчиво подстрекаетъ его на бунтъ противъ обузданія; ему сказали, что это происходитъ отъ того, что «плоть немощна» и что «врагъ силенъ» — и онъ на слово повѣрилъ этому объясненію. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ опереться ему, все таки, не на что. Онъ не имѣетъ надежной крѣпости, изъ которой могъ бы дѣлать набѣги на бунтующую плоть; не имѣетъ и укромной лазейки, изъ которой могъ бы послать «бодрому духу» справедливый укоръ, что вотъ какъ ни дрянна и ни немощна плоть, а все таки, почему-нибудь да беретъ же она надъ тобою, «бодрымъ духомъ», верхъ. Словомъ сказать, онъ открытъ и беззащитенъ со всѣхъ сторонъ...

Но какъ ни жалка эта всесторонняя беззащитность, а для него, простеца, неизвѣстно зачѣмъ живущаго, неизвѣстно къ-чему стремящагося, даже и она служитъ чѣмъ-то въ родѣ спасительной пристани. Устраните изъ жизни простеца элементъ безсознательности, и вы увидите передъ собою человѣка, отданнаго въ жертву непрерывному ужасу. Ужасъ — въ виду безрадостности существованія, со всѣхъ сторонъ опутаннаго обузданіемъ, и ужасъ же — въ виду угрызеній, которыя необходимо *должны отравить* торжество немощной плоти надъ бод-

рымъ духомъ. Куда ни оглянись — вездѣ огненная геенна. Ясно, что при такой обстановкѣ совсѣмъ невозможно было бы существовать, еслибъ не имѣлось въ виду облегчительнаго элемента, позволяющаго взглянуть на всѣ эти ужасы глазами пьянаго человѣка, который готовъ и море переплыть, и съ колокольни соскочить безъ всякой мысли о томъ, что̀ изъ этого можетъ произойти. Ясно, что только одна безсознательность можетъ выручить простеца въ его затруднительномъ положеніи. Если человѣкъ беззащитенъ, если у него нѣтъ средствъ бороться ни за, ни противъ немощной плоти, то ему остается только безусловно отдаться на волю гнетущей необходимости, въ какой бы формѣ она ни представлялась. Исполнивши это, онъ, по крайней мѣрѣ, освобождаетъ себя отъ вмѣняемости передъ судомъ собственной совѣсти, отъ ужасовъ, которыми она грозитъ ему на каждомъ шагу. Подобно лунатику, онъ идетъ на встрѣчу препятствію, столь же чуждый сознательному намѣренію преодолѣть его, какъ и сознательному опасенію разбить себѣ лобъ. Случись первое — онъ совершаетъ подвигъ безъ всякой мысли о его совершеніи; случись второе — онъ встрѣчаетъ смерть, какъ одну изъ внезапностей, сцѣпленіемъ которыхъ была вся его жизнь.

Но, скажутъ, быть можетъ, многіе, что̀ же намъ до того, сознательно или безсознательно примиряется человѣкъ съ жизнью? Вѣдь, дѣло не въ томъ, въ какой формѣ совершается это примиреніе, а въ томъ, что оно, несмотря на форму, совершается до такой степени полно, что самъ примиряющійся не замѣчаетъ никакой фальши въ своемъ положеніи! Вѣдь, примирившійся счастливъ — оставьте же его быть счастливымъ въ его безсознательности! не будите въ немъ напраснаго недовольства самимъ собою, недовольства, которое только про-

изводитъ въ немъ внутренній разладъ, но въ концѣ, концовъ, все таки, не сдѣлаетъ его ни болѣе способнымъ къ правильной оцѣнкѣ явленій, изъ которыхъ слагается ни для кого не интересная жизнь простеца, ни менѣе беззащитнымъ противъ вторженія въ эту жизнь всевозможныхъ внезапностей.

Возраженіе это, прежде всего, не весьма нравственно, хотя, по преимуществу, слышится со стороны людей, считающихъ себя охранителями добрыхъ нравовъ въ обществѣ. Въ основаніи его лежатъ темные виды на человѣческую эксплуатацію, которая, какъ извѣстно, ничѣмъ такъ не облегчается, какъ нахожденіемъ массъ въ состояніи безсознательности. Вовторыхъ, если и есть основаніе допустить возможность сочетанія счастія съ безсознательностью, то счастье такого рода имѣетъ столь же мало шансовъ на прочность, сколь мало имѣетъ ихъ и сама безсознательность. Послѣдняя хотя и можетъ служить примирителемъ между человѣкомъ и жизнью, но лишь до тѣхъ поръ, покамѣсть тому благопріятствуетъ спокойно-сложившаяся внѣшняя обстановка. Съ измѣненіемъ обстановки, съ вторженіемъ въ нее новаго элемента, смягчающія свойства безсознательности истираются съ поразительною быстротой, и услуги, доставляемыя ею, дѣлаются нетолько ничтожными, но и прямо назойливыми, почти омерзительными. Такого рода метамоформозы вовсе не рѣдкость даже для насъ; мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ мечущихся изъ стороны въ сторону простецовъ, и если проходимъ мимо нихъ въ недоумѣніи, то потому только, что ни мы, ни сами мечущіеся не даемъ себѣ труда формулировать нетолько источникъ ихъ отчаянія, но и свойство претерпѣваемой ими боли. А источникъ этотъ всегда одинъ и тотъ же: это— *непроизвольное* прекращеніе состоянія безсознательности.

Простецъ выносливъ — это правда. Покуда жизнь его идетъ обычною прозябательною колеей, гнетъ обузданія остается для него почти нечувствительнымъ. Но едва ли въ цѣломъ мірѣ найдется такое неосмысленное существованіе, которое можно было бы навсегда удержать на исключительно прозябательной колеѣ. У самаго простѣйшаго изъ простецовъ найдется въ жизни такая минута, которая разомъ выведетъ его изъ инерціи, разобьетъ въ прахъ его безсознательное благополучіе и заставитъ безнадежно метаться на прокустовомъ ложѣ обузданія. Вспомните, сколько въ этомъ бѣдномъ существованіи больныхъ мѣстъ, которыя такъ и напрашиваются на уязвленіе! Вспомните, что оно обставлено цѣлою свитой азбучныхъ афоризмовъ, изъ которыхъ ни одинъ не защищаетъ, а, напротивъ того, представляетъ легко отворяющуюся дверь для всевозможныхъ наѣздовъ! А между тѣмъ, простецъ *сжился* съ этими афоризмами, онъ чувствуетъ себя сросшимся съ ними, онъ по нимъ устроилъ всю свою жизнь! И вдругъ, является что-то нежданное, непредвидѣнное, вслѣдствіе чего онъ чувствуетъ, что съ него, не имѣющаго никакого понятія о самозащитѣ, живьемъ сдираютъ наносную кожу, которую онъ искони считалъ своею собственною! Какъ поступитъ онъ въ такомъ случаѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, случись что-нибудь подобное съ теоретикомъ-дѣльцомъ, онъ скажетъ себѣ: наплевать, и пойдетъ туда, куда укажетъ ему его личная выгода. Случись то же самое съ теоретикомъ-фанатикомъ, онъ скажетъ себѣ: это дьявольское навожденіе — и постарается отбиться отъ него съ помощью пытки, костровъ и т. д. Но простецъ въ подобныхъ случаяхъ видитъ себя, какъ въ лѣсу. Онъ не можетъ сказать себѣ: устрою свою жизнь по новому, потому что онъ весь опутанъ афоризмами, и нѣтъ для него другого выхода, кромѣ изнурительнаго

маяченія отъ одного афоризма къ другому. Онъ никогда ничего не ждалъ, ни къ чему не готовился. Онъ самый процессъ собственнаго существованія выносилъ только потому, что не понималъ ни причинъ, ни послѣдствій своихъ и чужихъ поступковъ. И вдругъ для него наступаетъ моментъ какой-то загадочной ликвидаціи, въ которой онъ ровно ничего не понимаетъ. Жена сбѣжала съ юнкеромъ, сосѣдъ завладѣлъ полемъ, другъ оказался предателемъ. Что̀ случилось? въ смущеніи спрашиваетъ онъ себя: — не обрушился ли міръ? не прекратила ли дѣйствіе завѣщанная преданіемъ общественная мудрость? Но и міръ, и общественная мудрость стоятъ неприкосновенные и ни мало не тронутые тѣмъ, что въ ихъ глазахъ гибнетъ простецъ, котораго бросила жена, которому измѣнилъ другъ, у котораго сосѣдъ отнялъ поле. Ничто не измѣнилось кругомъ, ничто не прекратило обычнаго ликованія, и только онъ, злосчастный простецъ, тщетно вопіетъ къ небу по дѣлу о побѣгѣ его жены съ юнкеромъ, съ тѣмъ самымъ юнкеромъ, который при немъ столько разъ и съ такимъ искреннимъ чувствомъ говорилъ о святости семейныхъ узъ!

Понятно, ка̀къ долженъ онъ быть изумленъ. Въ томъ общемъ равнодушіи, которое встрѣчаетъ его горе, онъ видитъ какой-то странный внутренній разладъ, какую-то двойную, саму себя побивающую мораль. Мало того: самые поступки его жены, сосѣда, друга кажутся ему загадочными. Эти люди совсѣмъ не отрицатели и протестанты; напротивъ того, они сами не разъ утверждали его въ правилахъ общежитія, сами являлись пламенными защитниками тѣхъ афоризмовъ, которыми онъ, съ ихъ же словъ, окружилъ себя. Что̀ побудило ихъ уклониться отъ прямой дороги, не стѣсняясь даже тѣмъ, что это уклоненіе разбиваетъ чье-то существованіе? Нѣтъ

ли въ ихъ поступкѣ двойной морали, притворства, порочнаго дѣйствія, за которыя ихъ должны были бы преслѣдовать угрызенія совѣсти?

Увы! тутъ вовсе нѣтъ никакой двойной морали, а что касается до угрызеній совѣсти, то самая надежда на нихъ оказывается пустымъ ребячествомъ. Тутъ была простая мораль «пуръ лè жансъ», которую ни одинъ дѣлецъ обузданія никогда не считаетъ для себя обязательною и въ которой всегда имѣется достаточно широкая дверь, чтобы выйти изъ области азбучныхъ афоризмовъ самому и вывести изъ нея своихъ присныхъ. Если простецъ не видитъ этой двери, тѣмъ хуже для него, но для дѣльца-теоретика эта слѣпота представляетъ даже выгоду, ибо устраняетъ толкотню. Онъ свободно дѣлаетъ черезъ эту дверь свои экскурсіи и свободно же возвращается черезъ нее въ область афоризмовъ, когда это нужно для подкрѣпленія морали «пуръ лè жансъ». Какъ истинно развитой человѣкъ, онъ гуляетъ и тутъ, и тамъ, никогда не налагая на себя никакихъ узъ, но, въ то же время, отнюдь не воспрещая, чтобы другіе считали для себя наложеніе узъ полезнымъ. Напротивъ того, онъ охотно даже поддерживаетъ вкусъ къ узамъ, ибо вкусъ этотъ развязываетъ ему руки, расчищаетъ передъ нимъ больше мѣста...

Но какъ ни просто такое объясненіе обстоятельства, смутившаго жизнь бѣднаго простеца, для него оно, все-таки, представляетъ тарабарскую грамоту. Онъ не понимаетъ, что причину поразившей его смуты составляетъ особенная, неимѣющая ничего общаго съ жизнью теорія, которую сочинители ея, ни мало не скрываясь, называютъ моралью «пуръ лè жансъ» и которую онъ, простецъ, принялъ за нѣчто вполнѣ серьёзное. Видя, что исконные регуляторы его жизни поломаны, онъ не за-

дается мыслью: что̀ жь это за регуляторы, которые ломаются при первомъ прикосновеніи къ нимъ? не они ли именно и измяли и скомкали всю его жизнь?—но прямо и искренно чувствуетъ себя несчастливымъ. Несчастіе вызываетъ въ немъ протестъ, но протестъ на столько же смутный, на сколько смутенъ и источникъ, породившій его. Отъ изумленія, онъ переходитъ къ унынію и отчаянію. Онъ мечется, какъ въ предсмертной агоніи; онъ предпринимаетъ тысячу дѣйствій, одно нелѣпѣе и безсильнѣе другого, и попеременно клянется то отомстить своимъ обидчикамъ, то самому себѣ разбить голову...

Вотъ вѣроятный практическій результатъ, къ которому, въ концѣ-концовъ, долженъ придти самый выносливый изъ простецовъ при первомъ жизненномъ уколѣ. Ясно, что безсознательность, которая дотолѣ примиряла его съ жизнью, уже не даетъ ему въ настоящемъ случаѣ никакихъ разрѣшеній, а только вноситъ элементъ раздраженія въ непроницаемый хаосъ понятій, составляющій основу всего его существованія. Она не примиряетъ, а приводитъ къ отчаянію.

Ужели зрѣлища этого безсильнаго отчаянія недостаточно, чтобъ всмотрѣться нѣсколько пристальнѣе въ эту спутанную жизнь? чтобъ спросить себя: что̀ же, наконецъ, скомкало и спутало ее? что̀ сдѣлало этого человѣка такъ глубоко неспособнымъ къ какому-либо противодѣйствію? что̀ поставило его въ тупикъ передъ самымъ простымъ явленіемъ, потому только, что это простое явленіе вышло изъ размѣровъ рутинной колеи?

Допустимъ, однакожь, что жизнь какого-нибудь простеца не на столько интересна, чтобъ вникать въ нее и сожалѣть о ней. Вѣдь, простецъ — это незамѣтная тля, которую высшій организмъ ежемгновенно давитъ ногой,

даже не сознавая, что онъ что-нибудь давитъ! Пусть такъ! Пусть гибнетъ простецъ жертвою недоумѣній! Пусть осуществляется на немъ великій законъ борьбы за существованіе, въ силу котораго крѣпкій пріобрѣтаетъ еще бо́льшую крѣпость, а слабый безъ разговоровъ отметается за предѣлы жизни!

Но не забудьте, что имя простеца — легіонъ и что никакой законъ, какъ бы онъ ни былъ безповоротенъ въ своей послѣдовательности, не въ силахъ окончательно стереть этого легіона съ лица земли. Простецъ нарождается безпрерывно, какъ та тля, которой онъ служитъ представителемъ въ человѣческомъ обществѣ и которую не передавить и не истребить цѣлому сонмищу хищниковъ. Не простецовъ, не тли, а «крѣпкихъ» мало, да притомъ же, на современномъ общественномъ языкѣ, по какому-то горькому извращенію понятій, «крѣпкимъ» называется совсѣмъ не тотъ, кто дѣйствительно борется за существованіе, а тотъ, кто, подобно кукушкѣ, кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда. Ужели же, хотя въ виду того, что простецъ съѣдобенъ, что онъ представляетъ собою лучшую anima vilis, на которой можетъ осуществляться законъ борьбы за существованіе—ужели въ виду хоть этихъ удобствъ найдется себялюбецъ изъ «крѣпкихъ», на столько ограниченный, чтобы желать истребленія «простеца», или его обезсиленія?

Надо сказать правду: нельзя указать ни одной книжки въ литературѣ «крѣпкихъ», гдѣ бы фантазіи подобнаго рода нашли для себя сознательное выраженіе. Напротивъ того, всѣ книжки свидѣтельствуютъ единогласно, что простецъ имѣетъ столь же неотъемлемое право на существованіе, какъ и «крѣпкій», исключая, разумѣется, тѣхъ случаевъ, когда законъ борьбы, независимо отъ указаній филантропіи, безжалостно посѣкаетъ перваго и щадитъ

второго. Но, къ сожалѣнію, эта похвальная осмотрительность въ значительной степени подрывается тѣмъ обстоятельствомъ, что общее міросозерцаніе «крѣпкихъ» столь же мало отличается цѣльностью, какъ и міросозерцаніе «простецовъ». Говоря по совѣсти, оно нетолько лишено какой бы то ни было согласованности, но все сплошь какъ бы склеено изъ кусочковъ и изолированныхъ теорій, изъ которыхъ каждая питаетъ саму себя, организуя такимъ образомъ какъ бы непрекращающееся вавилонское столпотвореніе.

Отъ этого происходитъ, что едва, напримѣръ, соціалистическая или позитивная теорія успѣютъ найти мѣсто для простеца, какъ теорія теологическая или экономическая уже спѣшатъ отнять у него это мѣсто, и указываютъ на другое. И, такимъ образомъ, за спорами, простецъ остается непристроеннымъ. А тутъ, какъ бы на помощь смутѣ, является еще практика «крѣпкихъ», которая уже окончательно смѣщиваетъ шашки и истребляетъ даже послѣднія крохи теоретической стыдливости. Теорія говоритъ свое: нужно пристроить простеца, нужно освободить его отъ колебаній, которыя тяготѣютъ надъ его жизнью! — а практика *дѣлаетъ* свое, то-есть, служитъ самымъ обнаженнымъ выраженіемъ людской ограниченности, не видящей впереди ничего, кромѣ непосредственныхъ результатовъ, пріобрѣтаемыхъ самолюбивою хищностью...

А между тѣмъ, никто такъ не нуждается въ свободѣ отъ призраковъ, какъ простецъ, и ничье освобожденіе не можетъ такъ благотворно отозваться на цѣломъ обществѣ, какъ освобожденіе простеца.

Подумайте! Покуда «крѣпкій», благодушествуя, придумываетъ теоріи союзовъ — простецъ несетъ на себѣ все *бремя* дѣйствительнаго производительнаго труда. Покуда

«крѣпкій» кладетъ свои яйца въ чужое гнѣздо (увы! въ гнѣздо того же простеца!)—простецъ обязывается устроить это гнѣздо, сдѣлать его удобнымъ для высиживанья чужихъ яицъ. Но какая же можетъ пойти на умъ работа, если этотъ умъ подавленъ призраками, если онъ вращается въ какой-то нескончаемой пустотѣ, изъ которой нѣтъ другого выхода, кромѣ отчаянія? Подумайте, сколько тутъ теряется нравственныхъ силъ? а если нравственныя силы ни почемъ на современномъ базарѣ житейской суеты, то переложите ихъ на гроши и сообразите, какъ великъ окажется недочетъ послѣднихъ, вслѣдстіе одного того только, что простецъ, пораженный уныніемъ, не видитъ ясной цѣли ни для труда, ни даже для самаго существованія?

О, теоретики пѣнкоснимательства! о, вы, которые съ пытливостью, заслуживающей лучшей участи, допытываетесь, сколько грошей могло бы быть сбережено, еслибъ суммы, отпускаемыя на околку льда на волжскихъ пристаняхъ были расходуемы болѣе осмотрительнымъ образомъ! Подумайте, не цѣлесообразнѣе ли поступили бы вы, обративъ вашу всепожирающую пѣнкоснимательную дѣятельность на изслѣдованіе тѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ ущербовъ, которые несетъ человѣческое общество, благодаря господствующимъ надъ нимъ призракамъ!

ВЪ ДОРОГѢ.

Я ѣхалъ недовольный, измученный, разстроенный. Въ М***, гдѣ были у меня дѣла по имѣнію, ничто мнѣ не удалось Дѣла оказались запущенными; мои требованія встрѣчали или прямой отпоръ, или такую уклончивость, которая не предвѣщала ничего добраго. Предвидѣлось судебное разбирательство, разъѣзды, расходы. Обладаніе правомъ представлялось чѣмъ-то сомнительнымъ, почти тягостнымъ.

— Очень ужь вы, сударь, просты! утѣшали меня мои м—скіе пріятели. Но и это утѣшеніе дѣйствовало плохо. Въ первый разъ въ жизни мнѣ показалось, что едва ли было бы не лучше, еслибъ про меня говорили: вотъ молодецъ! налетѣлъ, ухватилъ за горло — и дѣлу конецъ!

Дорога отъ М. до Р. идетъ семьдесятъ верстъ проселкомъ. Дорога тряска и мучительна; лошади сморены, еле живы; тарантасъ сколоченъ на живую нитку; на половинѣ дороги надо часа три кормить. Но на этотъ разъ дорога была для меня поучительна. Сколько разъ проѣзжалъ я по ней и никогда ничто не поражало меня: дорога, какъ дорога, и лѣсомъ идетъ, и перелѣсками, и

полями, и болотами. Но вотъ лѣтъ десять, какъ я не былъ на родинѣ, не былъ съ тѣхъ поръ, какъ помѣщики взяли въ руки гитары и запѣли:

На рѣкахъ вавилонскихъ — тамо сѣдохомъ и плакахомъ...

и до какой степени все измѣнилось кругомъ!

Съ тѣхъ поръ и народъ «сталъ слабъ», и всѣ мы оказались «просты... ахъ, какъ мы просты!», и «нѣмецъ насъ одолѣлъ!» Да̀, нѣмецъ. «Долитъ нѣмецъ, да и шабашъ!», вопіютъ въ одинъ голосъ всѣ кабатчики, всѣ лабазники, всѣ содержатели постоялыхъ дворовъ. И вамъ ничего не остается дѣлать, какъ согласиться съ этимъ воплемъ, потому что вы видите собственными глазами и чуете сердцемъ, какъ всюду, и на землѣ и подъ землею, и на водѣ и подъ водою — всюду ползетъ нѣмецъ. Въ этихъ коренныхъ русскихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда попирали ногами землю русскіе угодники и благочестивые русскіе цари и царицы — въ настоящую минуту почти всевластно господствуетъ нѣмецъ. Онъ снимаетъ рощи, корчуетъ пни, разводитъ плантаціи, овладѣваетъ всѣми промыслами, отъ которыхъ, при менѣе черной сравнительно работѣ, можно ожидать болѣе прибылей, и даже угрожаетъ забрать въ свои руки исконный здѣшній промыселъ «откармливанія пѣуновъ». И чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Троицкому Посаду и къ Москвѣ, этому средоточію русской святыни, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что нѣмецъ совсѣмъ не перелетная птица въ этихъ мѣстахъ, что онъ не на шутку задумалъ здѣсь утвердиться, что онъ устроивается прочно и надолго и вѣрною рукой раскидываетъ мрежи, въ которыхъ суждено барахтаться всевозможнымъ Трифонычамъ, Сидорычамъ и прочей неуклюжей бѣлужинѣ и сомовинѣ, заспавшейся, опухшей, спившейся съ круга.

— Чей это домикъ? спрашиваю я, указывая на стоящій въ сторонѣ новенькій съ иголочки домикъ, кругомъ котораго уже затѣянъ молодой садъ.

— Это Крестьянъ Иваныча! отвѣчаетъ ямщикъ:—онъ тутъ рощу у помѣщика купилъ. Вонъ онъ, лѣсъ-то! Ишь сколько повалилъ! Словно городъ, костровъ-то наставилъ!

Я смотрю по указываемому направленію и вижу, что вдали дѣйствительно раскинулось словно большое село. Это сложенныя стопы бревенъ, тесу, досокъ, сажени всякаго рода дровъ: швырковыхъ, угольныхъ, хворосту и т. д.

— Кто же этотъ Крестьянъ Иванычъ?

— Нѣмецъ. Онъ ужь лѣтъ пять здѣсь орудуетъ. Тощой пришелъ, а теперь, смотри, какую усадьбу взбодрилъ!

— Хорошій человѣкъ?

— Душа-человѣкъ. Какъ есть русскій. И не скажешь, что нѣмецъ. И вино пьетъ, и сморкается по нашему; въ церковь только не ходитъ. А на работѣ — дошлый-предошлый! все самъ! И хозяйка у него—все сама!

— А дорого за рощу далъ?

— Пустое дѣло. Почесть, что за даромъ купилъ. Иванъ Матвѣичъ, помѣщикъ тутъ былъ, господинъ Сибиряковъ прозывался. Крестьянъ-то онъ въ казну отдалъ. Остался у него лѣсокъ — самъ онъ въ него не заглядывалъ, а лѣсокъ ничего, хоть на какую угодно стройку гожь! — да болотце десятинъ съ сорокъ. Ну, онъ и говоритъ, Матвѣй-то Иванычъ: гдѣ мнѣ, говоритъ, съ этимъ дерьмомъ возжаться! Взялъ да и продалъ Крестьянъ Иванычу за безцѣнокъ. Владай!

— Отчего же свои крестьяне не купили, коли дешево?

— А крестьяне покудова проклажались, покудова что... Да и засилья настоящаго у мужиковъ нѣтъ: все въ разсрочку да въ годы — жди тутъ! А Крестьянъ Иванычъ—

настоящій человѣкъ! вѣроятный! Онъ тебѣ вынулъ бумажникъ, отсчиталъ денежки — поѣзжай хоть на всѣ на четыре стороны! Хошь—въ Москвѣ, хошь—въ Питерѣ, хошь—на теплыхъ водахъ живи! Болотце-то вотъ, которое просто въ придачу, задаромъ пошло, Крестьянъ Иванычъ нынче высушилъ да засѣялъ—такая ли трава разчудесная пошла, что теперича этому болотцу и цѣны по нашему мѣсту нѣтъ!

— Однако, этотъ Крестьянъ Иванычъ, если въ засилье взойдетъ, онъ у васъ скоро съ лѣсами-то порѣшитъ!

— Это ты на счетъ того, что̀ ли, что лѣсовъ-то не будетъ? Нѣтъ, за имъ безъ опаски на счетъ этого жить можно. Потому, онъ умной. Нашъ русскій — купецъ или помѣщикъ — это такъ. Этому дай въ руки топоръ, онъ все безо времени сдѣлаетъ. Или съ весны рощу валить станетъ, или скотину по вырубкѣ пуститъ, или подъ покосъ отдавать зачнетъ — ну, и останутся на томъ мѣстѣ одни пеньки. А Крестьянъ Иванычъ—тотъ съ умомъ. У него, смотри, какой лѣсъ на этомъ самомъ мѣстѣ лѣтъ черезъ сорокъ выростетъ!

Ѣдемъ еще верстъ пять-шесть; проѣзжаемъ мимо усадьбы. Большой каменный двухъ-этажный домъ, съ башнями по бокамъ и вышкой по серединѣ; штукатурка мѣстами обвалилась; направо и налѣво каменные флигеля, службы, скотные и конные дворы, оранжереи, теплицы; во всѣ стороны тянутся проспекты, засаженные столѣтними березами и липами; сзади—темный, густой садъ; сквозь листву деревъ и кустовъ мѣстами мелькаетъ стальной блескъ прудовъ. И домъ, и садъ, и проспекты, и пруды—все запущено, все заглохло; на всемъ печать забвенія и сиротливости.

— Чья усадьба?

— Величкина Павла Павлыча была, а ныньче Өедоръ Карлычъ купилъ.

— Какой Өедоръ Карлычъ?

— Нѣмецъ. Сибирянъ (Зильберманъ) прозывается. Хорошій баринъ. Умный.

— Отчего же у него такъ запущено? удивляетесь вы, уже безотчетно подчиняясь какому-то странному внушенію, вслѣдствіе котораго выраженія: «нѣмецъ» и «запущенность» вамъ самимъ начинаютъ казаться несовмѣстимыми, тогда какъ та же запущенность показалась бы совершенно естественною, еслибъ рядомъ съ нею стояло имя Павла Павловича господина Величкина.

— Только по веснѣ купилъ. Онъ верхній-то этажъ снести хочетъ. Ранжереи тоже нарушилъ. Нѐкому, говоритъ, здѣсь этого добра ѣсть. А въ ранжереяхъ-то кирпича одного тысячъ на десять будетъ.

— А много денегъ отдалъ?

— Сибирянъ-то? Задаромъ взялъ. Десятинъ съ тысячу мѣста здѣсь будетъ, только все лоскутками: въ одномъ мѣстѣ клочокъ, въ другомъ клочокъ. Ну, Павелъ Павлычъ и видитъ, что возжаться тутъ нѐ изъ чего. Взялъ да на кругъ по двадцать рублей десятину и продалъ. Анъ одна усадьба кирпичемъ того стòитъ. Лѣску тоже не мало, покосы!

— Да чтò же, наконецъ, за крайность была отдавать за безцѣнокъ?

— А та и крайность, что ничего не подѣлаешь. Павелъ-то Павлычъ, покудова у него крѣпостные были, тоже съ умомъ былъ, а какъ отошли, значитъ, крестьяне въ казну — онъ и узналъ себя. Остались у него отъ надѣла клочечки — самъ оставилъ: все получше, съ лѣскомъ, мѣстечки себѣ выбиралъ — ну, и не соберетъ ихъ. Помаялся, помаялся — и бросилъ. А Сибирянъ эти *клочечки* всѣ къ мѣсту пристроитъ.

Еще десять верстъ — впереди рѣчка. На рѣчкѣ плотина, слышенъ шумъ падающей воды, двигающихся колесъ; на берегу, въ лощинкѣ ютится красивая, вновь выстроенная мельница.

— Чья мельница?

— Была мельница, теперь фабричка. Адамъ Абрамычъ купилъ. Увидалъ, что по здѣшнему мѣсту молоть нѣчего, и поворотилъ на фабричку. Бумагу дѣлаетъ.

Я уже не спрашиваю, кто этотъ Адамъ Абрамовичъ и за сколько онъ пріобрѣлъ мельницу. Я знаю. Но мною всецѣло овладѣваетъ вопросъ: и это земля, которую нѣкогда прославили чудеса русскихъ угодниковъ! Земля, которую нѣкогда попирали стопы благочестивыхъ царей и благовѣрныхъ царицъ русскихъ, притекавшихъ сюда, подъ тихую сѣнь святыхъ обителей, отдохнуть отъ царственныхъ заботъ и трудовъ и излить воздыханія сокрушенныхъ сердецъ своихъ! Это ужасно! Вѣдь, онъ, наконецъ, жидъ, этотъ Адамъ Абрамовичъ! Непремѣнно онъ жидъ! Жидъ—и гдѣ? въ какомъ мѣстѣ?!

А вотъ кстати, въ сторонѣ отъ дороги, за сосновымъ боромъ, значительно, впрочемъ, порѣдѣвшимъ, блеснули и золоченныя главы одной изъ тихихъ обителей. Вдали, изъ за-лѣса, выдвинулось на просторъ темное плёсо монастырскаго озера. Я зналъ и этотъ монастырь, и это прекрасное, глубокое рыбное озеро! Какіе водились въ немъ лещи! и какъ я объѣдался ими въ годы моей юности! Вяленые, сушеные, копченые, жареные въ сметанѣ, вареные и обсыпанные яйцами — во всѣхъ видахъ они были превосходны!

— Озеро-то у монастыря нынче Иванъ Карлычъ снялъ! оборачивается ко мнѣ ямщикъ.

— Что̀ ты!

— Истинно. Прежде все русскимъ сдавали, да слышь

безо времени рыбу стали ловить — ну, и выловили все. Прежде какіе лещи водились, а ныньче только щурята да голавль. Ну, и отдали Иванъ Карлычу.

Еще ударъ чувствительному сердцу! Еще язва для оскорбленнаго національнаго самолюбія! Иванъ Парамоновъ! Сидоръ Терентьевъ! Антипъ Егоровъ! Столпы, на которыхъ утверждалось благополучіе отечества! Вы, въ три дня созидавшіе, и въ три минуты разрушавшіе созданное! Гдѣ вы? Гдѣ мрежи, которыми вы уловляли вселенную? Ужели и онѣ лежатъ заложенныя въ кабакѣ, и ждутъ покупателя въ лицѣ Ивана Карлыча? Ужели и ваши таланты, и ваша «удача», и ваше «небось»—все, все погибло въ волнахъ очищенной?

— Ныньче русскіе только кабаками занимаются, какъ бы отвѣчаетъ ямщикъ на мою тайную мысль:—а прочее все къ нѣмцамъ отошло.

— Но, вѣдь, не всѣ же кабаками занимаются! Прочіе-то чѣмъ же нибудь да живутъ?

— А прочіе—кто невинно падшимъ объявился, а кто въ прикащики къ нѣмцу нанялся. Ничего—нѣмцы нашими не гнушаются покудова. Прохора-то Петрова, чай, знаете?

— Это Голубчикова-то?

— Ну, вотъ, его самаго. Теперь онъ у Адама Абрамыча первый человѣкъ состоитъ. И у него своя фабричка была подлѣ Адамъ Абрамычевой; и тоже пофордыбачилъ онъ по началу, какъ Адамъ-то Абрамычъ здѣсь поселился. Я-ста да мы-ста, да куда-ста кургузому противъ насъ устоять! Анъ черезъ годъ вылетѣлъ. Однако, Адамъ Абрамычъ простилъ. Ныньче Прохоръ-то Петровъ у него всѣмъ дѣломъ заправляетъ — оба другъ дружкой не нахвалятся.

Мы ѣдемъ съ версту молча. Наконецъ, ямщикъ снова *оборачивается* ко мнѣ.

— Я вотъ что̀ думаю, говоритъ онъ: — теперича я ямщикъ, а задумай нѣмецъ свою тройку завести—ни въ жизнь мнѣ противъ его не устоять. Потому, сбруйка у него аккуратненькая, животы не мученные, тарантасецъ покойный—ѣдетъ да посвистываетъ. Ни онъ лошадь не задергаетъ, ни онъ лишній разъ кнутомъ ее не хлеснетъ — право ну! Намеднись я съ Крестьянъ Иванычемъ въ Высоково на базаръ ѣздилъ, такъ онъ мнѣ: ка̀къ это вы, русскіе, лошадей своихъ такъ калечите? говоритъ:— неужтожь, говоритъ, ты не понимаешь, что лошадь твоя тебѣ хлѣбъ даетъ? Ну, а намъ какъ этого не понимать? Понимаемъ!

— Ну, и что̀ жь?

— Извѣстно, понимаемъ. Я вотъ тоже Крестьяну-то Иванычу и говорю: а тебя, Крестьянъ Иванычъ, по зубамъ-то, вѣрно, не чищивали? — Нѣтъ говоритъ, не чищивали.—Ну, а насъ, говорю, чистили. Только и всего. Эй вы! колѣлыя!

Мы съ версту мчимся во весь духъ. Ямщикъ то и дѣло оглядывается назадъ, очевидно, съ желаніемъ уловить впечатлѣніе, которое произведетъ на меня эта безумная скачка. Наконецъ, лошади мало-по-малу начинаютъ сами убавлять шагу, и кончаютъ обыкновенно лѣнивою рысью.

— Ужь такъ ныньче народъ слабъ сталъ! такъ слабъ! произноситъ, наконецъ, ямщикъ, какъ бы вдругъ открывая предо мной свою завѣтную мысль.

— А что̀?

— Это чтобы обмануть, обвѣсить, утащить — на все первый сортъ. И не то, чтобъ себѣ на пользу — все въ кабакъ! У насъ въ М. девятнадцать кабаковъ числится— какіе тутъ прибытки на умъ пойдутъ! Онъ тебя утромъ на базарѣ обманулъ, анъ къ полудню, смотришь, его самого кабатчикъ до нитки обобралъ, а тамъ, по исте-

ченіи времени, гляди, и у кабатчика либо выручку украли, либо безмѣномъ по темю—и духъ вонъ. Такъ оно колесомъ и идетъ. И за дѣло! потому, дураковъ учить надо. Только вотъ что̀ диво: куда деньги дѣваютъ, ни у кого ихъ нѣтъ!

— А нѣмцы на что̀?

— И то правда. Денежка свое мѣсто знаетъ. Ползкомъ-ползкомъ, а доползетъ-таки до хозяина!

Опять восклицаніе: «эй вы, колѣлыя!» и опять скачка.

— А вонъ и Пчельники! вонъ на горѣ-то!

Въ Пчельникахъ кормежка.

Восклицаніе: «ужь такъ нынче народъ слабъ сталъ!»— составляетъ въ настоящее время модный припѣвъ градовъ и весей россійскихъ. Вездѣ, гдѣ бы вы ни были— вы можете быть увѣрены, что услышите эту фразу черезъ девять словъ на десятое. Вельможа въ раззолоченныхъ палатахъ, кабатчикъ за стойкой, земледѣлецъ за сохою — всѣ въ одно слово вопіютъ: слабъ сталъ народъ! То же самое услышали мы и на постояломъ дворѣ.

Жена содержателя двора, почтенная и дѣятельнѣйшая женщина, была въ избѣ одна, когда мы пріѣхали; прочіе члены семейства разошлись: кто на жнитво, кто на сѣнокосъ. Изба была чистая, свѣтлая, и въ ней глядѣло запасливо, полною чашей. Меня накормили отличнымъ ситнымъ хлѣбомъ и совершенно свѣжими яйцами. За чаемъ, зашелъ разговоръ о хозяйствѣ вообще и въ частности объ огородничествѣ, которое въ здѣшнемъ мѣстѣ считается главнымъ и почти общимъ крестьянскимъ промысломъ.

— Нѣтъ нынче прежней обо̀щи! говорила хозяйка, *вынимая изъ* печи лопатой небольшіе румяные хлѣбцы:—

горохи — и тѣ противъ прежняго на половину родиться стали!

— Отчего же? земля, что̀ ли, отощала?

— Нѣтъ, и не земля, а народъ сталъ слабъ. Ахъ, какъ слабъ ныньче народъ!

Черезъ часъ пришелъ съ покоса хозяинъ, а за нимъ собрались и остальные члены семейства. Началось безконечное чаепитіе, подъ конецъ котораго изъ чайника лилась одна чуть-чуть желтоватая вода.

— Я прежде паръ триста пѣуновъ въ Питеръ отправлялъ, говорилъ хозяинъ: — а прошлой зимой и ста паръ не выходилъ!

— Невыгодно, что̀ ли?

— Нѣтъ, выгода должна быть, только птицы совсѣмъ нонѣ не стало. А ежели и есть птица, такъ не кормна, проѣстлива. Какъ ты ее со двора-то у мужичка кости да кожа возьмешь — начника-ка ее кормить, она самое себя съѣстъ!

— Отчего жь это?

— Да оттого, что народъ сталъ слабъ. Слабъ ныньче народъ, ни на̀ что не похоже!

Хозяева отобѣдали и ушли опять на работы. Пришелъ пастухъ, который, въ деревняхъ, обыкновенно кормится по ряду то въ одной крестьянской избѣ, то въ другой. Ямщикъ мой призналъ въ пастухѣ знакомаго, который нѣсколько лѣтъ сряду пасъ стадо въ М.

— Ты что̀ же отъ насъ ушелъ, Мартынъ?

— У васъ въ М. дверей у кабаковъ больно много.

— А ты бы не во всякую попадалъ!

— Да, убережешься у васъ! развѣ я одинъ! Ныньче и весь народъ вообще слабъ сталъ.

— Ужь такъ слабъ! такъ слабъ! вторили пастухъ, ямщикъ и хозяйка.

Частое повтореніе этой фразы подѣйствовало на меня раздражительно. Ужели же, думалось мнѣ, достаточно поставить передъ глазами русскаго человѣка штофъ водки, достаточно отворить дверь кабака, чтобъ онъ тотчасъ же растерялся, позабылъ и о горохѣ, и о пѣунахъ, и даже о священной обязанности бодро и неуклонно пасти ввѣренное ему стадо коровъ! Нѣтъ, тутъ что̀нибудь да не такъ. Это выдумали клеветники русскаго народа, или, по малой мѣрѣ, противники нынѣ дѣйствующей акцизной системы. Допустимъ, что водка имѣетъ притягивающую силу, но, вѣдь, не сама же по себѣ, а развѣ въ качествѣ отуманивающаго, одуряющаго средства. Нѐкуда дѣваться, нѐ объ чемъ думать, нѐчего жалѣть, нѐ для чего жить — въ такомъ положеніи, водка, конечно, есть единственное средство избавиться отъ тоски и гнетущаго однообразія жизни. Зачѣмъ откармливать пѣуновъ? зачѣмъ ростить горохи? Вотъ хозяинъ постоялаго двора, который скупаетъ пѣуновъ и горохи, тотъ, конечно, можетъ дать ясный отвѣтъ на эти вопросы, потому что пѣуны и горохи даютъ ему извѣстный барышъ. Но, вѣдь, онъ и не «слабъ». А мужикъ, то-есть, первый производитель товара — онъ ничего передъ собой не видитъ, никакой политико-экономической игры въ спросъ и предложеніе не понимаетъ, барышей не получаетъ, и потому можетъ сказать только «наплевать» — и ничего больше. Чтобы предаться откармливанію пѣуновъ абсолютно, трансцендентально и безкорыстно, надо, по малой мѣрѣ, хоть азбуку политической экономіи знать; но этого-то знанія именно у насъ и нѣтъ. Отъ того, пѣуны выходятъ некормные, а горохи плохіе. Прежде, когда русская политическая экономія была въ завѣдываніи помѣщиковъ, какихъ индѣекъ выкармливали — подумать страшно! Теперь, когда политическая экономія пе-

решла въ руки мужиковъ, самое названіе индѣйки грозитъ сдѣлаться достояніемъ исторіи. «Индѣйка», объявляетъ мужикъ прямо, «птица проѣстливая, дворянская, мужику кормить ее не изъ чего». Но ради самого Бога! Кто же будетъ откармливать индѣекъ?

Нѣтъ, хозяинъ постоялаго двора былъ неправъ, объясняя некормность нынѣшнихъ пѣуновъ такъ-называемою «слабостью» русскаго народа. И прежде крестьянская птица была тоща и хила, и ныньче она тоща и хила; разведеніемъ же настоящей, сильной и здоровой птицы занимался исключительно помѣщикъ, у котораго были и надлежащія приспособленія, чтобъ сдѣлать индѣйку жирною, пухлою, бѣлою. «Уѣхалъ на теплыя воды» помѣщикъ—исчезла и птица; но погодите, имѣйте терпѣніе—птица будетъ! Придетъ Крестьянъ Иванычъ — и такихъ представитъ индѣекъ, что самъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька — и тотъ залюбуется ими!

То же самое должно сказать и о горохахъ. И прежніе мужицкіе горохи были плохіе, и нынѣшніе мужицкіе горохи плохіе. Идеалъ гороха представлялъ собою крупный и полный помѣщичій горохъ, котораго ныньче нѣтъ, потому что помѣщикъ уѣхалъ на теплыя воды. Но идеалъ этотъ живъ еще въ народной памяти, и вотъ, подъ обаяніемъ его, скупщикъ восклицаетъ: нѣтъ ныньче гороховъ! слабъ сталъ народъ! Но погодите! имѣйте терпѣніе! Придетъ Карлъ Иванычъ и такихъ гороховъ представитъ, какихъ и во снѣ не снилось помѣщикамъ!

Остается, стало быть, единственное доказательство «слабости» народа—это недостатокъ неуклонности и непреоборимой вѣрности въ пастьбѣ сельскихъ стадъ. Признаюсь, это доказательство мнѣ самому, на первый взглядъ, показалось довольно вѣскимъ, но, по нѣкоторомъ размышленіи, я и его не то, чтобы опровергнулъ,

но нашелъ возможнымъ обойти. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за какого-нибудь десятка тысячъ пастуховъ обвинить весь русскій народъ чуть не въ безуміи! Ну, запилъ пастухъ — ну, и смѣните его, ежели не можете простить!

Но вотъ и опять дорога. И опять по обѣимъ сторонамъ мелькаютъ все нѣмцы, все нѣмцы. Чуть только клочокъ поуютнѣе, непремѣнно тамъ нѣмецъ копошится, рубитъ, колетъ, пилитъ, корчуетъ пни. И все это только еще піонеры, развѣдчики, за которыми уже виднѣется цѣлая армія.

— А позволь, твое благородіе, сказать, что̀ я еще думаю! вновь заводитъ рѣчь ямщикъ:—я думаю, что мы противъ этихъ нѣмцевъ очень ужь просты—оттого и задачи намъ нѣтъ.

— То-есть, что̀ же ты хочешь этимъ сказать?

— Нѣмецъ — онъ умный. Онъ изъ пятиалтыннаго норовитъ цѣлковыхъ надѣлать. Ну, и знаетъ тоже. Землю-то онъ сперва пальцемъ поковыряетъ, да на языкѣ попробуетъ, каковъ у ней скусъ. А мы до этого не дошли... Просты.

Часъ отъ часу не легче. То слабы, то-есть, пьяны, то просты, то-есть... Мы просты! Мы, у которыхъ сложилась даже пословица «простота хуже воровства». Не вѣрю!

И я невольно припомнилъ, какъ м—скіе пріятели говорили мнѣ:

— Ужь очень вы, сударь, просты! ахъ, какъ вы просты!

И не одно это припомнилъ, но и то, ка̀къ я краснѣлъ, выслушивая эти восклицанія. Не потому краснѣлъ, чтобъ я сознавалъ себя дуракомъ, или чтобъ считалъ себя въ правѣ поступать иначе, нежели поступалъ, а потому, что эти восклицанія напоминали мнѣ, что я *могъ*

поступать иначе, то-есть, съ выгодою для себя и въ ущербъ другимъ, и что самый фактъ непользованія этою возможностью у насъ считается уже глупостью.

Стыдно сказать, но дѣлается какъ-то обидно и больно, когда разомъ цѣлый кагалъ смотритъ на васъ, какъ на дурака. Не самое названіе смущаетъ, а то указываніе пальцами, которое васъ преслѣдуетъ на каждомъ шагу. Вы имѣли, напримѣръ, случай обыграть въ карты и не обыграли:

— Очень ужь вы просты! ахъ, какъ вы просты!

Васъ надули при покупкѣ, вы дались въ обманъ, не потому, чтобъ были глупы, а потому, что вамъ на умъ не приходило, чтобы въ странѣ, снабженной полиціей, мошенничество было одною изъ формъ общежитія:

— Очень ужь вы просты! Ахъ, какъ вы просты!

Вы управляли чужимъ мнѣніемъ, и ничѣмъ не воспользовались въ ущербъ своему довѣрителю, хотя имѣли такъ-называемые «случаи», «дѣла» и т. п.

— Очень вы ужь просты! ахъ, просты!

Нѣтъ, мы не просты. Ямщикъ совралъ. Не простъ тотъ народъ, который къ простотѣ относится съ такою язвительностью, который такъ рѣшительно бичуетъ ее!

Но, можетъ быть, мы недальновидны и невѣжественны? Можетъ быть, мы самонадѣянны и черезчуръ ужь способны? Можетъ быть, даровой прибытокъ насъ соблазняетъ больше, нежели прибытокъ, сопряженный съ трудомъ?

Таковы были мысли, съ которыми я въѣхалъ въ Р.

Между уѣздными городами, Р. занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Въ немъ есть свой кремль, въ которомъ когда-то ютилась митрополія; черезъ него пролегаетъ

шоссе, которое, впрочемъ, въ настоящее время не играетъ въ жизни города никакой роли; наконецъ, по веснѣ, тутъ бываетъ значительная ярмарка. Въ двухъ верстахъ отъ города пролегаетъ желѣзная дорога и имѣется станція.

Когда я пріѣхалъ въ Р., было около девяти часовъ вечера, но городская жизнь уже затихала. Всенощныя кончались; послѣдніе трезвоны замирали на колокольняхъ церквей; черезъ четверть часа улицы оживились богомольцами, возвращающимися домой; еще четверть часа— и городъ словно застылъ.

Есть что-то удручающее въ физіономіи уѣзднаго города, оканчивающаго свой день. Сумерки еще прозрачны, дневной зной только-что улегся; изъ садовъ несутся благоуханія; воздухъ мало-по-малу напояется свѣжестью, а движеніе уже покончено. Покончено рѣзко, разомъ, словно оборвалось. Отовсюду несутся звуки запираемыхъ желѣзныхъ засововъ и болтовъ. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, еще мелькаютъ въ окнахъ каменныхъ купеческихъ домовъ огоньки, свидѣтельствующіе о вечерней трапезѣ, а сквозь запертыя ставни маленькихъ деревянныхъ домиковъ слышится смутный говоръ. Но вотъ, словно вздохъ пронесся надъ городомъ; все разомъ погасло и притихло. Мракъ погустѣлъ; вы на улицѣ одни; изъ подъ ногъ что-то вдругъ шмыгнуло...

До прихода поѣзда оставалось еще около четырехъ часовъ. Въ «почтовой гостинницѣ», когда-то бойкой и оживленной, съ проведеніемъ желѣзной дороги, все напоминало о запустѣніи. Въ нумерахъ пахло прокислымъ и затхлымъ; загаженныя мухами окна растворялись съ трудомъ; на кровати, вмѣсто тюфяка, лежалъ замасляный и притоптанный блинъ. Нельзя ни спать, ни бодрствовать. Я вышелъ на улицу, и, не встрѣтивъ тамъ ни души, направился къ озеру. Озеро въ Р. неопрятное, низ-

менное; вода въ немъ тухлая, никуда непригодная; даже рыба имѣетъ затхлый, болотный вкусъ; но вдали, по берегу, разбросано довольное количество селъ, которыя, въ яркій солнечный день, представляютъ пріятную панораму для глазъ. Со стороны города, набережная озера не въ чести. Богатый людъ удалился отъ нея поближе къ Кремлю и предоставилъ берегъ озера люду бѣдному: мелкимъ чиновникамъ и мѣщанамъ. Маленькіе деревянные домики въ разбросъ лѣпятся по береговой покатости, давая на ночь убѣжище людямъ, трудно сколачивающимъ, въ теченіи дня, мѣдные гроши въ базарныхъ столахъ и рундукахъ и въ душныхъ камерахъ присутственныхъ мѣстъ.

Я спустился къ самой водѣ. Въ этомъ мѣстѣ дневное движеніе еще не кончилось. Чиновники только-что воротились съ вечернихъ занятій, и передъ ужиномъ разсѣлись по крылечкамъ въ виду завтрашняго праздничнаго дня, обѣщающаго имъ отдыхъ. Тутъ же бѣгали и заканчивали свои игры и чиновничьи дѣти.

Сзади меня, на крыльцѣ одинокаго домика, незащищеннаго даже дворомъ, сидѣло двое мужчинъ въ халатахъ, которые курили папиросы и вели на сонъ грядущій бесѣду.

— А Харинъ-то, вѣдь, проигралъ дѣло! говорилъ одинъ.

— Что̀ ты!

— Проигралъ—это вѣрно. Дуракъ—ну, и проигралъ.

— Да, вѣдь, у всѣхъ на знати, что покойникъ рукой не владѣлъ передъ смертью! Весь городъ знаетъ, что Маргарита Ивановна ужь на другой день духовную поддѣлала! И писалъ-то отецъ протопопъ!

— И поддѣлала, и всѣ это знаютъ, и даже самъ отецъ протопопъ подъ веселую руку не разъ проговаривался, и все же у Маргариты Ивановны теперь милліонъ чи-

стаганомъ, а у Харина—кошель черезъ плечо. Потому, дуракъ!

— Дуракъ-то дуракъ! однако, все-таки...

— Дуракъ — и больше ничего. Маргарита Ивановна предлагала ему мириться: «бери, говоритъ, двадцать тысячъ, и ступай съ Богомъ!» — зачѣмъ онъ не мирился! Зачѣмъ не мирился, коли знаетъ, что онъ дуракъ! Нѣтъ, говоритъ, подавай все! Это дураку-то! Гдѣ эти моды писаны! Опять и отецъ протопопъ, и Иванъ Ѳерапонтычъ —предлагали они ему! Предлагали они ему: дай намъ по десяти тысячъ—все по чистой совѣсти покажемъ! Скажемъ: подписались по неосмотрительности—и дѣло съ концомъ. Зачѣмъ онъ не соглашался! Зачѣмъ не соглашался, коли самъ знаетъ, что онъ дуракъ! Маргарита Ивановна,— та слова не сказала: сейчасъ вынула и отдала! А онъ кочевряжился! И хочь бы деньги съ него просили, а то векселя. Ну, далъ бы, а потомъ еще бабушка на двое сказала, какова бы по векселямъ-то получка была! Можетъ быть, они совсѣмъ не его рукой подписаны? А можетъ быть, они безденежные? Дуракъ!!

— Такъ неужтожь Маргарита Ивановна такъ-таки ничего и не дастъ?

— И не дастъ. Потому, дуракъ, а дураковъ учить надо. Ежели дураковъ да не учить, такъ это что́ жь такое будетъ! Пущай-ко теперь попробуетъ, каково съ сумой-то щеголять!

Собесѣдники смолкаютъ. Слышится позѣвываніе; папироски еще разъ другой вспыхнули и погасли. Черезъ минуту, я уже вижу въ окно, какъ оба халата сидятъ у ненакрытаго стола и крошатъ въ чашку хлѣбъ.

— Дурракъ! раздается въ темнотѣ.

А у сосѣдняго домика смѣхъ и визгъ. На самой улицѣ дѣвочки играютъ въ горѣлки, несутся въ запуски, ловятъ

другъ друга. На крыльцѣ сидятъ мужчина и женщина, должно быть, отецъ и мать семейства.

— Этакой случай былъ—и упустилъ! Дуракъ! укоряетъ женщина.

— Да ты знаешь ли, дура, чѣмъ Сибирь пахнетъ! возражаетъ мужчина.

— Для дурака, куда ни оглянись — вездѣ Сибирь. Этакой случай упустилъ!

Женщина вздыхаетъ и умолкаетъ, но ненадолго.

— Дуракъ! повторяетъ она.

— Не мути ты меня, ради Христа! Дуракъ да дуракъ! Нѐшто я не вижу! И словно, вѣдь, дьяволъ меня осѣтилъ!

— И чего ты глядѣлъ! Счастье само въ руки лѣзетъ, а онъ, смотри, носъ отъ него воротитъ! Дурракъ!

Мужчина, уличенный и подавленный, не возражаетъ. Раздаются вздохи и позѣвота; изрѣдка, сквозь сонъ, произносится слово «дуракъ» — и опять тихо. Но на улицѣ, между играющими дѣвочками, происходитъ смятеніе.

— Не въ десятый разъ мнѣ горѣть! Я первая ударила! протестуетъ жалобный голосъ одной изъ дѣвочекъ.

— Анъ я ударила! Я первая ударила! ты дура! ты и гори! возражаетъ другой голосъ, болѣе мужественный и крѣпкій.

— Я первая ударила! не мнѣ горѣть! Манькѣ горѣть!

Споръ оживляется, но протестующая сторона видимо слабѣетъ. Слышатся возгласы: дура! криворотая! ишь что̀ выдумала! и т. д. Возгласы готовы перейти въ побоище.

— Цыцъ, поскуда! раздается съ крыльца.

Протесты мгновенно смолкаютъ; горѣлки продолжаются ужь безъ шума, и только изрѣдка безмолвіе нарушается крикомъ: дура! что̀ взяла?

На третьемъ крыльцѣ бесѣдуютъ двѣ сибирки.

— Нашъ хозяинъ ныньче такую афёру сдѣлалъ! такую афёру, что страсть! отзывается одна сибирка.

— Ужь что объ вашемъ хозяинѣ говорить! Хозяинъ— первый сортъ! отзывается другая сибирка.

— Нѣтъ, да ты вообрази! Продалъ онъ Семену Архипычу партію сѣмени, а Семенъ-то Архипычъ съ дуру и деньги ему отдалъ. Стали потомъ сортировать, анъ сѣмя-то только сверху чистое, а внизу-то все съ пескомъ, все съ пескомъ!

— Дуракъ!

— Нѣтъ, ты вообрази! Все, вѣдь, съ пескомъ! Семенъ-то Архипычъ даже глаза вытаращилъ: такъ, говоритъ, хорошіе торговцы не дѣлаютъ!

— Дуракъ!

— А хозяинъ нашъ стоитъ да покатывается. А у тебя гдѣ глаза были? говоритъ.—Долженъ ли ты имѣть глаза, когда товаръ покупаешь? говоритъ. Нѣтъ, говоритъ, васъ, дураковъ, учить надо!

— Дуракъ!

— Дуракъ! дуракъ! и дуракъ! — вотъ единственныя выраженія, которыя раздаются въ моихъ ушахъ. Мнѣ становится, наконецъ, страшно. Куда дѣваться отъ этого поскуднаго, поганаго слова? Десять дней сряду, прямо или косвенно, оно преслѣдуетъ меня; десять дней сряду я слышу наглый панегирикъ мошенничеству, присвоивающему себѣ наименованіе ума. Даже тутъ, въ виду этой примиряющей ночи, только одно это слово и имѣетъ какой-нибудь опредѣленный смыслъ. Прислушайтесь къ остальному говору — и вы навѣрное ничего изъ него не вынесете. Это сбродъ какихъ-то обрывковъ, рядъ бродячихъ, ничѣмъ не связанныхъ восклицаній, неимѣющихъ даже характера проявленія мысли. Дѣтскій неосмыслен-

ный лепетъ, полусонное бормотаніе, въ которомъ нѐ за что ухватиться и нѐчего понимать — вотъ что̀ прежде всего поражаетъ вашъ слухъ. И вдругъ, прорывается слово «дуракъ» — и рѣчь оживляется, начинаетъ течь плавно и получаетъ смыслъ. Все, что̀ до сихъ поръ бормоталось, всѣ безсмысленные обрывки, которыми безплодно сотрясался воздухъ—все это бормоталось, копилось, нанизывалось и собиралось въ виду одного всеразрѣшающаго слова: «дуракъ»!

Я скорѣе побѣжалъ въ гостинницу, и благо часы показывали одиннадцать, поѣхалъ на станцію желѣзной дороги.

Нѣтъ! мы не просты!

Станція была тускло освѣщена. Въ залѣ перваго класса господствовала еще пустота; за стойкой, при мерцаніи одинакой свѣчи, буфетчикъ дышалъ въ стаканы и перетиралъ ихъ грязнымъ полотенцемъ. Даже мой приходъ не смутилъ его въ этомъ наивномъ занятіи. Казалось, онъ говорилъ: вотъ я въ стаканъ дышу, а коли захочется, такъ и плюну, а ты будешь чай изъ него пить... дурракъ!

Чтобъ не сидѣть одному, я направился въ зало третьяго класса. Тутъ, вслѣдствіе обширности залы, освѣщенной единственною лампой, темнота казалась еще гуще. На полу и на скамьяхъ сидѣли и лежали мужики. Большинство спало, но въ нѣкоторыхъ группахъ слышался говоръ.

— И ка̀къ же онъ его нагрѣлъ! восклицаетъ нѣкто въ одной группѣ:—да это еще что̀—нагрѣлъ! Грѣетъ, братецъ ты мой, да приговариваетъ: помни, говоритъ! въ другой разъ умнѣе будешь! Сколько у насъ смѣху тутъ было!

— Дуракъ!

— Дуракъ и есть! Потому, ежели ты знаешь, что ты дуракъ, зачѣмъ же не въ свое дѣло лѣзешь? Ну, и терпи, значитъ!

Я иду далѣе, я слышу:

— Нѣтъ, ты слушай, какъ онъ нѣмца объегорилъ. Вотъ такъ ужь объегорилъ! Купилъ, братецъ, онъ у нѣмца въ рощѣ четыреста саженъ дровъ для фабрики, по три рубля за сажень. Ну, перевозилъ значитъ, склалъ: милости просимъ, молъ, Богданъ Богданычъ, ко мнѣ въ домъ разсчетецъ получить. Пришелъ Богданъ Богданычъ — онъ его честь честью: заѣдочковъ, шипучки и все такое. Ну, говоритъ, пиши, Богданъ Богданычъ, росписку, пока я долгъ готовить буду. Сталъ это, какъ и путный, деньги считать, а нѣмецъ ему тѣмъ временемъ живо росписку обработалъ. Только взялъ онъ у нѣмца росписку посмотрѣть, видитъ—вѣрно: тысячу двѣсти рублей сполна получилъ. Да, вмѣсто того, чтобъ деньги-то отдать, онъ росписку-то вмѣстѣ съ деньгами—въ карманъ. Самъ ты, говоритъ, передо мной, Богданъ Богданычъ, сейчасъ сознался, что деньги съ меня сполна получилъ, слѣдственно, и дожидаться тебѣ больше здѣсь нечего.

— Ха-ха! вотъ, братъ, такъ штука!

— Сколько смѣху у насъ тутъ было — и не приведи Господи! Слушай, что еще дальше будетъ. Вотъ только нѣмецъ сначала будто не понялъ, да вдругъ какъ рявкнетъ: воръ ты! говоритъ. А нашъ ему: ладно, говоритъ; ты, нѣмецъ, обезьяну, говорятъ, выдумалъ, а я, русскій, въ одну минуту всю твою выдумку въ свою пользу опровергъ!

— Молодецъ!

— Нѣтъ, ты бы на нѣмца-то посмотрѣлъ, какая у него въ ту пору рожа была! И испугался-то, и не вѣритъ-то, и за карманъ-то хватается — смѣхота да и только!

— Просты еще на счетъ этихъ дѣловъ нѣмцы! не выучены!

— Чего проще! просто дураки! совсѣмъ какъ оглашенные!

Далѣе; въ третьей группѣ идетъ еще разговоръ.

— Нѣтъ, нынче какъ можно! нынче не въ примѣръ нашему брату лучше! А въ четвертомъ году я чуть было даже ума не рѣшился, такъ онъ меня истиранилъ!

— Что̀ такъ?

— А вотъ какъ. Порядился я у него съ артелью за тысячу рублей въ деревнѣ домъ оштукатурить. Только онъ и говоритъ: нѣтъ, братъ, Максимъ Потапычъ, этакъ нельзя; надо, говоритъ, письменное условіе намъ промежду себя написать. «Что̀ же, говорю, Василій Порфирычъ, условіе такъ условіе, мы отъ условіевъ не прочь: писывали!» Вотъ онъ и сочинилъ, братецъ, условіе, прочиталъ, растолковалъ; одно слово, все какъ слѣдуетъ. Подпишись теперь, говоритъ! Ну, мнѣ чего! взялъ въ руки перо, обмакнулъ, подписалъ — на бѣду грамотный! Только, что̀ бы ты думалъ, какую онъ, шельма, штуку со мной выкинулъ! Что я-то исполнить долженъ, то-есть, работу-то мою, всю росписалъ, какъ должно; а объ себѣ вотъ что̀ сказалъ: а я, говоритъ, Василій Порфировъ, обязуюсь заплатить за таковую работу тысячу рублей, *буде мнѣ то заблагоразсудится!*

— Вотъ-те и капуста съ масломъ!

— И безъ масла хороша будетъ. Слушай, что̀ дальше. Кончили мы работу — я за разсчетомъ къ нему. Ну, говоритъ, спасибо, Потапычъ, нѣчего сказать, работа — первый сортъ! Ты, говоритъ, въ разное время двѣсти рублей ужь получилъ, такъ вотъ тебѣ еще двѣсти рублей — ступай съ Богомъ! — Какъ, говорю двѣсти! мнѣ восемьсотъ приходится! Слово за слово — кон-

трактъ! Тутъ, братецъ, и объяснилъ онъ мнѣ, какую онъ, значитъ, пружину подъ меня подвелъ! По нынѣшнему, сейчасъ бы его къ мировому—и шабашъ! а въ ту пору—ступай за сорокъ верстъ въ полицейское управленіе. Гонялъ я, гонялъ—одна мнѣ резолюція: самъ подписывалъ, самъ на себя и надѣйся! Два мѣсяца мучился я такимъ манеромъ—такъ ничего и не получилъ!

— Ловко онъ тебя объѣхалъ! Однако, простъ вѣдь, и ты!

— Чего простъ! совсѣмъ дуракъ!

— А дураковъ, братъ, учить надо! Это и въ законѣ такъ сказано! Вотъ онъ тебя и поучилъ!

Меня беретъ зло. Я возвращаюсь въ зало перваго класса, гдѣ застаю уже въ полномъ разгарѣ приготовленія къ ожидаемому поѣзду. Первыя слова, которыя поражаютъ мой слухъ, суть слѣдующія:

— Такъ онъ меня измучилъ! такъ надо мной насмѣялся! Вѣрите ли: даже во снѣ его увижу — такъ вся и задрожу.

— Очень ужь вы, сударыня, просты!

Не ожидая дальнѣйшихъ объясненій, я быстро перехожу черезъ зало и достигаю платформы.

— Дуракъ! розиня! объясняетъ жандармъ стоящему передъ нимъ растерявшемуся малому: — изъ-подъ ногъ мѣшокъ вытащили—не чуетъ! Такъ васъ и надо! Долго еще васъ, дураковъ, учить слѣдуетъ!

Нѣтъ, мы не просты!

Бьетъ часъ; слышится сигнальный свистъ; поѣздъ близко. Станція приходитъ въ движеніе; поднимается шумъ, бѣготня, суета. Въ моихъ ушахъ, словно перекрестный огонь, раздаются всевозможныя привѣтствія и

поощренія. Дуракъ! розиня! простофиля! фалелѣй! Наконецъ, я добираюсь до вагона 2-го класса и бросаюсь на первую порожнюю скамью, въ надеждѣ уснуть.

Но, увы! лѣтнія ночи недолги. Не успѣваемъ мы проѣхать трехъ станцій, какъ въ вагонѣ уже совсѣмъ свѣтло. Сквозь безпокойную дорожную дрему я слышу говоръ проснувшихся сосѣдей, который, постепенно оживляясь и оживляясь, усиливается, наконецъ, до того, что нѣчего и думать о снѣ. Било четыре часа утра, когда я окончательно открылъ глаза. Весь вагонъ бодрствовалъ; во всѣхъ углахъ шла оживленная бесѣда. Мой визави, чистенькій старичекъ, какъ послѣ оказалось стараго покроя стряпчій по дѣламъ, переговаривался съ сидѣвшимъ наискосокъ отъ меня мужчиной среднихъ лѣтъ въ цилиндрѣ и щегольскомъ пальто. Повидимому, знакомство началось не далѣе, какъ вчера вечеромъ, но въ рѣчахъ обоихъ собесѣдниковъ уже царствовала та интимность, которою вообще отличаются изліянія людей вполнѣ чистыхъ сердцемъ и неимѣющихъ на душѣ ничего завѣтнаго.

— Да вы знаете ли, какъ Балясины состояніе пріобрѣли? спрашивалъ старичекъ стряпчій.

— Слыхалъ... да ужь давно какъ-то...

— Такъ извольте, я вамъ разскажу. Жилъ былъ въ Москвѣ нѣкто Скачковъ...

— Позвольте! это тотъ Скачковъ, который...

— Ну, ну, ну — онъ самый! Еще въ Новой Слободѣ свой домъ былъ... Капитолина Егоровна потомъ купила...

— Это какъ отъ каретнаго-то ряда пойдешь...

— Ну, вотъ! вотъ онъ самый и есть! Такъ жилъ-былъ этотъ самый Скачковъ, и остался онъ послѣ родителя лѣтъ двадцати-двухъ, а состояніе получилъ—счету нѣтъ! Въ гостиномъ дворѣ пятнадцать лавокъ, въ Зарядьѣ два

дома, на Варваркѣ домъ, за Москвой рѣкой домъ, въ Новой Слободѣ... Чистоганомъ милліонъ... въ товарѣ...

— Сс!!

— Словомъ сказать, тузъ! Только вотъ почувствовалъ молодой человѣкъ, что родительской воли надъ нимъ нѣтъ — и устремился! Прохожаго на улицѣ увидитъ — хватай! лей ему на голову шампанскаго!—вотъ тебѣ двадцать-пять рублей! Женщину увидитъ — волоки! Мажь дегтемъ!—вотъ тебѣ пятьдесятъ! Тузъ да и только! Разъ даже княгиню какую-то изъ бѣдныхъ вымазали, такъ на силу потомъ за четыре тысячи помирились! Я мировую писалъ. Ну, само собой, окружили его друзья-пріятели, пьютъ, ѣдятъ, на рысакахъ по Москвѣ гоняютъ, народъ давятъ — словомъ сказать, всѣ удовольствія, что только можно вообразить! Примазался тутъ и Балясинъ Петрушка. Видитъ нашъ Петръ Ѳедорычъ, что парень-то очень хорошъ, коли, тоись, въ обдѣлку его пустить. И умомъ простъ, и сердце мягкое, и рука машистая. Одно нехорошо: пріятелевъ очень ужь много. Ежели между всѣми въ раздѣлку его пустить — по скольку достанется? Пустяки какіе-нибудь! Такъ ли-съ?

— Да, коли женскій полъ дегтемъ часто мазать... не надолго—это такъ!

— Ну, вотъ изволите видѣть. А Петру Ѳедорычу надо, чтобъ и не долго возжаться и чтобъ все было въ сохранности. Хорошъ-съ. И сталъ онъ теперича подумывать, какъ бы господина Скачкова отъ пріятелевъ уберечь. Сейчасъ-это составилъ свой плантъ, и къ Аннѣ Ивановнѣ — онъ ужь и тогда на Аннѣ-то Ивановнѣ женатъ былъ. Да вы, чай, изволили Анну-то Ивановну знавать?

— Какъ же! какъ же! Красавица была! всей Москвѣ извѣстна.

— Вотъ-вотъ-вотъ. Вотъ и говоритъ онъ ей: ты бы, Аннушка... понимаете?—Что̀ жь, говоритъ, я съ моимъ удовольствіемъ! И начали они вдвоемъ Скачкова усовѣщевать. И что̀ это ты все шампанское да шампанское— ты водку пей! И капиталъ цѣлѣе будетъ, и пьянъ все одно будешь! Словомъ сказать, такое омерзеніе къ иностраннымъ винамъ внушили, что, подъ конецъ, онъ даже никакой другой посуды видѣть не могъ — непремѣнно, чтобъ былъ полштофъ! Поселился онъ въ ту пору у Балясиныхъ, какъ въ своемъ домѣ, и всталъ, и легъ тамъ. Проснется утромъ—полштофъ! пиши вексель въ тысячу рублей! Проснется къ обѣду — полштофъ! пиши вексель въ двѣ тысячи рублей! Ужинать встанетъ — полштофъ! опять вексель въ тысячу рублей! Вытянули они у него такимъ родомъ векселей на полмилліона — онъ и душу Богу отдалъ! Вотъ съ тѣхъ поръ и пошло у Балясиныхъ состояніе! И пошло имъ, и пошло! Теперь однихъ домовъ по Москвѣ семь штукъ считаютъ. На Ильинкѣ-то домъ чего стоитъ!

— Гм... простъ былъ этотъ Скачковъ, сказываютъ!

— Чего простъ! одно слово: дуракъ! Дуракъ! какъ есть скотина!

— Ну, а Балясинъ-то умненько живетъ... этотъ не разсоритъ!

— Помилуйте! прекраснѣйшіе люди! Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ умеръ Скачковъ... словно рукой сняло! Пить совсѣмъ даже пересталъ, въ подряды вступилъ, откупа держалъ... Дальше-больше. Теперь церковь строитъ... въ Елоховѣ-то, изволите знать? — онъ-съ! А благодѣяніевъ сколько! И ка̀къ, сударь, благодѣянія-то дѣлаетъ! Одна рука даетъ, другая не вѣдаетъ!

— А Анна-то Ивановна... говорятъ, съ прикащикомъ?

— Женщина-съ! Слабость ихъ женская!

— Ну, конечно. А впрочемъ, коли по правдѣ говорить: что̀ же такое Скачковъ? Ну, сто̀итъ ли онъ того, чтобъ его жалѣть!

— Помилуйте! дуракъ! какъ есть скотина! Ду-у-р-ракъ! Ну, а Петръ Ѳедорычъ, смотрите, какой домъ на Солянкѣ по веснѣ застроилъ! Всей Москвѣ на украшеніе будетъ!

— Такъ-съ, а скажите, Капитолину-то Егоровну вы хорошо знаете?

— Капитолину-то Егоровну! Помилуйте! Еще въ дѣвицахъ, сударь, зналъ! Какъ она еще у отца, у Егора Прохорыча, въ дому у Калужскихъ воротъ жила! вотъ когда зналъ! Въ переулкѣ-то большой домъ, еще булочная рядомъ!

— Что̀ у нихъ за исторія съ мужемъ была?

— Съ дуракомъ-то! Помилуйте! скотина! Да все какъ нельзя проще произошло! Изволите видѣть: задумалъ онъ въ ту пору невинно падшимъ себя объявить — ну, она, какъ христіанка и женщина умная, разумѣется, на всякій случай мѣры приняла. Дома и лавки на свое имя переписала, капиталъ тоже къ рукамъ прибрала. Ну, разумѣется, покуда что̀, покуда въ коммерческомъ судѣ дѣло вели, покуда конкурсъ, покуда объявили невинно-падшимъ — его, голубчика, въ яму! А какъ выпустили изъ ямы-то, она ужь его и не приняла! Нѣтъ, говоритъ! ты, голубчикъ, по всѣмъ острогамъ сидѣть будешь, а мнѣ съ тобой жить послѣ того! Не приходится! Только всего и дѣла было.

— Сс... чѣмъ же онъ, однако, теперь живетъ?

— Такъ кое-когда Капитолина Егоровна изъ своихъ средствъ кой-что̀ даетъ. Да зачѣмъ и давать! Сейчасъ получилъ—сейчасъ въ кабакъ снесъ!

— Да, простъ-таки Иванъ Гаврилычъ! на порядкахъ простъ!

— Помилуйте! дуракъ! Коли этакихъ дураковъ не учить, кого жь послѣ того учить надо!

Нѣсколько секундъ молчанія.

— Такъ вы говорите, что это можно? вновь заводитъ рѣчь цилиндръ, повидимому возвращаясь къ прежде прерванному разговору.

— Помилуйте! какъ не можно! въ субботу торги назначены! Какъ мнѣ не знать: я самъ со стороны купца Толстопятова въ конкурсѣ состою!

— Можно, стало быть?

— Да ужь будьте покойны! Вотъ какъ: теперича въ Москву пріѣдемъ — и не безпокойтесь! Я все самъ... я самъ все сдѣлаю! Вы только въ субботу придите пораньше. Не пробьетъ двѣнадцати, а ужь домъ...

— Право, мнѣ совѣстно! для перваго знакомства, и, можно сказать, такое одолженіе!

— Помилуйте! за что̀ же-съ! Вотъ еслибъ Иванъ Гаврилычъ просилъ, или господинъ Скачковъ — ну, тогда дѣло другое! А то проситъ человѣкъ основательный, можно сказать, солидный... да я за честь...

Цилиндръ протягиваетъ стряпчему руку и крѣпко пожимаетъ руку послѣдняго.

— Одного я боюсь, говоритъ онъ: — чтобъ Тихонъ Никанорычъ самъ не явился на торги!

— Онъ-то! помилуйте! статочное ли дѣло! Онъ ужь съ утра муху ловитъ! А ежели явится — такъ что̀ жь! Милости просимъ! Сейчасъ ему въ руки бутыль и дѣло съ концомъ! Что̀ угодно — все подпишетъ!

Цилиндръ сладко вздыхаетъ и нѣсколько секундъ молча улыбается.

— Да простенекъ-таки почтеннѣйшій Тихонъ Никанорычъ! наконецъ, произноситъ онъ съ новымъ вздохомъ.

*

— Помилуйте! Скотина! Надняхъ это вообразилъ себѣ, что онъ свинья: не ѣстъ никакого корма, кромѣ какъ изъ корыта — да и шабашъ! Да ежели этакихъ дураковъ не учить, такъ кого же послѣ того и учить!

Между тѣмъ, поѣздъ замедляетъ ходъ; мы приближаемся къ станціи.

— Станція Александровская! поѣздъ стоитъ десять минутъ! провозглашаетъ кондукторъ.

Мы высыпаемъ на платформы и спѣшимъ проглотить по стакану сквернаго чая. При послѣднемъ глоткѣ я вспоминаю, что пью изъ того самаго стакана, въ который, за пять минутъ до прихода поѣзда, дышалъ заспанный мужчина, стоящій теперь за прилавкомъ, дышалъ и думалъ: пьете и такъ... дураки! Возвратившись въ вагонъ, я пересаживаюсь на другое мѣсто, противъ двухъ купцовъ, съ бородами и въ сибиркахъ.

— Дà, говоритъ одинъ изъ нихъ: — нынче надо держать ухо востро! Нынче чуть ты отвернулся, анъ у тебя тысяча, а пожалуй, и цѣлый десятокъ изъ кармана вылетѣлъ. Вы Маркова-то Александра знавали? Вотъ что̀ у Бакулина въ магазинѣ въ прикащикахъ служилъ? Бывало, все Сашка да Сашка! Сашка, сбѣгай туда! Сашка, рыло вымой! А теперь, смотри, какой домъ на Волхонкѣ взбодрилъ! Вотъ ты и думай съ ними!

— Дà... народъ нынче! Да, вѣдь, и Бакулинъ-то простъ! ну, какъ-таки такъ? замѣчаетъ другая сибирка.

— Чего простъ! Дуракъ какъ есть! Дуракомъ родился, дуракомъ и умретъ! Потому и учатъ. Кабы на дураковъ да не плеть, отъ нихъ и житья бы на свѣтѣ не было!

Я опять пересаживаюсь на другое порожнее мѣсто, противъ двоихъ молодыхъ людей, которые оказываются прикащиками.

— Нашъ хозяинъ генеальный! говоритъ одинъ изъ

нихъ: — не то, что просто умный, а поднимай выше! Знаешь ли ты, какую онъ надняхъ штуку съ братомъ съ роднымъ съигралъ?

— А что̀?

— Да такую, братецъ, штуку... вотъ такъ ужь штука! Пріѣзжаетъ онъ къ брату на имянинный пирогъ, а стряпчій—братнинъ, тоись, стряпчій—и говоритъ ему: поздравьте, говоритъ, братца! Какую они вчерась покупку сдѣлали!—Какая такая покупка? спрашиваетъ нашъ-то.—А вотъ, говоритъ, за двадцать верстъ отселѣ у господина помѣщика лѣсъ за сорокъ тысячъ купили, а лѣсу-то тамъ по дешевой цѣнѣ тысячъ на двѣсти будетъ.—Вѣрно ты говоришь? — Вотъ какъ передъ Истиннымъ! — Задатокъ данъ?—Нѣтъ, сегодня вечеромъ отдавать будетъ.—Айда! пять тысячъ тебѣ въ зубы—молчокъ! И притворился онъ, будто какъ у него животъ болитъ, ей-богу!—да отъ имянинника-то прямо къ помѣщику. Сорокъ-пять тысячъ посулили, задатокъ отдали, да не глядя лѣсъ и купили!

— Молодецъ! Брать-то что̀ жь?

— Ничего; даже похвалилъ. Ты, говоритъ, дуракомъ меня сдѣлалъ—та̀къ меня и надо. Потому, ежели мы дураковъ учить не будемъ, такъ намъ самимъ на полку зубы класть придется.

Наконецъ, я рѣшаюсь, такъ сказать, замереть, чтобы не слышать этотъ разговоръ; но едва я намѣреваюсь привести это рѣшеніе въ исполненіе, какъ за спиной у себя слышу два старушечьихъ голоса, разговаривающихъ между собою:

— Ему, сударыня, только понравиться нужно, разсказываетъ одинъ голосъ:—пошутить, что̀ ли, мимику тамъ какую-нибудь сдѣлать, словомъ разсмѣшить... Сейчасъ онъ тебѣ четвертную, а подъ веселую руку и двѣ. Ну, а мой-то и не поправился!

— Простъ, что̀ ли, онъ у васъ, сударыня?

— Какой ужь простъ! Прямо надо сказать: дуракъ! Ни онъ пошутить, ни представить что̀-нибудь... ну, и выгнали! И за дѣло, сударыня! Потому, ежели дураковъ да не учить...

Я окончательно замираю, но и сквозь дремоту слышу:

— Дуракъ! Скотина—и больше ничего!

Нѣтъ! мы не просты!

Въ Пушкинѣ, въ нашъ вагонъ врывается цѣлая толпа нѣмцевъ и французовъ. Все это мѣстные воротилы: фабриканты, заводчики, лѣсопромышленники и проч. Между ними есть нѣсколько и русскихъ. На сцену выдвигаются мѣстные вопросы: вопервыхъ, вопросъ сѣнной, причемъ предсказывается, что сѣно будетъ зимой продаваться въ Москвѣ по рублю за пудъ; вовторыхъ, вопросъ дровяной, при чемъ предугадывается, что въ непродолжительномъ времени дрова въ Москвѣ повысятся до двадцати рублей за сажень швырка. Русскіе воротилы надъ всѣми этими «вопросами» посмѣиваются; нѣмецкіе смотрятъ солидно.

— Вы все смѣетесь, господа! говоритъ одинъ изъ нѣмцевъ русскому воротилѣ:—но, подумайте, куда вы идете!

— Ничего, Ѳедоръ Иванычъ! отвѣчаетъ воротила-русакъ:—покуда на свѣтѣ дураки есть—жить можно!

А между тѣмъ, какой-то французъ патетически выкрикиваетъ панегирикъ Москвѣ, сравниваетъ ее съ Петербургомъ и восклицаетъ:

— Pétersbourg est beau! Moscou est grand! Moscou est sublime! Jamais, au grand jamais, même à Paris, mon coeur n'a battu avec autant de force, comme au moment, *lorsque la sainte cité* de Moscou («святая Москва!» пере-

велъ онъ поруски) s'est découverte pour la première fois à mes yeux! C'était quelque chose d'inéffable! Parole d'honneur!

— Барышки хорошіе получаете, Анатолій Филиппычъ! вотъ и понравилось! спутилъ кто-то изъ русскихъ.

Нѣтъ! мы не просты!

Что̀ жь дальше? спроситъ меня читатель. Затѣмъ написанъ разсказъ? Будетъ ли нравоученіе?

Далѣе мы пролетѣли мимо Сокольничьей рощи, и пріхали въ Москву. Вагоны, въ которыхъ мы ѣхали, не разбились въ дребезги, и земля, на которую мы ступили, не разверзлась подъ нами. Мы разъѣхались каждый по своему дѣлу, и на всѣхъ перекресткахъ слышали одинъ неизмѣнный припѣвъ: дурракъ!

Будетъ ли нравоученіе? Нѣтъ, его не будетъ, потому что нравоученія вообще скучны и безполезны. Вспомните пословицу: ученаго учить только портить — и разъ навсегда откажитесь отъ роли моралиста и проповѣдника. Иначе, вы рискуете на первомъ же перекресткѣ услышать: дуракъ!

Зачѣмъ писанъ разсказъ? А хоть бы затѣмъ, милостивые государи, чтобъ констатировать, какія бываютъ на свѣтѣ *благонамѣренныя рѣчи*...

ОХРАНИТЕЛИ.

Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья...

Пушкинъ.

Троекратный пронзительный свистъ возвѣщаетъ пассажирамъ о приближеніи парохода къ пристани. Публика перваго и второго классовъ высыпаетъ изъ каютъ на палубу; мужики крестятся и наваливаютъ на плечи мѣшки. Жаркій іюньскій полдень; на небѣ ни облака; рѣка сверкаетъ. Изъ-за изгиба виднѣется большое торговое село Л., все залитое въ лучахъ стоящаго на зенитѣ солнца.

Но вотъ и пристань. Пароходъ постепенно убавляетъ ходу; рокочущія колеса его поворачиваются медленнѣе и медленнѣе; лоцмана стоятъ на готовѣ, съ причалами въ рукахъ. Еще два-три взмаха—пароходъ дрогнулъ и остановился. Въ числѣ прочихъ пассажировъ, ссаживаюсь въ Л. и я, въ ожиданіи лошадей для дальнѣйшаго путешествія.

Прежде, когда все было просто, и здѣсь была пристань простая. Устройство ея какъ бы говорило пассажиру:

бѣги сихъ мѣстъ! лѣзь на кручу, нанимай лошадей и поѣзжай на всѣ четыре стороны. И лѣзетъ, бывало, пассажиръ, мѣся ногами глину, по отвѣсной почти крутизнѣ, лѣзетъ изо всѣхъ силъ, спотыкаясь и тяжело дыша. Теперь, прежней простоты не осталось и слѣда. Отъ баржи, на которой устроена пароходная пристань, ведетъ въ гору деревянная лѣстница, довольно отлогая; въ двухъ мѣстахъея, въ горѣ вырыты площадки, на которыхъ устроены тесовые навѣсы и поставлены столы и скамьи; на самомъ верху береговой кручи стоитъ трактиръ. Всѣ эти удобства обязаны своимъ существованіемъ мѣстному трактирщику, человѣку предпріимчивому и ловкому, котораго старожилы здѣшніе еще помнятъ, какъ онъ мальчикомъ бѣгалъ на босу ногу по улицамъ, и который вдругъ какъ-то совсѣмъ неожиданно изъ простого полового сдѣлался «хозяиномъ».

Молва не любитъ этого человѣка и называетъ его воромъ и кровопивцемъ. Говорятъ, что онъ соблазнилъ жену своего хозяина и вмѣстѣ съ нею обокралъ послѣдняго, что онъ судился за это и даже былъ оставленъ въ подозрѣніи; но это не мѣшаетъ ему быть однимъ изъ мѣстныхъ воротилъ и водить компанію съ становымъ и тузами-капиталистами, которыхъ въ Л. довольно много. Трактиръ свой онъ устроилъ на городскую ногу: съ половыми въ бѣлыхъ рубашкахъ и съ поваромъ, однимъ изъ вымирающихъ обломковъ крѣпостнаго права, который можетъ готовить нетолько селянку, но и настоящее кушанье. Сюда стекается нетолько контингентъ, ежедневно привозимый пароходами, но и весь дѣловой людъ, снующій съ утра до вечера по базарной площади и за парой чая кончающій значительныя сдѣлки. Здѣсь гремитъ недавно выписанная изъ Москвы машина (а иногда и странствующій жидовскій оркестръ), и подъ ея гу-

дѣніе, среди духоты и кухонныхъ испареній, обдѣлываютъ свои дѣла «новые люди» (они же и краеугольные камни) нашего времени: маклаки, кулаки, сводчики, кабатчики, закладчики, лѣсники и пр.

Вмѣстѣ со мной, сошелъ въ Л. молодой человѣкъ, котораго я замѣтилъ еще на пароходѣ. Онъ сѣлъ за одинъ переходъ до Л. и въ теченіи этого переѣзда велъ себя совершенно молчаливо. Вошелъ въ каюту и улегся на диванъ, не спросивъ даже рюмки водки—поступокъ, которымъ, какъ извѣстно, ознаменовываетъ свое прибытіе всякій, сколько-нибудь сознающій свое достоинство, русскій пассажиръ. Наружность онъ имѣлъ совершенно приличную, даже джентльменскую; одѣтъ былъ, въ легкую визитку, и вещей имѣлъ очень мало: небольшой ручной сакъ, сумку черезъ плечо и пледъ. Съ перваго взгляда я принялъ его за одного изъ ближнихъ помѣщиковъ, отправляющагося въ гости къ сосѣду.

Поднимаясь въ гору, мы разговорились.

— Вы, кажется, здѣшній? спросилъ онъ меня.

— Верстъ двадцать отсюда мое имѣніе.

— И авторъ «Благонамѣренныхъ рѣчей»?

— Да.

— Читалъ-съ.

Нѣсколько ступенекъ мы прошли молча.

— Не совсѣмъ одобряю я вашу манеру, продолжалъ онъ.—Не ясно. Умаленіе семейныхъ добродѣтелей, неуваженіе чужой собственности, запутанность понятій о любви къ отечеству... Конечно, это программа очень благодарная, но, вѣдь, тутъ самое важное—отношеніе автора къ этимъ вопросамъ дня. Читая васъ, кажется, что вы на всѣ эти «признаки времени» не шутя прогнѣваны. Вамъ хотѣлось бы, чтобъ мужья жили съ женами въ *согласіи, чтобы* дѣти повиновались родителямъ, а родители

заботились о нравственномъ воспитаніи дѣтей, чтобы не было ни воровства, ни мошенничества, чтобы всякій считалъ себя въ правѣ стоять въ толпѣ разиня ротъ, не опасаясь ни за свои часы, ни за свой портмоне, чтобы, наконецъ, представленіе объ отечествѣ было чисто, какъ кристаллъ... такъ, кажется?

— Предоставляю вамъ, какъ читателю, выводить тѣ заключенія, какія вы сочтете нужнымъ... .

— Или, говоря другими словами, вы находите меня, для первой и случайной встрѣчи, слишкомъ нескромнымъ... Умолкаю-съ. Но такъ какъ, во всякомъ случаѣ, для васъ должно быть совершенно индифферентно, одному ли коротать время въ трактирномъ заведеніи, въ ожиданіи лошадей, или въ компаніи, то, надѣюсь, что вы не откажетесь напиться со мною чаю? У меня есть здѣсь дѣльце одно, и ручаюсь, что вы проведете время не *безъ пользы*.

— Согласенъ, но прежде позвольте...

— Сергѣй Ивановъ Колотовъ, къ вашимъ услугамъ. Здѣшній исправникъ.

Я взглянулъ на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Я понимаю: вамъ кажется страннымъ, что такой, можно сказать, юнецъ, какъ я, несетъ столь непосильное бремя, какъ бремя, сопряженное съ званіемъ исправника. Но не забудьте, что въ настоящее время мы всѣ живемъ очень быстро, и что вообще чиновничья мудрость измѣряется нынче не годами, а плотностью и даже, такъ сказать, врожденностью консервативныхъ убѣжденій, сопровождаемыхъ готовностью, по первому трубному звуку, устремляться куда глаза глядятъ. Мы всѣ здѣсь, то-есть, вся воинствующая бюрократическая армія, мы всѣ—молодые люди и всѣ урожденные консерваторы. Есть старшіе молодые люди, и есть и младшіе молодые люди. Исправ-

никомъ я лишь съ недавняго времени, а прежде состоялъ при старшемъ молодомъ человѣкѣ въ качествѣ младшаго молодого человѣка, и, должно сознаться, блаженствовалъ, потому что обязанности мои были самыя легкія. Я возлежалъ на лонѣ моего принципала (онъ мой товарищъ по школѣ, но болѣе счастливый карьеристъ, нежели я), сказывалъ ему консервативныя сказки, вмѣстѣ съ нимъ мечталъ объ англійскихъ лордахъ и правящихъ сословіяхъ, и вообще кормилъ его печатными пряниками. Но въ скоромъ времени все это измѣнилось. Пошли въ ходъ «превратныя толкованія»; явилось на сцену «настроеніе умовъ», а тамъ недалеко ужь и до «doctrines les plus détestables»... Словомъ сказать, понадобился «глазъ». Et, ma foi!... me voilà ispravnik!

Высказавши эту рацею, онъ бойко взглянулъ мнѣ въ лицо, какъ будто хотѣлъ внушить: а что̀, братъ, не ожидалъ ты, что въ этомъ захолустьи встрѣтишь столь интереснаго и либеральнаго собесѣдника?

Я догадался, что имѣю дѣло съ бюрократомъ самаго новѣйшаго закала. Но—странное дѣло!—чѣмъ больше я вслушивался въ его рекомендацію самого себя, тѣмъ больше мнѣ казалось, что, несмотря на внѣшній закалъ, передо мною стоитъ все тотъ же достолюбезный Держиморда, съ которымъ я когда-то былъ такъ пріятельски знакомъ. Да̀, именно Держиморда! Почищенный, приглаженный, выправленный, но все такой же балагуръ, готовый во всякое время и отца родного съ кашей съѣсть, и самому себѣ въ глаза наплевать...

Я всегда чувствовалъ слабость къ русской бюрократіи, и именно за то, что она всегда представляла собой, въ моихъ глазахъ, какую-то неразрѣшимую психологическую загадку. Несмотря на всѣ усилія выработать изъ нея бю*рократію, она* ни подъ какимъ видомъ не хочетъ сдѣ-

латься ею. Еще на глазахъ у начальства, она и туда и сюда, но какъ только начальство за дверь—она сейчасъ же языкъ высунетъ и сама надъ собою хохочетъ. Представить себѣ русскаго бюрократа, который относился бы къ себѣ самому, яко къ бюрократу, безъ нѣкотораго глумленія, нетолько трудно, но даже почти невозможно. А между тѣмъ, бюрократствуютъ тысячи, сотни тысячъ, почти милліоны людей. Милліонъ ходячихъ психологическихъ загадокъ! Милліонъ людей, которые сами на себя безъ смѣха смотрѣть не могутъ—развѣ это не интересно?

Я думаю, что наше бывшее взяточничество (съ удовольствіемъ употребляю слово «бывшее» и даже могу удостовѣрить, что двугривенныхъ нынѣ воистину никто не беретъ) очень значительное содѣйствіе оказало въ этомъ смыслѣ. Взяточничество располагало къ изліяніямъ дружества и къ простотѣ отношеній; оно уничтожало награды и сокращало разстоянія; оно уничтожало бюрократическій индифферентизмъ и дѣлало сердце чиновника доступнымъ для обывательскихъ невзгодъ. Какая, спрашивается, была возможность выработать бюрократа изъ Держиморды, когда онъ за двугривенный въ одну минуту готовъ былъ сдѣлаться изъ блюстителя и сократителя другомъ дома? Предположите, напримѣръ, хоть такой случай: Держиморда имѣетъ порученіе превратить ваше бытіе въ небытіе. Что онъ очень хорошо знаетъ, какую механику слѣдуетъ подвести, чтобъ вы въ одну минуту перестали существовать — въ этомъ, конечно, сомнѣваться нельзя; но, къ счастью, онъ еще лучше знаетъ, что отъ прекращенія чьего-либо бытія нетолько для него, но и вообще ни для кого ни малѣйшей пользы послѣдовать не должно. И вотъ онъ начинаетъ маневрировать. Прежде всего, онъ старается поразить ваше воображеніе, и съ этою цѣлью является въ сопровожденіи

цѣлаго арсенала прекратительныхъ орудій. Потомъ, онъ напускаетъ на себя юпитеровскую важность, потрясаетъ плечами, жестикулируетъ и сквернословитъ басомъ. Словомъ сказать, приступаетъ къ дѣлу словно и путный. Но не падайте духомъ передъ этими военными хитростями, не убѣждайте, не оправдывайтесь, но прямо вынимайте двугривенный. Какъ только двугривенный блеснулъ ему въ глаза—вся его напускная, ненатуральная важность мгновенно исчезла. Прекратительныхъ орудій словно какъ не бывало; дѣло о небытіи погружается въ одинъ карманъ, двугривенный—въ другой; въ комнатѣ дѣлается свѣтло и радостно; на столѣ появляется закуска и водка... И вотъ, передъ вами Держиморда—другъ дома, Держиморда—мужъ совѣта. Двугривенный прояснилъ его мысли и вызвалъ въ немъ тѣ лучшіе инстинкты, которые склоняютъ человѣка понимать, что бытіе лучше небытія, а препровожденіе времени за закуской лучше, нежели препровожденіе времени въ писаніи безплодныхъ протоколовъ, на которые еще богъ вѣсть, какимъ окомъ взглянетъ Сквозникъ-Дмухановскій (за полтиникъ, вѣдь, и онъ во всякое время готовъ сдѣлаться другомъ дома). Сообразивъ все это, онъ выпиваетъ рюмку за рюмкой, и нетолько предаетъ забвенію вопросъ о небытіи, но васъ же уму-разуму учитъ, какъ вамъ это бытіе продолжить, упрочить и вообще привести въ цвѣтущее состояніе. Черезъ полчаса его уже нѣтъ; онъ все выпилъ и съѣлъ, что̀ видѣлъ его глазъ, и ушелъ за другимъ двугривеннымъ, который уже давно запримѣтилъ въ карманѣ у вашего сосѣда. Вы расквитались, и хотя въ вашей мошнѣ сдѣлалось однимъ двугривеннымъ меньше, но не ропщите на это, ибо, благодаря этой монетѣ, при васъ остался драгоцѣннѣйшій даръ Творца: ваше бытіе.

Ка̀къ хотите, а это своего рода habeas corpus.

Это до такой степени справедливо, что когда Держиморда умеръ и преемники его начали относиться къ двугривеннымъ съ презрѣніемъ, то жить сдѣлалось многимъ тяжельше. Точно вотъ въ знойное, бездождное лѣто, когда и безъ того нѐкуда дѣваться отъ духоты и зноя, а тутъ еще чуются въ воздухѣ признаки какой-то неслыханной повальной болѣзни.

— Тяжело, милый другъ, народушкѣ! ничѣмъ ты отъ этой болѣсти не откупишься! жаловались въ то время другъ другу обыватели, и, по неопытности, одинъ за другимъ прекращали свое существованіе.

Но, къ счастью, такое суровое время проскочило довольно скоро. Благодаря Держимордѣ и долговременной его практикѣ, убѣжденіе, что дѣло о небытіи не имѣетъ въ себѣ ничего серьёзнаго, установилось на столько прочно, что обыватели скоро одумались. Не помогли ни неуклонность, ни неумытность, ни вразумленія, ни мѣропріятія: жертвою ихъ сдѣлались лишь первые, застигнутые врасплохъ обыватели. Затѣмъ, все постепенно вошло въ колею. Напрасно старались явившіеся на смѣну Держимордамъ безукоризненные молодые люди увѣрять и доказывать, что бюрократія не праздное слово—никто не повѣрилъ имъ. У всѣхъ еще на памяти замаслянный Держимординъ халатъ, у всѣхъ еще въ ушахъ звенитъ раскатистый Держимординъ смѣхъ — о чемъ же тутъ, слѣдовательно, толковать! И вотъ, молодые бюрократы корчатся, хмурятъ брови, надсаживаютъ свои груди, принимаютъ юпитеровскія позы, а имъ говорятъ:

— Ты не пугай—не слишкомъ-то испугались! У самого Антона Антоныча (Сквозникъ-Дмухановскій) въ передѣлѣ бывали—и то живы остались! Ты дѣло говори: сколько тебѣ слѣдуетъ?

— Ничего мнѣ не надо! мнѣ надо, чтобъ вы прекра-

тили свое существованіе! усовѣщивали молодые бюрократы невѣрующихъ.

— Да ты подумай, что̀ ты сказалъ! Ты на Бога-то посмотри!

Разсудите сами, какой олимпіецъ не отступитъ передъ этою беззавѣтною наивностью? «Посмотри на Бога!» — шутка сказать! А ну, какъ посмотришь, да тутъ же сквозь землю провалишься! Какъ не смутиться передъ этимъ напоминаніемъ, какъ не воскликнуть: Богъ съ вами! живите, множитесь и наполняйте землю!

Такъ именно и поступили молодые преемники Держиморды. Нѣкоторое время они упорствовали, но, повсюду встрѣчаясь съ невозмутимымъ «посмотри на Бога!», поняли, что имъ ничего другого не остается, какъ отступить. Впрочемъ, они отступили въ порядкѣ. Отступили не ради двугривеннаго, но гордые сознаніемъ, что, независимо отъ двугривеннаго, нашли въ себѣ силу простить обывателей. И чтобы маскировать неудачу предпринятаго ими похода, сами поспѣшили сдѣлать изъ этого похода юмористическую эпопею.

Съ тѣхъ поръ, отличительнымъ характеромъ русской бюрократіи сдѣлалось ироническое отношеніе къ самой себѣ. Прежніе Держиморды халатничали; нынѣшніе Держиморды увеселяютъ и амикошонствуютъ.

Словомъ сказать, настоящихъ «отпѣтыхъ» бюрократовъ, которые не прощаютъ, очень мало, да и тѣ вынуждены вести уединенную жизнь. Даже такихъ немного, которые прощаютъ безъ подмигиваній. Бо̀льшая же часть прощаетъ съ пѣніемъ и танцами, прощаетъ и во всѣ колокола звонитъ: вотъ, дескать, какой мы маскарадъ устроиваемъ!

Я знаю многихъ строгихъ моралистовъ, которые находятъ это явленіе отвратительнымъ. Я же хотя и не

имѣю ничего противъ этого мнѣнія, но не могу, съ своей стороны, не присовокупить: живемъ помаленьку!

Только въ одномъ случаѣ и донынѣ русскій бюрократъ всегда является истиннымъ бюрократомъ. Это — на почтовой станціи, когда смотритель не даетъ ему лошадей для продолженія его административнаго бѣга. Тутъ онъ вытягивается во весь ростъ, надѣваетъ фуражку съ кокардой (хотя бы это было въ комнатѣ), скрежещетъ зубами, суетъ въ самый носъ подорожную, и возглашаетъ:

— Да ты знаешь ли, курицынъ сынъ, съ кѣмъ дѣло имѣешь? ты это видишь! уткнись рыломъ-то въ подорожную! уткнись! прочитай!

Но Богу споспѣшествующу, надо надѣяться, что, съ развитіемъ желѣзныхъ путей, и на почтовыхъ станціяхъ число случаевъ проявленія бюрократизма въ значительной степени сократится.

Кстати: говоря о безуспѣшности усилій по части насажденія русской бюрократіи, я не могу не сказать нѣсколько словъ и о другомъ, хотя не особенно дорогомъ моему сердцу явленіи, но которое тоже играетъ не послѣднюю роль въ экономіи народной жизни и тоже прививается съ трудомъ. Я разумѣю соглядатайство.

Соглядатай французъ — вотъ истинный мастеръ своего дѣла. Это соглядатай — бритва. Вопервыхъ, онъ убѣжденъ, что дѣлаетъ дѣло; вовторыхъ, онъ знаетъ, что̀ ему надобно, и, втретьихъ, онъ никогда самъ не втюрится. Вотъ три капитальныя качества, которыя дѣлаютъ изъ него мастера. Онъ подслушиваетъ со смысломъ, и въ массѣ подслушаннаго умѣетъ на лету различить существенное отъ ненужныхъ околичностей. Это сберегаетъ ему пропасть времени. Онъ не остановитъ своего вниманія на пустякахъ, не пожалуется, напримѣръ, на то, что такой-то тогда-то говорилъ, что человѣкъ происходитъ

отъ обезьяны, или что такой-то, будучи въ пьяномъ видѣ, выразился: хорошо бы, молъ, Верхоянскъ вольнымъ городомъ сдѣлать и портофранко въ немъ учредить. Ему нѣтъ дѣла ни до верхоянской автономіи, ни до происхожденія человѣка. Онъ подслушиваетъ только то, что̀ въ данный моментъ и при извѣстныхъ условіяхъ представляетъ дѣйствительный подслушивательный интересъ. Подслушаетъ, устроитъ всю нужную обстановку, и тогда уже и пожалуется. И при этомъ непремѣнно самого себя убережетъ. Онъ не станетъ, въ видахъ поощренія, воровать вмѣстѣ съ воромъ, и не полѣзетъ въ заговоръ вмѣстѣ съ заговорщикомъ. Однимъ словомъ, никогда не поступитъ такъ, что потомъ и не разберешь, соглядатай ли онъ, или дѣйствительный воръ и заговорщикъ. Онъ облюбуетъ и натравитъ свою жертву издалека, почти не прикасаясь къ ней и строго стараясь держаться въ сторонѣ, въ качествѣ благороднаго свидѣтеля.

Итакъ, настоящій, серьёзный соглядатай — это французъ. Онъ быстръ, сообразителенъ, неутомимъ; сверхъ того, сухощавъ, не потливъ и обладаетъ такъ-называемыми jarrets d'acier. Нѣмецъ, съ точки зрѣнія усердія, тоже хорошъ, но онъ уже робокъ, и потому усердіе въ немъ очень часто извращается опасеніемъ быть побитымъ. Жидъ могъ бы быть отличнымъ соглядатаемъ, но слишкомъ торопится. О голландцахъ, датчанахъ, шведахъ и проч. ничего не знаю. Но русскій соглядатай — положительно никуда не годенъ.

Прежде всего, онъ рохля; онъ тотъ человѣкъ, про котораго сказано, что онъ въ водѣ онучи сушитъ. Онъ никогда не знаетъ, что̀ ему надобно, и потому подслушиваетъ зря, и, подслушавши, все кладетъ въ одну кучу. Вовторыхъ, онъ невѣжественъ, и потому всегда поражается пустяками и пугается самыхъ обыкновенныхъ ве-

щей. Прокаливъ ихъ въ горнилѣ своего разнузданнаго воображенія, онъ съ необыкновенною любовью размазываетъ ихъ, и этимъ очень легко вводитъ въ заблужденіе. Онъ лжетъ искренно, безъ всякой для себя пользы, и, притомъ, почти всегда со слезами на глазахъ, и вотъ это-то именно и составляетъ главную опасность его лжей, опасность, къ сожалѣнію, весьма немногими замѣчаемую и, вслѣдствіе этого, служащую источникомъ безчисленныхъ промаховъ. Втретьихъ, русскій соглядатай или повадливъ, или тщеславенъ. Ежели онъ повадливъ, то всегда начинаетъ съ выпивки, и потомъ, постепенно сдружаясь съ предметомъ своихъ наблюденій, незамѣтно принимаетъ его нравы и обычаи. Слѣдя за воромъ, украдетъ самъ, слѣдя за заговорщикомъ, самъ напишетъ прокламацію. И за это, къ собственному удивленію, попадаетъ на каторгу. Ежели онъ тщеславенъ, то любитъ, чтобъ его разумѣли благороднымъ человѣкомъ, называли масономъ и относились къ нему съ ласкою и довѣріемъ. Онъ обожаетъ слезы и безъ ума отъ раскаянія. Выплачьте у него на груди ваше заблужденіе, скажите ему при этомъ, что онъ масонъ — онъ проститъ. Онъ даже предупредитъ васъ, въ случаѣ надобности, разумѣется, оговорившись: «пожалуйста, между нами». И впрочемъ, тутъ же и другому, и третьему скажетъ: «это я! я предупредилъ! нужно спасти благороднаго молодого человѣка!»

Но попробуйте сказать ему, что онъ совсѣмъ не масонъ...

И такимъ образомъ проходятъ годы, десятки лѣтъ, а настоящихъ, серьёзныхъ соглядатаевъ не нарождается, какъ не нарождается и серьёзныхъ бюрократовъ. Я не говорю, хорошо это, или дурно, созрѣли мы, или не созрѣли, но знаю многихъ, которые и въ этомъ готовы видѣть своего рода habeas corpus.

*

Такого рода мысли невольно представились мнѣ, покуда Колотовъ зарекомендовывалъ себя.

— А знаете ли, сказалъ я: — прежде, право, лучше было. Ни о какихъ настроеніяхъ никто не думалъ, исправники внутреннею политикой не занимались... отлично!

— Да-съ, но вы забываете, что у насъ нынче смутное время стоитъ. Суды оправдываютъ лицъ, нагрубившихъ квартальнымъ надзирателямъ, земства разговариваютъ объ учительскихъ семинаріяхъ, объ артеляхъ, о сыровареніи. Да и представителей нравственнаго порядка до пропасти развелось: что̀ ни шагъ, то доброхотный ревнитель. И всякій считаетъ долгомъ предупредить, предостеречь, предувѣдомить, указать на предстоящую опасность... Ка̀къ тутъ не встревожиться?

— Слѣдовательно, въ настоящую минуту вы находитесь въ экскурсіи по предмету «настроенія умовъ»?

— Да̀, я ѣду изъ З., гдѣ, по «достовѣрнымъ свѣдѣніямъ», засѣло цѣлое гнѣздо неблагонамѣренныхъ, и намѣренъ пробыть до сегодняшняго вечерняго парохода въ Л., гдѣ, по тѣмъ же «достовѣрнымъ свѣдѣніямъ», засѣло другое цѣлое гнѣздо неблагонамѣренныхъ. Вы понимаете, два гнѣзда на разстояніи какихъ-нибудь 30—40 верстъ!

— Однако, какая пропасть гнѣздъ! А мы-то, простаки, ѣздимъ, ходимъ, ѣдимъ, пьемъ, посягаемъ — и даже не подозрѣваемъ, что всѣ эти отправленія совершаются нами въ самомъ, такъ сказать, круговоротѣ неблагонамѣренностей!

— Да-съ; вотъ вы теперь, предположимъ, въ трактирѣ чай пьете, а противъ васъ за однимъ столомъ другой господинъ чай пьетъ. Ну, вы и смотрите на него, и разговариваете съ нимъ просто, какъ съ человѣкомъ, который чай пьетъ. Бацъ — анъ онъ неблагонадѣжный!

— Сколько опасностей!

— Опасностей нынче очень много, а главную опасность представляетъ дурная привычка употреблять въ разговорѣ мудреныя слова. Надобно непремѣнно оставить эту привычку и стараться говорить какъ можно проще, особливо въ трактирахъ и въ домахъ терпимости. Возьмемъ, для примѣра, хоть слово «ассоціація». Въ сущности, оно до того вошло въ литературный обиходъ, что никого уже не пугаетъ. Но трактиры и дома терпимости придерживаются еще академическаго словаря, въ который это слово не попало. Поэтому, ежели вы тамъ произнесете слова̀, въ родѣ: ассоціація, ирригація, аберрація — все равно: половые и погибшія созданія, все-таки, поймутъ, что вы распространяете революцію.

— Приму ваше наставленіе къ свѣдѣнію. Но скажите на милость, чѣмъ же собственно занимаются лица, принадлежащія къ сословію неблагонамѣренныхъ?

— Занимаются они, по бо̀льшей части, неблагонамѣренностями, откуда происходитъ и самое названіе «неблагонамѣренный». Въ частности же, не по дворянски себя ведутъ. Такъ, напримѣръ, помѣщикъ Анпетовъ пригласилъ нѣсколькихъ крестьянъ, поселилъ ихъ вмѣстѣ съ собою, принялъ ихъ образъ жизни (только онъ Лаферма папиросы куритъ, а они тютюнъ), и самъ наравнѣ съ ними обработываетъ землю.

— Самъ пашетъ?

— Самъ въ первой сохѣ и въ первой косѣ. Барыши, однако, они дѣлятъ совершенно сообразно съ указаніями экономической науки; сначала высчитываютъ проценты на основной и оборотный капиталы (эти проценты неблагонамѣренный беретъ въ свою пользу); потомъ откладываютъ извѣстный процентъ на вознагражденіе за трудъ по веденію предпріятія (этотъ процентъ тоже беретъ не-

благонамѣренный, въ качествѣ руководителя работъ); затѣмъ, остальное складываютъ въ общую массу.

— Гм... капиталъ-то, стало быть, уважаетъ?

— Даже очень уважаетъ.

— Что̀ же тутъ... ахъ, да! понимаю! «Остальное складываютъ въ общую массу»... стало быть, и лѣнивый, и ретивый... да! это такъ! вѣдь, это почти что «droit au travail».

— Ну, до этого-то еще далеко! Они объясняютъ это гораздо проще; вопервыхъ, дробностью расчетовъ, а вовторыхъ, тѣмъ, что изъ-за какого-нибудь гривенника не стоитъ хлопотать. Вѣдь, при этой системѣ всякій старается сдѣлать все, что̀ можетъ, для увеличенія чистой прибыли, слѣдовательно, сто̀итъ ли усчитывать человѣка въ томъ, что онъ однимъ — двумя фунтами травы накосилъ меньше, нежели другой.

— Такъ что̀ же тутъ... впрочемъ, конечно, оно странновато: помѣщикъ — и самъ пашетъ! Однако, вѣдь, съ другой стороны, онъ, быть можетъ, ни къ чему другому и не способенъ примѣнить свой трудъ, кромѣ обдѣлки земли! Можетъ быть, все его самолюбіе въ томъ именно и заключается, чтобъ быть въ первой сохѣ и въ первой косѣ? Вѣдь, вы знаете, что Людовикъ XVI, напримѣръ, даже хвастался тѣмъ, что былъ отличнымъ токаремъ? Я даже думаю, что самая система вознагражденія рабочихъ, въ формѣ участія въ чистой прибыли, есть штука очень хитрая, потому что она заставляетъ рабочаго тщательнѣе относиться къ своей работѣ, и тѣмъ косвенно содѣйствуетъ возвышенію цѣнности земли. То-есть, опять же въ карманъ собственнику капитала.

— Все это возможно, а все-таки, «странно нѣкако». Помните, у Островскаго двѣ свахи есть: сваха по дворянству и сваха по купечеству. Вообразите себѣ, что

сваха по дворянству вдругъ начинаетъ дѣйствовать, какъ сваха по купечеству — вѣдь, зазорно? Такъ-то и тутъ. Мы привыкли представлять себѣ землевладѣльца или отдыхающимъ, или пьющимъ на лугу чай, или ловящимъ въ прудѣ карасей, или проводящимъ время въ кругу любезныхъ гостей — и вдругъ: первая соха! Неприлично-съ! Непринято-съ! Возмутительно-съ!

— Но, вѣдь, нынче значительное число «дворянскихъ гнѣздъ» попало въ руки купцовъ, кабатчиковъ, лѣсниковъ; стало быть, и самые способы распоряженія земельною собственностью, силою вещей, измѣнили характеръ?

— Это такъ, но, вѣдь, и кабатчики нынче стараются дѣйствовать «по благородному». Сидятъ въ тѣни, чай пьютъ, варенье варятъ, да тутъ же между отдыхомъ и мужичковъ обсчитываютъ.

— Черезъ кого же вы эти свѣдѣнія о настроеніи умовъ получаете?

— А мало ли отставныхъ поручиковъ, штабсъ-капитановъ, губернскихъ и коллежскихъ секретарей безъ дѣла шатается! Всѣ они нынче возмнили себя представителями нравственнаго порядка и борьбы. Живется этимъ ревнителямъ, правду сказать, довольно-таки холодно и голодно, а къ дѣлу они никакимъ манеромъ пристроиться не могутъ. Такъ-таки со времени упраздненія крѣпостнаго права и «висятъ на воздусяхъ». Ни въ управу, ни въ мировые судьи — никуда ихъ не пускаютъ. Вотъ какъ забаллотируютъ ихъ, они и начинаютъ полегоньку перебирать то того, то другого изъ той партіи, которая восторжествовала на выборахъ. И сейчасъ — предостереженьеце!

— Однако, какая гадость у васъ здѣсь завелась!

— Все больше отъ бѣдности и отъ огорченія. Какія у этихъ ревнителей нравственнаго порядка усадьбы, чѣмъ

они въ этихъ усадьбахъ кормятся, въ какихъ рубищахъ ходятъ! — это даже представить себѣ трудно. Дрянной народъ, сплетникъ народъ. Да вотъ, я сейчасъ познакомлю васъ съ однимъ капитаномъ изъ этой породы. Когда-то онъ служилъ здѣсь по выборамъ, потомъ судился за скрытіе убійства и былъ изгнанъ со службы; потомъ засѣкъ свою дворовую дѣвку, опять судился и оставленъ въ подозрѣніи... словомъ, цѣлый формуляръ. А теперь вотъ «добрыя начала» поддерживаетъ! Да еще какой ехидный — что̀ ни недѣля, то извѣщеніе!

— И вы вѣрите этимъ сплетнямъ?

— Ну, я-то собственно съ юмористической точки зрѣнія...

— Позвольте! Но, вѣдь, вы должны же дать отчетъ... ну, хоть въ томъ, что̀ имѣетъ произойти сегодня?

— Отчетъ? А помнится, у васъ же довелось мнѣ вычитать выраженіе «ожидать поступковъ». Такъ вотъ, въ этомъ самомъ выраженіи и резюмируется программа всѣхъ моихъ отчетовъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Скажу даже больше: отчетъ свой я могъ бы совершенно удобно написать въ моей К—ской резиденціи, не ѣздивши сюда. И ежели вы видите меня здѣсь, то единственно только для того, чтобы констатировать мое присутствіе.

Онъ сново бойко взглянулъ мнѣ въ лицо, и я постарался воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы уловить въ его физіономіи хоть тѣнь замѣшательства. Но, къ сожалѣнію, ничего подобнаго поймать не могъ. Бываютъ люди, которые накидываютъ на себя бойкость именно для того, чтобъ маскировать извѣстную неловкость положенія, но въ Колотовѣ, повидимому, даже не было ни малѣйшаго сознанія какой-либо неловкости. Онъ вполнѣ *искренно* пользовался наилучшимъ настроеніемъ духа и

остроумничалъ на свой собственный счетъ совершенно непринужденно и весело.

Мы вели разговоръ на площадкѣ передъ трактиромъ. Изъ «заведенія» до насъ доносился безтолковый говоръ угощающагося люда, смѣшанный съ звономъ чайной посуды и съ звуками «miserere», наигрываемаго машиною. Обоняніе наше было тоже несовсѣмъ пріятно поражаемо запахомъ прѣли, помоевъ, табачнаго дыма и кухоннаго чада, вылетавшимъ изъ открытыхъ настежъ оконъ трактира. Въ виду свѣжести, несшейся съ рѣки, среди царствующаго окрестъ безмолвія, трактиръ казался какою-то безобразною клоакой, населенной неугомонными, поѣдающими другъ друга гадами. Все это дѣлало перспективу предстоявшаго чаепитія до того несоблазнительною, что я ужь подумывалъ, не улепетнуть ли мнѣ въ болѣе скромное убѣжище отъ либерально-полицейскихъ разговоровъ моего случайнаго собесѣдника?

— А вотъ и мой капитанъ! воскликнулъ Колотовъ:— эге! да съ нимъ еще кто-то: попъ, кажется! Они тоже ноньче ударились во всѣ тяжкія по части охранительныхъ началъ!

Я взглянулъ на вышку трактира. Тамъ, въ открытомъ окнѣ, стояла длинная фигура и махала платкомъ въ нашу сторону. Изъ-за нея выглядывало дѣйствительно нѣчто похожее на попа. Длинная фигура показалась мнѣ какъ будто знакомою.

Черезъ минуту, мы уже были на вышкѣ, въ маленькой комнатѣ, которой стѣны были разрисованы деревьями на манеръ сада. Солнце въ упоръ палило сюда своими лучами, но капитанъ и его товарищъ, повидимому, не замѣчали нестерпимаго жара, и порядкомъ-таки урѣзали, о

чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ графинъ съ водкой, опорожненный почти до самаго дна.

Да̀, это былъ онъ, свидѣтель дней моей юности, отставной капитанъ Никифоръ Петровичъ Терпибѣдовъ. Но какъ онъ постарѣлъ, полинялъ и износился! ка̀къ мало онъ походилъ на того дѣятельнаго куроцапа, какимъ я его зналъ въ дни моего счастливаго, рѣзваго дѣтства! Боже! ка̀къ все это было давно, давно!

Наружность Терпибѣдова очень оригинальная. Это человѣкъ лѣтъ шестидесяти слишкомъ, необыкновенно длинный и весьма узкій въ кости. На этомъ длинномъ туловищѣ посажена не пропорціонально маленькая головка, почти лишенная подбородка, съ крошечнымъ остаткомъ волосъ на вискахъ и затылкѣ, съ заостреннымъ носомъ, какъ у копчика, съ воспаленными глазами на выкатѣ и съ совершенно покатымъ лбомъ. Изъ внутренностей его, словно изъ пустого пространства, безъ всякихъ съ его стороны усилій, вылетаетъ громкій, словно лающій голосъ, особенность, которая, я помню, еще въ дѣтствѣ поражала меня, потому что при первомъ взглядѣ на его сухопарую, словно колеблющуюся фигуру, скорѣе можно было ожидать ноющаго свиста иволги, нежели собачьяго лая.

Одѣтъ онъ тоже не совсѣмъ обыкновенно. На немъ свѣтлокоричневый фракъ съ узенькими фалдочками стариннаго покроя, сѣрыя клѣтчатыя штаны со штрипками и темномалиновый кашемировый двубортный жилетъ. На шеѣ волосяной галстухъ, мѣстами сильно обившійся, изъ-подъ котораго высовываются туго накрахмаленные заостренные воротнички, словно стрѣлы врѣзывающіеся въ его обрюзглыя щеки. По всему видно, что онъ постепенно донашиваетъ гардеробъ, накопленный въ лучшія времена.

— Ба! сочинитель! залаялъ онъ, увидавъ меня.

На меня вдругъ пахнуло словно сыростью. Какъ будто распахнулись двери давно не отпиравшагося подвала, въ которомъ безъ толку наваленъ былъ старый, заплѣсневѣвшій отъ времени хламъ. Я вспомнилъ былое, когда Терпибѣдовъ былъ еще, какъ говорится, въ самой порѣ и служилъ дворянскимъ засѣдателемъ въ земскомъ судѣ. Какъ видите, это было еще до появленія становыхъ приставовъ на аренѣ внутренно-политической дѣятельности (сосчитайте, сколько мнѣ лѣтъ-то!). Онъ довольно часто наѣзжалъ къ намъ и по службѣ, и въ качествѣ сосѣда по имѣнію, и всегда обращалъ на себя мое вниманіе въ особенности тѣмъ, что домашніе наши какъ-то ужь черезчуръ безцеремонно обращались съ нимъ.

— Ну, что̀, куроцапъ, каково курчатъ полавливаешь? неизмѣнно привѣтствовалъ покойный отецъ мой появленіе капитана.

— Какіе ноньче курчата! неизмѣнно же отвѣтствовалъ на это привѣтствіе капитанъ:—нынѣшніе, сударь, курчата некормленные, а ежели и есть которые покормнѣе, такъ на тѣхъ ужь давно капитанъ-исправникъ петлю закинулъ.

Вслѣдъ затѣмъ, подавалась закуска и начинались «шутки», на которыя былъ такъ неистощимъ помѣщичій строй добраго стараго времени. Похлопывали Терпибѣдова по животу, какъ бы нащупывая спрятанныхъ тамъ курчатъ, пугали его, убирали со стола его тарелку съ недоѣденнымъ кушаньемъ, словомъ, продѣлывали на немъ весь скудный репертуаръ домашнихъ театральныхъ представленій. Я даже помню, какъ онъ судился по дѣлу о сокрытіи убійства, какъ его дразнили за это фофаномъ и какъ онъ оправдывался, говоря, что «одну минуточку только не опоздай онъ къ секретарю губернскаго правленія—и ничего бы этого не было».

Впослѣдствіи, Терпибѣдовъ исчезъ въ той общей пучинѣ, въ которую кануло крѣпостное право. Даже фамиліи его какъ-то никто не упоминалъ, хотя связь моя съ родными мѣстами не прерывалась. И вдругъ оказывается, что онъ живъ-живехонекъ, что какимъ-то образомъ онъ ухитрился ухватиться за какое-то бревнышко въ то время, когда прорвало и смыло плотину крѣпостнаго права, что онъ притаился, претерпѣлъ либеральныхъ мировыхъ посредниковъ, и, все таки, не погибъ. Да и нетолько не погибъ, но даже всталъ на стражѣ, всталъ безкорыстно, памятуя и зная, что ремесло стража общественной безопасности вознаграждается у насъ больше пинками, нежели кредитными рублями.

— А голосъ-то у васъ, Никифоръ Петровичъ, прежній остался! Помните, какъ вы однажды тетеньку Прасковью Ивановну испугали? сказалъ я, здороваясь съ нимъ.

— Помните, сударь! не забыли! воскликнулъ онъ, слегка дрогнувъ:—прежнее-то, хорошее-то время... не забыли?

— Помню.

— Да-съ, примерли! всѣ примерли! Одинъ я да вотъ Григорій Александрычъ въ здѣшнихъ мѣстахъ изъ стариковъ остались. Стары, сударь! ветхи! Морковкина Петра Александровича, предводителя-то нашего бывшаго, помните?

— А гдѣ онъ теперь?

— Въ Москвѣ, сударь! въ ямѣ за долги года съ два высидѣлъ, а теперь у нотаріуса въ писцахъ, въ самыхъ, знаете, маленькихъ... десять рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ. Да и какое ужь его писанье! и перо-то онъ не въ чернильницу, а больше въ ротъ себѣ суетъ. Изъ-за того только и держатъ, что предводителемъ былъ, такъ купцы на него смотрѣть ходятъ. Ну, иной смотритъ-смотритъ, а между прочимъ, и актецъ совершитъ.

— Скажите, пожалуйста! вѣдь, въ тысячахъ душахъ былъ! а какой хлѣбосолъ! свой оркестръ держалъ! пѣвчихъ! три трехлѣтія предводителемъ выслужилъ!

— Не три, а цѣлыхъ пять-съ!

— И теперь... писцомъ!

— Да-съ, въ конторѣ у нотаріуса сидитъ... духота-то какая! да еще прочіе служащіе въ трактиръ за кипяткомъ заставляютъ бѣгать!

— Ну, а имѣніе его?

— Имѣніе его Пантелѣй Егоровъ, здѣшній хозяинъ, съ аукціона купилъ. Такъ, за ничто подлецу досталось. Домъ снесъ, паркъ вырубилъ, лѣса свелъ, скотъ выпродалъ... Послѣ музыкантовъ какой инструментъ остался— и тотъ въ здѣшній полкъ спустилъ. Не узнаете вы Грѣшищева! Пантелѣй Егоровъ по немъ словно французъ прошелъ! Помните, какіе караси въ прудахъ были— и тѣхъ всѣхъ до одного выловилъ, да здѣсь въ трактирѣ мужикамъ на порціи скормилъ! Сколько деньжищъ выручилъ—страсть!

Онъ свиснулъ, поникъ головой и задумался.

— Ну, а вы какъ, Никифоръ Петровичъ?

— Не хорошо-съ. То-есть, такъ плохо, такъ плохо, что если начать разсказывать, такъ въ своемъ родѣ «Тысяча и одна ночь» выйдетъ. Ну, а все таки, еще ратуемъ.

— Служите?

— Нѣтъ, такъ, по своей охотѣ ратуемъ. А впрочемъ, и то сказать, горевые мы ратники! Вотъ кабы тузы-то наши козырные живы были—ну, и намъ бы поповаднѣе было за одно съ ними помѣряться. Да отъ нихъ, вишь, только могилки остались, а намъ-то, мелкотѣ, не очень и довѣряютъ нынѣшніе правители-то!

— А вамъ бы еще послужить, Никифоръ Петровичъ.

— Слуга покорный-съ. Нынче, сударь, все молодежь

пошла. Химіи да физики въ ходу, а мы, вѣдь, безъ химій вѣкъ прожили, а наипаче на божью милость надѣялись. Не годимся-съ. Такое ужь ноньче время настало, что въ церкву не ходятъ, а больше, съ позволенія сказать, въ удобреніе вѣруютъ.

— Не черезъ край ли вы хватили, Никифоръ Петровичъ?

— Нѣтъ-съ, до краевъ еще далеко будетъ. Вездѣ нынче этотъ развратъ пошелъ, даже духовные—и тѣ невѣрующіе какіе-то сдѣлались. Этта, доложу вамъ, затесался у насъ въ земскіе гласные попъ одинъ, такъ и тотъ намеднись при всей публикѣ такъ и ляпнулъ: цифру мнѣ подайте! цифру! ни во что, кромѣ цифры, не повѣрю! Это духовное-то лицо!

— Это дѣйствительно-съ. Отецъ Спиридоній Благосклоновъ, села Бекетова іерей. Верстъ десять отсюдова будетъ.

Слова эти произнесъ пріѣхавшій съ Терпибѣдовымъ священникъ. Это былъ человѣкъ уже пожилой, небольшаго роста, тучный, съ большою и почти совсѣмъ лысою головой, которую онъ держалъ, нѣсколько закинувъ назадъ. Характеристическимъ отличіемъ его плоскаго лица представлялись широкія пещеристыя ноздри, которыя, такъ сказать, опредѣляли всю его физіономію. Все прочее утопало въ какомъ-то рыжевато-бѣлесоватомъ колоритѣ. Маленькіе, полупотухшіе глаза неподвижно смотрѣли сквозь очки и казались не видящими; тонкія, выцвѣтшія губы едва раскрывались даже въ то время, когда онъ говорилъ. Рѣдкіе, свѣтлорыжіе волосы на головѣ висѣли въ безпорядкѣ; на бородѣ и усахъ почти совсѣмъ волосъ не было. Говорилъ онъ солидно и пріятнымъ басомъ, но въ голосѣ звучала рѣзкая подыскивающаяся нотка, отъ которой становилось неловко. Вообще, это было какое-то

загадочное существо, котораго видъ вселялъ опасеніе. Даже Терпибѣдовъ, при всемъ сознаніи своей несомнѣнной благонамѣренности, побаивался его, и, повидимому, находился подъ сильнымъ его вліяніемъ, что̀ не мѣшало ему, однакожъ, шутить надъ своимъ менторомъ довольно смѣлыя шутки. Не смотря на жаркое іюньское время, на священникѣ была черная суконная ряса, сильно порыжѣвшая и запыленная.

— Рекомендую! представилъ его намъ Терпибѣдовъ: — отецъ Арсеній, бывшій священникъ нашего прихода, а нынѣ запрещенный попъ-съ. По навѣтамъ, а больше за кляузы-съ. До двадцати приходовъ въ свою жизнь перемѣнилъ, нигдѣ не ужился, а теперь и во̀все скапутился!

При этой неожиданной аттестаціи, отецъ Арсеній молча вскинулъ своими незрящими глазами въ сторону Терпибѣдова. Подъ вліяніемъ этого взора, расходившійся капитанъ вдругъ съежился и засуетился. Онъ схватилъ со стола дорожный чубукъ, вынулъ изъ кармана засаленный кисетъ и началъ торопливо набивать трубку.

— Извольте же продолжать, Никифоръ Петровичъ! солидно протянулъ отецъ Арсеній: — вы сказали «за кляузы»... извольте же объяснить, какого рода и по какому случаю эта называемая вами кляуза начало свое получила?

— Нѣтъ ужь, слуга покорный! ты и на меня еще кляузу напишешь! попробовалъ отшутиться Терпибѣдовъ.—Вотъ, сударь! перемѣняя разговоръ, обратился онъ ко мнѣ:—нынче и трубку ужь самъ закуриваю! а *прежде* сталъ ли бы я! Прошка! венѐ-зиси! — и трубка въ зубахъ!

— Дѣйствительно, прежде не малое было поощреніе лѣности и тунеядству! уязвилъ отецъ Арсеній.

— Да, сударь, было-съ, было наше времячко! продолжалъ Терпибѣдовъ, словно не слыша поповскаго замѣчанія: — такъ вотъ, и вы родное гнѣздо посѣтить собрались. Дѣльно-съ. Лѣску малую толику спустить-съ, на счетъ пустошей распорядиться-съ... пользительно-съ!

— Скажите, капитанъ! Вѣдь, и у васъ тутъ, кажется, неподалеку усадьба была?

— Какъ же-съ, какъ же-съ! И по сейчасъ есть-съ. Только прежде я ее Монрепò прозывалъ, а ныньче Монсуфрансомъ зову. Нельзя, сударь. Потому, во всѣхъ комнатахъ течь! Въ прошлую весну всѣ дожди на своихъ бокахъ принялъ, а вотъ онъ, іерей-то, называетъ это благорастворенiемъ воздуховъ!

— Это дѣйствительно, пояснялъ отецъ Арсенiй. — Весна у насъ ныньче для произрастанія злаковъ весьма благопріятная была. Капуста, огурцы — даже сейчасъ во всемъ блескѣ. Но у кого крыша въ неисправности, тотъ, конечно, не мало огорченій претерпѣлъ.

— Да-съ, претерпѣлъ-таки. Ужь давно думаю я это самое Монрепò пò боку—да никому, вишь, не требуется. Пантелѣю Егорову предлагалъ: купи, говорю! тебѣ, говорю, все одно, чью кровь ни сосать! Такъ нѣтъ, и ему не нужно! Въ твоемъ, говоритъ, Монрепò не людямъ, а лягушкамъ водъ! Вотъ, сударь, какъ ныньче бывшіе холопы-то съ господами со своими поговариваютъ!

Онъ усиленно потянулъ дымъ, и мнѣ показалось, что внутри у него словно чтò зарычало.

— Такъ-то вотъ мы и живемъ, продолжалъ онъ. — Это бывшіе слуги-то. Главная причина: никакъ забыть не можемъ. Кабы ежели Богъ намъ забвеніе послалъ, все бы, кажется, лучше было. Сломалъ-бы хоромы-то, выстроилъ бы избу рублей въ двѣсти, надѣлъ бы зипунъ, трубку бы тютюномъ набилъ... царствуй! Такъ

нѣтъ, все хочется, какъ получше. И зàльце чтобъ было, кабинетецъ тамъ, чтò ли, «мадамъ! перметте бонжуръ!» «человѣкъ! рюмку водки и закусить!» Вотъ, чтò конфузитъ-то насъ! А то кàкъ бы не жить! Житье — первый сортъ!

— И то еще ладно, капитанъ, что вы хорошее расположеніе духа не утратили! усмѣхнулся я.

— Помилуйте! съ ними театровъ не надобно-съ! никогда не соскучитесь! прибавилъ отецъ Арсеній.—Только вотъ на языкъ невоздержны маленько.

— Да-съ, будешь и театры представлять, какъ въ зной-то палитъ, а въ дождь поливаетъ! Смиряемся-съ. Терпимъ и молчимъ. Въ терпѣніи хотимъ стяжать души наши... такъ, чтò ли, батя?

— При ветхости крыши, и это утѣшеніемъ послужить можетъ!

— Однимъ словомъ, прежде лучше жилось—такъ, чтò ли, капитанъ? поддразнивалъ Колотовъ.

— Прежде! прежде-то! прежде-съ!

Терпибѣдовъ словно прогремѣлъ эту фразу, и даже поперхнулся отъ волненія.

— Прежде, я вамъ доложу, настоящихъ-то слугъ цѣнили-съ, продолжалъ онъ, захлебываясь на каждомъ словѣ:—а ныньче настоящихъ-то слугъ...

Онъ вдругъ оборвалъ, словно чуя, что незрящій взоръ отца Арсенія покоится на немъ. И дѣйствительно, взоръ этотъ какъ бы говорилъ: продолжай! добалтывайся! твои будутъ рѣчи, мои—перо и бумага. Поэтому, очень кстати, появился въ ту минуту чайный приборъ.

— А какую я вамъ, Сергѣй Иванычъ, рыбку припасъ! обратился Терпибѣдовъ къ Колотову:—ужь если эта рыбка не вкусна покажется, такъ хоть всю рѣчную муть перешарьте—пустое дѣло будетъ.

— Осётрикъ во всѣхъ статьяхъ-съ, мягко, даже почти благосклонно пояснилъ отецъ Арсеній, дуя въ блюдечко и прищелкивая зубами сахаръ.

— Знаю; вы писали, капитанъ: господинъ Парначевъ, кажется?

— То-есть, писалъ собственно я-съ, а они токмо подписомъ своимъ утвердить пожелали, замѣтилъ отецъ Арсеній.

— Парначевъ! не Павла ли Николаича сынъ? да, вѣдь, онъ тутъ въ земствѣ, кажется? вспомнилъ я.

— Онъ самый-съ. Въ земствѣ-съ, да-съ. Шайку себѣ подобралъ... разночинцевъ разныхъ... всѣ мѣста имъ роздалъ—ну, и держитъ уѣздъ въ осадѣ. Скоро дождемся, что по большимъ дорогамъ разбойничать будутъ. Артели, банки, каммуны... Это дворянинъ-съ! Дворянинъ, сударь, а какими дѣлами занимается! Да вотъ батюшка лучше меня распишетъ!

— Дѣйствительно, могу свидѣтельствовать. Много неповинныхъ душъ Валеріанъ Павлычъ совратилъ, даже всю округу можно сказать своимъ тлетворнымъ дыханіемъ заразилъ, сентенціозно подтвердилъ отецъ Арсеній.

— И добро бы изъ долгогривыхъ — все бы не такъ обидно! А то, вѣдь, дворянинъ-съ!

— Однако, вы довольно таки несносно объ нашемъ сословіи выражаетесь, Никифоръ Петровичъ! обидѣлся отецъ Арсеній. — Прошу, оставьте!

— Ну, батя, не взыщи! Долгогривые — они, вѣдь... примѣры-то эти были!

— Чувствительнѣйше васъ прошу! оставьте-съ!

— Позвольте, господа! не въ томъ совсѣмъ вопросъ! Что же собственно дѣлаетъ господинъ Парначевъ, что могло въ такой степени возбудить ваше негодованіе? *Объясните* сначала вы, капитанъ!

— Все дѣлаетъ. Каммуны дѣлаетъ, протолеріатъ проповѣдуетъ, прокламацію распущаетъ... все, словомъ сказать, весь ядъ!

— Главнѣйше же путямъ Провидѣнія не покоряется, пояснилъ отецъ Арсеній: — дождь, напримѣръ, не отъ Бога, а отъ облаковъ... да облака-то откуда?

— А вы, батюшка, имѣли разговоръ съ господиномъ Парначевымъ объ этомъ предметѣ?

— Прямого разговору собственно съ ними не было, а отъ крестьянъ довольно-таки наслышанъ. У здѣшнихъ крестьянъ, позвольте вамъ доложить, издавна такой обычай: ненастье ли продолжительное, засуха ли—лекарство у нихъ на этотъ счетъ одно: молебствіе. И завсегда они соглашались на это съ готовностью, нынче же строптивость выказали. Прошлую весну совсѣмъ-было здѣсь насъ залило, ну я, признаться, самъ даже предложилъ: не помолебствовать ли, друзья? А они въ отвѣтъ дождь-то, вѣдь, отъ облаковъ; облака, что̀ ли, ты заговаривать станешь? Отъ кого, смѣю спросить, они столь неистовыми мыслями заимствоваться могли?

Я слушалъ этотъ обвинительный актъ, и, признаюсь откровенно, слушалъ не безъ страха. Я спрашивалъ себя не о томъ, какія послѣдствія для Парначева можетъ имѣть эта галиматья—для меня было вполнѣ ясно, что о послѣдствіяхъ тутъ не можетъ быть и рѣчи — но о томъ, можно ли жить въ подобной обстановкѣ, среди столь необыкновенныхъ разговоровъ? Вѣдь, пошлость не всегда ограничивается однимъ тѣмъ, что оскорбляетъ здравый человѣческій смыслъ; въ большинствѣ случаевъ, она выказываетъ, кромѣ того, и очень рѣзкія поползновенья къ прозелитизму. Не она покоряется убѣжденіямъ разума, но требуетъ, чтобъ разумъ покорился ея убѣжденіямъ. Столкновеніе приходитъ не вдругъ, но что оно

несомнѣнно придетъ—въ этомъ служитъ ручательствомъ тотъ громадный запасъ досужества, который всегда находится въ распоряженіи пошлости. Подумайте, сколько варварскаго трагизма скрыто въ этой предстоящей коллизіи!

На сторонѣ пошлости — привычка, боязнь неизвѣстности, отсутствіе знанія, недостатокъ отваги. Все, что̀ отдаетъ человѣка въ жертву темнымъ силамъ, все это предлагаетъ ей союзъ свой. Заручившись этими пособниками и имѣя на готовѣ свой собственный жизненный кодексъ, она до такой степени насыщаетъ атмосферу его міазмами, что вдыханіе этихъ послѣднихъ становится обязательнымъ. Всякое явленіе она обозначаетъ своими примѣтами, всякому факту находитъ готовое, полуэмпирическое, полумистическое толкованіе. Какъ сложились эти примѣты и толкованія — этого она, конечно, не объяснитъ, да ей и ненужно объясненій, ибо необъяснимость нетолько не подрываетъ ея кодекса, но даже еще больше удостовѣряетъ въ его непреложности. И ежели она встрѣчаетъ отказъ или сомнѣніе, то это ни мало не заставляетъ ее вдуматься въ свои требованія, но только возбуждаетъ удивленіе. Отъ удивленія она переходитъ къ назойливости, отъ назойливости къ застращиванію. Досугъ даетъ ей чудовищныя средства въ смыслѣ прозелитизма; всегда праздная, всегда суетящаяся, она неутомимо кружитъ около сомнѣвающагося, и постепенно стягиваетъ, съуживаетъ свои круги. И вотъ наступаетъ моментъ, когда она приступаетъ уже настоятельно, и, не стѣсняясь формальностями, прямо объявляетъ свою сентенцію. Вы не вѣрите примѣтамъ — вы безбожникъ; вы не раболѣпствуете — вы насадитель революціонныхъ идей, возмутитель, ниспровергатель авторитетовъ; вы относитесь критически къ извѣстнымъ общественнымъ явлені-

ямъ—вы развратникъ, ищущій разрушить общественныя основы...

Спрашиваю вновь: какъ жить и не погибнуть въ подобной обстановкѣ, среди вѣчнаго жужжанія глупыхъ рѣчей, не имѣя ничего передъ глазами, кромѣ зрѣлища глупыхъ дѣлъ?

— И вы можете доказать, что господинъ Парначевъ все то дѣлалъ, что̀ вы о немъ сейчасъ разсказали? обратился, между тѣмъ, Колотовъ къ Терпибѣдову.

— Какихъ доказательствъ! всей округѣ извѣстно!

— Знаете ли, однакожь, что это до того любопытно, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы кой-что̀ разъяснили. Что̀ значитъ, напримѣръ, выраженіе «распространять протолеріатъ»? или другое: «распущать прокламацію»?

— Извините, Сергѣй Иванычъ, я вреднымъ идеямъ не обучался-съ. Въ университетахъ не бывалъ-съ. Знаю, что вредныя, и больше мнѣ ничего не требуется! да-съ!

— Все таки, не мѣшаетъ хоть понимать, въ чемъ заключается вредъ.

— Говорю вамъ, вся округа подтвердитъ. Первый—здѣшній хозяинъ. И опять еще — батюшка: какого еще лучше свидѣтеля! Духовное лицо!

— Могу свидѣтельствовать, и не токмо самъ, но и другихъ достовѣрныхъ свидѣтелей представить могу. Хоша бы изъ тѣхъ же совращенныхъ господиномъ Парначевымъ крестьянъ. Потому, мужикъ, хотя и охотно склоняетъ свой слухъ къ зловреднымъ ученіямъ и превратнымъ толкованіямъ, однако, онъ и не безъ раскаянія. Особливо ежели видитъ, что начальство требуетъ отъ него чистосердечнаго сознанія.

— Прекрасно; разскажите же сначала, что̀ вы лично имѣете свидѣтельствовать о господинѣ Парначевѣ?

Отецъ Арсеній задумался и съ минуту пощипывалъ рѣдкіе, чуть замѣтные волоски своей бороды.

— Не безполезно ли будетъ? наконецъ, выговорилъ онъ, смотря черезъ очки на Колотова.

— Отчего?

— Да видится мнѣ, что слова-то наши какъ будто не внушаютъ вамъ большого довѣрія...

— Гм... значитъ, и я ужь сдѣлался въ вашихъ глазахъ подозрительнымъ... Скоренько! Нѣтъ, коли такъ, то разсказывайте. Поймите, что, вѣдь, до сихъ поръ вы ничего еще не сказали, кромѣ того, что дождь—отъ облаковъ.

— А этого мало-съ?

— Немного-съ. Разсказывайте, прошу васъ.

— Даже съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ-съ. Былъ и со мною лично случай; былъ-съ. Прихожу я, напримѣръ, прошлою осенью, къ господину Парначеву, какъ къ духовному моему сыну, въ домъ...

— Такъ господинъ Парначевъ и на духу у васъ бываетъ?

— Бывалъ-съ. Только, по замѣчанію моему, съ ихъ стороны это больше одно притворство было...

— Вы это вѣрно знаете?

— Перстовъ своихъ въ душевныя раны господина Парначева не вкладывалъ, но судя по прочимъ поступкамъ...

— А о прочихъ поступкахъ, судя по этому... впрочемъ, продолжайте.

— Слѣдственно, прихожу я къ нимъ въ родѣ какъ бы для бесѣды, а самъ, между прочимъ, въ головѣ свой особый предметъ держу. И вижу я, значитъ, что въ прихожей у нихъ никого нѣтъ, а между тѣмъ, изъ кабинета, рядомъ съ прихожей, слышится говоръ. Всталъ я этакъ *около двери,* будто ноги вытираю, а самъ, между про-

чимъ, прислушиваюсь. И слышу я эти самыя слова: протолеріатъ, эмансипація, бюрократія, плутократія... А затѣмъ и насчетъ сыроваренія. Одинъ голосъ говоритъ: вы, говоритъ, въ недоимки по̀ уши влѣзли; устроивайте артели, варите сыры—и недоимкамъ вашимъ конецъ. Другой голосъ отвѣчаетъ: хорошо бы это, только какъ же тутъ быть! теперича у насъ молоко-то робята хлебаютъ, а тогда оно, значитъ, на недоимки пойдетъ? И опять первый голосъ говоритъ: варите сыры, потому что вамъ, какъ ни вертитесь, двухъ зайцевъ не поймать: либо дѣтей молокомъ кормить, либо недоимки очищать. А другой голосъ отвѣчаетъ: по моему, пусть лучше дѣти хлебаютъ.—А по моему—это опять первый голосъ:—лучше недоимки очищать, потому что своевременная уплата повинностей есть первый признакъ человѣка, созрѣвшаго для свободы. Хорошо-съ. Только что, значитъ, онъ это слово «свобода» выговорилъ, анъ, какъ на грѣхъ, подо мной половица и скрипнула. Сейчасъ это Валеріанъ Павлычъ потихоньку-потихоньку, на цыпочкахъ, на цыпочкахъ—и прямо къ двери. И такъ это у нихъ скоро сдѣлалось, что я даже потрафить не успѣлъ. Словомъ сказать, такъ меня пристигли, что я даже совсѣмъ безъ словъ сдѣлался. Стою это въ дверяхъ, и вижу только одно: что у нихъ сидитъ нашъ крестьянинъ Лука Прохоровъ, по замѣчанію моему, самый то-есть злѣйшій бунтовщикъ. «Вы, говоритъ мнѣ господинъ Парначевъ:—коли къ кому въ-гости приходите, такъ прямо идите, а не подслушивайте!» А Лука Прохоровъ сейчасъ же за шапку, и такъ-таки прямо и говоритъ: «мы, говоритъ Валеріанъ Павлычъ, объ этомъ предметѣ въ другое время побесѣдуемъ, а теперь между нами лишнее бревнышко есть». Однако, я сдѣлалъ видъ, какъ будто не обратилъ вниманія, и взошелъ. Сѣли мы съ Валеріаномъ Павлычемъ

другъ противъ друга, и вижу я, что онъ сидитъ у письменнаго стола, на креслѣ покачивается, смотритъ на меня и молчитъ. Довольно долго онъ эту комедію продолжалъ, однако, и я помаленьку съ своей стороны оправился: сначала легонько, потомъ побольше, а наконецъ, и прямо ему въ лицо взглянулъ. И пришло мнѣ въ эту минуту откровеніе: дай, думаю, я ему нравоученіе сдѣлаю! можетъ быть, онъ и раскается! И сталъ я ему говорить: не для забавы, Валеріанъ Павлычъ, и не для празднословія пришелъ я къ вамъ, а по душевному дѣлу!—Слушаю-съ, говоритъ.—Грѣхъ, говорю, великій грѣхъ вы содѣлываете!—Любопытно, говоритъ.—Любопытнаго, говорю, въ грѣхѣ мало, а слезъ достойнаго много!—Забавно!—Нынче забавно, говорю, а завтра и горько показаться можетъ! Спрошу васъ: зачѣмъ вы малыхъ сихъ въ соблазнъ вводите!?.. Тутъ ужь онъ, знаете, и смѣяться пересталъ.—А вы, говоритъ, увѣрены въ этомъ?—Нетолько, говорю, увѣренъ, но даже достовѣрныхъ свидѣтелей представить могу.—Такъ извольте, говоритъ, сейчасъ изъ моего дома вонъ! Я, говоритъ, къ вамъ не хожу и васъ къ себѣ подслушивать не прошу!

— Каковъ гусь! это съ духовнымъ-то лицомъ такъ поговариваетъ! прервалъ Терпибѣдовъ: — а вы еще доказательствъ требуете!

— Какъ выгнали это они меня, иду я къ себѣ домой и думаю: за что̀ онъ меня обидѣлъ! Я къ нему съ утѣшеніемъ, а онъ мнѣ на это: пошелъ вонъ! Иду это, и вижу: на улицѣ мальчишки играютъ. И только, значитъ, завидѣли меня, какъ всѣ разомъ закричали: попъ! попъ! выпусти собаку! [1] Подошелъ я къ одному: другъ мой!

[1] Дѣтская крестьянская игра. Берутъ полевой цвѣтокъ и ждутъ, пока изъ чашечки его выползетъ букашка; въ ожиданіи кричатъ: «попъ! попъ! *выпусти собаку!*»

кто тебя этому научилъ?—Новый учитель, говоритъ. Къ другому: тебя кто научилъ?—Новый учитель говоритъ.—Не хорошо, говорю, дѣти! Когда я у васъ въ школѣ учителемъ былъ, то вы подобныхъ неистовыхъ словъ не говаривали!.. А новаго-то учителя, только за двѣ недѣли передъ тѣмъ, господинъ Парначевъ изъ губерніи вывезъ. Въ столь короткое время—и уже столь быстрые успѣхи ученики сдѣлали!

— Такъ вы прежде учителемъ въ школѣ были?

— Былъ-съ, и прошедшею осенью, по проискамъ господина Парначева, смѣненъ-съ.

— За что̀ жь васъ смѣнили?

— А за то собственно и смѣнили, что, по словамъ господина Парначева, я крестьянскихъ мальчиковъ естеству вещей не обучалъ, а обучалъ якобы пустякамъ. У меня и засвидѣтельствованная копія съ ихъ доношенія земскому собранію, на всякій случай, взята. Коли угодно...

— Гм... да! возвратимся прежде къ вашему случаю. Изъ разсказа вашего я понялъ, что вы не совсѣмъ осторожно слушали у дверей, и господину Парначеву это не понравилось. Въ чемъ же тутъ собственно злоумышленіе?

— Позволю себѣ спросить васъ: ежели бы теперича они не злоумышляли, зачѣмъ же имъ было бы опасаться, что ихъ подслушаютъ? Теперича, къ примѣру, если вы, или я, или господинъ капитанъ... сидимъ мы, значитъ, разговариваемъ... И какъ у насъ злыхъ помышленій нѣтъ, то неужели мы станемъ опасаться, что насъ подслушаютъ! Да милости просимъ! Сердце у насъ чистое, помысловъ нѣтъ—хоть до завтрева слушайте!

— Да, но съ точки зрѣнія общественной безопасности, этого факта, все таки, недостаточно. Повторяю: изъ разсказа вашего я вижу только одно, что вы подслушивали...

— Не подслушивалъ, а какъ бы сказать—хотѣлъ достойныя примѣчанія вещи усмотрѣть.

— Ну, да, подслушивали. Вотъ это самое подслушиваніемъ и называется. Вѣдь, вы же сами сейчасъ сказали, что даже не успѣли «потрафить», когда господинъ Парначевъ отворилъ дверь? Стало быть...

— А по моему мнѣнію, это нетолько не къ оправданію, но даже къ отягченію ихъ участи должно послужить. Потому, позвольте васъ спросить: зачѣмъ съ ихъ стороны поспѣшность такая вдругъ потребовалась? И зачѣмъ, кабы они ничего не опасались, имъ было на цыпочкахъ идти? Не явствуетъ ли...

— А я полагаю, что это затѣмъ было сдѣлано, чтобъ вы впередъ подслушивали умѣючи. А вы вотъ подслушиваете, да ничего не слышите!

— Извините меня! Довольно неистовыхъ словъ слышалъ: свобода, эмансипація, протолеріатъ!.. И, опять-таки, случай съ ребятишками... недостаточно ли изъ онаго явствуетъ...

— Слушайте-ка! вѣдь, вы сами отлично знаете, что это дѣтская игра?

— Но почему же они предприняли именно ее, а не другую какую игру, и предприняли именно въ такой моментъ, когда меня завидѣли? Позвольте спросить-съ?

— Объ этомъ вы бы у нихъ спросили!

— Стало быть, по мнѣнію вашему, все это—дѣло возможное и ненаказуемое? Стало быть, и аттестація, что я дѣтей естеству вещей не обучалъ—и это дѣло допустимое?

— Ежели вы находили эту аттестацію для себя обидною, то вамъ слѣдовало ее той инстанціи обжаловать, отъ которой зависитъ опредѣленіе сельскихъ учителей.

— *Позвольте* мнѣ сказать! Имѣю ли же я, наконецъ,

основаніе законныя свои права отыскивать, или долженъ молчать? Я вашему высокородію объясняю, а вы мнѣ изволите на какую-то инстанцію указывать! Я вамъ объясняю, а не инстанціи-съ! Вѣдь они, всего меня лишили: сперва учительскаго званія, а теперь, можно сказать, и собственнаго моего званія...

— Ну, это что̀-то ужь мудрено!

— Напротивъ того, даже очень легко-съ. Позвольте мнѣ объяснить. Послѣ того случа̀я, о которомъ я имѣлъ честь вамъ сообщить, поселилась между нами замѣтная холодность, а съ ихней стороны, можно сказать, даже нена̀висть. Я доношеніе—и они доношеніе; я въ губернію—и они въ губернію. Что̀ они тамъ говорили, какія оправданія противъ моихъ доношеній принесли — этого я не знаю. Знаю только, что наряжено было надо мною слѣдствіе, якобы надъ безпокойнымъ и ябедникомъ, а двѣ недѣли тому назадъ, пришло и запрещеніе. И выходитъ теперь, что я запрещенный попъ-съ! Ужели и этого въ глазахъ начальства еще недостаточно?

Сказавъ послѣднія слова, отецъ Арсеній даже измѣнилъ своей сдержанности. Онъ всталъ со стула и обѣ руки простеръ впередъ, какъ бы взывая къ отмщенію. Мы всѣ смолкли. Колотовъ пощипывалъ бородку и барабанилъ по столу; Терпибѣдовъ угрюмо сосалъ чубукъ; я тоже чувствовалъ, что любопытство мое удовлетворено вполнѣ и что не мѣшало бы куда-нибудь улизнуть. Наконецъ, капитанъ первый нарушилъ тишину.

— Стало быть, теперича нужно дневного разбоя... тогда только начальство вниманіе обратитъ? сказалъ онъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Да, чего-нибудь въ этомъ родѣ, пошутилъ Колотовъ.

— Чтобы насъ, значитъ, грабить начали?

— Да, вообще... протолеріатъ бы какой-нибудь произвели.

Я невольно усмѣхнулся.

— Смѣется... писатель! Смѣйтесь, батюшки, смѣйтесь! И такъ намъ никуда носу показать нельзя! Намеднись выхожу я въ свой палисадникъ—смотрю, а на клумбахъ цѣлое стадо Васюткиныхъ гусей пасется. Ну, я его честь честью: позвалъ-съ, показалъ-съ. «Смотри, говорю, мерзавецъ! любуйся! вѣдь, по настоящему въ острогѣ сгноить за это тебя мало!» И что̀ жь бы вы думали, онъ мнѣ на это отвѣтилъ? «Отъ мерзавца слышу»-съ! Это Васютка-то такъ поговариваетъ! ась! отъ кого, позвольте узнать, идеи-то эти къ нимъ попали?

— Вы бы у Васютки и спросили, кто, молъ, тебя выучилъ на «мерзавца» «мерзавцемъ» отвѣчать?

— Стало быть, господину Парначеву, такъ-таки, ничего и не будетъ?

— Не знаю; до сихъ поръ ничего замѣчательнаго не вижу... Понялъ я изъ вашихъ словъ одно: что господинъ Парначевъ пропагандируетъ своевременную уплату недоимокъ такъ, вѣдь, это не возбраняется!

— Не понравился, батя! не понравился нашъ осётрикъ господину молодому исправнику! Что̀ жь, и прекрасно! Очень даже это хорошо̀-съ! Пускай Васютки мерзавцами насъ зовутъ! пускай своихъ гусей въ нашихъ палисадникахъ пасутъ! Теперь я знаю-съ. Ужо̀, какъ домой пріѣду — сейчасъ двери настежъ, и всѣхъ хамовъ созову. Пасите, скажу, подлецы! хоть въ залѣ у меня гусей пасите! Жгите, рубите, рвите! Исправникъ, скажу, разрѣшилъ!

— Гм... Это недурно! только, вѣдь, вы, пожалуй, не скажете, капитанъ?

— Ну, вотъ вамъ кре́стъ! провалиться мнѣ на семъ *мѣстѣ, ежели* не скажу!

— Скажите, скажите! я не обижусь. Ну-съ, конференція, стало быть, кончена; о господинѣ Парначевѣ вы никакихъ больше свѣдѣній сообщить не имѣете?

— По замѣчанію моему, хозяинъ здѣшній, словно бы, изъявлялъ готовность свидѣтельствовать! отозвался отецъ Арсеній: — впрочемъ, думаю, что врядъ ли и его свидѣтельство во вниманіе примется.

— Нѣтъ, отчего жь! пускай свидѣтельствуетъ! Только я долженъ васъ предупредить, что мнѣ извѣстны нѣкоторые эпизоды изъ жизни здѣшняго хозяина...

— Эпизодовъ, ваше высокоблагородіе, въ жизни каждаго человѣка довольно бываетъ-съ! а у другого, можетъ быть, и больше ихъ... Говорить только не хочется, а ежели бы, значитъ, біографію каждаго изъ здѣшнихъ помѣщиковъ начертать—не многимъ бы по вкусу пришлось!

— Какіе же это эпизоды? полюбопытствовалъ я у отца Арсенія.

— Пустое дѣло-съ. Молва одна. Сказываютъ—это, будто онъ у здѣшняго купца Мосягина жену соблазнилъ, и вмѣстѣ, будто бы, они въ ту пору дурманомъ его опоили и капиталомъ его завладѣли... Судьбище у нихъ тутъ большое по этому случаю было, съ полгода мѣста продолжалось.

— Мосягинъ? Это не яичникъ ли? вспомнилось мнѣ.

— Онъ самый-съ. Яйца по окрестности скупалъ, и въ Петербургъ отправлялъ.

— Живъ онъ?

— И по сейчасъ здѣсь живетъ. И прелюбодѣйственная жена съ нимъ. Только не при капиталахъ находятся, а кое-чѣмъ пропитываются. А Пантелѣй Егорычъ, между прочаго, свое собственное заведеніе открылъ.

— И какое еще заведеніе-то! Въ Москвѣ не стыдно! за одну машину восемьсотъ заплатилъ! вставилъ Терпибѣдовъ.

— Мужикъ умный. А въ настоящее время даже и христіанинъ-съ.

— Ну, батя! что христіанинъ-то онъ—это еще бабушка на двое сказала! Умница—это такъ! Изъ шельмовъ шельма—это я и при немъ скажу! отрекомендовалъ Терпибѣдовъ.

— Позвольте, батюшка! вновь началъ я:—вотъ вы сейчасъ сказали, что Мосягинъ и теперь здѣсь живетъ? Что̀ жь онъ-такъ таки просто и живетъ?

— А что̀ же ему больше дѣлать, сударь?

— Да, вѣдь, вы говорите, что Пантелѣй Егоровъ жену у него соблазнилъ, капиталъ отнялъ...

— То-есть, какъ бы вамъ сказать! Кто говоритъ: отнялъ, а кто говоритъ: Мосягинъ самъ оплошалъ. Прогорѣлъ, значитъ. А главная причина, Пантелѣй Егоровъ теперича очень большое засиліе взялъ, ну, Мосягину-то противъ его вѣры и нѣту.

— Тѣмъ, стало быть, и кончено?

— По здѣшнему мѣсту, эти концы очень часто, сударь, бываютъ. Смотришь—это на человѣка: ростетъ, кажется... ну, такъ ростетъ! такъ ростетъ! Шире да выше, краше да лучше, и конца краю, по видимостямъ, деньгамъ у него нѣтъ. И вдругъ-это прогоритъ. Словно даже свѣчка въ одну минуту истаетъ. Либо самъ запьетъ, либо жена сбѣсится... разумѣется, больше отъ собственной глупости. И пойдетъ это книзу да книзу, у̀же да хуже...

— И дѣльно! потому дуракъ! Учить дураковъ надо! выпалилъ Терпибѣдовъ.

— По здѣшнему мѣсту, на счетъ дураковъ даже очень строго. Въ родѣ какъ даже имѣніемъ своимъ владѣть недостойными почитаются... Сейчасъ-это или самъ отъ своей *глупости* прогоритъ, или унесетъ у него кто-нибудь...

— Дуракъ — это по здѣшнему значитъ: выморочный человѣкъ, пояснилъ Колотовъ.

— Такъ прикажете позвать Пантелѣя Егорыча?

— Позовите! позовите! пускай свидѣтельствуетъ!

На окликъ Терпибѣдова вошелъ человѣкъ, составлявшій совершенную противоположность съ запрещеннымъ попомъ. На сколько отецъ Арсеній былъ солиденъ и сдержанъ въ своихъ движеніяхъ, на столько же Пантелѣй Егоровъ былъ юрокъ и быстръ. Несмотря на нѣсколько лѣтъ благополучнаго хозяйничанья, онъ все еще рѣзко напоминалъ собой бойкаго полового, хотя, впрочемъ, уже свысока относился къ этой незавидной должности, и изо всѣхъ силъ старался подражать «настоящимъ хозяевамъ». Это былъ малый лѣтъ тридцати, съ круглымъ, чистымъ и румянымъ лицомъ, курчавою головою, небольшою свѣтлорусою бородкой и маленькими, безпокойно высматривающими глазками. Одѣтъ онъ былъ въ полурусскій, полунѣмецкій костюмъ, состоявшій изъ двубортнаго застегнутаго сюртука, жилета и брюкъ, запущенныхъ въ длинные до колѣнъ сапоги. Вся фигура его была въ непрестанномъ движеніи: голова поминутно встряхивалась, глаза бѣгали, ноздри раздувались, плечи вздрагивали, руки то закидывались за спину, то закладывались за борты сюртука. Да и самъ онъ безпрестанно то садился на стулъ, то опрометью вскакивалъ съ него, какъ бы вслѣдствіе давленія какой-то скрытой пружины. Вообще, съ перваго же взгляда, можно было заключить, что это человѣкъ, устроивающій свою карьеру и считающій себя еще далеко не въ концѣ ея, хотя, съ другой стороны, замѣтное развитіе брюшной полости уже свидѣтельствовало о рождающейся наклонности къ сибаритству-

Какъ видно, онъ ожидалъ, что его позовутъ на вышку, потому что, слѣдомъ за нимъ, въ нашу комнату вошло двое половыхъ съ подносами, изъ которыхъ на одномъ стояли графины съ водкой, а на другомъ тарелки съ закуской.

— Для перваго знакомства, позвольте просить! Ваше высокородіе! обратился онъ къ Колотову, указывая рукой на подносы.

— Благодарю васъ, я потомъ обѣдать спрошу. Вотъ капитанъ, вѣроятно, не откажется. Садитесь, пожалуйста.

— Постоимъ-съ.

Онъ дѣйствительно минуты двѣ постоялъ, потомъ какъ-то бокомъ придвинулъ стулъ и бокомъ же сѣлъ на него. Но, вслѣдъ затѣмъ, опять вскочилъ, словно его обожгло. Терпибѣдовъ и отецъ Арсеній тыкали, между тѣмъ, вилками въ кусочки колбасы и икры и проглатывали рюмку за рюмкой.

— Вы знаете господина Парначева? спросилъ Колотовъ хозяина.

Пантелѣй Егоровъ вдругъ встрепенулся.

— Позвольте вамъ доложить! зачастилъ онъ, становясь на вытяжку, словно у допроса, и складывая назади руки.— Не токмà, что знаемъ, а даже оченно хорошо, можно сказать, понимаемъ ихъ!

— Чтò же вы понимаете?

— А такъ мы ихъ понимаемъ, какъ есть они по всей здѣшней округѣ самый вредный господинъ-съ. Теперича, ежели взять ихъ, да еще господина Анпетова, такъ это именно можно сказать: два сапога—пара-съ!

— Это тотъ Анпетовъ, который самъ пашетъ?

— Они самые-съ. Позвольте вамъ доложить! скажемъ теперича хошь про себя-съ. Довольно я низкаго званія *человѣкъ*, однако, при всемъ томъ, такъ себя понимаю,

что, кажется, тыщъ бы не взялъ, чтобы, значитъ, на одной линіи съ мужикомъ идти! Помилуйте! одной, съ позволенія сказать, вòни... и Боже ты мой! Ну, а они — ничего-съ! для нихъ это, значитъ, замѣсто какъ у благородныхъ господъ амбрѐ!

— Ну-съ, господинъ Анпетовъ пашетъ, а господинъ Парначевъ чтò дѣлаетъ?

— Они не пашутъ — это дѣйствительно-съ. Только, осмѣлюсь вамъ доложить, большая отъ нихъ смута про между черняди идетъ-съ! Такая смута! такая смута! И ежели теперича, примѣрно, хоть между крестьянъ... или даже между господъ помѣщиковъ, которые изъ молодыхъ-съ... маленечко, значитъ, позамялось — такъ это именно ихъ, господина Парначева дѣло-съ!

— Чтò же собственно позамялось-то?

— Все-съ, ваше высокородіе! Словомъ сказать, все-съ. Хоша бы, напримѣръ, артели, кассы... когда жь это видано? Прежде всякій, ваше высокородіе, при своемъ дѣлѣ состоялъ-съ; господинъ на службѣ былъ, купецъ торговалъ, крестьянинъ, значитъ, на господина работалъ-съ... А ныньче, можно сказать, съ этими кассами, да съ училищами, да съ артелями, вся чернядь въ гору пошла!

— Но почему же вы думаете, что это отъ Парначева идетъ?

— Помилуйте! позвольте вамъ доложить! какъ же намъ-то не знать! Всей окрýгѣ довольно извѣстно. Конечно, они себя берегутъ, и даже, какъ бы сказать, не всякому объ себѣ высказываютъ; однако, и изъ прочіихъ ихъ поступковъ очень достаточно это видно.

— Вотъ это прекрасно, что вы объ поступкахъ упомянули. Можете назвать хоть одинъ?

— Помилуйте! даже очень могу-съ. Теперича, возмемъ къ примѣру хошь такой случай. Пріѣзжаютъ они на-

дняхъ въ наше селеніе... на счетъ школы, значитъ. Собрали-это сходъ, сами къ нему вышли, и зачали съ стариками говорить: «Селеніе, говорятъ, у васъ обширное, кабаковъ нѣсть числа, а школы нѣтъ. И какъ вы люди темные, то отъ этого самаго, значитъ, всѣ васъ обижаютъ. Купцы обсчитываютъ и обмѣриваютъ, чиновники— притѣсняютъ. И нигдѣ вы себѣ правъ не можете найти, потому, ежели даже въ судъ вы жаловаться пойдете, такъ и тамъ своего дѣла порядкомъ разсказать не можете. И все, будто бы, потому, что школы нѣтъ. А будетъ школа, и пойдетъ-это, значитъ, вездѣ свѣтъ. Не вы-молъ, такъ дѣти у васъ ученые будутъ, и всякое себѣ удовлетвореніе сдѣлать будутъ въ состояніи. И никто ихъ не обидитъ, потому что у ученаго человѣка противъ всякой обиды средствіе есть! Хорошо-съ. Говорятъ-это они, а я между народомъ стою и слушаю-съ. И все мнѣ думается: что̀-то какъ будто они неловко говорятъ! Чиновники-молъ обижаютъ, а, вѣдь, чиновники-то слуги царскіе— ка̀къ же молъ это такъ! Опять и это: всякій будто человѣкъ можетъ самъ себѣ удовлетвореніе сдѣлать — гдѣ же это видано! въ какихъ безсудныхъ земляхъ-съ! Ахъ! думаю, далеконько вы, Валеріанъ Павлычъ, камешо̀къ-то забрасываете, да ка̀къ бы самимъ потомъ вытаскивать его не пришлось! И сейчасъ же мнѣ, сударь, послѣ того мысль вошла. Покуда онъ съ ними разговаривалъ, а я бѣгомъ-бѣгомъ, да въ трактиръ: постой, думаю, устрою я тебѣ суприз! Пришелъ въ трактиръ-съ, всталъ за стойку, и жду, какъ они, наговорившись, придутъ чай пить. И дѣйствительно-съ, черезъ полчаса времени, какъ только они на крыльцо, а я сейчасъ, значитъ, къ машинѣ: *Коль славенъ*... это значитъ, въ Сіонѣ-съ! И что̀ жь бы вы думали! хошь бы онъ бровью пошевельнулъ. Посѣтители сидятъ, чай пьютъ, всѣ, можно ска-

зать, въ умиленіи, а онъ, какъ вошелъ въ фуражкѣ, такъ и шмыгнулъ на верхъ-съ! Ну, и точно-съ. Посмотрѣлъ я тогда на нихъ, да только вслѣдъ головой строгонько покачалъ. Даже многіе посѣтители въ то время это замѣтили. И такъ-это мнѣ обидно сдѣлалось, глядя на ихнее невѣжество, что, кажется, деньги эти самыя, которыя они мнѣ за чай потомъ заплатили... кажется, скорѣе за окно бы ихъ вышвырнулъ, не чѣмъ такихъ посѣтителевъ у себя принимать!

— Ну, братъ, деньги-то ты за окно не бросишь, хоть бы онѣ отъ самого антихриста были! по своему обыкновенію, сюрпризомъ вставилъ Терпибѣдовъ.

Отца Арсенія передернуло; Пантелѣй Егоровъ поблѣднѣлъ.

— Мелко вы, сударь, плаваете, сказалъ онъ, блистая глазами на Терпибѣдова: — вотъ что̀ скажу вамъ, Никифоръ Петровичъ!

— Позвольте! оставимъ, капитанъ, эпизоды! вступился Колотовъ:—и будемъ заниматься предметомъ нашей конференціи. Итакъ, вы говорите, что господинъ Парначевъ этимъ поступкомъ сильно васъ оскорбилъ?

— Такъ оскорбилъ! такъ оскорбилъ-съ! даже душа во мнѣ вся перевернулась! какъ передъ Истиннымъ-съ! Помилуйте! тутъ публика... чай кушаютъ... въ умиленіи-съ... а они въ фуражкѣ! Всѣ, можно сказать, такъ и ахнули!

— И вы полагаете, что со стороны господина Парначева тутъ былъ умыселъ?

— Позвольте вамъ доложить! какъ же возможно, чтобы безъ умысла! Тутъ, значитъ, публика... чай кушаютъ... въ умиленіи... а они въ фуражкѣ!

— Поймите меня, тутъ все дѣло въ томъ, былъ ли

умыселъ или нѣтъ? Беретесь ли вы доказать, что умыселъ былъ?

— Помилуйте! зачѣмъ же-съ? И какъ же возможно это доказать! Это дѣло душевное-съ! Я, значитъ, что̀ видѣлъ, то и докладываю! Видѣлъ, къ примѣру, что тутъ публика... въ умиленіи-съ... а они въ фуражкѣ!

— Зачѣмъ же вы тогда прямо не замѣтили господину Парначеву, что онъ поступаетъ оскорбительно для васъ и вашихъ гостей! Можетъ быть, дѣло-то и разъяснилось бы.

— Кажется, такихъ правиловъ нѣтъ, чтобы мужикамъ господъ учить! Они здѣсь всѣхъ учатъ, а не то, чтобы что-съ!

— Однако, ежели теперь господину Парначеву сообщить ваше показаніе, такъ, вѣдь, онъ, пожалуй, и въ амбицію вломиться можетъ!

— Сдѣлайте ваше одолженіе! зачѣмъ же имъ сообщать! И безъ того они ко мнѣ ненàвисть питаютъ! Такую, можно сказать, мораль на меня пущаютъ: и закладчикъ-то я, и монетчикъ-то я! Даже на каторгѣ словно мнѣ мѣста нѣтъ! Два раза дѣло мое съ господиномъ Мосягинымъ поднимали! Прошлой зимой, въ самое, то-есть, бойкое время, рекрутскій наборъ былъ, а у меня, по ихъ проискамъ, два питейныхъ заведенія прикрыли! Бунтуютъ противъ меня — и кончено дѣло! Стало-быть, ежели теперича имъ еще сказать—что̀ же такое будетъ!

— Вотъ видите! вы дѣла завязываете, а на очную ставку стать не хотите!

— Зачѣмъ же-съ! я, ваше высокородіе, по простотѣ-съ! Думалъ-это, значитъ, что ихъ только на замѣчаніе возьмутъ—тѣмъ-молъ дѣло и кончится!

— А вы полагаете, что взять человѣка на замѣчаніе— *это ничего?*

Пантелѣй Егоровъ вдругъ смолкъ. Онъ нервно семенилъ ногами на одномъ мѣстѣ и бросалъ тревожные взгляды на отца Арсенія. Но запрещенный попъ стоялъ въ сторонѣ и тыкалъ вилкой въ пустую тарелку. На минуту въ комнатѣ воцарилось глубокое молчаніе.

— Стало-быть, господину Парначеву, такъ-таки, ничего и не будетъ!! вдругъ, словно громомъ, раскатился Терпибѣдовъ.

ПЕРЕПИСКА.

«Любезная маменька.

«Мѣсяцъ тому назадъ, я увѣдомлялъ васъ, что получилъ мѣсто товарища прокурора при здѣшнемъ окружномъ судѣ. Съ тѣхъ поръ я произнесъ уже восемь обвинительныхъ рѣчей, и вотъ результатъ моей дѣятельности: два приговора *безъ смягчающихъ вину обстоятельствъ;* шесть приговоровъ, по которымъ содѣянное преступленіе признано подлежащимъ наказанію, но съ допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ; оправданій — ни одного. Можете себѣ представить, въ какомъ я восторгѣ!!

«Начальство замѣтило меня; между обвиняемыми мое имя начинаетъ вселять спасительный страхъ. Я не смѣю еще утверждать рѣшительно, что послѣдствіемъ моей дѣятельности будетъ непосредственное и быстрое уменьшеніе проявленій преступной воли (а какъ бы это было хорошо, милая маменька!), но, кажется, не ошибусь, если скажу, что года черезъ два-три я буду призванъ къ болѣе высокому жребію.

«Двадцати-шести, двадцати-семи лѣтъ я буду прокуро*ромъ—это* почти вѣрно. Я имѣю полное основаніе раз

считывать на такое повышеніе, потому что если уже теперь начальство, безъ содроганія, поручаетъ мнѣ защиту государственнаго союза отъ угрожающихъ ему опасностей, то ясно, что въ будущемъ меня ожидаютъ очень и очень серьёзныя служебныя перспективы.

«Принявъ во вниманіе все вышеизложенное, а равнымъ образомъ имѣя въ виду, что казенное содержаніе, сопряженное съ званіемъ сенатора касаціонныхъ департаментовъ, есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ удѣловъ, на которые можетъ претендовать смертный въ сей земной юдоли — я бодро гляжу въ глаза будущему! Я не ропщу даже на то, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей по школѣ, сдѣлавшись адвокатами, держатъ своихъ собственныхъ лошадей, а нѣкоторые, сверхъ того, имѣютъ и клеперовъ!

«Всѣмъ этимъ я обязанъ вамъ, милая маменька, или, лучше сказать, той безграничной проницательности материнской любви, которая сразу умѣла угадать мое настоящее назначеніе. Вы удержали меня на краю пропасти въ ту минуту, когда душа моя, по неопытности и легкомыслію, уже готова была устремиться въ зіяющія бездны адвокатуры!

«Другъ мой!» сказали вы мнѣ: «въ Россіи безъ казенной службы прожить нельзя: непремѣнно что-нибудь такое сдѣлаешь, что вдругъ очутишься сосланнымъ въ Сибирь въ мѣста не столь отдаленныя!» Святая истина!

«Теперь, покуда пора увлеченія еще не прошла, адвокаты спѣшатъ пользоваться дарами жизни. Они имѣютъ лучшіе экипажи, пользуются лучшими кокотками, пьютъ лучшія вина! Но тѣмъ печальнѣе будетъ часъ пробужденія... особливо для тѣхъ, которыхъ онъ настигнетъ въ не столь отдаленныхъ мѣстахъ Сибири!

«Я рожденъ прокуроромъ, милая маменька! Обвиненіе, такъ сказать, гнѣздится въ крови моей!

«Однажды содѣянное преступленіе находитъ во мнѣ мстителя безпощаднаго, неумолимаго и неутомимаго! Ибо что̀ такое преступленіе, милая маменька?

«Съ одной стороны, преступленіе есть осуществленіе, или, лучше сказать, проявленіе злой человѣческой воли. Съ другой стороны, злая воля есть тотъ всемогущій рычагъ, который до тѣхъ поръ двигаетъ человѣкомъ, покуда не заставитъ его совершить что̀-либо въ ущербъ высшей идеѣ правды и справедливости, положенной въ основаніе пятнадцати томовъ свода законовъ Россійской Имперіи?

«Таково, милая маменька, преступленіе!

«Но ежели правда и справедливость нарушены, то можетъ ли законъ равнодушно взглянуть на фактъ этого нарушенія? Не въ правѣ ли онъ потребовать, чтобы нарушенное было возстановлено быстро, немедленно, по горячимъ слѣдамъ? чтобы преступленіе, пристигнутое, разоблаченное отъ всѣхъ покрововъ, явилось передъ лицомъ юстиціи въ приличной ему наготѣ, и, притомъ, снабженное неизгладимымъ клеймомъ позора на мрачномъ челѣ?

«Отсюда: необходимость наказанія.

«Наказаніе, милая маменька, не есть что̀-либо самостоятельное. Это не что̀ иное, какъ естественное и неизбѣжное послѣдствіе самаго преступленія — и ничего болѣе.

«Кто мыслитъ «преступленіе», тотъ, въ то же время, неизбѣжно, такъ сказать, фаталистически, мыслитъ и «наказаніе»!

«Таковъ неумолимый законъ логики!

«Не потому долженъ быть наказанъ преступникъ, что *этого* требуетъ безопасность общества или величіе за-

кона, но потому, что объ этомъ вопіетъ сама злая воля, служащая источникомъ содѣяннаго преступленія! Она сама настаиваетъ на необходимости наказанія, ибо, въ противномъ случаѣ, она не совершила-бы *всего* естественнаго круга, который обязывается совершить!

«Преступленіе, оставленное безъ наказанія — это недоговоренное слово, это недоконченная мысль, это недоносокъ, который осужденъ умереть при самомъ рожденіи!

«Предположеніе это такъ нелѣпо и, можно сказать, даже чудовищно, что ни одинъ адвокатъ никогда не осмѣлится остановиться на идеѣ ненаказуемости, и всѣ такъ-называемыя оправдательныя рѣчи суть не что̀ иное, какъ болѣе или менѣе унизительныя варьяціи на тэму: «не пойманъ—не воръ»!

«На комъ же, спросите вы, лежитъ обязанность возстановлять нарушенную правду?

«Священная эта обязанность лежитъ, вопервыхъ, на самомъ законѣ, а вовторыхъ, на судѣ, который, однакожь, безсиленъ, если не подвигнутъ къ тому иниціативой прокурора.

«Прокуроръ — это излюбленный человѣкъ закона, это око его, это преданнѣйшій и, такъ сказать, всегда стоящій на стражѣ исполнитель его велѣній!

«Прокуроръ!!

«Онъ ни на минуту не покидаетъ величественнаго храма правосудія, онъ неустанно бодрствуетъ и неустанно же совершаетъ возліянія! Это его долгъ, милая маменька, это провиденціальное его назначеніе! Безъ этого—прокуроръ немыслимъ!!

«Онъ заколаетъ законопреступную волю человѣческую, и, очистивъ ее при посредствѣ наказанія, приноситъ въ жертву вѣчной идеѣ правды и справедливости!

«И рядомъ съ этимъ поразительнымъ зрѣлищемъ, вы видите жалкую, безсильную стряпню адвоката, который надѣется, что подъ дѣйствіемъ его тлетворнаго дыханія самое солнце правды утратитъ свою лучезарность!

«Не безумная ли это надежда, милая маменька?

«Засимъ, испрашивая вашего благословенія и цѣлуя ваши ручки, остаюсь неизмѣнно любящій васъ сынъ,

Николай Батищевъ.»

«P. S. Помните ли вы Ерофеева, милая маменька? того самаго Ерофѣева, который къ намъ по праздникамъ изъ школы хаживалъ? Теперь онъ адвокатъ, и представьте себѣ, какую штуку удралъ! — взялъ да и объявилъ себя спеціалистомъ по части скопцовъ! До тѣхъ поръ у него совсѣмъ дѣлъ не было, а теперь отъ скопцовъ отбою нѣтъ! Надняхъ выигралъ одно дѣло и получилъ сорокъ тысячъ. Сорокъ тысячъ, милая маменька!! А, вѣдь, онъ даже не очень умный!»

«Милый дружокъ, Николенька.

«Живя нѣсколько лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ, я такъ отъ нынѣшнихъ порядковъ отстала, что, признаюсь, не совсѣмъ даже поняла, какая-такая это должность, въ которой все обвинять нужно. Да, спасибо, братецъ Григорій Николаичъ растолковалъ. Въ нынѣшнее время, сказалъ онъ, во всѣхъ образованныхъ государствахъ судопроизводство устроено на манеръ извѣстныхъ pièces à tiroir (помню я эти пьесы, мой другъ; еще будучи въ институтѣ, въ «La fille de Dominique» игрывала). Выдвинь одинъ ящикъ—обвиненіе; выдвинь другой ящикъ—оправданіе. А потомъ: du choc des opinions jaillit la vérité — точь-въ-точь, какъ въ «La fille de Dominique», гдѣ, сколько я ни переодѣвалась, а въ концѣ пьесы, все таки, объ-

яснилось, что я дочь Доминика, и больше ничего. Не знаю, такъ ли объяснилъ братецъ (онъ у насъ привыкъ обо всемъ въ ироническомъ смыслѣ говорить, за что̀ и по службѣ успѣха не имѣлъ), но ежели такъ, то, по моему, это очень хорошо.

«Зная твое доброе сердце, я очень понимаю, какъ тягостно для тебя должно быть всѣхъ обвинять; но если начальство твое желаетъ этого, то что̀ же дѣлать, мой другъ! — обвиняй! Неси сей крестъ съ смиреніемъ, и утѣшай себя тѣмъ, что въ мірѣ не однѣ радости, но и горести! И кто же изъ насъ можетъ сказать навѣрное, что̀ для души нашей полезнѣе: первыя или послѣднія! Я, по крайней мѣрѣ, еще въ институтѣ была на сей счетъ въ недоумѣніи, да и теперь въ ономъ же нахожусь.

«Благородныя твои чувства, въ письмѣ выраженныя, очень меня утѣшили, и сестрица Анюта даже прослезилась, читая философическія твои размышленія на счетъ человѣческой закоренѣлости. Сохрани этотъ пламень, мой другъ! сохрани его навсегда. Это единственная наша отрада въ жизни, гдѣ, какъ тебѣ извѣстно, всѣ мы странники, и ни одинъ волосъ съ головы нашей не упадетъ безъ воли Того, Который заранѣе все знаетъ и опредѣляетъ!

«Я никогда не была озабочена на счетъ твоего будущаго: я знаю, что ты у меня умница. Поэтому, меня нетолько не удивило, но даже обрадовало, что ты такою твердою и вѣрною рукой съумѣлъ начертить себѣ цѣль для предстоящихъ стремленій. Сохрани эту твердость, мой другъ! сохрани ее навсегда! Ибо жизнь безъ сего свѣточа все равно, что утлая ладья безъ кормила и весла, несомая въ бурную ночь по волнамъ океана au gré des vents.

«Ты пишешь, что стараешься любить своихъ начальниковъ и дѣлать имъ угодное. Судя по воспитанію, тобою

полученному, я иного и не ожидала отъ тебя. Но знаешь ли, другъ мой, почему начальники такъ дороги твоему сердцу и почему *мы всѣ*, tous tant que nous sommes, обязаны любить данное намъ отъ Бога начальство? Прошу тебя, выслушай меня.

«Мы должны любить его, вопервыхъ, потому, что начальство есть, прежде всего, другъ человѣчества, или, какъ у насъ въ институтѣ, въ одномъ водевилѣ, пѣли:

Il voit tout,
Il sait tout,
Et il fourre son nez partout!

«А вовторыхъ, потому, что оно награждаетъ любящихъ его и наказуетъ противящихся ему.

«Подумай объ этомъ, другъ мой, и сообразно съ симъ располагай своимъ поведеніемъ!

«Поэтому, ежели начальство приказываетъ тебѣ обвинять, то, значитъ, что это такъ слѣдуетъ. Когда же наступитъ время оправдывать, то, конечно, оно же безъ труда прикажетъ тебѣ и оправдывать.

«При старости лѣтъ моихъ, я ко многому въ жизни сдѣлалась равнодушна, но, по временамъ, и я не могу не содрогнуться! Много, ахъ! слишкомъ много злодѣяній скрывается въ нѣдрахъ міра сего, особливо же съ тѣхъ поръ, какъ всѣмъ сказана воля. Нигдѣ ужь нѣтъ ни почтенія, ни преданности, а о потравахъ и о прочемъ— и говорить нѐчего. Посему, теперь именно такое время настало, когда не оправдывать, а обвинять надлежитъ, дабы хотя этимъ постигшую насъ волю нѣсколько остепенить. Даже братецъ, Григорій Николаичъ, который, какъ ты знаешь, самъ этой воли желалъ, доколѣ она не пришла — и тотъ теперь смирился и говоритъ: je crois, que le knout ferait bien mieux leurs affaires! Я же, съ *своей стороны*, прибавляю: et les nôtres! Вотъ какъ Богъ-

то ведетъ человѣка неисповѣдимымъ путемъ своимъ! Былъ нашъ Григорій Николаичъ волтеріанецъ, и Лафайетъ съ языка у него не сходилъ, а теперь лежитъ разбитый параличемъ, да «все упованіе мое на тя возлагаю» шепчетъ!

«Да̀, другъ мой, неисповѣдимы пути Божіи! Сколько прежде насъ съ сестрицей Анютой огорчалъ братецъ, столько же теперь утѣшаетъ и радуетъ. Ты знаешь, какой у него необузданный умъ былъ, а теперь, какъ мужиковъ отняли, такимъ христіаниномъ сдѣлался, что дай Богъ всякому. Намедни даже удивилъ насъ. Читаемъ мы вечеромъ «житіе» только онъ вдругъ на одномъ мѣстѣ остановилъ насъ. «Сестрицы! говоритъ, если я, по старой привычкѣ, скощунствую, такъ вы меня, Христа ради, простите!» И скощунствовалъ-таки, не удержался. Ну, да ужь Богъ съ нимъ! Хорошо и то, что хоть какіе-нибудь признаки смиренія въ немъ показались!

«Знаешь ли что̀, другъ мой! Я думаю, что это у него такая болѣзнь! Представь себѣ, сидитъ онъ намеднись въ своемъ большомъ креслѣ и четки перебираетъ... ну, совсѣмъ, въ полномъ видѣ христіанинъ! И вдругъ — что̀жь слышимъ! «А что̀, говоритъ, не объясните ли вы мнѣ, сестрицы, чего во мнѣ больше: малодушія или малоумія?» Мы смотримъ на него во всѣ глаза, думаемъ, не пароксизмъ ли съ нимъ. «Да поймите же вы меня, говоритъ; вѣдь, я доподлинно знаю, что ничего этого нѣтъ, а между тѣмъ, вотъ сижу съ вами и четки перебираю!» Такъ это насъ съ сестрицей офраппировало, что мы сейчасъ же за отцомъ Ѳедоромъ гонца послали. И что̀жь!—все какъ рукой сняло! Такой опять христіанинъ сдѣлался! такой христіанинъ! Ни рукой, ни ногой не шевельнетъ, только головой качаетъ!

«Какой это урокъ для всѣхъ насъ, другъ мой!

«Затѣмъ, благословляя тебя на новомъ поприщѣ, сердечный другъ мой, и желая тебѣ блестящихъ успѣховъ на ономъ, остаюсь любящая тебя мать,

Надежда Батищева.»

«P. S. А что ты на счетъ адвоката Ерофеева пишешь, будто бы съ скопца сорокъ тысячъ получилъ, то не завидуй ему. Сорокъ тысячъ тогда полезны, если на оныя хорошій процентъ получать; Ерофеевъ же навѣрное сего направленія своимъ деньгамъ не дастъ, а либо по портнымъ да на галстуки оныя разсоритъ, либо въ кондитерской на пирожкахъ проѣстъ. Еще съ молоду онъ эту склонность имѣлъ и никогда утѣшеніемъ для своихъ родителей не былъ.»

«Любезная маменька.

«Спѣшу сообщить вамъ объ одномъ весьма важномъ успѣхѣ, полученномъ мною, успѣхѣ, который, вѣроятно, послужитъ къ окончательному обезпеченію моего будущаго.

«Третьяго дня, меня призвалъ мой генералъ и сказалъ мнѣ:

«— Надняхъ здѣсь напали на слѣдъ цѣлаго скопища злоумышленниковъ...

«Я поклонился.

«— Слѣдствіе по этому дѣлу уже начато. Производятъ его люди, извѣстные своею дѣятельностью и ловкостью, но я долженъ сознаться, что до сихъ поръ никакого существеннаго результата не достигнуто.

«Я поклонился вновь.

«— Я пришелъ къ тому убѣжденію, что недостаточность результатовъ происходитъ отъ того, что тутъ употребляются совсѣмъ не тѣ пріемы. Я не знаю, что имен-

но нужно, но безсиліе старыхъ, традиціонныхъ уловокъ для меня очевидно. Онѣ безъ пользы ожесточаютъ злоумышленниковъ, между тѣмъ, какъ нужно, чтобы дѣло само собой, такъ сказать, скользя по своей естественной покатости, пришло къ неминуемому концу. Вотъ мой взглядъ. Вы, мой другъ, человѣкъ новый и современный— вы должны понять меня. Поэтому, я рѣшился поручить это дѣло вамъ.

«Съ начальниками нужно быть очень сдержаннымъ, милая маменька. Никогда не слѣдуетъ забѣгать имъ впередъ, потому что это можетъ показаться навязчивостью. Только въ крайнемъ случаѣ, когда уже вполнѣ несомнѣнно, что начальникъ находится въ затрудненіи на счетъ предмета предстоящей бесѣды, можно помочь ему, бросивъ вскользь какую-нибудь мысль. Но и тутъ слѣдуетъ устроить такъ, чтобы генералъ ни на минуту не усумнился, что это мысль его собственная. Вотъ почему, я ни слова не отвѣчалъ на обращенную ко мнѣ рѣчь генерала и только новымъ безмолвнымъ поклономъ засвидѣтельствовалъ о моей твердой готовности слѣдовать начальственнымъ предписаніямъ.

«— Дѣло въ томъ, продолжалъ генералъ: — что нѣсколько злоумышленниковъ образовали изъ себя «Общество для предвкушенія гармоній будущаго». По «уставу» общества — онъ находится въ нашихъ рукахъ — цѣль его заключается «въ непрерывномъ созерцаніи гармоній будущаго и въ терпѣливомъ перенесеніи бѣдствій настоящаго». Вы понимаете, однако, что это только хазовая, такъ сказать, оффиціальная цѣль общества, и несомнѣнно, что у него должны быть другія, болѣе опасныя цѣли, которыя оно, разумѣется, сочло нужнымъ скрыть. Но этихъ-то цѣлей мы именно и не знаемъ.

«Высказавъ это, генералъ остановился, какъ бы приглашая меня къ дальнѣйшимъ развитіямъ.

«— Осмѣлюсь повергнуть на усмотрѣніе вашего превосходительства только одинъ почтительнѣйшій вопросъ, началъ я:—если найденъ «уставъ» общества, то, можетъ быть, имѣется въ виду и списокъ членовъ его?

«— Да, списокъ есть; найдена бумажка, на которой карандашемъ написано пятнадцать фамилій, и, что всего прискорбнѣе, въ числѣ участниковъ общества значится одинъ уланскій офицеръ.

«— Напротивъ того, смѣю думать, что это признакъ очень хорошій, ваше превосходительство. Участіе уланскаго офицера, если позволено такъ выразиться, открываетъ передъ нами цѣлый міръ интригъ. Чтобы настичь этого человѣка, превратныя толкованія должны были слишкомъ самоувѣренно и слишкомъ далеко распространять свои корни и нити. Не будь уланскаго офицера, мы могли бы еще колебаться на счетъ важности злоумышленія; теперь — мы имѣемъ право провидѣть уже цѣлую организацію! Уланскій офицеръ—это ключъ; уланскій офицеръ — это все! Я спрашиваю себя: зачѣмъ нуженъ уланскій офицеръ? — и смѣло отвѣчаю: онъ нуженъ въ качествѣ эксперта по военной части! Я не смѣю утверждать, но мнѣ кажется... и если вашему превосходительству угодно будетъ выслушать меня...

«— Говорите, мой другъ!

«— Я положительно убѣжденъ, что найденный списокъ съ пятнадцатью фамиліями представляетъ собой силы далеко не всего общества, а лишь одного изъ отдѣловъ его!

«Голосъ, которымъ я высказалъ это убѣжденіе, звучалъ такою искренностью, что генералъ былъ видимо пораженъ.

«— Такова была и моя первоначальная мысль, сказалъ онъ:—но что̀ прикажете дѣлать! Эти старые рутинеры... они никогда не видятъ дальше своего носа!

«— И сверхъ того, я убѣжденъ, что съ помощью этого ничтожнаго клочка бумаги, которому, повидимому, придается такое узкое значеніе, можно, при нѣкоторой ловкости, дойти до поразительнѣйшихъ развѣтвленій и заключеній! продолжалъ я, увлекаясь больше и больше, и даже, незамѣтно для самого себя, переходя въ запальчивость.

«Но запальчивость эта нетолько не оскорбила генерала, но, напротивъ того, понравилась ему. На губахъ его скользнула ангельская улыбка. Это до такой степени тронуло меня, что и на моихъ глазахъ показались слезы. Клянусь, однакожь, что тутъ не было лицемѣрія съ моей стороны, а лишь только счастливое стеченіе обстоятельствъ!

«— И такъ, молодой человѣкъ, въ походъ?! весело сказалъ онъ, голосомъ и взоромъ ободряя меня.

«— Всѣ силы... вся кровь... ваше превосходительство... говорилъ я прерывающимся голосомъ.

«— Вѣрю!

«— Я не имѣю словъ, ваше превосходительство, но если позволено такъ выразиться...

«— Успокойтесь, великодушный молодой человѣкъ! Увы! Мы не имѣемъ права даже быть чувствительными! И такъ, въ походъ! Но прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, скажите, не имѣете ли вы сообщить мнѣ что̀-нибудь на счетъ плана вашихъ дѣйствій?

«— На первый разъ, позвольте мнѣ просить васъ объ одной милости, ваше превосходительство!

«— Говорите, мой другъ!

«— Позвольте мнѣ называть этихъ людей не злоумышленниками, а заблуждающимися!

«Генералъ взглянулъ на меня изумленными глазами, но черезъ минуту я убѣдился, что онъ понялъ мою мысль.

«— Благородный молодой человѣкъ! сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.

«— Осмѣлюсь высказать мою мысль вполнѣ, продолжалъ я съ чувствомъ: — не нужно обезкураживать, ваше превосходительство! нужно, чтобъ они всегда съ полнымъ довѣріемъ, съ возможною, такъ сказать, искренностью... Быть можетъ, я слишкомъ смѣлъ, ваше превосходительство! быть можетъ, мои скромныя представленія...

«— Напротивъ! всегда будьте искренни! Что же касается до вашего великодушнаго желанія, то я тѣмъ болѣе ничего не имѣю противъ удовлетворенія его, что въ свое время, безъ вреда для дѣла, наименованіе «заблуждающихся» вновь можно будетъ замѣнить наименованіемъ злоумышленниковъ... Не правда ли?

«— Точно такъ, ваше превосходительство!

«Затѣмъ, онъ позвонилъ и приказалъ передать мнѣ дѣло о злоумышленникахъ, которыя отнынѣ, милая маменька, благодаря моей иниціативѣ, будутъ уже называться «заблуждающимися». На прощанье, генералъ опять протянулъ мнѣ руку.

«Не знаю, какъ я дошелъ до своей квартиры. Нервы мои были такъ возбуждены, что я буквально цѣлые полчаса рыдалъ. О, еслибъ всѣ подчиненные умѣли понимать и цѣнить сердца своихъ начальниковъ!

«И вчера, и третьяго дня, обѣ ночи я употребилъ на ознакомленіе съ дѣломъ. Генералъ сказалъ правду: всѣ эти «предвкушенія» представляютъ только внѣшній предлогъ, за которымъ скрываются очень важныя преступныя цѣли. Нѣтъ, господа, шалите! ужь меня вы не проведете своими «предвкушеніями»! Я самъ человѣкъ современный, *и кой-что понимаю* въ вашихъ такъ-называемыхъ «пред-

вкушеніяхъ»! Я съ перваго же абцуга почувствовалъ, въ чемъ тутъ штука! И представьте себѣ, милая маменька, до сихъ поръ *ровно* ничего не сдѣлано для раскрытія настоящихъ цѣлей «Общества»! Ничего! И за всѣмъ тѣмъ, благодаря неутомимой дѣятельности моихъ предшественниковъ, дѣло уже развилось до четырехъ томовъ при пятнадцати обвиняемыхъ. Пятнадцать обвиняемыхъ, милая маменька, которые томятся въ заключеніи—за что?— за то, что совмѣстно занимались «предвкушеніями»! Гдѣ же справедливость!

«Теперь, моя черновая работа кончена и планъ будущихъ дѣйствій составленъ. Этотъ планъ ясенъ и можетъ быть выраженъ въ двухъ словахъ: строгость и снисхожденіе! Прежде всего — душа преступника! Произвести въ ней спасительное движеніе и посредствомъ него придти къ раскрытію истины — вотъ цѣль! Затѣмъ, въ походъ! но не противъ злоумышленниковъ, милая маменька, а противъ бѣдныхъ, неопытныхъ заблуждающихся! Мнѣ кажется, что это именно тотъ настоящій тонъ, на которомъ можно разыграть какую угодно пьесу...

«Пользуюсь минутой свободы, чтобъ сообщить вамъ, милая маменька, объ этомъ новомъ знакѣ довѣрія, которымъ я почтенъ. Затѣмъ, цалуя ваши ручки и испрашивая вашего благословенія, въ настоящую минуту болѣе, нежели когда-либо для меня драгоцѣннаго, остаюсь любящій и глубоко преданный сынъ вашъ,

«Николай Батищевъ».

«P. S. А Ерофеевъ еще штуку удралъ. Заманилъ къ себѣ другого скопца, и опять сорвалъ съ него сорокъ тысячъ. Повидимому, цифра сорокъ тысячъ дѣлается для него въ родѣ прецедента, на который онъ рѣшился ссылаться въ будущемъ, подобно тому, какъ другіе ссылаются на рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената.

Устроился онъ отлично: за монтировку одного кабинета заплатилъ пятнадцать тысячъ, въ пріемной поставилъ золоченую мёбель, а на полкахъ размѣстилъ полное собраніе законовъ. На душу кліента это производитъ впечатлѣніе почти неотразимое. Нѣтъ, какъ хотите, а Ерофеевъ, право, не такъ глупъ, какъ до сихъ поръ о немъ думали!»

«По полученіи твоего письма, голубчикъ Николенька, сейчасъ же послала за отцомъ Ѳеодоромъ, и всѣ вмѣстѣ соединились въ теплой мольбѣ Всевышнему о ниспосланіи тебѣ духа бодрости, а начальникамъ твоимъ долголѣтія и нетлѣнныхъ наградъ. И когда все это исполнилось, такое въ душѣ моей сдѣлалось спокойствіе, какъ будто тихій ангелъ въ ней пролетѣлъ!

«Не ропщи, другъ мой! Я знаю, что тебѣ не легко, но Богъ и начальники не оставятъ тебя. Немногимъ на долю такое счастье выпадаетъ, какое тебѣ выпало. Другой весь вѣкъ на одномъ мѣстѣ сидитъ и никто его не замѣчаетъ: все равно, что онъ есть, что его нѣтъ. А тебя среди отличныхъ отличили — вотъ какое важное дѣло довѣрили! Другіе хлопочутъ, и имъ не даютъ, ты же и не просилъ, а тебѣ дали. Неси же сей крестъ съ смиреніемъ и вѣрою! Помни, что все въ семъ мірѣ отъ Бога, и что мы въ Его рукахъ не что̀ иное, какъ орудіе, которое само не знаетъ, куда устремляется и что̀ въ сей жизни достигнуть ему предстоитъ.

«Читала твое письмо и содрогалась: ахъ, какіе могутъ быть ужасные люди, мой другъ! Помню, когда намъ въ институтѣ изъ исторіи уроки задавали, то тамъ тоже злодѣи описывались. Стало быть, это такъ свыше опредѣлено, чтобъ имъ быть, и опредѣлено для того, чтобы,

отъ сравненія съ ними, добродѣтель еще больше возвышалась и заслуживала наградъ. А мы живемъ среди этихъ людей и даже не знаемъ! Ничего мы не знаемъ, мой другъ, и еслибы начальство за насъ не бодрствовало — что̀ бы мы были! И признаюсь откровенно: когда то̀ мѣсто въ письмѣ твоемъ прочитала, гдѣ ты своему благодѣтелю предложилъ ужасныхъ этихъ злодѣевъ называть не злоумышленниками, а заблуждающимися, то весьма была симъ офраппирована. Тѣмъ болѣе, зная благородство твоихъ чувствъ. Но когда увидѣла, что все это есть не что̀ иное, какъ обдуманный съ твоей стороны подходъ и что впослѣдствіи вновь эти люди въ злоумышленниковъ переименованы будутъ, опять утѣшилась. Знай, другъ мой, что горшихъ злоумышленниковъ не было, нѣтъ и не будетъ! Отецъ Ѳедоръ говоритъ, что они паче душегубцевъ и воровъ, что сіи немногимъ зло причиняютъ, а они по всему міру распространяютъ его. Помни это, душа моя! помни и блюди юношескій пламень твой!

«Братецъ Григорій Николаичъ такой нынче истинный христіанинъ сдѣлался, что мы смотрѣть на него безъ слезъ не можемъ. Ни рукой, ни ногой пошевелить не можетъ, и что̀ говоритъ — не разберемъ. И ему мы твое письмо прочитали, думая, что, при недугахъ, оное его утѣшитъ, однако, онъ, выслушавъ, только глаза шире обыкновеннаго раскрылъ.

«Пишу къ тебѣ кратко, зная, что теперь тебѣ не до писемъ. Будь бодръ, мой другъ, и впредь утѣшай меня, какъ всегда утѣшалъ. Благословляя тебя на новый трудъ, остаюсь любящая тебя,

«Надежда Батищева».

«P. S. А что̀ ты объ адвокатѣ Ерофеевѣ пишешь, то мнѣ даже очень прискорбно, что ты такъ на семъ настаиваешь. Неужто же ты завидуешь сему врагу религіи,

который по мѣняльнымъ рядамъ ходитъ и отъ изуродованныхъ людей поживы ищетъ! Прошу тебя, другъ мой, оставь сію мысль!»

«Милая маменька!

«Дѣло, о которомъ я писалъ вамъ въ прошломъ письмѣ, развивается такъ быстро, что теперь у меня, вмѣсто пятнадцати, уже восемьдесятъ-три человѣка обвиняемыхъ. Восемьдесятъ-три человѣка! Восемьдесятъ-три жертвы пагубныхъ заблужденій! Это ужасно!

«Но какіе это люди, милая маменька! сколько бы они могли принести пользы отечеству, еслибъ не заблуждались! Какіе величественные замыслы! Какія грандіозныя задачи! Люди, которые, по всей справедливости, могли бы претендовать на титулъ благодѣтелей человѣчества— эти люди не имѣютъ теперь впереди ничего, кромѣ справедливой кары закона! И они подвергнутся ей, этой карѣ (въ этомъ *я* могу служить вамъ порукою)... подвергнутся, потому что заблуждались!

«Не вдругъ, однакожь, удалось мнѣ проникнуть въ святилище душъ ихъ. Много пришлось выслушать дерзкихъ выходокъ и очень непрозрачныхъ намёковъ, но терпѣніе и особаго рода выдержка и въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ не оставили меня. Я восторжествовалъ. Мой взглядъ былъ вѣренъ: это именно неопытные заблуждающіеся, которыхъ молодыя души прежде всего доступны чувствительности. Не чувствительность ли ввергла ихъ и въ бездну заблужденія? Не она ли причиной, что молодыя ихъ силы, не успѣвъ развернуться въ пышный цвѣтъ, уже являются преждевременно обреченными на гибель? Да, это еще вопросъ! и даже очень важный *вопросъ, милая* маменька, ибо та же чувствительность,

которая служитъ источникомъ омерзительнѣйшихъ преступленій, можетъ подвигать человѣка и къ дѣяніямъ высочайшей благонамѣренности и преданности. Стало быть, нужно только съ умѣніемъ пользоваться этимъ двигателемъ, нужно только умѣть направить его, однимъ словомъ, нужно внимательно пересмотрѣть уставъ пресѣченія и предупрежденія преступленій — и тогда все будетъ благополучно! Я, по крайней мѣрѣ, сильно склоняюсь въ пользу этого предположенія, хотя, увы! и понимаю, что мое личное убѣжденіе и безсильно въ виду предписаній закона! А законъ ясенъ... и неумолимъ!

«Повторяю: много стоило мнѣ усилій, чтобы найти ключъ къ сердцамъ этихъ людей. Людей чувствительныхъ, но, къ несчастію, уже испорченныхъ недовѣріемъ къ лицамъ, которыя, въ сущности, искренно желаютъ имъ добра. Въ особенности заботилъ меня нѣкто Ѳеофанъ Филаретовъ, съ отличіемъ кончившій курсъ въ московской духовной академіи и, въ качествѣ многообѣщающаго юноши, названный Филаретовымъ въ честь покойнаго московскаго митрополита. Вы знаете, какъ прозорливъ былъ покойный преосвященный; но на этотъ разъ неисповѣдимыя пути Провидѣнія и его прозорливости готовили важное и прискорбное испытаніе. Преосвященный готовилъ Ѳеофана для высшихъ ступеней духовной іерархіи, а вмѣсто того, онъ нынѣ томится въ заключеніи, изъ котораго долженъ будетъ перейти непосредственно на скамью обвиненныхъ! Какъ не подивиться столь неожиданному перевороту судебъ, милая маменька!

«Знакомство мое съ Ѳеофаномъ было очень оригинально. Это человѣкъ невысокаго роста, плотный, даже коренастый, на первый взглядъ угрюмый, но съ необыкновенно кроткими глазами. Несомнѣнно, онъ ожидалъ,

что я относительно его буду поступать, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣлается, то-есть, сниму формальный допросъ и затѣмъ отпущу въ тюрьму, сказавъ, въ заключеніе, нѣсколько укорительныхъ фразъ. Ничуть не бывало; я встрѣтилъ его, какъ равный равнаго, или, лучше сказать, какъ счастливецъ встрѣчаетъ несчастливца, которому отъ всей души сочувствуетъ, хотя, къ сожалѣнію, и не въ силахъ преподать всѣхъ утѣшеній, какъ бы желалъ. Я самъ придвинулъ ему стулъ, предложилъ стаканъ чаю, папиросъ и проч. Это видимо его поразило, хотя нѣкоторое время онъ, всетаки, еще не оставлялъ своего недовѣрія ко мнѣ. Но и тутъ онъ былъ прекрасенъ! Онъ высказалъ мнѣ такъ много истинъ и, притомъ, съ такимъ пламеннымъ убѣжденіемъ, что, несмотря на горечь формы, я внутренно не могъ не согласиться съ нимъ!

«Онъ говорилъ мнѣ:» «вы фарисеи и лицемѣры! Вы, какъ Исавъ, готовы за горшокъ чечевицы продать всѣ такъ-называемыя основы ваши! вы говорите о святости вашего суда, а сами, между тѣмъ, на каждомъ шагу дѣлаете изъ него или львиный ровъ, или сиренскую прелесть! вы указываете на бракъ, какъ на основу вашего гнилаго общества, а сами прелюбодѣйствуйте! вы распинаетесь за собственность, а сами крадете! вы со слезами на глазахъ разглагольствуете о любви къ отечеству, а сами сапоги съ бумажными подметками ратникамъ ставите! И крадете, и убиваете, и клянетесь лживо, и жрете Ваалу!» И такъ далѣе, все въ духѣ пророка Иліи.

«Милая маменька! какъ хотите, а тутъ есть доля правды! Особенно на счетъ ратниковъ—вѣдь, это даже фактъ, что нашъ бывшій предводитель такими сапогами ихъ снабдилъ, что они, пройдя тридцать верстъ, очутились *босы! Быть можетъ,* слова «жрете Ваалу» слишкомъ уже

смѣлы, но, не знаю, какъ вамъ, а мнѣ эта смѣлость нравится! Въ ней есть что-то рыцарское...

«Но когда я, со слезами на глазахъ, просилъ его успокоиться; когда я доказалъ ему, что въ видахъ его же собственной пользы лучше, ежели дѣло его будетъ въ рукахъ человѣка, ему сочувствующаго (я могу признавать его обличенія несвоевременными, но не сочувствовать имъ — не могу!), когда я, наконецъ, подалъ ему стаканъ чаю и предложилъ папиросу, онъ, мало-по-малу, смягчился. И теперь, милая маменька, изъ этого чувствительнаго, но не питающаго къ начальству довѣрія человѣка, я вью веревки!

«Постепенно, онъ открылъ мнѣ все, всѣ свои замыслы, и указалъ на всѣхъ единомышленниковъ своихъ. Повѣрите ли, что въ числѣ послѣднихъ находятся даже многія высокопоставленныя лица! Когда-нибудь я покажу вамъ чувствительныя письма, въ которыхъ онъ изливаетъ передо мной свою душу: я снялъ съ нихъ копіи, приложивъ подлинныя къ дѣлу. Ахъ, какія это письма, милая маменька!

«О замыслахъ его я тоже когда-нибудь лично сообщу вамъ, потому что боюсь повѣрить письму то, что покуда составляетъ еще тайну между небомъ, моимъ генераломъ и мной. Теперь же могу сказать только одно: они хотѣли переформировать всю Россію, и между прочимъ, требовали, чтобы каждый, находясь у себя дома, имѣлъ право считать себя въ безопасности. Какая плодотворная мысль, еслибы въ ней не скрывался червь заблужденія! Но именно этотъ-то червь и испортилъ все, ибо подъ «безопасностью» они разумѣли не огражденіе обывателей отъ разбойниковъ и воровъ (что было бы вполнѣ плодотворно), но воспрещеніе полиціи входить въ обывательскія квартиры!

«Сверхъ того, подъ величайшимъ секретомъ, могу сообщить вамъ и еще одну, очень характеристичную подробность. Они предполагали уничтожить всѣ нынѣшнія министерства и замѣнить ихъ только двумя: министерствомъ оплодотворенія и министерствомъ отчаянія. Въ составъ перваго должны были войти нынѣшнія министерства: финансовъ, народнаго просвѣщенія и путей сообщенія; въ составъ второго — министерства: внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, а также государственный контроль. По плану преступнаго замысла, активную роль должно было играть только министерство оплодотворенія, ибо лишь чрезъ развитіе промышленности, народнаго богатства, просвѣщенія и чрезъ устройство путей сообщенія можетъ быть достигнуто благоденствіе страны. Министерство же отчаянія должно постоянно бездѣйствовать и играть роль чисто коммеморативнаго свойства, т. е. унылымъ видомъ своимъ напоминать гражданамъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ они подвергались въ то время, когда это министерство было, такъ сказать, переполнено жизнію. Но что̀ еще оригинальнѣе: чиновникамъ министерства отчаянія присвояются двойные оклады жалованья противъ чиновниковъ министерства оплодотворенія на томъ основаніи, что первые, хотя и бездѣйствуютъ, но самое это бездѣйствіе имѣетъ настолько укоризненный характеръ, что требуетъ усиленнаго вознагражденія.

«Когда я докладывалъ объ этомъ моему генералу, то даже онъ не могъ воздержаться отъ благосклонной улыбки. «А, вѣдь, это похоже на дѣло, мой другъ!» сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. На что̀ я весело отвѣтилъ: «Всякое заблужденіе, ваше превосходительство, имѣетъ крупицу правды, но правды преждевременной, которая, по этой причинѣ, и именуется заблужденіемъ». Отвѣтъ этотъ *такъ понравился* генералу, что онъ эту же мысль не

разъ послѣ того въ англійскомъ клубѣ отъ себя повторялъ.

«Много помогъ мнѣ и уланскій офицеръ, особливо, когда я открылъ ему раскаяніе Филаретова. Вотъ истинно добрѣйшій малый, который даже самъ едва ли знаетъ, за что̀ подъ арестомъ сидитъ! И сколько у него смѣшныхъ анекдотовъ! Многіе изъ нихъ я генералу передалъ, и такъ они ему пришли по сердцу, что онъ всякій день, какъ я вхожу съ докладомъ, встрѣчаетъ меня словами: «ну что̀, ка̀къ нашъ уланъ! поберегите его, мой другъ! тѣмъ больше, что намъ съ военнымъ вѣдомствомъ ссориться не приходится!»

«Тороплюсь закончить письмо мое, ибо положительно не имѣю минуты свободной. Вѣрите ли, милая маменька: днемъ допросы снимаю, ночью записки составляю и пишу рапорты, отношенія и предписанія. Товарищи по службѣ увѣряютъ, что я похудѣлъ, но въ глубинѣ души, я увѣренъ, завидуютъ мнѣ. Успѣхъ придалъ мнѣ бодрость, такъ сказать, окрилилъ меня. Несмотря на безсонныя ночи, я положительно не чувствую усталости. Веселъ, неутомимъ, готовъ поболтать, а при случаѣ даже и посмѣяться. Вчера, вечеромъ, урвалъ минуту, чтобы взглянуть «La fille de m-me Angot», но не успѣлъ и одного акта досидѣть, какъ потребовали къ генералу...

«Прощайте, милая маменька, и проч.

«*Николай Батищевъ*».

«P. S. Адвокатъ Ерофеевъ третьяго скопца заманилъ и сорвалъ съ него какую-то совсѣмъ ужь баснословную сумму. Слышно, что онъ пятипроцентныя бумаги на биржѣ скупаетъ. Ка̀къ хотите, а онъ нетолько не дуракъ, какимъ его многіе почитаютъ, но, по-моему, даже очень уменъ».

«Милый сынъ, Николенька.

«Никогда, даже когда была молода, ни одного романа съ такимъ интересомъ не читывала, съ какимъ прочла послѣднее твое письмо. Да̀, мой другъ! мрачны, ахъ, какъ мрачны тѣ ущелія, въ которыхъ, лишенная христіанской поддержки, душа человѣческая преступныя свои ковы строитъ!

«Сестрица Анюта въ полномъ отъ твоего Филаретова восхищеніи. «Представляю себѣ, говоритъ, ка̀къ хорошъ бы онъ былъ въ саккосѣ!» Но я, съ своей стороны, его не одобряю, и думаю, что озлобленіе этого человѣка отъ того происходитъ, что онъ не дворянинъ. Еслибы онъ былъ дворяниномъ, то, какъ образованный, безъ труда понялъ бы, что все сіе неизбѣжно, и при слабости нашей даже не безъ пользы. Хорошо по воскресеньямъ въ церкви проповѣди на этотъ счетъ слушать (да и то не каждое воскресенье, мой другъ!), но ежели каждый день всячески будутъ тебя костить, то, подъ конецъ, оно и многонько покажется. Отецъ Ѳедоръ даже со мной соглашается, что хотя вразумлять и необходимо, однакоже, безъ потери чувствъ. Всѣ мы люди, всѣ въ мірѣ живемъ и всѣ Богу и царю виноваты, и ка̀къ безъ сего обойтись— не знаемъ. Вотъ о чемъ надлежало бы твоему Филаретову помнить. Однако, такъ какъ и генералу твоему предики этого изувѣра понравились, то оставляю это на его усмотрѣніе, тѣмъ больше, что, судя по письму твоему, ка̀къ тамъ ни разглагольствуй въ духѣ пророка Иліи, а все таки, разглагольствіямъ этимъ одинъ неизбѣжный конецъ предстоитъ.

«Гораздо больше понравился мнѣ уланскій офицеръ, фамилію котораго ты, однакоже, не пишешь. Пожалуйста, анекдотовъ его побольше собери, и тетрадку намъ

пришли. Въ деревенскомъ нашемъ уединеніи большое утѣшеніе намъ составишь.

«Пишешь ты также, что въ дѣлѣ твоемъ много высокопоставленныхъ лицъ замѣшано, то, признаюсь, извѣстіе это до крайности меня встревожило. Знаю, что ты у меня умница и пустаго дѣла не затѣешь, однако, не могу воздержаться, чтобы не сказать: побереги себя, другъ мой! не поставляй симъ лицамъ въ тяжкую вину того, что, быть можетъ, они лишь по легкомыслію своему допустили! Ограничь свои дѣйствія Филаретовымъ и ему подобными!

«На этотъ счетъ, отъ опытности моей, могу сказать тебѣ слѣдующее. Очень часто мы видимъ, что высшія лица опыты разные производятъ, а низшія этимъ соблазняются и за настоящее принимаютъ. А такъ какъ безъ опытовъ прожить нельзя, то и въ грѣхъ этимъ лицамъ ставить не слѣдуетъ, а слѣдуетъ ставить въ грѣхъ лишь тѣмъ, которые не тѣ опыты производятъ, какіе отъ Бога имъ предназначены. Есть люди высшіе, средніе и низшіе — и сообразно съ симъ опыты. Высшій человѣкъ можетъ и высшіе опыты производить, потому что онъ же во всякое время и отмѣнить ихъ можетъ. Низшій же человѣкъ, какъ, напримѣръ, твой Филаретовъ, коль скоро начинаетъ непринадлежащіе ему опыты производить, то сейчасъ же ими воспламеняется—и отъ того происходитъ злоумышленность!

«Поэтому, другъ мой, ежели ты и видишь, что высшій человѣкъ проштрафился, то имѣй въ виду, что у него всегда есть отвѣтъ: я, по должности своей, опыты производилъ! И все ему простится, потому что онъ и самъ себя давно во всемъ простилъ. Но тебѣ онъ никогда того не проститъ, что ты его передъ начальствомъ въ сомнѣніе или въ погрѣшность ввелъ!

«Вотъ почему я, какъ другъ, прошу, и, какъ мать, внушаю: берегись этихъ людей! Отъ нихъ всякое покровительство на насъ нисходитъ, а между прочимъ, и напасть. Ежели же ты несомнѣнно предвидишь, что такому лицу въ разставленную передъ нимъ сѣть попасть надлежитъ, то лучше объ этомъ потихоньку его предварить, и совѣта его спросить, какъ въ этомъ случаѣ поступить прикажетъ. Эти люди всегда таковые поступки помнятъ и цѣнятъ.

«Братецъ Григорій Николаичъ, по всѣмъ видимостямъ, къ концу жизни своей приближается. Даже глазъ почти не открываетъ, а все больше въ усыпленіи находится. Истинно многомятежная жизнь его была! сколько онъ за гнусныя свои идеи пострадалъ — такъ это даже вчужѣ вспомнить больно! А подъ конецъ, однако, смирился, и даже рабовъ имѣть за необходимое полагалъ! И все таки, несмотря на суровые уроки, въ немъ эта старая дрянная искорка осталась! Намеднись, прочли мы ему письмо твое, думали мнѣніе его узнать, а онъ вмѣсто, того, двусмысленность сдѣлалъ. Но мы ужь и тому рады, что онъ продолжаетъ христіаниномъ быть. Боюсь только, какъ бы подъ конецъ какого баламуту не надѣлалъ!

«Прощай, мой другъ и проч.

«*Надежда Батищева*».

«P. S. А что̀ ты на счетъ Ерофеева пишешь, то удивляюсь: неужто у васъ, въ Петербургѣ, скопцы, какъ грибы, ростутъ? Не лжетъ ли онъ? Еще съ молоду онъ къ хвастовству непомѣрную склонность имѣлъ! Или, можетъ быть, изъ зависти, тебя соблазняетъ! Но ты соблазнамъ его не поддавайся, и бодро шествуй впередъ, какъ начальство тебѣ приказываетъ!»

«Любезная маменька.

«Планы мои разрушились вдругъ, въ одну минуту...

«Вы знаете мои правила! Вамъ извѣстно, что я не могу быть преданъ не всецѣло! Ежели я кому-нибудь предаюсь, то дѣлаю это безгранично... беззавѣтно! Я весь тутъ. Я люблю, чтобъ начальникъ ласкалъ меня, и ежели онъ ласкаетъ, то отдаюсь ему совсѣмъ! Если сегодня я отдаюсь душой судебному генералу, то его одного и люблю, и всѣхъ его соперниковъ ненавижу! Но ежели завтра меня полюбитъ контрольный генералъ, то я и его буду любить одного, и всѣхъ его соперниковъ буду ненавидѣть!

«Дѣло, о которомъ я говорилъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ, продолжало развиваться съ ужасающею быстротой. Каждый день приносилъ новую животрепещущую подробность. Новые замыслы, новые планы, новыя развѣтвленія! Отдѣлъ «общества» въ Весьегонскѣ, отдѣлъ въ Тетюшахъ, отдѣлъ въ Елабугѣ... однимъ словомъ, что̀-то ужасное! Вся Россія, пропитанная ядомъ «предвкушеній»! Вся Россія, ничѣмъ другимъ не занимающаяся, кромѣ «терпѣливаго перенесенія бѣдствій настоящаго»! Какое потрясающее душу зрѣлище! И какіе ужасные люди! Укоры, которые нѣкогда высказалъ мнѣ Ѳеофанъ, уже представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ дѣтскаго лепета! Передо мной предстали люди совершенно особенные, почти необыкновенные, которые даже не укоряли, а просто-на-просто ругательски ругали меня! Въ ихъ глазахъ, Ѳеофанъ слылъ уже консерваторомъ и даже ретроградомъ! Онъ еще допускалъ существованіе министерствъ (вы помните, милая маменька, его остроумную ипотезу двухъ министерствъ: оплодотворенія и отчаянія), а, слѣдовательно, и возможность административнаго воздѣйствія, они же ровно ничего не допускали, а только, по выра-

женію моего товарища, Коли Персіянова, требовали милліонъ четыреста тысячъ головъ!

«Обо всемъ я, разумѣется, каждодневно докладывалъ моему генералу, и, повидимому, онъ выслушивалъ меня охотно. Не разъ мы содрогались вмѣстѣ, но и не разъ удавалось мнѣ возбуждать на его устахъ улыбку...

«Милая маменька! Помнится, что въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ я разъяснялъ вамъ мою теорію отношеній подчиненнаго къ начальнику. Я говорилъ, что съ начальниками нужно быть сдержаннымъ и всячески избѣгать назойливости. Никогда не слѣдуетъ утомлять ихъ... даже заявленіями преданности. Все въ мѣру, милая маменька! все на столько, чтобы физіономія преданнаго подчиненнаго не примелькалась, не опротивѣла!

«Но начертавъ себѣ эту ligne de conduite, я, къ сожалѣнію, самъ не удержался на ней. Я былъ усерденъ и преданъ *болѣе, нежели требовалось*...

«Я не знаю, какъ это случилось, но послѣ цѣлаго мѣсяца неслыханныхъ съ моей стороны усилій и безсонныхъ ночей, я почувствовалъ въ голосѣ генерала ноту усталости. Горько прозвучала въ душѣ моей эта нота, но на первыхъ порахъ, по неопытности моей, я приписалъ это обстоятельство или подпольной интригѣ, или простой случайности. Я не понялъ, какъ много скрывается здѣсь для меня роковаго, и, вмѣсто того, чтобы обуздать свое усердіе, еще больше усилилъ его. Каждое утро я приходилъ къ генералу съ новымъ болѣе и болѣе обильнымъ запасомъ подробностей, но, увы! уже не возбуждалъ ими ни содроганія, ни улыбки. Генералъ усталъ, охладѣлъ — это было ясно... Тогда, чтобы сразу поднять мой упадавшій кредитъ, я придумалъ такой coup de théatre, который, по мнѣнію моему, долженъ былъ *непремѣнно* разбудить въ немъ гаснущій интересъ къ дѣлу.

«Надо вамъ сказать, что передъ этимъ я только-что открылъ нѣчто новое и въ высшей степени замѣчательное. Оказалось, что злоумышленники на общія деньги выписывали «Труды Вольно-экономическаго Общества», и собирались въ разныхъ мѣстахъ для совмѣстнаго ихъ чтенія. Для чего они это дѣлали? Развѣ они не могли читать «Труды» каждый въ своей квартирѣ? Развѣ стоютъ того «Труды», чтобъ, по поводу ихъ, затѣвать недозволенныя сборища и тратиться на извощиковъ? — вотъ вопросы, которыми я задался, милая маменька, и на которые самъ себѣ далъ отвѣтъ: нѣтъ, это не спроста!

«Я не буду описывать вамъ, съ какимъ восторгомъ я стремился утромъ къ генералу, чтобъ доложить ему о своемъ новомъ открытіи, но едва началъ свой разсказъ, какъ уже меня поразило какое-то зловѣщее выраженіе, свѣтившееся въ его глазахъ.

«— Я долженъ вамъ сказать, произнесъ онъ холодно: — что еще вчера мною сдѣлано распоряженіе о совершенномъ прекращеніи этого дѣла

«Я ничего не понялъ. Я стоялъ противъ него, затаивъ дыханіе и ждалъ.

«— Я ничего не могу сказать, продолжалъ онъ: — на сколько важно или не важно производимое вами дѣло, потому что дѣйствія ваши нетолько ничего не объяснили, но даже запутали и то, что̀ было сдѣлано вашими предмѣстниками. Но я могу сказать положительно, что вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ вы подвергаете меня самымъ непростительнымъ истязаніямъ. Я думалъ, что вы сами, наконецъ, поймете все неприличіе вашей настойчивости, но, къ сожалѣнію, даже эта скромная надежда моя не оправдалась. Вчера, вы хотѣли увѣрить меня, что въ Конотопѣ свила гнѣздо измѣна, а сегодня вы уже хотите заставить меня, даже въ такомъ фактѣ, какъ

совмѣстное чтеніе «Трудовъ Вольно-экономическаго Общества», видѣть преступный умыселъ.

«Я раскрылъ ротъ, чтобы заявить о моемъ раскаяніи и завѣрить, что его превосходительству стòитъ только указать мнѣ путь...

«— Я знаю, чтò вы хотите сказать, остановилъ онъ меня: — вы усердны, молодой человѣкъ! — въ этомъ отказать вамъ нельзя! Но вы *слишкомъ* усердны, а это такой недостатокъ, передъ которымъ даже совершенная бездѣятельность представляется качествомъ далеко не безполезнымъ. Я болѣе ничего не имѣю прибавить вамъ.

«Дà; онъ сказалъ мнѣ все это, и голосъ его ни разу не дрогнулъ... И я долженъ былъ оставить его кабинетъ, не выразивъ ни оправданія, ни даже раскаянія...

«Я не могу передать вамъ въ настоящемъ письмѣ всѣхъ подробностей этой печальной исторіи: до такой степени она подавляетъ меня! Но, во всякомъ случаѣ, вѣроятный ея результатъ вполнѣ уже для меня выяснился: карьера, о которой я такъ недавно и такъ восторженно писалъ вамъ — разрушена навсегда! Конечно, еще можетъ подвернуться какой-нибудь особенный, сверхъестественный случай, который дастъ мнѣ возможность вынырнуть, но до тѣхъ поръ — я долженъ сознаться въ этомъ — шансы мои очень и очень слабы!

«Усердіе, на которое я такъ надѣялся — это самое усердіе погубило меня. Не будь я такъ усерденъ, я не очутился бы въ той безпримѣрной тоскѣ, въ которую меня повергла неудача моего предпріятія. Но я превзошелъ самого себя — и палъ жертвою своихъ собственныхъ усилій! Какой поразительный урокъ, милая маменька! И кàкъ поучителенъ онъ долженъ быть для тѣхъ, которые проводятъ жизнь, по всѣмъ министерствамъ влача *беззавѣтную* свою преданность!

«Къ довершенію всего, неудача моя съ быстротою молніи облетѣла все наше вѣдомство. Товарищи смотрятъ на меня съ двусмысленными улыбками, и при моемъ появленіи, шепчутся между собою. Вчера—зависть, сегодня—недоброжелательство и насмѣшки. Вотъ кругъ, въ которомъ осуждена вращаться преданность...

«И всѣ эти люди, которые завтра же, съ полною готовностью, продѣлаютъ все то, что я продѣлалъ вчера, безъ всякаго стыда говорятъ вамъ о какихъ-то основахъ и краеугольныхъ камняхъ, посягательство на которые равносильно посягательству на безопасность цѣлаго общества!

«О, Ѳеофанъ Филаретовъ! какъ часто и съ какою отрадой я вспоминаю о тебѣ въ моемъ уединеніи! Ты сказалъ святую истину: въ нашемъ обществѣ (зачеркнуто: «вѣдомствѣ») человѣкъ, ищущій справедливости, находитъ одно изъ двухъ: или ревъ львиный, или прелесть сиренскую!..

«Прощайте, милая маменька! благословите и пожалѣйте несчастнаго, цѣлующаго ваши ручки сына,

«*Николая Батищева*».

«P. S. Вы положительно несправедливы къ Ерофееву, милая маменька. Это человѣкъ ума очень обширнаго, и ежели умѣетъ сыскать полезнаго для себя скопца, то не потому, что они, какъ грибы, въ Петербургѣ ростутъ, а потому, что у него есть особенная къ этому предмету склонность. Въ несчастіи моемъ, онъ одинъ не усумнился отнестись ко мнѣ симпатически и пріѣхалъ пожать мою руку. Онъ помнитъ гостепріимство, которое вы оказывали ему, когда онъ къ намъ изъ школы по праздникамъ хаживалъ, и еще недавно съ большимъ участіемъ объ васъ разспрашивалъ. Онъ даже предлагалъ мнѣ вступить съ нимъ въ компанію по веденію дѣлъ, и хотя я

ни на что̀ еще покуда не рѣшился, однако, будущность эта довольно-таки мнѣ улыбается. Какъ хотите, а нигдѣ, кромѣ частной дѣятельности, нельзя найти настоящей самостоятельности! Это единственная арена, на которой дорожатъ знающими и усердными людьми».

«Милый дружокъ, Николенька.

«Получивъ твое письмо, такъ была имъ поражена, что даже о братцѣ Григоріи Николаичѣ забыла, который, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, тихо, на рукахъ у сестрицы Анюты скончался. Христосъ съ нимъ! слава Богу, онъ умеръ утѣшенный! Нетолько никакой шутки надъ отцомъ Ѳедоромъ не позволилъ себѣ, но даже съ истинно-христіанскимъ благоговѣніемъ напутствіе его выслушалъ. Теперь онъ взираетъ на насъ съ высотъ небесныхъ, а можетъ быть, и до днѣсь душа его между нами витаетъ и видитъ какъ горесть нашу, такъ и приготовленія, которыя мы къ погребенію его дѣлаемъ.

«Какъ ни прискорбна превратность, тебя постигшая, но и теперь могу повторить лишь то, что̀ неоднократно тебѣ говорила: не однѣ радости въ семъ мірѣ, мой другъ, но и горести. А потому, не ропщи. Ты все сдѣлалъ, что̀ доброму и усердному подчиненному сдѣлать надлежало—стало быть, совѣсть твоя чиста. По усердію твоему, ты хотѣлъ до конца твоего генерала прельстить; если же ты въ томъ не успѣлъ, то, стало быть, Богу не угодно было. Смирись же, другъ мой! ибо на все Его святая воля, мы же всѣ странники, а бездыханный трупъ братца Григорія Николаича даже сильнѣе, нежели прежде, меня въ этой мысли утверживаетъ!

«Я нетолько на тебя не сержусь, но думаю, что все *это со временемъ* еще къ лучшему поправиться можетъ.

Такъ, напримѣръ: отчего бы тебѣ, немного погодя, вновь передъ генераломъ не открыться и не завѣрить его, что все это отъ неопытности твоей и незнанія произошло? Генералы это любятъ, мой другъ, и раскаивающимся еще больше протежируютъ!

«Впрочемъ, предоставляю это твоему усмотрѣнію, потому что хотя бы и хотѣла что̀-нибудь еще въ поученіе тебѣ сказать, но не могу: хлопотъ по горло. Теперь приготовляемся послѣдній долгъ усопшему другу отдать, а послѣ того и объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства подумать надо. Братецъ послѣ себя прекраснѣйшее имѣніе въ Курской губерніи оставилъ, а теперь, по божьему соизволенію, оно должно перейти къ намъ. Сказывалъ старый каммердинеръ его, Платонъ, что у покойнаго старая пассія въ Москвѣ жила, и отъ оной, будто бы, дѣти, но она, по закону, никакого притязанія къ имѣнію покойнаго имѣть не можетъ, мы-же, по христіанскому обычаю, отъ всего сердца грѣхъ ей прощаемъ и даже не желаемъ знать, какой отъ этого грѣха плодъ былъ! Жаль, конечно, дѣтей, но ежели законъ имъ правъ не даетъ, то что̀ же мы противъ закона сдѣлать можемъ!

«Прощай, другъ мой; пиши, не удастся ли тебѣ постигшую грозу отъ себя отклонить и попрежнему въ любви твоего генерала утвердиться. А ка̀къ бы это хорошо было! Любящая тебя мать,

«*Надежда Батищева*».

«P. S. Прости, Христа ради, что объ Ерофеевѣ такъ низко заключила. Теперь и сама вижу, что дѣла о скопцахъ не безъ выгоды. Быть можетъ, Провидѣнье нарочно послало его, чтобы тебя утѣшить. Не даромъ же ты въ каждомъ письмѣ объ немъ писалъ: должно быть, предчувствіе было, что понадобится».

«Любезная маменька.

«Я подалъ въ отставку.

«Такое рѣшеніе можетъ вамъ показаться внезапнымъ, но я сейчасъ докажу, что оно далеко не было съ моей стороны внезапностью.

«Я разсудилъ такъ: послѣ моей катастрофы, надѣяться на скорое возстановленіе въ мнѣніи моего генерала было бы глупостью. Меня будутъ заставлять каждодневно обвинять, я каждый день буду одерживать побѣды надъ присяжными засѣдателями—и генералъ будетъ говорить, что я только исполняю свою обязанность. Составъ моихъ товарищей будетъ мѣняться, вслѣдствіе повышеній, и я одинъ останусь незыблимъ, покуда не сдадутъ меня, наконецъ, въ видѣ милости, въ архивъ, членомъ бѣлозерскаго окружнаго суда, гдѣ я и буду до конца жизни судить бѣлозерскихъ снѣтковъ. Ясно, что такое будущее не имѣетъ въ себѣ ничего блестящаго.

«Поэтому, въ видахъ моей же собственной пользы, необходимо, чтобы меня забыли, или, лучше сказать, чтобы я напомнилъ о себѣ на другомъ поприщѣ. Доселѣ — я обвинялъ; отнынѣ — буду оправдывать. Я хочу доказать, и докажу, что въ области правосудія нѣтъ ничего для меня недоступнаго. Убѣдившись въ этомъ, генералъ, безъ сомнѣнія, самъ пойметъ, чего онъ лишился, пренебрегши моими заслугами, и тогда мнѣ останется только дать знать стороной, что и мое сердце не недоступно для раскаянія. И я вновь верну себѣ благосклонность моего начальника, и вновь, еще съ бо̀льшею пламенностью, возьму въ свои руки бразды обвиненія. Но уже не иначе, милая маменька, какъ въ качествѣ настоящаго прокурора, а не товарища.

«Весь этотъ планъ отлично объяснилъ мнѣ Ерофеевъ, а покуда далъ мнѣ отличнѣйшій и очень выгодный способъ проявить свои способности на поприщѣ оправданія.

«Надняхъ предстоитъ Петербургу небывалое и величественное зрѣлище: будутъ судиться восемьдесятъ скопцовъ. Собственно Ерофеевъ взялъ на себя лишь декоративную часть этого дѣла, на судѣ же, у каждаго изъ обвиненныхъ будетъ по два защитника и по два подручныхъ. Но такъ какъ въ Петербургѣ нѣтъ такого количества способныхъ, на защиту скопцовъ, адвокатовъ, то нѣкоторымъ изъ защитниковъ предоставлено будетъ участвовать въ нѣсколькихъ парахъ и, такимъ образомъ, кюмулировать нѣсколько гонораровъ. Каждой парѣ назначается гонорара сорокъ тысячъ, изъ которыхъ должно удѣлить нѣкоторую часть подручнымъ, въ вознагражденіе за нѣкоторыя занятія, требующія болѣе тѣлесныхъ упражненій, нежели умственнаго труда.

«Ерофеевъ обѣщалъ мнѣ участіе въ нѣсколькихъ парахъ, при чемъ, на первый разъ, на меня возложена будетъ защита самыхъ легкихъ скопцовъ, дабы на нихъ я могъ, такъ сказать, переломить первое мое копье на аренѣ защиты. Успѣхъ кажется мнѣ до такой степени несомнѣннымъ, что я уже заранѣе далъ назначеніе своему гонорару. Съ вашего позволенія, милая маменька, я пріобрѣту ту пустошь, о покупкѣ которой такъ часто мечталъ покойный дяденька. Тогда имѣніе наше будетъ вполнѣ округлено и навсегда обезпечено лугами, въ которыхъ оно такъ сильно до сихъ поръ нуждалось.

«И такъ, я бодръ попрежнему. Я сдѣлался даже бодрѣе, ибо теперь уже не боюсь, что кто-нибудь меня внезапно обругаетъ или оборветъ.

«Благословите же меня, добрый другъ мой, потому что въ настоящую минуту ваше благословеніе, болѣе нежели когда-нибудь, для меня дорого. Остаюсь и проч.

«Николай Батищевъ».

СТОЛПЪ.

Въ прежнія времена, когда еще «свои мужички» были, родовое наше имѣніе, Чемезово, недаромъ слыло золотымъ дномъ. Всего было у насъ довольно; отъ хлѣба ломились сусѣки; тальками, полотнами, бараньими шкурами, сушеными грибами и другимъ деревенскимъ продуктомъ полны были кладовыя. Все это скупалось мѣстными Т — скими прасолами, которые зимою и глухою осенью усердно разъѣзжали по барскимъ усадьбамъ.

Между этими скупщиками, въ особенности памятенъ мнѣ Т—скій мѣщанинъ, Осипъ Ивановъ Деруновъ. Я какъ сейчасъ вижу его передъ собою. Человѣкъ онъ былъ среднихъ лѣтъ (лѣтъ тридцати пяти или съ небольшимъ) и чрезвычайно пріятной наружности. Изъ лица бѣлъ, румянъ и чистъ; глаза голубые; на губахъ улыбка; зубы бѣлые, ровные; волоса бѣлокурые, слегка вьющіеся; походка мягкая; голосъ—ясный и звучный теноръ. Въ домѣ у насъ его рѣшительно всѣ какъ-то особенно жаловали. Папенька любилъ за то, что онъ былъ словоохотливъ, повадливъ и прекрасно читалъ въ церкви апостола; *маменька* — за то, что онъ безъ разговоровъ накидывалъ

на четверть ржи лишній гривенникъ и лишнюю копейку на фунтъ сушеныхъ грибовъ; горничныя дѣвушки — за то, что у него для каждой былъ или подарочекъ, или ласковое слово. Поэтому, когда наѣзжалъ Деруновъ, то всѣ лица просвѣтлялись. Господа видѣли въ немъ, такъ сказать, выразителя ихъ годового дохода; дворовые люди радовались изъ инстинктивнаго сочувствія къ человѣку оборотливому и чивому. Позовутъ, бывало, Дерунова въ столовую и посадятъ вмѣстѣ съ господами чай пить. Сидитъ онъ скромно, пьетъ не тòропко, блюдечко съ чаемъ всей пятерней держитъ. Разсказываетъ, гдѣ былъ, чтò у кого купилъ, кàкъ пресвященный, объѣзжая эпархію, въ К — кѣ обѣдню служилъ, какой у протодьякона голосъ и въ какихъ отношеніяхъ находится новый становой къ исправнику и секретарю земскаго суда. Разсказываетъ, что нынче на все дороговизна пошла, и пошла отъ того, что «прежнія деньги на сигнаціи были, а теперь на серебро счетъ пошелъ»; разсказываетъ, что дѣло торговое трудное, что «рынокъ на рынокъ не потрафишь: иной разъ дорого думаешь продать, анъ ни за чтò спустишь, а другой разъ и совсѣмъ, кажется, дѣловъ нѣтъ, анъ вдругъ Богъ подходящаго человѣка послалъ»; разсказываетъ, что въ скоромъ времени «объявленія набору ждать надо», и что хотя наборъ —«оно, конечно»... «одначе, и безъ набору быть нельзя». Слушаетъ папенька всѣ эти разсказы, и тоже не вытерпитъ— молвитъ:

— Башка, братъ, у тебя, Осипъ Иванычъ! Не здѣсь бы, не въ захолустьи бы тебѣ сидѣть! Министромъ бы тебѣ быть надо!

Такъ за Деруновымъ и утвердилась навсегда кличка «министръ». И нетолько у насъ въ домѣ, но и по всей окрùгѣ, между помѣщиками, которыхъ дѣла онъ, конеч-

но, зналъ лучше, нежели они сами. Вездѣ его любили, всѣ совѣтовались съ нимъ и удивлялись его уму, а многіе даже ввѣряли ему болѣе или менѣе значительные куши подъ оборотъ, въ полной увѣренности, что Деруновъ не только полностью отдастъ деньги въ срокъ, но и съ благодарностью.

Въ то время Деруновъ только-что начиналъ набираться силы. Въ Т*** у него былъ постоялый дворъ и при немъ небольшой хлѣбный лабазъ. Памятенъ мнѣ и этотъ постоялый дворъ и вся обстановка его. Длинное одноэтажное строеніе выходило фасадомъ на неоглядную базарную площадь, по которой кружились столбы пыли въ сухое лѣтнее время и на которой тонули въ грязи мужицкіе возы осенью и весною. Крытъ былъ домъ соломой подъ щетку и издали казался громаднымъ ощетинившимся наметомъ; некрашенныя стѣны отъ времени и непогодъ сильно почернѣли; маленькія, съ незапамятныхъ временъ немытыя оконца подслѣповато глядѣли на площадь и, велѣдствіе осѣвшей на нихъ грязи, отливали снаружи всевозможными цвѣтами; тесовыя, почернѣвшія ворота вели въ громадный темный дворъ, въ которомъ непривычный глазъ съ трудомъ могъ что-нибудь различать, кромѣ безчисленныхъ полосъ свѣта, которыя врывались сквозь дыры соломеннаго навѣса и яркими пятнами пестрили навозъ и улитый скотскою мочею деревянный помостъ. Пріѣзжій въѣзжалъ въ ворота и поглощался дворомъ, словно пропастью. Слышались: фырканье лошадей, позвякиванье колокольцевъ и бубенчиковъ, гулкій летъ голубей, хлопанье крыльями домашней птицы; гдѣ-то въ самомъ темномъ углу, забранномъ старыми досками, хрюкалъ поросенокъ, откармливаемый на убой къ одному изъ многочисленныхъ храмовыхъ праздниковъ. Обдавало запахомъ дегтя, навоза, самоварнаго чада и

вареной убоицы, паръ отъ которой валилъ во дворъ черезъ отворенную дверь черной избы. Направо отъ воротъ спускалось во дворъ крыльцо съ колеблющимися ступеньками и съ небольшими сѣнцами вверху, въ которыхъ постоянно пыхтѣлъ самоваръ съ вѣчно наставленною трубою. Выйдя изъ сѣней, вы встрѣчали нѣчто въ родѣ холоднаго корридора съ чуланчиками и кладовушками на каждомъ шагу, въ которомъ царствовала такая кромешная тьма, что надо было идти ощупью, чтобъ не стукнуться лбомъ объ какую-нибудь перекладину или не споткнуться. Изъ этого корридора шли двери, прежде всего въ черную избу, въ которой останавливались подводчики и прочій сѣрый людъ, и затѣмъ въ «чистые покои», гдѣ останавливались проѣзжіе помѣщики. Черная изба была довольно обширная о трехъ окнахъ комната, въ которой, за перегородкой, съ молодою женой (женился онъ довольно поздно, когда ему было уже около тридцати лѣтъ) ютился самъ хозяинъ. «Чистые покои» были маленькія, узенькія комнатки; въ нихъ пахло затхлостью, мышами и тараканами; половицы шатались и изобиловали щелями и дырами, прогрызенными крысами; газетная бумага, которою обклеены были стѣны, мѣстами висѣла клочьями, мѣстами совсѣмъ была отодрана. Оконныя рамы чуть держались на петляхъ и при всякомъ порывѣ вѣтра съ шумомъ отворялись или захлопывались. И сколько тутъ было мухъ, таракановъ, клоповъ!

Несмотря на эту незавидную обстановку, проѣзжій людъ такъ и валилъ къ Осипу Иванову. Для чернаго люда у него были такія щи, «что не продуешь», для помѣщиковъ привѣтливое слово и умное разсужденіе въ родѣ того, что «прежде счетъ на сигнаціи былъ, а нынче на серебро пошелъ». Мнѣ, юношѣ лѣтъ тринадцати-

четырнадцати, было столько разъ говорено объ умѣ Осипа Иваныча, что я даже побаивался его. Когда я останавливался на его постояломъ дворѣ, проѣздомъ, во время каникулъ, въ родное гнѣздо, онъ обращался со мною ласково и, въ то же время, учительно. Войдетъ, бывало, въ занятую мною комнату, сядетъ, покуда я закусываю, у стола противъ меня, и начнетъ экзаменовать.

— Въ побывку, паренекъ, собрался?

— На каникулы, Осипъ Иванычъ.

— Гм... каникулы... это когда песьи мухи одолѣваютъ! Ну, надо экзаментъ тебѣ сдѣлать. Учителямъ потрафлялъ ли?

— Потрафлялъ, Осипъ Иванычъ.

— Это хорошо, что учителямъ потрафляешь. Въ науку пошелъ — надо потрафлять. Иной разъ и занапрасно учитель побьетъ, а ты ему: «покорно, молъ, благодарю, Августъ Карлычъ!» Вѣдь, нѣмцы, поди, у васъ?

— Нѣмцы, Осипъ Иванычъ; только у насъ учителямъ бить не позволяется.

— И не позволяется, а все же, чай, потихоньку исправляются. И насъ царь побивать не велѣлъ, а кто только насъ не побиваетъ!

— Ей-Богу, Осипъ Иванычъ, у насъ не бьютъ!

Но Осипъ Иванычъ только покачиваетъ въ отвѣтъ головой, что̀ меня всегда очень обижало, потому что я воспитывался въ одномъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ то время заведеній, гдѣ дѣйствительно тѣлесное наказаніе допускалось лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

— А заповѣдямъ учился? продолжаетъ, между тѣмъ, экзаменовать Осипъ Иванычъ.

— Знаю.

— А коли знаешь, такъ, значитъ, прежде всего Бога *люби, да* родителевъ чти. Почитаешь ли родителей-то?

— Почитаю, Осипъ Иванычъ.

— Чти родителей, потому что безъ нихъ вашему брату дѣваться некуда, даромъ, что ты востёръ. Вотъ изъ ученья выйдешь—кто тебѣ на прожитокъ дастъ? Жениться захочешь—кто невѣсту припасетъ?—все родители! Такъ ты и утромъ, и вечеромъ за нихъ Бога моли: спаси, молъ, Господи, папыньку, мамыньку, сродственниковъ! Всѣхъ, сударь, чти!

— И то чту!

— То-то, говорю: чти! Вотъ мы, чернядь, какъ въ совершенныя лѣта придемъ, такъ сами домой несемъ! Родитель-то тебѣ мѣдную копеечку дастъ, а ты ему рубль принеси! А и мы родителей почитаемъ! А вы, дворяна, ровно малолѣтные, до старости все изъ дому тащите—какъ же вамъ родителей не любить!

— Выйду изъ ученья, на службу поступлю, самъ буду жалованье получать.

— Велико твое жалованье—въ баню на него сходить! Жалованья-то дадутъ тебѣ алтынъ, а прихотей у тебя на сто рублевъ. Тутъ только тебѣ подавай!

Я не возражалъ; наступало нѣсколько минутъ затишья, впродолженіи которыхъ Осипъ Иванычъ громко зѣвалъ и крестилъ свой ротъ. Но не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы скоро отстать.

— Я тоже родителей чтилъ, продолжалъ онъ прерванную бесѣду: — за это меня и Богъ благословилъ. Бывало, родитель-то гнѣвается, а я ему въ ножки! За то теперь я съ домкомъ; своимъ хозяйствомъ живу. Все у меня какъ слѣдуетъ; пороковъ за мной не состоитъ. Не пьяница, не тать, не прелюбодѣй. А вотъ братецъ у меня, такъ тотъ передъ родителями-то фордабаченьемъ думалъ взять — анъ и до сихъ поръ въ кабалѣ у купцовъ состоитъ. Курицы у него своей нѣтъ!

— Можетъ быть, его обдѣлили?

— Не кто обдѣлилъ, самъ себя обдѣлилъ. Сама себя раба бьетъ, коли плохо жнетъ. На все, сударь, воля родительская!

Проэкзаменовавши меня такимъ родомъ и оставшись испытаніемъ доволенъ, Осипъ Иванычъ предлагалъ мнѣ отдохнуть съ дороги и уводилъ въ баньку, гдѣ разстилалось душистое одворичное сѣно и куда ни одна муха, ни одинъ клопъ не смѣли проникнуть. Тамъ я засыпалъ тѣмъ глубокимъ и освѣжительнымъ сномъ, которымъ можетъ засыпать только юноша, испытавшій сряду нѣсколько дней тряской и безсонной дороги. Часа черезъ три, меня, полусоннаго, поднимали съ мягкаго ложа, укладывали въ тарантасъ и увозили изъ Т*** въ Чемезово, гдѣ ждали меня новые экзамены, въ томъ же родѣ и духѣ, какъ и сейчасъ выдержанный экзаменъ Осипа Иваныча.

Но тогда было время тугое, и, несмотря на оборотливость Дерунова, дѣла его развивались не особенно быстро. Онъ выписался изъ мѣщанъ въ купцы, слылъ за человѣка зажиточнаго, но долго и крѣпко держался постоялаго двора и лабаза. Можетъ быть, и скопился у него капиталецъ, да по тогдашнему времени пристроить его было нѐкуда.

Рисковать было не въ обычаѣ; жили осторожно, прижимисто, какъ будто боялись, что увидятъ — отнимутъ. Конечно, и тогда встрѣчались аферисты и пройдохи, но чтобы идти по ихъ слѣдамъ, нужно было имѣть большую рѣшимость и несомнѣнную готовность претерпѣть. Человѣкъ робкій, или, какъ тогда говорилось, «основательный», неохотно ввязывался въ операціи, которыя были сопряжены съ рискомъ и хлопотами. Богатства пріобрѣтались *терпѣніемъ* и неустаннымъ присовокупленіемъ гроша къ

грошу, для чего не требовалось ни особливой развязности ума, ни той канальской изворотливости, безъ которой не можетъ ступить шагу человѣкъ, изъявляющій твердое намѣреніе выбрать изъ кармановъ своихъ ближнихъ все, что̀ въ нихъ обрѣтается.

Съ тѣхъ поръ прошло около двадцати лѣтъ. Впродолженіи этого времени я вынесъ много всякаго рода жизненныхъ толчковъ, странствуя по морю житейскому. Исколесовалъ отъ конца въ конецъ всю Россію, перебывалъ во всевозможныхъ градахъ и весяхъ: и соломенныхъ, и голодныхъ, и холодныхъ, но не видалъ ни Т***, ни родного гнѣзда. И вотъ, однакожь, судьба бросила меня и туда...

Пріѣзжаю въ Т*** и съ перваго же взгляда убѣждаюсь, что умы развязались. Вопервыхъ, къ самымъ, такъ сказать, воротамъ города проведена желѣзная дорога. Двадцать лѣтъ тому назадъ, никто бы не догадался, что изъ Т*** можно что̀-нибудь возить, теперь нетолько возятъ, но даже прямо говорятъ, что и конца этой возкѣ не будетъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, почти весь мѣстнаго производства хлѣбъ потреблялся на мѣстѣ; теперь — запросъ на хлѣбъ сталъ такъ великъ, что съѣдать его весь сдѣлалось какъ бы щекотливымъ. Свиснетъ паровозъ, загрохочетъ поѣздъ, и увозитъ, и увозитъ бунты за бунтами куда-то въ синюю даль. И даже не знаетъ безсмысленная чернь, куда исчезаетъ ея трудовой хлѣбъ и кого онъ будетъ питать...

Вовторыхъ, кабаковъ было не больше пяти-шести на весь городъ; теперь на каждый переулокъ не менѣе пяти-шести кабаковъ.

Втретьихъ, городъ осенью и весной утопалъ въ грязи, а лѣтомъ задыхался отъ пыли; теперь — соборную площадь ужь вымостили, да, того гляди, вымостятъ и московскую улицу.

Въ четвертыхъ, прежде былъ городничій, который всѣмъ вѣдалъ, всѣхъ каралъ и миловалъ; теперь — до того доведено самоуправленіе, что даже въ городскіе головы выбранъ отставной корнетъ.

Впятыхъ, прежде правосудіе предоставлялось уѣзднымъ судамъ, и я какъ сейчасъ вижу толпу голодныхъ подъячихъ, которые за рубль серебра готовы были вамъ всякое удовлетвореніе сдѣлать. Теперь настоящаго суда нѣтъ, а судитъ и рядитъ какой-то совершенно безразсудный отставной поручикъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, который, не ожидая даже рубля серебромъ, въ силу одного лишь собственнаго легкомыслія, готовъ во всякую минуту въ конецъ обездолить васъ.

Вшестыхъ, наконецъ, прежде совсѣмъ не было адвокатовъ, а были люди, носившіе названіе «ябедниковъ», «приказныхъ строкъ», «крапивнаго сѣмени» и т. д., которые ловили кліентовъ по кабакамъ и писали неосновательныя просьбы за косушку. Нынче, и въ Т*** завелось до десяти «аблакатовъ», которые и за самую неосновательную просьбу меньше красненькой не возьмутъ.

Вмѣстѣ съ общимъ обновленіемъ, измѣнилось и положеніе Дерунова. Еще ѣхавши по желѣзной дорогѣ въ Т***, я уже слышалъ, что имя его упоминалось, какъ имя главнаго мѣстнаго воротилы. Разбогатѣлъ онъ страшно, и уже не сколачивалъ по копеечкѣ, а прямо орудовалъ. Арендовалъ у помѣщиковъ винокуренные заводы, въ большинствѣ городовъ губерніи имѣлъ винные склады, содержалъ громадное количество кабаковъ, скупалъ и откармливалъ скотъ и всю мѣстную хлѣбную торговлю прибралъ къ своимъ рукамъ. Однимъ словомъ, это былъ *монополистъ*, который всякую чужую копейку считалъ

гулящею и не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не залучитъ все въ свой карманъ.

Раннимъ утромъ, поѣздъ примчалъ насъ въ Т***. Я надѣялся, что найду тутъ своихъ лошадей, но за мной еще не пріѣхали. Въ ожиданіи, я кое-какъ пріютился въ довольно грязной мѣстной гостинницѣ, и имѣя сердце чувствительное, разумѣется, не утерпѣлъ, чтобы не повидаться съ дорогими свидѣтелями моего дѣтства: съ постоялымъ дворомъ и его бывшимъ владѣльцемъ.

Стараго постоялаго двора уже не было и слѣда. На мѣстѣ его возвышались двухъ-этажныя каменныя палаты съ пространными флигелями и амбарами, въ которыхъ помѣщались контора и склады. Ужасно это меня огорчило. Вотъ тутъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, была любезнѣйшая сердцу грязь; вотъ здѣсь, я лакомился сдобными лепешками со сливками; вотъ тамъ, я дразнилъ индюка... И вдругъ, ничего этого нѣтъ! Какія-то каменныя палаты, отъ которыхъ не вѣетъ ничѣмъ, отзывающимся сердечною теплотою! До такой степени это поразило меня, что, взойдя на парадное крыльцо, я даже предложилъ себѣ вопросъ, не дать ли тягу. Кто знаетъ, не окаменѣлъ ли и самъ Деруновъ, подобно своимъ палатамъ! Вспоминаетъ ли о прежнихъ сѣренькихъ дняхъ, или же онъ и прошлое свое, вмѣстѣ съ другою ненужною ветошью, сбылъ куда-нибудь въ такое мѣсто, гдѣ его никакими способами даже отыскать нельзя! Я несчастливъ, и потому очень понятно, что для меня всякая подробность прошлаго имѣетъ цѣну свѣтлаго воспоминанія. Напротивъ того, Деруновъ счастливъ — зачѣмъ же, спрашивается, ему прошлое, въ которомъ, всетаки, было не безъ плутней, а слѣдовательно, и не безъ потасовокъ за оныя?

Теперь, Деруновъ — опора и столпъ. Авторитеты ува-

жаетъ, собственность чтитъ, на счетъ семейнаго союза ни мало не сомнѣвается. Онъ много и безпрекословно жертвуетъ и получаетъ за это медали; на немъ почіетъ множество благословеній сѵнода; у него въ домѣ останавливается, во время ревизіи, губернаторъ; его чуть не боготворитъ исправникъ и тщетно старается подкузьмить мировой судья. Въ довершеніе всего, у него дочь выдана за полковника. Какое значеніе могу я имѣть въ его глазахъ, кромѣ значенія ненужнаго напоминанія прошлаго? Я не могу ничего ни продать, ни купить, ни даже предложить какія-нибудь услуги. Я ветошь прошлаго, очевидецъ замаслянной сибирки, загаженныхъ мухами счетовъ, на которыхъ онъ когда-то щелкалъ, приговаривая: «за самоваръ пять копеечекъ, овсеца мѣру брали — двадцать копеечекъ, за тепло — сколько пожалуете» и т. д. Зачѣмъ я пришелъ?

Но покуда я раздумывалъ, въ воротахъ дома показался самъ старикъ Деруновъ, который только-что окончилъ свои распоряженія во дворѣ.

Несмотря на свои слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ былъ совершенно бодръ и свѣжъ. Онъ представлялъ собою совершеннѣйшій типъ той породы крѣпкихъ, сильныхъ и румяныхъ стариковъ, которыхъ называютъ благолѣпными. Голубые глаза его слегка потускнѣли, вслѣдствіе старческой слезы, но смотрѣли, попрежнему, благодушно, какъ будто говорили: зачѣмъ тебѣ въ душу мою забираться? я и безъ того весь тутъ! Волоса побѣлѣли, но еще кудрявились, обрамляя обнаженный черепъ и образуя вокругъ головы родъ облака. Та же пріятная улыбка на губахъ, тотъ же мягкій, лишь слегка надтреснутый теноръ. Словомъ сказать, передо мной стоялъ прежній Осипъ Ивановъ, но только посановитѣе и, въ *то же время*, поумытѣе и пощеголеватѣе.

— Вамъ до меня? обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

Я назвалъ себя.

Старикъ постоялъ съ минуту, какъ бы ища въ своей памяти, но, наконецъ, вспомнилъ. И сказать по правдѣ, вспомнилъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Господи! засуетился онъ около меня: — легко ли дѣло, сколько годовъ не видались! Поди, ужь лѣтъ сорокъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты у меня махонькой на постояломъ лошадей кармливалъ!

— Сорокъ не сорокъ, а много-таки воды утекло!

— Что̀ и говорить! Вотъ и у васъ, сударь, головка-то бѣленька стала, а объ старикахъ и говорить нечего. Впрочемъ, я на себя не пожалуюсь: ни единой во мнѣ хворости до сей поры нѣтъ! Да что̀ же мы здѣсь стоимъ! Милости просимъ на верхъ!

Пошли въ домъ; лѣстница отличная, свѣтлая; въ комнатахъ — благолѣпіе. Сначала, мнѣ любопытно было взглянуть, каковъ-то покажется Осипъ Ивановичъ среди всей этой роскоши, но я тотчасъ же убѣдился, что для моего любопытства нѣтъ ни малѣйшаго повода: до такой степени онъ освоился со своею новою обстановкой.

— Вотъ какую хижу я себѣ выстроилъ! привѣтствовалъ онъ меня, когда мы вошли въ кабинетъ: — теперь у меня простора вдоволь, хоть въ дрожкахъ по горницамъ разъѣзжай. А прежде-то что̀ на этомъ мѣстѣ было... чай, помните?

— Да не забылъ-таки. И знаете ли, Осипъ Иванычъ, какъ подходилъ къ вашему дому, да увидѣлъ, что прежняго постоялаго двора нѣтъ — какъ будто жаль стало!

— Что̀ жалѣть-то! Вони да грязи мало, что ли, было? Послѣ постоялаго-то у меня тутъ другой домо̀къ, чистый, былъ, да и въ томъ тѣсно стало. Скоро пять лѣтъ будетъ, какъ вотъ эти палаты выстроилъ. Жить надо такъ,

чтобъ и свѣтло, и тепло, и во всемъ чтобъ приволье было. При деньгахъ да не пожить? за это и люди осудятъ! Ну, а теперь побесѣдуемте, сударь, закусимте; я ужь васъ отъ себя не пущу! Сказывай, сударь, зачѣмъ пріѣхалъ? нужды нѣтъ ли какой?

Старикъ, очевидно, не зналъ, какой тонъ установить въ отношеніи ко мнѣ, и потому безпрерывно переходилъ отъ «вы» на «ты».

— Да у васъ, чай, дѣла; еще задержишь...

— Какія дѣла! всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь! Для дѣловъ дѣльцы есть — ну, и пускай ихъ, съ Богомъ, бѣгаютъ! Господи! сколько годовъ, сколько годовъ-то прошло! Голова-то у тебя, вѣдь, почесть бѣлая! Чай, въ городъ-то въ родной въѣхали, такъ диву дались!

— Да, порядочно-таки измѣнился!

— Постой, что̀ еще впередъ будетъ! Площадь-то какая прежде была? экипажи изъ грязи народомъ вытаскивали! А теперь, посмотри — какъ есть красавица! Соборъ-то, соборъ-то! на кумполъ-то взгляни! За пятнадцать верстъ, какъ по острѣченскому тракту ѣдешь, видно! Какъ съ послѣдней станціи выѣдешь — все передъ глазами, словно вотъ рукой до города-то подать! Каменныхъ домовъ сколько понастроили! А ужо, какъ московскую улицу вымостимъ, да гостинный дворъ выстроимъ — чѣмъ не Москва будетъ!

— Хорошо-то хорошо... да, вѣдь, и прежде...

— Нѐчего, сударь, прежняго жалѣть! Надо дѣло говорить: ничего въ «прежнемъ» хорошаго не было! Я и старикъ, а не жалѣю. Только вонь и грязь была. А этого добра, коли кому пріятно, и ныньче вдоволь достать можно. Поѣзжай въ «пѣшую слободу», да и живи тамъ *въ навозѣ*!

Осипъ Иванычъ на минуту остановился, и не то восторженно, не то иронически воскликнулъ:

— Однихъ питейныхъ заведеній у насъ ныньче числомъ шестьдесятъ пять штукъ!

— Дà? ну, это, конечно, усовершенствованіе немаловажное...

— Не нравится? А мнѣ такъ любо смотрѣть! ровно часовые по улицѣ-то стоятъ! впустить впустятъ, а выпустить — и думать не моги!

— Чтò жь тутъ хорошаго!

— А то и хорошо, что вольному воля! Прежде, на счетъ всего запретъ былъ, а ныньче — воля! А, впрочемъ, доложу вамъ, умному человѣку на этотъ счетъ все едино: чтò запретъ, чтò воля. Когда запретъ былъ — у умнаго человѣка на предметъ запрета выдумка была; воля пришла — у него на предметъ этой самой воли выдумка готова! Умный человѣкъ никогда безъ хлѣба не оставался. А чтò касается до прочихъ, такъ, вѣдь, и для нихъ все равно. Только на выворотъ... ха-ха!

Осипъ Иванычъ звонко и добродушно засмѣялся и даже нѣсколько, кажется, удивился, что и я вмѣстѣ съ нимъ не смѣюсь.

— Да чтò жь ты унылой какой сдѣлался! сказалъ онъ: — а ты побравѣе, поповоротливѣе взглядывай! потрафляй! На меня смотри: чѣмъ былъ и чѣмъ сталъ!

— Дá, вамъ-таки посчастливилось, кажется!

— Благословилъ Господь! А, все таки, скажу, въ нашемъ дѣлѣ, кàкъ кому потрафится! Съумѣлъ потрафить — съ рублемъ будешь; не съумѣлъ — въ трубу вылетѣлъ! Одно вѣрно: руки склавши сидѣть будешь — много не наживешь! Не мало тоже я думы передумалъ, покуда рѣшился колесо-то это завести. Прежде, и я по зернышку клевалъ, ну, а потомъ вижу, люди горстями хватаютъ —

подумалъ: не все же людямъ, и намъ, можетъ, частица перепадетъ! Да объ этомъ послѣ! Что̀ мы такъ-то сидимъ! Эй, чаю сюда! да закусочки! Господи! сколько лѣтъ, сколько зимъ! Еще отъ родителей вашихъ, сударь, ласку видѣлъ — вотъ оно, когда знакомство-то наше началось! Недавно еще мимо Чемезова-то проѣзжалъ — вспоминалъ! какъ же! Домъ-то барскій, сказываютъ, ужь обвалился; ни замковъ, ни заслоновъ, даже кирпичи изъ печей—и тѣ повытасканы. Пожалѣлъ я: стоитъ махина безъ оконъ, словно инвалидъ безъ глазъ!

Осипъ Иванычъ неодобрительно покачалъ головой. Между тѣмъ, подали чай, а на другомъ столѣ приготовляли закуску.

— Туда, что ли, сударь, ѣдете? обратился ко мнѣ Деруновъ.

— Туда.

— Что̀ дѣлать предполагаете?

— Да посмотрю...

— По правдѣ сказать, не велико вамъ нынче веселье дворянамъ. Очень ужь оплошали вы. Начнемъ хоть съ тебя: шутка сказать, двадцать лѣтъ въ своемъ родномъ гнѣздѣ не бывалъ! Гдѣ былъ? зачѣмъ странствовалъ? спросилъ бы я тебя, такъ самъ, чай, отвѣта не дашь! Служилъ семь лѣтъ, а выслужилъ семь рѣпъ!

— Всякому свое, Осипъ Иванычъ. Можетъ быть, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

— Знаю я, сударь, что начальство пристроить васъ куда-нибудь желаетъ. Да врядъ ли. Не туда вы глядите, чтобъ къ какому ни на есть дѣлу приспособиться!

— Ужь будто и дѣла для насъ никакого не найдется!

— Какое же дѣло! Вино вамъ предоставлено было однимъ курить—кажется, на что̀ статья подходящая!—а много ли барыша нажили! Побились, побились, да къ

тому же Дерунову на поклонъ пришли—выручай! Нѐчего дѣлать—выручилъ! Теперь всѣ заводы въ округѣ у меня въ арендѣ состоятъ. Плачу аренду исправно, до отвѣтственности не допущаю—загребай помѣщикъ денежки, да живи на теплыхъ водахъ!

— Воспитаніе, Осипъ Иванычъ, не такое мы получили, чтобъ объ матеріальныхъ интересахъ заботиться. Я вотъ по латыни прежде хорошо зналъ, да, жаль, и ее позабылъ. А кабы не позабылъ, тоже утѣшался бы теперь!

— На пустыя поля, да на бѣлоусъ глядючи. Такъ, сударь! А надолго ли, смѣю спросить, въ Чемезово-то собрались!

— Нѣтъ, зачѣмъ надолго! Посмотрѣть, да кой-чемъ распорядиться—и опять въ Петербургъ!

— То-то. Въ деревнѣ, вѣдь, тоже пить-ѣсть надо. Земля есть, да ее не укусишь. А въ Петербургѣ, все таки, чтò-нибудь добудешь. Да ты не обидься, чтò я тебя спрошу: кончать, чтò ли, съ вотчиной-то хочешь?

— Хотѣлось бы. Крестьяне на выкупѣ, земля—обрѣзки кое-какіе остались; не къ рукамъ мнѣ, Осипъ Иванычъ!

— А не къ рукамъ, такъ продать нужно. Дерунова за бока! Чтòжь, я и теперь послужить готовъ, какъ въ старину служивалъ. Даромъ денегъ не дамъ, а настоящую цѣну отчего не заплатить? Заплачу!

— Да, вѣдь, настоящая-то цѣна... кто ее знаетъ, какая она?!

— Настоящая цѣна—христіянская цѣна. Чтобъ ни мнѣ, ни тебѣ—никому не обидно; вотъ какая это цѣна! У тебя какая земля! И тебѣ она не нужна! и мнѣ не нужна! Вотъ по этому самому мачтабу и прикладывай, чего она стòитъ!

— Однако, вѣдь, вы охотитесьже купить!

— Такъ, балую. У меня теперь, почесть, четверть уѣзда земли-то въ рукахъ. Скупаю по малости, ежели кто отъ нужды продаетъ. Да и услужить хочется—какъ хорошему человѣку не услужить! Всѣ мы боговы слуги, всѣ другъ дружкѣ тяготы нести должны. И съ твоей землей у меня купленная земля по смежности есть. Твои-то клочки къ прочимъ ежели присовокупить—анъ дача выйдетъ. А у тебя развѣ дача?

— Ну, кромѣ васъ, и крестьяне, можетъ быть, пожелаютъ пріобрѣсти.

— Крестьяне? крестьянину, сударь, дани платить надо, а не о пріобрѣтеніи думать. Это не нами заведено, не нами и кончится. Всѣмъ онъ дань несетъ; нетолько казнѣ-матушкѣ, а и мнѣ, и тебѣ, хоть мы и не замѣчаемъ того. Такъ ему свыше прописано. И по моему слабому разуму, ежели человѣкъ бѣдный, такъ чѣмъ меньше у него, тѣмъ даже лучше. Лишней обузы нѣтъ.

Сужденіе это было такъ неожиданно, что я невольно взглянулъ на моего собесѣдника, не разсердился ли онъ на что-нибудь. Но онъ, попрежнему, былъ румянъ; попрежнему, невозмутимо, благодушно смотрѣли его глаза; попрежнему, на губахъ играла пріятная улыбка.

— Да ужь не разсердили ли васъ чѣмъ-нибудь крестьяне, что вы отъ лишней обузы облегчить ихъ хотите? спросилъ я.

— Я-то сержусь! Я ужь который годъ и не знаю, что за сердце такое на свѣтѣ есть! На мужичка сердиться! И-и! да отъ кого же я и пользу имѣю, какъ не отъ мужичка! Я вотъ только тебѣ по христіанскому говорю: не вяжись ты съ мужикомъ! не твое это дѣло! Предоставь мнѣ съ мужика получать! ужь я своего не упущу, все до копейки выберу!

— Послушайте, однакожь! почему же вы полагаете, что я не получу? Вѣдь, это странно: вы получите, а я не получу!

— Ничего тутъ страннаго нѣтъ. Вы только подумайте, сударь, моё ли дѣло, илѝ ваше. Я вотъ аблаката нанимаю, полторы тысячи ему плачу, такъ онъ у меня и въ пиръ, и въ міръ. Ѣздитъ себѣ, да покатывается. У меня въ годъ-то, можетъ, больше сотни дѣлъ во всѣхъ мѣстахъ перебываетъ. Тутъ и въ грошъ есть, и въ тысячу. Такъ разложите эти полторы тысячи на сто дѣлъ — что̀ выйдетъ! Плёвое дѣло! А тебѣ изъ-за каждой срубленной ёлки, изъ-за каждой гривенной потравы аблаката нанимать нужно! Резонъ ли это? Гдѣ ты столько денегъ найдешь, чтобъ эту прорву насытить? Да и аблаката-то гдѣ еще найдешь? за нимъ тоже въ городъ ѣхать нужно, харчиться, убытчиться! Во что̀ это тебѣ вскочитъ? А земля-то, сударь, хоть и нѣтъ у нея души, а чувствуетъ она, матушка, что у ней настоящаго радѣтеля нѣтъ!

— Да я не объ землѣ. Я знаю, что я не радѣтель землѣ. Я землю мужикамъ продамъ, а съ мужиковъ деньги получу.

— Разомъ ничего вы, сударь, съ нихъ не получите, потому что у нихъ и денегъ-то настоящихъ нѣтъ. Придется въ разсрочку дѣло оттягивать. А разсрочка эта вотъ что̀ значитъ: поплатятъ они съ грѣхомъ-пополамъ годокъ, другой, а потомъ и надоѣстъ: все плати да плати!

— Надоѣстъ! Это развѣ резонъ! вѣдь, не безсудная же земля!

— И земля не безсудная, и резону не платить нѣтъ, а только, вѣдь, и деньга защитника любитъ. Нѣтъ у нея радѣтеля — она промежь пальцевъ прошла; есть радѣтель —

она и сама собой въ карманѣ запутается. Ну, положимъ, разсрочилъ ты крестьянамъ уплату на десять лѣтъ... примѣрно, хоть по полторы тысячи въ годъ...

«По полторы тысячи! стало быть, пятнадцать тысячъ въ десять лѣтъ! мелькнуло у меня въ головѣ. Однако, братъ, ты ловокъ! сколько же *разомъ*-то ты намѣренъ былъ мнѣ отсыпать!»

— Ну продалъ, заключилъ условіе, уѣхалъ. Не управляющаго же тебѣ нанимать, чтобъ за полуторами тысячами смотрѣть. Уѣхалъ — и вся недолга! Ну, годъ они тебѣ платятъ, другой платятъ; на третій пишутъ: сѣновъ не родилось, скотъ выпалъ... Неужто жь ты изъ Питера сюда поскачешь, чтобъ съ ними судиться?!

— Не поскачу, а напишу кому слѣдуетъ.

— Да, вѣдь, у нихъ и взаправду скотъ выпалъ — неужто ты ихъ зорить будешь!

— Однако, вѣдь, вы взыскали бы?

— Я — другое дѣло. Я радѣтель. Я и землю соблюду, и деньги взыщу. Я всякое дѣло порядкомъ поведу. Ежели бы я, напримѣръ, и совсѣмъ за землей не смотрѣлъ, такъ у меня крестьянинъ сипь-пороха не украдетъ. Потому, у него изстари составилось мнѣніе, что у Дерунова ничего плохо не лежитъ. Опять же и на счетъ взысканій: не раззоряю я, а исподоволь взыскиваю. Вижу, коли у котораго силы нѣтъ — въ работу возьму. Дрова заставлю пилить, сѣно косить — мнѣ всего много нужно. Ему пріятно, потому что онъ гроша изъ кармана не вынулъ, а ровно бы на гулянкахъ отработался, а мнѣ и того пріятнѣе, потому что я работой-то съ него, вмѣсто рубля, два получу!

— Ну, а вы... сколько бы вы мнѣ за землю предложили?

— *Пять тысячъ* — самая христіанская цѣна. И деньги

сейчасъ въ столѣ — словно бы для тебя припасены. Пять тысячъ на кругъ! тутъ и худая, и хорошая десятина — все въ одной цѣнѣ!

— Ну, нѣтъ, это дешевенько. Лучше ужь я посмотрю!

— Посмотри! что жь, и посмотрѣть не худое дѣло! Старики говаривали: свой глазокъ — смотрокъ! И я вотъ старъ-старъ, а вездѣ самъ посмотрю. Большая у меня сѣть раскинута, и не оглядишь всё — а все какъ-то сердце не на мѣстѣ, какъ гдѣ самъ не досмотришь! Такъ день-деньской и маюсь. А, право, пять тысячъ далъ бы! и деньги припасены въ столѣ — ровно, какъ тебя ждалъ!

Однако, я ничего не отвѣтилъ на этотъ новый вызовъ. Мы оба на минуту смолкли, но я инстинктивно почувствовалъ, что между нами вдругъ образовалась какая-то натянутость. Я смотрѣлъ въ сторону, Осипъ Иванычъ тоже поглядывалъ куда-то въ уголъ.

— Ну, а ваши дѣла какъ? прервалъ я первый молчаніе.

— Нечего Бога гнѣвить — дѣла хороши! Нынче только мозгами шевелить не лѣнись, а деньга сама къ тебѣ привалитъ!

— Хлѣбомъ торгуете?

— Хлѣбомъ нынче за первый сортъ торговать. На счетъ податей строго стало, выкупные требуютъ — ну, и везутъ. Иному и самому нужно, а онъ отъ нужды везетъ. Очень эта операція нынче выгодная.

— Скотъ скупаете тоже, я слышалъ?

— И скотъ скупать хорошо, коли ко времю. Вотъ въ мартѣ кормы-то повыберутся, да и недоимки понуждать начнутъ — тутъ только не плошай! За безцѣнокъ цѣлые табуны покупаемъ, да на винокуренныхъ заводахъ на барду ставимъ! Хорошій барышъ бываетъ.

— Лѣса, вино.

— И лѣсами подобрались — дрова въ цѣнѣ стали. И вино — статья полезная, потому, воля. Я ныньче фабрику миткалевую завелъ: очень ужь здѣсь народъ дешевъ, а провозъ-то по чугункѣ не Богъ знаетъ чего стòитъ! Да чтò! Я хочу тебя спросить: пошли ныньче акціи, и мнѣ тоже предлагали, да я не взялъ!

— Чтòжь такъ?

— Опаску имѣю. Намеднись, даже генералъ ко мнѣ изъ Питера пріѣзжалъ. Снялъ, вишь, желѣзную дорогу, такъ въ учредители звалъ. Очень хвалилъ!

— Зачѣмъ же стало?

— То-то, что Сибирь-то еще у меня въ памяти! Забыть бы объ ней надо! Еще бы вольнѣе орудовать можно было!

— Съ какой же тутъ стати Сибирь!

— Да, вѣдь, на грѣхъ мастера нѣтъ. Толковалъ онъ мнѣ много, да мудрено чтò-то. Я ему говорю: вотъ рубль — желаю на него пятнадцать копеечекъ получить. А онъ мнѣ: зачѣмъ твой рубль? твой рубль только для прилику, а ты просто, задаромъ, еще другой такой рубль получишь! Ну, я и поусумнился. Сибирь, думаю. Вотъ сынъ у меня, Николай Осипычъ — тотъ сразу эту механику понялъ!

— Должно быть, вашъ генералъ помѣщеніе для облигацій выгодное нашелъ; ну, акціи-то и пойдутъ, какъ будто, на придачу.

— Вотъ это самое и онъ толковалъ, да вычурно чтò-то. Много, ахъ, много ныньче безмѣстныхъ-то шляется! То съ тѣмъ то съ другимъ. Намеднись, тоже Прокофій Иванычъ — помѣщикъ здѣшній, Томилинымъ прозывается — съ каменнымъ углемъ напрашивался: будто бы, у него въ имѣніи не есть этому углю конца. Счастливчики вы, *господа* дворяне! Нѣтъ-нѣтъ, да чтò-нибудь у васъ и

окажется! Совсѣмъ-было капутъ вамъ — анъ вдругъ на лѣсъ потребитель явился. Лѣса извели — уголь явился. Того гляди, золото окажется — ей-Богу, такъ!

— Вотъ какъ вы всѣ земли-то купите, вамъ все и достанется: и уголъ, и золото! Ну, а семейство ваше какъ?

— Живемъ помаленьку. Жена, слава Богу, поперегъ себя шире стала. Въ проферанецъ играть выучилась! Я ей, для покою, и компанію составилъ: капитанъ тутъ одинъ, да бывшій судья, да Глафиринъ Николай Петровичъ.

— Это предводитель-то!

— Былъ предводителемъ, а ныньче онъ, какъ и прочіе, на Бога да на каменный уголь надежду имѣетъ. Сколь прежде былъ лютъ, столь ныньче смиренъ. Собираются съ обѣда да и обыгрываютъ Анну Ивановну помаленьку. Мнѣ не убыточно, имъ — рублишко на молочишко, а ей — моціонъ!

— А дѣти?

— Старшій сынъ, Николай, дѣльный парень вышелъ. Съ понятіемъ. Теперь онъ за сорокъ верстъ, въ С*** хлѣбъ закупать уѣхалъ. Съ часу на часъ домой жду. Здѣсь-то мы хлѣбъ ныньче не покупаемъ; станція, такъ конкуррентовъ много развелось, прикащиковъ съ Москвы насылаютъ, цѣны набиваютъ. А подальше — поглуше. Ну, а младшій сынъ, Яковъ Осипычъ — тотъ съ изъянцемъ. Съ годъ мѣста на глаза его не пущаю, а по времени, пожалуй, и совсѣмъ отъ себя отпихну!

— Жалко.

— Непочтителенъ. Я ужь его и въ смирительный за непочтеніе сажалъ — все неймется. Теперь на фабрику къ Астафью Астафьичу — англичанинъ, въ управителяхъ у меня живетъ — подъ начало его отдалъ. Жаль малаго —

да не что̀ станешь дѣлать! Кажется, кабы не жена у него да не дѣти — давно бы въ солдаты сдалъ!

— И женатъ?

— Женатъ, четверо дѣтей. Жена у него, въ добрый часъ молвить, хорошая женщина! Ужь такъ она мнѣ пріятна! такъ пріятна! и покорна, и къ дому радѣльна, словомъ сказать, для родителевъ лучше не надо! Всѣ здѣсь, со мною живутъ, всѣхъ у себя пріютилъ! Потому, хоть и противникъ онъ мнѣ, а все родительское-то сердце болитъ! Не по немъ, такъ по приснымъ его! Кровь, вѣдь, моя! ты это подумай!

— Что̀ говорить! Стало быть, только двое сыновей у васъ и есть?

— Сыновъ двое, да дочь еще за полковника выдана. Хорошій человѣкъ, настоящій. Не пьетъ; только одну рюмку передъ обѣдомъ. Бережливъ тоже. Живутъ хорошо, съ деньгами.

— Еще бы не съ деньгами! чай, порядочный кушъ въ приданое-то отсыпали!

— Нѣтъ, я на этотъ счетъ съ оглядкою живу. Ласкать ласкаю, а баловать — Боже сохрани! Не видѣвши-то денегъ, она все лишній разъ къ отцу съ матерью забѣжитъ, а дай ей деньги въ руки — только ты ее и видѣлъ. Э, эхъ! всѣ мы, сударь, люди, всѣ человѣки! всѣ денежку любимъ! Вотъ помирать стану — всѣмъ распредѣлю, ничего съ собой не унесу. Да ты что̀ объ семьѣ-то заговорилъ? или самъ обзавестись хочешь?

— Куда мнѣ! И одному-то врядъ прожить, а то еще съ семьей!

— Не говори ты этого, сударь, не грѣши! Въ семьѣ ли человѣкъ, или безъ семьи! Теперича мнѣ хоть какую угодно̀ принцессу предоставь — развѣ я ее на мою Анну *Ивановну промѣняю*! Спаси Господи! Въ семью-то при-

дешь — ровно въ раю очутишься! Право! Благодать, тишина, всякій при своемъ мѣстѣ — истинный рай земной!

Осипъ Иванычъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Разговоръ видимо истощился. Я уже всталъ съ намѣреніемъ проститься, но гостепріимный хозяинъ и слышать не хотѣлъ, чтобъ я уѣхалъ, не отвѣдавъ его хлѣба-соли. Кстати, въ эту самую минуту послышался стукъ подъѣзжающаго къ крыльцу экипажа.

— Да вотъ и Николай Осипычъ воротился! сказалъ Осипъ Иванычъ, подходя къ окну: — такъ и есть, онъ самый! Познакомитесь! Онъ хоть и не воспитывался въ коммерческомъ, а малый съ понятіемъ! Кстати, можетъ, и мимо Чемезова проѣзжалъ

Черезъ минуту въ комнату вошелъ среднихъ лѣтъ мужчина, точь въ точь Осипъ Иванычъ, какимъ я зналъ его въ ту пору, когда онъ былъ еще мелкимъ прасоломъ. Тѣ же ласковые голубые глаза, та же пріятнѣйшая улыбка, тѣ же вьющіеся каштановые съ легкою просѣдью волоса. Вся разница въ томъ, что Осипъ Иванычъ ходилъ въ сибиркѣ, а Николай Осипычъ носитъ пиджакъ. Войдя въ комнату, Николай Осипычъ помолился и подошелъ къ отцу, къ рукѣ. Осипъ Иванычъ отрекомендовалъ насъ другъ другу.

— Ну что̀, ка̀къ торги?

— Торговалъ, папенька, за первой сортъ. Только въ С*** задержечка вышла. Ѣздилъ въ Р*** — тамъ купилъ.

— Что̀ такъ? не Чикуновскіе ли прикащики наѣхали?

— Нѣтъ, благодареніе Богу, окромя насъ, еще никого не видать. А такъ, промежду мужичковъ капризъ сдѣлался. Цѣну, кажется, давали имъ настоящую, шесть гривенъ за пудъ — анъ нѣтъ: «ныньче, видишь ты, и во снѣ такихъ цѣнъ не слыхано»!

— Во снѣ и все хорошія цѣны снятся! Такъ и не продали?

— Не продали. Всѣ, какъ есть, въ Р*** уѣхали. Пріѣхали — а тамъ опять мы же. Только ужь я тамъ, папенька, по пятидесяти копеечекъ купилъ.

— И дѣло. Впередъ наука. Вотъ онъ десять копеекъ на пудъ убытку понесъ да задаромъ тридцать верстъ проѣхалъ. Слѣдственно, въ предбудущемъ, что̀ ему ни дай— возьметъ. Однако, это, братъ, въ нашихъ мѣстахъ новость! Скажи пожалуй, стачку затѣяли! Да за стачки-то нынче, знаешь ли, ка̀къ! Что̀ жь ты исправнику не шепнулъ!

— Ничего, папенька, покамѣсть еще своими мѣрами справляемся-съ.

— Ну, ладно. И то сказать, окромя насъ, и покупщиковъ-то солидныхъ здѣсь нѣтъ. Испугать вздумали! нѣтъ, братъ! ростомъ не вышли! Бунтовать не позволено!

— Истинный, папенька, бунтъ былъ! Просто, какъ есть, стали всѣ за одно — и шабашъ. Вы, говорятъ, изъ всего уѣзда кровь пьете! Даже смѣшно-съ.

— Никогда прежде бунтовъ не бывало, а нынче, смотри-ка, бунты начались!

— Да какой же это бунтъ, Осипъ Иванычъ! вступился я.

— А по твоему, баринъ, не бунтъ! Мнѣ для чего хлѣбъ-то нуженъ? самъ, что̀ ли, экую махину съѣмъ! въ амбарѣ, что̀ ли, я гноить его буду? Въ казну, сударь, въ казну я его ставлю! Армію, сударь, хлѣбомъ продовольствую! А ну, какъ у меня изъ за нихъ, курицыныхъ сыновъ, хлѣба не будетъ! Помирать, что̀ ли, арміи-то! По твоему, это не бунтъ!

На сей разъ Осипъ Иванычъ совершенно явно и довольно нагло говорилъ мнѣ «ты». Онъ возмущался такъ *искренно,* что даже измѣнилъ своему обычному благоду-

шію. Признаюсь откровенно, я и не подумалъ возразить ему. Соображеніе, что, по милости мужиковъ, несоглашающихся взять *настоящую* цѣну, армія можетъ встрѣтить препятствіе въ продовольствіи, было такъ рѣшительно и, притомъ, такъ полно современности, что я даже самъ испугался, какимъ образомъ оно прежде не пришло мнѣ въ голову. Конечно, я понималъ, что и противъ такого капитальнаго соображенія не невозможны возраженія, но, съ другой стороны, что̀ можетъ произойти, если вдругъ Осипу Иванычу въ моемъ скромно выраженномъ мнѣніи вздумается заподозрить или «превратное толкованіе», или наклонность къ «распространенію вредныхъ идей»! Скажу я, напримѣръ, что при неисправности подрядчика, военное вѣдомство можетъ распорядиться на счетъ его залоговъ, а онъ вдругъ растолкуетъ, что я арміи и флоты отрицаю, основы потрясаю, авторитетовъ не признаю! Развѣ этихъ примѣровъ не бывало! Развѣ не обвиняли фабриканты своихъ рабочихъ въ бунтѣ за то, что они соглашались работать не иначе, какъ подъ условіемъ увеличенія заработной платы! Поэтому, я призвалъ на помощь возможное при подобныхъ обстоятельствахъ гражданское мужество и воскликнулъ:

— Ну да, армія... конечно! армія! Представьте, я и не подумалъ!

— А я такъ денно и нощно объ этомъ думаю! Одна подушка моя знаетъ, сколь много я безпокойствъ изъ за этого переношу! Ну, да ладно. Давали христіанскую цѣну—не взяли, такъ на предбудущее время и пятидесяти копеекъ напроситесь. Нѣтъ ли еще чего новаго?

— Кандауровскаго барина чуть-чуть не увезли-съ.

— Ка̀къ увезли? куда?

— Неизвѣстно-съ. И за что̀—никто не знаетъ. Сказывали этта, будто господинъ становой писалъ. Ни съ

кѣмъ будто не знакомится, книжки читаетъ, дома по вечерамъ сидитъ...

— Не было ли поступковъ за нимъ какихъ?

— Поступковъ не было. И становой, сказываютъ, писалъ: поступковъ, говоритъ, нѣтъ, а ни съ кѣмъ не знакомится, книжки читаетъ... такъ и ожидали, что увезутъ! Однако, отвѣтъ отъ вышняго начальства вышелъ: дожидаться поступковъ. Да баринъ-то самъ догадался, что нынче съ становымъ шутка плохая: сѣлъ на машину — и айда въ Петербургъ-съ!

— Да, строгонько нонѣ на счетъ этихъ чтеніевъ стало. На счетъ вина свободно, а на счетъ чтеніевъ строго. За умъ взялись.

— А развѣ что-нибудь у васъ было? Безпокойства какія-нибудь? полюбопытствовалъ я.

— Мало ли у насъ тутъ сквернословіевъ было!

— Однако, вѣдь, вы сами говорите, что за Кандауровскимъ бариномъ никакихъ поступковъ не было?

— А кто его знаетъ! Можетъ, онъ промежъ себя революцію пущалъ. Не по людски живетъ! ни съ кѣмъ хлѣба-соли не водитъ! Кому въ домекъ, что у него на умѣ!

— Позвольте, Осипъ Иванычъ! вѣдь, если такъ разсуждать, то, пожалуй, Кандауровскій-то баринъ и хорошо сдѣлалъ, что въ Петербургъ бѣжалъ! Одинъ бѣжитъ, другой бѣжитъ...

— А коли кто задумалъ бѣжать — никто не держитъ! Слава Богу! И окромя, довольно народу останется!

Сказавши это, Осипъ Иванычъ опрокинулся на спину, и, положивъ ногу на ногу, лѣвую руку откинулъ, а правою забарабанилъ по ручкѣ дивана. Очевидно было, что онъ собрался прочитать намъ предику, но съ такимъ при этомъ разсчетомъ, что онъ будетъ и разглагольствовать,

и на бобахъ разводить, а мы будемъ слушать да поучаться.

— Мы здѣсь живемъ въ тишинѣ и во всякомъ благомъ поспѣшеніи, сказалъ онъ солидно:—каждый при своемъ занятіи находится. Я, напримѣръ, при торговлѣ состою; другой—рукомесло при себѣ имѣетъ; третій—отъ земли питается. Что̀ кому свыше опредѣлено. Чтеніевъ для насъ не полагается.

Осипъ Иванычъ умолкъ на минуту и окинулъ насъ взглядомъ. Я сидѣлъ съежившись и какъ бы сознаваясь въ какой-то винѣ; Николай Осипычъ, какъ говорится, ѣлъ родителя глазами. Повидимому, это поощрило Дерунова. Онъ сложилъ обѣ руки на животѣ и глубокомысленно вертѣлъ однимъ большимъ пальцемъ вокругъ другого.

— Главная причина, продолжалъ онъ:—коли ежели безъ пользы читать, такъ отъ чтеніевъ даже для разсудка не безъ ущерба бываетъ. День человѣкъ читаетъ, другой читаетъ—смотришь, по времени и мечтать начнетъ. И возмечтаетъ неявленная и неудобьглаголемая. Отобьется отъ дѣла, почтеніе къ старшимъ потеряетъ, начнетъ сквернословить. Вотъ его въ ту пору сцарапаютъ, раба Божьяго—и на цугундеръ. Веди себя благородно, не мути, унылости на другихъ не наводи. Такъ ли по твоему, сударь?

— Да что̀ жь «по моему»? Меня, вѣдь, не спросятъ!

— Вотъ это ты дѣльное слово сказалъ. Не спросятъ—это такъ. И ни тебя, ни меня, никого не спросятъ, сами все, какъ слѣдуетъ, сдѣлаютъ? А почему тебя не спросятъ, не хочешь ли знать? А потому, баринъ, что уши выше лба не ростутъ, а у кого ненарокомъ и выростутъ сверхъ мѣры—подрѣзать маленечко можно!

Видя, что мысли Дерунова принимаютъ унылый и не-

совсѣмъ безопасный оборотъ, я серьёзно обезпокоился. Не смотря на смутную форму его предики, ясно было, что она направлена въ мой огородъ. Какъ ни робко выражено было мною сомнѣніе на счетъ правильности наименованія бунтовщиками мужиковъ, не соглашавшихся взять предлагаемую имъ за хлѣбъ цѣну, но даже и оно видимо омрачило благодушіе старика. Стало быть, кромѣ благодушія, въ немъ, съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ постоянной удачи въ дѣлахъ, развилась еще и другая черта: претензія на непререкаемость. Съ минуты на минуту, я ждалъ, что отъ намековъ онъ перейдетъ къ прямымъ обвиненіямъ, и что я, къ ужасу своему, встрѣчусь лицомъ къ лицу съ вопросомъ, нужны ли арміи или нѣтъ. Напрасно буду я завѣрять, что тутъ даже вопроса не можетъ быть—моего отвѣта не захотятъ понять и даже не выслушаютъ, а будутъ, съ настойчивостью, достойною лучшей участи, приставать: «нѣтъ, ты не отлынивай! ты говори прямо, нужны ли арміи или нѣтъ»? И если я, наконецъ, отъ всей души и отъ всего моего помышленія возопію: нужны! и, въ подтвержденіе искренности моихъ словъ, потребую шампанскаго, чтобъ провозгласить тостъ за процвѣтаніе армій и флотовъ, то и тогда удостоюсь только иронической похвалы, въ родѣ: «ну, братъ, ловкій ты парень!», или: «знаетъ кошка, чье мясо съѣла» и т. д.

Поэтому, въ отвращеніе дальнѣйшихъ бѣдствій, я воспользовался первою паузой, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Вы давно не бывали въ Чемезовѣ? обратился я къ Николаю Осипычу.

— Сегодня только проѣзжалъ. Слѣдомъ за мной и старикъ Лукьянычъ за вами пріѣхалъ. Въ гостинницѣ кормить остановился.

— *Ну вотъ*, и прекрасно. Стало быть, я и поѣду.

— Постой! погоди! какъ же на счетъ земли-то! берешь, что̀ ли, пять тысячъ? остановилъ меня Осипъ Иванычъ и, обращаясь къ сыну, прибавилъ:—вотъ, занадѣльную землю у барина покупаю, пять тысячъ надавалъ.

— Пять тысячъ-съ! удивился Николай Осипычъ.

— Много денегъ, самъ знаю, что много! Ради родителевъ, вызволить барина хотѣлъ, какъ еще маленькимъ человѣкомъ будучи, ласку отъ нихъ видѣлъ!

— Берите-съ! обратился ко мнѣ Николай Осипычъ, какъ будто даже со страхомъ:—этакая цѣна! да за этакую цѣну обѣими руками ухватиться надобно!

— И я тоже говорю, а баринъ вотъ ломается.

— Не ломаюсь; а осмотрѣться желаю. Надѣюсь, что имѣю на это право!

— Кто объ твоихъ правахъ говоритъ! Любуйся! смотри! А главная причина: никому твоя земля не нужна, слѣдственно, смотри на нее или не смотри—краше она отъ того не будетъ. А другая причина: деньги у меня въ столѣ лежатъ, готовы. И въ Чемезово ѣхать не нужно. Взялъ, получилъ, и кати безъ хлопотъ обратно въ Питеръ!

Но я всталъ и рѣшительно началъ откланиваться.

— Стало быть, ты и хлѣба-соли моей отвѣдать не хочешь! Ну, баринъ, не ждалъ я! А родители-то! родители-то какіе у тебя были!

Осипъ Иванычъ тоже всталъ съ дивана и по всѣмъ правиламъ гостепріимства взялъ мою руку и обѣими руками крѣпко сжалъ ее. Но въ то же время онъ не то печально, не то укоризненно покачивалъ головой, какъ бы говоря: какіе были родители и какія вышли дѣти!

— Да не обидѣлъ ли я тебя тѣмъ, что на счетъ чтеніевъ-то спроста сказалъ? продолжалъ онъ, стараясь сообщить своему голосу особенно простодушный тонъ:—

такъ, вѣдь, у насъ, стариковъ, ужь обычай такой: не все по головкѣ гладимъ, а иной разъ и противъ шерстки причесать вздумаемъ! Не погнѣвайся!

— Полноте! Мнѣ и въ голову не приходило, что ваши слова могли относиться ко мнѣ!

— Къ тебѣ не къ тебѣ, а ты тоже на усъ мотай! Отъ стариковъ-то не отворачивайся. Ежели когда и поучатъ, тебя жалѣючи — не сколько тебѣ убытку отъ этого будетъ! Кандауровскій-то баринъ недалеко отъ твоей вотчины жилъ! Такъ-то!

Мы простились довольно холодно, хотя Деруновъ соблюлъ весь заведенный въ подобныхъ случаяхъ этикетъ. Жалъ мнѣ руки и въ это время смотрѣлъ въ глаза, откинувшись всѣмъ корпусомъ назадъ, какъ будто не могъ на меня наглядѣться, проводилъ до самаго крыльца, и на прощанье сказалъ:

— Забѣги, какъ изъ Чемезова въ обратный поѣдешь! И съ крестьянами коли на счетъ земли не поладишь — только слово шепни: Деруновъ купитъ! Только-что ужь въ ту пору я пяти тысячъ не дамъ! Ау, братъ! Ты съ перваго слова не взялъ, а я со втораго слова—не дамъ!

Лукьянычъ выѣхалъ за мной въ одноколкѣ, на одной лошади. На вопросъ, неужто не нашлось попросторнѣе экипажа, старикъ отвѣтилъ, что экипажей много, да въ ломъ ихъ лучше отдать, а лошадь одна только и осталась, прочія же «кои пали, а кои такъ изничтожились».

— Ну, братъ, не красиво же у васъ тамъ! вздохнулъ я.

— Какая красота! Былъ-было дворянинъ да чортъ перемѣнилъ! Вотъ полюбуетесь на усадьбу-то!

Въ Лукьянычѣ олицетворялась вся исторія Чемезова. *Онъ былъ* охранителемъ его во времена помѣщичьяго

благоденствія и онъ же охранялъ его и теперь, когда Чемезово сдѣлалось, по его словамъ, такимъ мѣстомъ, гдѣ, «куда не плюнь, все на пусто попадешь». Не разъ писывалъ онъ мнѣ письма, въ которыхъ изображалъ упадокъ родного гнѣзда, но, наконецъ, убѣдившись въ моемъ равнодушіи, прекратилъ всякое настояніе. Съ немногими оставшимися въ живыхъ стариками и старухами, изъ бывшихъ дворовыхъ, ютился онъ въ подвальномъ этажѣ барскаго дома, получая ничтожное содержаніе изъ доходовъ, собираемыхъ съ кой-какихъ сѣнныхъ покосовъ, и не безъ тайнаго ропота на мое легкомысліе взиралъ, какъ разрушеніе постепенно клало свою руку на все окружающее. Упала оранжерея, вымерзъ грунтовой сарай, заглохъ садъ, перевелся скотъ, лошади выстаивали свои лѣта и падали. Потомъ, сначала въ одной изъ комнатъ дома грохнулся потолокъ, за нею въ другой комнатѣ... Птицы и градъ повыбили изъ оконъ стекла, крыша проржавѣла и дала течь. Долгое время, кое-какъ, своими средствами замазывали и законопачивали, но когда, наконецъ, изо всѣхъ щелей вдругъ полилось и посыпалось — бросили, и заботились только о томъ, какъ бы сохранить отъ разрушенія нижній этажъ, въ которомъ жили старики-дворовые. Вотъ зрѣлище, которое ожидало меня впереди и отъ присутствованія при которомъ я охотно бы отказался, еслибъ въ послѣднее время меня съ особенною назойливостью не начала преслѣдовать мысль, что надо, во что̀ бы то ни стало, покончить...

И вотъ, я ѣхалъ «кончать». Съ чѣмъ кончать, ка̀къ кончать—я самъ хорошенько не зналъ, но зналъ навѣрное, что тѣмъ или другимъ способомъ я «кончу», то-есть, уѣду отсюда свободный отъ Чемезова. Куда-нибудь! Ка̀къ-нибудь! во что̀ бы ни стало!—вотъ единственная мысль, которая работала во мнѣ и которая еще болѣе укрѣ-

пилась послѣ свиданія съ Деруновымъ. Должно быть, и Лукьянычъ угадалъ эту мысль, потому что лицо его, на минуту просвѣтлѣвшее при свиданіи со мною, вдругъ нахмурилось подъ вліяніемъ недобраго предчувствія. Съ старческою медленностью, безпрестанно вздыхая, закладывалъ онъ лохматаго мерина въ убогую одноколку и, быть можетъ, въ это время, въ его воображеніи особенно ярко рисовалась сравнительная картина прежняго помѣщичьяго приволья и теперешняго убожества. Покуда меня не было на лицо, онъ могъ и роптать, и сожалѣть, и даже сравнивать, но яснаго пониманія положенія вещей у него, все таки, не было. Теперь, передъ нимъ стоялъ самъ «баринъ»—и вотъ къ услугамъ этого «барина» готова не рессорная коляска, запряженная четверней караковыхъ жеребцовъ съ молодцомъ-кучеромъ въ шолковой рубашкѣ на козлахъ, а ободранная одноколка, съ хромымъ мериномъ, который отъ старости едва волочилъ ноги, и съ нимъ, Лукьянычемъ, посѣдѣвшимъ, сгорбившимся, одѣтымъ въ какой-то неслыханный затрапезъ! Лукьянычъ вдругъ, въ одну минуту понялъ. «Баринъ», одноколка, домъ безъ потолковъ, усадьба безъ оранжерей, садъ безъ дорожекъ—все это ярко сопоставилось въ его старческой головѣ. И затѣмъ, словно искра, засвѣтилась мысль: да̀, надо кончить! То-есть, та самая мысль, до которой инымъ, болѣе сложнымъ и болѣзненнымъ процессомъ додумался и я...

Мы сѣли рядомъ, кое-какъ скрючились, и поѣхали.

Долго мы ѣхали большою дорогой и не заводили разговора. Мнѣ все мерещился «Кандауровскій баринъ». «Чуть-чуть не увезли!»—какъ просто и естественно вылилась эта фраза изъ устъ Николая Осипыча! Ни страха, ни сожалѣнія, ни даже изумленія. Какъ будто рѣчь шла *о поросёнкѣ*, котораго *чуть-чуть* не задавили дорогой!

За что̀? по какому резону? что̀ случилось?—никому неизвѣстно! Извѣстно только, что «въ гости не ходилъ» и «книжки читалъ»...

Но, можетъ быть, онъ дома одинъ на одинъ въ потолокъ плевалъ! Можетъ быть, онъ «Собраніемъ иностранныхъ романовъ» зачитывался! Неужто и это зазорно? Неужто и это занятіе настолько подозрительно, что даже и ему нельзя предаваться въ тишинѣ, но должно производить публично, въ виду всѣхъ?

И кто же этотъ сердцевѣдецъ, который счелъ своею обязанностью проникнуть въ душу «Кандауровскаго барина» и обличить ея тайные помыслы?—Увы! это становой приставъ, это бывшій куроѣдъ, а теперешній экспертъ по части благонадежности или неблагонадежности обывательскихъ убѣжденій!

Вотъ мы, жители столицъ, часто на начальство ропщемъ. Говоримъ: стѣсняетъ, правъ не даетъ. Нѣтъ съѣздите-ка въ деревню, да у станового подъ началомъ поживите!

Что̀ было бы съ «Кандауровскимъ бариномъ», еслибъ начальство не написало: «дожидаться поступковъ»! Что̀ сталось бы съ нимъ, еслибъ судьба его зависѣла единственно отъ усмотрѣнія сердцевѣдца—становаго!

Становой! какая метаморфоза, если посравнить съ добрымъ старымъ временемъ!

Я помню, смотритъ, бывало, папенька въ окошко и говоритъ: «вотъ пьяницу—становаго везутъ». Пріѣдетъ ли становой къ помѣщику по дѣламъ—первое ему привѣтствіе: «что̀, пьяница! видно, куръ по уѣзду сбирать ѣздишь!» Заикнется ли становой на счетъ починки мостовъ—отвѣтъ: «кромѣ тебя, ѣздить здѣсь нѐкому, а для тебя, пьяницы, и эти мосты—таковскіе». Словомъ ска-

зать, кромѣ «пьяницы» да «куроѣда», и словъ ему никакихъ нѣтъ!

Я знаю, что такую манеру обращаться съ агентомъ полицейской власти похвалить нельзя; но согласитесь, однакожь, что и метаморфоза черезчуръ ужь рѣзка. Все былъ «куроѣдъ», и вдругъ—сердцевѣдъ!

Въ прежнія времена говаривали: тайныя помышленія Богъ судитъ, ибо Онъ одинъ въ совершенствѣ видитъ сокровенную человѣческую мысль... Нынче все такъ упростилось, что даже становой, ни мало не робѣя, говоритъ себѣ: а дай-ка, и я понюхаю, чѣмъ въ человѣческой душѣ пахнетъ! И нюхаетъ.

Я сижу дома и, запершись отъ людей, Поль-де-Кока читаю, а становой уже нѣчто на счетъ «превратныхъ толкованій» умозаключилъ! Не по случаю Поль-де-Кока умозаключилъ (въ этомъ смыслѣ онъ такъ образованъ, что даже Баркова наизусть знаетъ), а по случаю моей любви къ уединенію. Онъ думаетъ: зачѣмъ я уединяюсь, когда прочіе въявь всѣ срамоты производятъ. И вотъ, онъ начинаетъ сослѣжать меня. Я держу у себя Гришку-лакея, думаю, что живу за нимъ, какъ за каменною стѣной, а онъ ужь и Гришку развратилъ, и потихоньку его выспросилъ, что̀ и ка̀къ, почтителенъ ли я къ начальству, не затѣваю ли революцій и т. п. Онъ даже не ждетъ съ моей стороны «поступковъ», а просто, на основаніи Гришкиныхъ показаній, проникаетъ въ тайники моей души, и однимъ почеркомъ пера производитъ меня или въ званіе «столпа и опоры», или въ званіе «опаснаго и безпокойнаго человѣка», смотря по тому, ка̀къ Богъ ему на душу положитъ! Это бывшій-то куроѣдъ!

Куроѣдъ, совмѣстившій въ своемъ одномъ лицѣ всю академію нравственныхъ и политическахъ наукъ! Куро*ѣдъ—сер*дцевѣдецъ, куроѣдъ—психологъ, куроѣдъ—по-

литиканъ! Куроѣдъ, принимающій на себя разцѣнку обывательскихъ убѣжденій и съ самымъ невозмутимымъ видомъ однимъ выдающій аттестатъ благонадежности, а другимъ—аттестатъ неблагонадежности!

Ужели же и впрямь нѣтъ другого дѣла для куроѣдовъ!

Очевидно, тутъ есть недоразумѣніе, въ существованіи котораго много виноватъ т—скій исправникъ. Онъ призвалъ къ себѣ подвѣдомственныхъ ему куроѣдовъ и сказалъ имъ: вы отвѣчаете мнѣ, что въ вашихъ участкахъ тихо будетъ! Но при этомъ не разъяснилъ, что читать книжки, не ходить въ гости и вообще вести уединенную жизнь—вовсе не противорѣчитъ общепринятому понятію о «тишинѣ».

И вотъ, куроѣды взбаломутились, и съ помощью Гришекъ, Прошекъ и Ванекъ начинаютъ орудовать. Не простой тишины они ищутъ, а тишины прозрачной, обитающей въ открытомъ со всѣхъ сторонъ помѣщеніи. Вездѣ, даже въ самой несомнѣнной тишинѣ они видятъ или нарушеніе тишины, или подстрекательство къ таковому нарушенію.

Еще надняхъ, одинъ становой-щеголь мнѣ говорилъ: «по настоящему, насъ не становыми приставами, а начальниками становъ называть бы надо, потому что я, напримѣръ, за весь свой станъ отвѣчаю: чуть ежели кто ненадеженъ, или въ мысляхъ не твердъ—сейчасъ же къ свѣдѣнію долженъ дать знать!» Взглянулъ я на него—во всѣхъ статьяхъ куроѣдъ! И глаза врозь, и руки растопырилъ, словно курицу поймать хочетъ, и носомъ воздухъ нюхаетъ. Только вотъ мундиръ—мундиръ, это точно, что ловко сидитъ! У прежнихъ куроѣдовъ такихъ мундирчиковъ не бывало!

И этотъ-то щеголь судитъ «моя тайная и сокровенная», судитъ, потому что я живу у него въ стану, а онъ «за

весь станъ отвѣчаетъ». Онъ залѣзаетъ въ мою душу и барахтается въ ней на всей своей волѣ!

А «Кандауровскій баринъ», между тѣмъ, плюетъ-себѣ въ потолокъ и думаетъ, что это ему пройдетъ даромъ. Какъ бы не такъ! Еще счастливъ твой Богъ, что начальство за тебя заступилось, «поступковъ ожидать» велѣло, а то быть бы бычку на веревочкѣ! Да и тутъ ты не совсѣмъ отбоярился, а вынужденъ былъ въ Петербургъ удирать! Ты надѣялся всю жизнь въ Кандауровкѣ, въ халатѣ и въ туфляхъ, изжить, ни одного потолка неисплеваннымъ не оставить — анъ нѣтъ! Одѣвайся, обувайся, надѣвай сапоги, и кати, невѣдомо зачѣмъ, въ Петербургъ!

Какія жестокія времена!

Да и одинъ ли становой! одинъ ли исправникъ! Вонъ Деруновъ и партикулярный человѣкъ, которому ничего ни отъ кого не поручено, а попробуй, поговори-ка съ нимъ по душѣ! Ничего-то онъ въ психологіи не смыслитъ, а ежели нужно, право, не хуже любого доктора философіи, всю твою душу по ниточкѣ разберетъ!

Проста наша психологія! ахъ, какъ проста! Только одно слово отъ себя прилги, или скрой одно слово — и вся человѣческая подноготная словно на ладони! Вотъ, напримѣръ, я давича на счетъ бунтовъ говорилъ, что нельзя назвать бунтовщиками крестьянъ за то только, что они хлѣбъ по шести гривенъ отдать не соглашались! Прибавь Деруновъ отъ себя только десять слѣдующихъ словъ: «и при семъ, яко бы армій совсѣмъ не нужно, говорилъ»—и дѣло въ шляпѣ. Я знаю, меня не казнятъ даже и за это, но знаю также, что ни въ Навозномъ, ни въ Соломенномъ мнѣ не будетъ житья. Удирай! бѣги во всѣ лопатки въ Петербургъ, чтобы тамъ, на глазахъ *у начальства*, невинную свою душу спасти!

Я удивляюсь даже, что Деруновы до такой степени скромны и сдержанны. Имѣй я ихъ взгляды на бунты и тѣ удобства, которыми они пользуются для проведенія этихъ взглядовъ, я всякаго бы человѣка, который мнѣ нагрубилъ или просто не понравился, со свѣту бы сжилъ. Писалъ бы да пописывалъ: «и при семъ, яко бы армій совсѣмъ не нужно, говорилъ!» И навѣрное получилъ бы удовлетвореніе...

Какой необыкновенный міръ—этотъ міръ Деруновыхъ! какъ все въ немъ перепутано, скомкано, захламощено всякаго рода противорѣчивыми примѣсями! Какъ все колеблется и проваливается, словно половицы въ парадныхъ комнатахъ стараго Чемезовскаго дома, въ которыхъ даже крысы отказались жить!

Имѣетъ ли, напримѣръ, Осипъ Иванычъ право называться столпомъ? Или же, напротивъ того, онъ принадлежитъ къ числу самыхъ злыхъ и отъявленныхъ отрицателей собственности, семейнаго союза и другихъ основъ? Бьюсь объ закладъ, что никакой мудрецъ не дастъ на эти вопросы сколько-нибудь положительныхъ отвѣтовъ.

Что онъ всѣмъ своимъ нутромъ рьяный и упорный поборникъ всевозможныхъ союзовъ — въ этомъ я, конечно, не сомнѣваюсь. Это доказывается однимъ тѣмъ, что онъ богатъ (слѣдовательно, чтитъ «собственность»), что онъ держитъ въ порядкѣ семью (слѣдовательно, чтитъ «семейный союзъ»), что онъ, изъ уваженія «къ вышнему начальству», жертвуетъ на «общеполезное устройство» (слѣдовательно, чтитъ союзъ государственный). Но понимаетъ ли онъ самъ, что онъ «поборникъ»? Не говоритъ ли въ этомъ случаѣ одно его нутро, которое влечетъ его быть «радѣтелемъ» и «защитникомъ» безъ всякаго участія въ томъ его сознанія?

Вотъ этого-то именно я и не могу себѣ объяснить.

Вѣдь, самъ же онъ, и даже не безъ самодовольства, говорилъ давича, что по всему округу сѣть разостлалъ? Стало быть, онъ кого-нибудь въ эту сѣть ловитъ? кого ловитъ? не такихъ ли же представителей принципа собственности, какъ и онъ самъ? Воля ваша, а есть тутъ нѣчто сомнительное!

Когда давича Николай Осипычъ разсказывалъ, какъ онъ ловко мужичковъ окружилъ, какъ онъ и въ С., и въ Р. сѣть закинулъ, и довелъ людей до того, что хоть за даромъ хлѣбъ отдавай—развѣ Осипъ Иванычъ вознегодовалъ на него? развѣ онъ сказалъ ему: бездѣльникъ! помни, что мужику точно такъ же дорога его собственность, какъ и тебѣ твоя!? Нѣтъ, онъ даже похвалилъ сына, онъ назвалъ мужиковъ бунтовщиками и накричалъ съ три короба о вредѣ стачекъ, отнюдь, повидимому, не подозрѣвая, что «стачку», собственно говоря, производилъ онъ одинъ.

Или, наконецъ, на счетъ меня. Съ какимъ злорадствомъ доказывалъ онъ мнѣ, что я ничего изъ Чемезова не извлеку и что нѣтъ для меня другого выхода, кромѣ какъ прибѣгнуть къ нему, Дерунову, и порѣшить это дѣло на всей его волѣ! Предположимъ, что онъ правъ; допустимъ, что я, дѣйствительно, неспособенъ къ «извлеченіямъ», и въ концѣ-концовъ долженъ буду признать въ Деруновѣ того суженаго, котораго, по пословицѣ, конемъ не объѣдешь. Но развѣ онъ имѣлъ бы право поступать со мною такъ, какъ онъ поступилъ, еслибъ былъ дѣйствительный и сознательный поборникъ принципа собственности? Не обязанъ ли онъ былъ утѣшить меня, наставить, укрѣпить? Не обязанъ ли былъ представить мнѣ самый подробный и самый истинный разсчетъ, ничего не утаивая и даже обѣщая, что буде со временемъ и

еще найдутся какіе-нибудь лишки, то и они пойдутъ не къ нему, а ко мнѣ въ карманъ?

Нѣтъ, какъ хотите, а съ точки зрѣнія собственности—онъ не «столпъ»!

И кто же знаетъ, столпъ ли онъ по части зрѣнія союзовъ семейнаго и государственнаго? Можетъ быть, въ государственномъ союзѣ онъ усматриваетъ однѣ медали, которыми уснащена его грудь? Можетъ быть, въ союзѣ семейномъ...

Но здѣсь нить моихъ размышленій порвалась, и я, несмотря на неловкое положеніе тѣла, заснулъ настолько глубоко и сладко, что даже увидѣлъ сонъ.

Видѣлся мнѣ становой приставъ. Окончилъ, будто бы онъ курсъ наукъ и даже получилъ въ Геттингенскомъ университетѣ дипломъ на доктора философіи. Сидитъ, будто, этотъ испытанный психологъ и пишетъ:

«Проявился въ моемъ станѣ купецъ 1-й гильдіи Осипъ Ивановъ Деруновъ, который собственности не чтитъ и въ дѣйствіяхъ своихъ по сему предмету представляется не безъ опасности. Искусственными мѣрами понижаетъ онъ на базарахъ цѣну на хлѣбъ и тѣмъ вынуждаетъ мѣстныхъ крестьянъ сбывать свои продукты за безцѣнокъ. И даже надняхъ, встрѣтивъ чемезовскаго помѣщика (имя рекъ), наглыми и безстыжими способами вынуждалъ онаго продать ему свое имѣніе за самую ничтожную цѣну.

«А потому, благоволитъ вышнее начальство онаго Дерунова изъ подвѣдомственнаго мнѣ стана извлечь, и поступить съ нимъ по законамъ, водворивъ въ мѣста, болѣе отдаленныя и безопасныя».

. . . . . .

— Знатно, сударь, уснули! привѣтствовалъ меня Лукьянычъ, когда я, при первомъ сильномъ толчкѣ одноколки,

очнулся:—даже кричали во снѣ. Крикнете: воръ! — и опять уснете!

Я чувствую, что сейчасъ завяжется разговоръ, что Лукьянычъ горитъ нетерпѣніемъ что̀-то спросить, но только не знаетъ, какъ приступить къ дѣлу. Мы ѣдемъ молча еще съ добрую версту по мостовнику: я истребляю папиросу за папиросою, Лукьянычъ изподлобья взглядываетъ на меня.

— Кончать пріѣхали? наконецъ, произноситъ онъ.

— Да надо бы... всему есть конецъ, Лукьянычъ!

— Это такъ точно (Лукьянычъ нервно передергиваетъ возжами). У Осипа̀ Иванова побывали?

— Былъ.

— Покупаетъ, значитъ?

— Надавалъ пять тысячъ.

— Ловокъ толстобрюхой!

Молчаніе.

— Конечно, вновь начинаетъ Лукьянычъ: — многіе ныньче такъ-то говорятъ: пропади, молъ, оно про̀падомъ!

— Какъ же быть-то, Лукьянычъ!

— Вотъ и я это самое говорю: ничего не подѣлаешь! пропади, молъ, онъ про̀падомъ!

Опять молчаніе.

— Прежде люди по мѣстамъ сидѣли. Ныньче, всѣ, ровно жиды, разбѣжались.

— Согласись, однакожь, что мнѣ здѣсь дѣлать нѐчего.

— Папенька съ маменькой нашли бы, что̀ дѣлать. А вамъ что̀! Пропади оно про̀падомъ—и дѣлу конецъ!

— Заладилъ одно! Ты бы лучше сказалъ, подходящую ли цѣну даетъ Деруновъ?

— Стало быть, для него подходящая, коли даетъ!

— Да для меня-то? для меня-то подходящая ли?

— И для васъ, коли ежели...

— Не лучше ли крестьянамъ предложить?

— Что̀ жь, и крестьянамъ... тоже съ удовольствіемъ...

— Вотъ Деруновъ говоритъ, что крестьянамъ-то подати въ пору платить!

— Знаетъ, толстобрюхой!

Въ этомъ родѣ мы еще съ четверть часа поговорили и все настоящаго разговора у насъ не было. Ничего не поймешь. Хороша ли цѣна Дерунова?—«знамо хороша, коли самъ даетъ». Выстоятъ ли крестьяне, если имъ землю продать?—«знамо, выстоятъ, а може и не придется выстоять, коли ежели»...

— Слушай! да ты что̀ такое говоришь!

— Что̀ говорю! знамо, мы рабы, и слова у насъ рабскія.

— Я тебя объ дѣлѣ спрашиваю, а ты меня или дразнишь, или говорить не хочешь!

— Объ чемъ говорить, коли вы сами никакого дѣла не открываете!

— Я кончать хочу! Понимаешь, хочу кончать!

— И кончать тоже съ умомъ надо. Сами въ глаза своего дѣла не видѣли, а кругомъ пальца обернуть его хотите. Ни съ мужиками разговору не имѣли, ни какова-такова земля у васъ есть не знаете. Сколько лѣтъ терпѣли, а теперь въ двѣ минуты конецъ хотите сдѣлать!

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, я ничего не знаю. Ни земли не знаю, ни «своего дѣла». Странно, какъ это соображеніе ни разу не пришло мнѣ въ голову. Въ теченіи многихъ лѣтъ, одно у меня было въ мысляхъ: кончить. И вотъ, наскучивъ быть столько времени подъ гнетомъ одного и того же вопроса, я сѣлъ въ одно прекрасное утро въ вагонъ, и помчался въ Т***, никакъ не предполагая, что «конецъ» есть нѣчто сложное, требующее

осмотровъ, покупщиковъ, разговоровъ, запрашиваній, хлопаній по рукамъ и т. п. Оказывается, однакожь, что въ мірѣ ничто не дѣлается спустя рукава, и что еслибъ я захотѣлъ даже, въ видахъ сокращенія переписки, покончить самымъ безвыгоднымъ для меня образомъ, то и тутъ мнѣ предстояло безчисленное множество всякаго рода формальностей. Какъ бы, вмѣсто «конца»-то, не придти къ самому ужаснѣйшему изъ всѣхъ «началъ»: къ началу цѣлаго ряда процессовъ, которые могутъ отравить жизнь? При этой мысли мнѣ сдѣлалось такъ скверно, что даже померещилось: не лучше ли бросить? то-есть, оставить все по прежнему и воротиться назадъ?

Во всякомъ случаѣ, я рѣшился, до времени, не докучать Лукьянычу разговорами о «концѣ» и свелъ рѣчь на Дерунова.

— А ходко пошелъ Осипъ Ивановъ!

— Голова на плечахъ есть! Оттого!

— Крестьянъ, говорятъ, шибко притѣсняетъ?

— Чѣмъ притѣсняетъ? ныньче — воля!

— Чудакъ! развѣ вольнаго человѣка нельзя притѣснить?

— Засиліе взялъ, а потому и окружилъ кругомъ. На какой базаръ ни суньcя — вездѣ отъ него прикащики. Какое слово скажутъ, такъ тому и быть!

— Повезло ему! Богатъ, у всѣхъ въ почтеніи, въ семьѣ счастливъ!

— Въ двухъ семьяхъ...

— Какъ, въ двухъ! неужто у него и на сторонѣ семья есть?

— Не на сторонѣ, а въ своемъ дому. Анну-то Ивановну онъ ныньче отставилъ, у сына, у Яшеньки, жену отнялъ!

Признаюсь, это извѣстіе меня озадачило. Какъ! этотъ благолѣпный старикъ, который праздника въ праздникъ

не вмѣняетъ, ежели двухъ обѣденъ не отстоитъ, который еще давеча говорилъ, что свою Анну Ивановну ни на какую принцессу не промѣняетъ... снохачъ!!

— Да не врутъ ли, Лукьянычъ? Сказываютъ, Яшенька-то у него непутный!

— Запиваетъ, извѣстно!

— Ну, видишь ли!

— Съ этого самаго и запилъ, что сраму стерпѣть не могъ!

Кончено. Съ невыносимою болью въ сердцѣ, я долженъ былъ сказать себѣ: Деруновъ не столпъ! Онъ не столпъ относительно собственности, ибо признаетъ неприкосновенною только лично ему принадлежащую собственность. Онъ не столпъ относительно семейнаго союза, ибо снохачъ. Наконецъ, онъ *не можетъ* быть столпомъ относительно союза государственнаго, ибо не знаетъ даже географическихъ границъ русскаго государства...

Но гдѣ же искать «столповъ», если даже Осипъ Иванычъ не столпъ?

КАНДИДАТЪ ВЪ СТОЛПЫ.

Какая, однакожь, загадочная, запутанная среда! Какіе жестокіе, неумолимые нравы! До какой поразительной простоты формъ доведенъ здѣсь законъ борьбы за существованіе! Горе «дуракамъ»! Горе простецамъ, кои «съ суконнымъ рыломъ» суются въ калашный рядъ чай пить! Горе «карасямъ», дремлющимъ въ невѣдѣніи, что провиденціяльное ихъ назначеніе заключается въ томъ, чтобъ служить кормомъ для щукъ, наполняющихъ омутъ жизненныхъ основъ!

Все это я и прежде очень хорошо зналъ. Я зналъ и то, что «дураковъ учить надо», и то, что «съ суконнымъ рыломъ» въ калашный рядъ соваться не слѣдуетъ, и то, что «на то въ морѣ щука, чтобы карась не дремалъ». Словомъ сказать, всѣ изрѣченія, въ которыхъ, какъ въ неприступной крѣпости, заключались наша столповая, безапелляціонная мудрость. Мало того, что я *зналъ*: при одномъ видѣ избранниковъ этой мудрости я всегда чувствовалъ инстинктивную оторопь.

Мнѣ казалось, что эти люди во всякое время готовы растерзать меня на клочки. Не за то растерзать, что я

въ чемъ-нибудь виноватъ, а за то, что я или «ротъ разинулъ», или «слюни распустилъ». Начавши жизненную карьеру съ процесса простого, такъ сказать, нетендеціознаго «отнятія», они постепенно приходятъ въ восторженное состояніе и возвышаются до ненависти. Имъ мало отнять у «разини», имъ нужно сократить «разиню», чтобъ она не болталась по бѣлу свѣту, не обременяла понапрасну землю. Ненависть къ «дураку» возводится почти на степень политическаго и соціальнаго принципа.

Какъ тутъ жить?!

Но я живу, и, слѣдовательно, волею и неволею дѣлаюсь причастникомъ жизненнаго процесса. Въ сущности, этотъ процессъ, даже для «разини», не представляетъ ничего головоломнаго. Наравнѣ со всѣми прочими, я могу и купить, и продать, объявить войну, и заключить миръ. Купить такъ купить, продать такъ продать, говорю я себѣ, и мнѣ даже въ голову не приходитъ, что нужно принадлежать къ числу семи мудрецовъ, чтобы сладить съ подобными бросовыми операціями. Но когда наступаетъ моментъ «ладить» — вотъ тутъ-то именно я и начинаю путаться. Мнѣ дѣлается неловко, почти совѣстно. Мнѣ начинаетъ казаться, что на меня со всѣхъ сторонъ устремлены подозрительные взоры, что въ головѣ человѣка, съ которымъ я имѣю дѣло, сама собою созрѣваетъ мысль: а, вѣдь, онъ меня хочетъ надуть! И кто же можетъ поручиться, что и въ моей головѣ не зрѣетъ та же мысль? не думаю ли и я съ своей стороны: а, вѣдь, онъ меня хочетъ надуть!

Это чувство обоюдной подозрительности до того противно, что я немедленно начинаю ощущать страстную потребность освободиться отъ него. И потому, на практикѣ, я почти всегда дѣйствую «безъ ума», то есть, спѣшу. Когда я продаю, то мои дѣйствія сами собою при-

нимаютъ такой характеръ, какъ будто покупщикъ дѣлаетъ мнѣ благодѣяніе и выручаетъ меня изъ неслыханнаго затрудненія. Когда я покупаю, и продавецъ, по осмотрѣ предмета покупки, начинаетъ увѣрять меня, что все видѣнное мною ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я, съ Божьею помощью, впереди увижу, то я нетолько не вступаю съ нимъ въ споръ, нетолько не уличаю его во лжи, но, напротивъ того, начинаю восклицать: да помилуйте! да неужели же я не понимаю! и т. д. Когда я объявляю войну, то какимъ-то образомъ всегда такъ устроивается, что я нахожу своего противника вооруженнымъ прекраснѣйшимъ шасспо̀, а самъ нападаю на него съ кремневымъ ружьемъ, у котораго, вдобавокъ, вмѣсто кремня, вставлена крашенная подъ кремень чурочка. Когда заключаю миръ, то говорю: возьми все — и отстань!

Но что̀ всего удивительнѣе: я нетолько не питаю никакой ненависти къ этимъ людямъ, но даже скорѣе склоненъ оправдывать ихъ. Такъ что, еслибъ я былъ присяжнымъ засѣдателемъ и мнѣ, въ этомъ качествѣ, пришлось бы судить различные случаи «отнятія» и «устраненія изъ жизни», то я положительно убѣжденъ, что и тутъ поступилъ бы, какъ «разиня», «слюняй» и «дуракъ». Какимъ образомъ занести руку на вора, когда сама народная мудрость сочинила пословицу о карасѣ, которому не полагается дремать? какимъ образомъ обрушиться на нарушателя семейнаго союза, когда мнѣ достовѣрно извѣстно, что «чуждыхъ удовольствій любопытство» (такъ опредѣляетъ прелюбодѣяніе «Письмовникъ» Курганова) представляетъ одну изъ утонченнѣйшихъ формъ новѣйшаго общежитія? Вотъ почему, я совсѣмъ не способенъ *быть судьей*. Я не могу ни карать, ни миловать; я могу *только бояться*...

Увы! я не англосаксъ, а славянинъ. Славянинъ съ головы до ногъ, славянинъ до мозга костей. Историки удостовѣряютъ, что славяне изстари славились гостепріимствомъ — вотъ это-то именно качество и преобладаетъ во мнѣ. Я люблю всякаго странника угостить, со всякимъ встрѣчнымъ по душѣ покалякать. И ежели, подъ видомъ странника, вдругъ окажется разбойникъ, то я и тутъ не смущусь: возьми все — и отстань! Я даже не попытаюсь оборониться отъ него, потому что, вѣдь, въ сущности, все равно, какъ обездолитъ меня странникъ: приставши ли съ ножомъ къ горлу, или разговаривая по душѣ. Пусть только онъ спрячетъ свой ножъ, пусть объѣдаетъ и опиваетъ меня по душѣ! Грѣха меньше.

Говоря по правдѣ, меня и «учили» не разъ, да и опытностью житейскою судьба не обдѣлила меня. Я многое испыталъ, еще больше видѣлъ и даже — о, странная игра природы! — ничего изъ видѣннаго и испытаннаго не позабылъ...

Но все это прошло мимо, словно скользнуло по мнѣ Какъ будто я видѣлъ во снѣ какое-то фантастическое представленіе, надъ которымъ и плакать, и хохотать хочется...

Я помню, какъ пришла мнѣ однажды въ голову мысль: куплю я себѣ подмосковную! Зачѣмъ Чемезово? Что̀ такое Чемезово? Чемезово — глушь, болотина, трясина! Въ Чемезовѣ съ голоду помрешь! Въ Чемезово никто покалякать по душѣ не заѣдетъ! То ли дѣло «подмосковная»! И вотъ, вмѣсто того, чтобъ «съ умомъ» повести дѣло, я, по обыкновенію, началъ спѣшить, а меня, тоже по обыкновенію, начали «объегоривать». Какіе-то благочестивые мерзавцы явились: вздыхаютъ, Богу молятся — и объегориваютъ! Чужой лѣсъ показываютъ и тутъ же, смѣючись, говорятъ: «да вы бы, сударь, съ планомъ

провѣрити! вѣдь, это дѣло не шуточное: на вѣ—ѣкъ!» А я-то такъ и надрываюсь: да что̀ вы! да помилуйте! да неужто жь вы предполагаете! да я! да вы! и т. д. И что̀ же въ результатѣ вышло? Вышло, что я до сего дня на проданный мнѣ лѣсъ любуюсь, но войти въ него не могу: чужой!

Памятны мнѣ «крѣпостныя дѣла» въ московской гражданской палатѣ. Выходишь, бывало, сначала подъ навѣсъ какой-то, оттуда въ темныя сѣни съ каменными сводами и съ кирпичнымъ, выбитымъ просительскими ногами поломъ, нащупаешь дверь, пропитанную по̀томъ просительскихъ рукъ, и очутишься въ узкомъ корридорѣ. Корридоръ свѣтлый, потому что идетъ вдоль наружной стѣны съ окнами; но по правую сторону онъ ограниченъ рѣшетчатой перегородкой, за которою виднѣетсь пространство, наполненное сумерками. Тамъ, въ этихъ сумеркахъ, словно въ громадной звѣриной клѣткѣ, кружатся служители купли и продажи, и словно затѣваютъ какую-то исполинскую стряпню. Осипшіе съ похмѣлья голоса что̀-то бормочутъ, дрожащія руки что̀-то скребутъ. Здѣсь, по манію этихъ звѣрообразныхъ людей, получаетъ, принципъ собственности свою санкцію! здѣсь, съ восхода до заката солнечнаго, поютъ ему не молчные гимны! Здѣсь стригутъ и брѣютъ и кровь отворяютъ! Здѣсь, за этой рѣшеткой. А по сю сторону перегородки, прислонившись къ замасленному карнизу ея, стоятъ люди кабальные, подневольные, люди, обуреваемые жаждой стяжанія, стоятъ, и въ безъисходной тоскѣ внемлютъ гимну собственности, который вопіетъ изъ всѣхъ стѣнъ этого мрачнаго зданія! И въ каждомъ изъ этихъ кабальныхъ людей, словно нарывъ, назрѣваетъ мучительная мысль: вотъ *сейчасъ!* сейчасъ налетитъ «подвохъ!», сейчасъ разверн*ется* подъ ногами трапъ... хлопъ! И начнутъ тебя свѣ-

жевать! вотъ эти самые немытые, нечесаные, вонючіе служители купли и продажи! Свѣжевать и приговаривать: не суйся, дуракъ, съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ чай пить! забылъ, дуракъ, что на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ! Дуракъ!

Помню я и уѣздный судъ. Помню судью, лихого малаго, который никогда не затруднялся «для своего брата дворянина одолженіе сдѣлать», но всегда какъ-то такъ устроивалъ, что вмѣсто одолженія выходила пакость. Помню секретаря, у котораго щека была насквозь прогрызена фистулою и весь организмъ пораженъ трясеніемъ, и который, за всѣмъ тѣмъ, всѣмъ своимъ естествомъ, казалось, говорилъ: погоди, ужо я завяжу тебѣ узелочекъ на память, и будешь ты всю жизнь его развязывать! Помню весь этотъ кагалъ, у котораго, начиная со сторожа, никакихъ другихъ словъ на языкѣ не было, кромѣ: урвать, облапошить, объегорить, пустить по міру...

Помню тетушекъ, сестрицъ, дядинекъ, братцевъ, постоянно ведшихъ между собою какую-то безконечную тяжбу, подличавшихъ передъ всевозможными секретарями, столоначальниками, писцами, открывавшихъ передъ ними всю срамную подноготную своего домашняго очага, не отступавшихъ ни передъ лестью, ни передъ сплетней, ни передъ клеветой...

— Безпремѣнно эта росписка фальшивая! восклицала одна тетенька

— Безпремѣнно онъ столоначальника перекупилъ! восклицала другая тетенька.

— Ужь это какъ святъ Богъ, что они его дурманомъ опоили! вопіяла сестрица.

И такъ далѣе, то-есть, цѣлый рядъ возгласовъ, въ которыхъ такъ и сыпались, словно жемчугъ бурмицкій, слова: подкупилъ, надулъ, опоилъ и проч.

Надѣюсь, что эта школа хорошая и вполнѣ достаточная, чтобы изъ самаго несомнѣннаго «ротозѣя» сдѣлать осторожнаго и опытнаго практика. Но повторяю: ни опытъ, ни года не вразумили меня. Я знаю, я помню — и ничего больше. И теперь, какъ всегда, я остаюсь при своемъ славянскомъ гостепріимствѣ и ничего другого не понимаю, кромѣ разговора по душѣ... со всякимъ встрѣчнымъ, не исключая даже человѣка, который вотъ-вотъ сейчасъ начнетъ меня «облапошивать». И теперь, какъ всегда, я «спѣшу», то-есть, смотрю на своего покупателя и своего продавца, какъ на избавителей, безъ помощи которыхъ я навѣрное погрязъ бы въ бѣдѣ... Возьми все — и отстань!

Говорятъ, что теперь ничего этого уже нѣтъ. Нѣтъ ни уѣздныхъ судовъ, ни гражданскихъ палатъ, ни рѣшетокъ, за которыми сидятъ «крѣпостныя дѣла». Конечно, это фактъ утѣшительный, но я долженъ сознаться, что даже и отъ него немного прибавилось во мнѣ куражу. Я, всетаки, *боюсь*, и всякій разъ, какъ приходится проходить мимо конторы нотаріуса, мнѣ кажется, что у него на вывѣскѣ все еще стоитъ прежнее: здѣсь стригутъ, брѣютъ и кровь отворяютъ. Что здѣсь меня въ чемъ угодно могутъ увѣрить и разувѣрить. Что здѣсь меня могутъ заставить совершить такой актъ, котораго ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не имѣетъ права совершить. Что здѣсь мнѣ несовершеннолѣтняго выдадутъ за совершеннолѣтняго, каторжника за столпа, глухонѣмого за витію, явнаго прелюбодѣя за ревнителя семейныхъ добродѣтелей. И въ заключеніе скажутъ: «что же дѣлать, милостивый государь! это косвенный налогъ на ваше невѣжество!» И даже потребуютъ, чтобъ я этимъ объясненіемъ утѣшился.

Какая загадочная, запутанная среда! И какое жалкое

положеніе «дурака» среди этихъ тоже не умныхъ, но несомнѣнно сноровистыхъ и хищныхъ людей!

На этотъ разъ, однакожь, въ виду предстоявшаго мнѣ «конца», я твердо рѣшился окаменѣть и устранить всякую мысль о славянскомъ гостепріимствѣ. «Пора, наконецъ, и за умъ взяться!» сказалъ я себѣ, и приступилъ къ дѣлу съ мыслью ни на іоту не отступать отъ этой рѣшимости.

Старикъ Лукьянычъ тоже, повидимому, убѣдился, что «конецъ» неизбѣженъ, и что отдалять его, значитъ только безполезно поддерживать тревожное чувство, всецѣло овладѣвшее мною. Поэтому, онъ впалъ въ какую-то суетливую дѣятельность, въ одно и то же время знакомя меня съ положеніемъ моего имѣнія и развѣдывая подъ рукой, не навернется ли гдѣ подходящаго покупщика.

Я кой-какъ устроился въ одной изъ комнатъ гостинаго флигеля, которая не представляла еще большой опасности. Первые дни были посвящены осмотрамъ. Деруновъ былъ правъ: громадный барскій домъ стоялъ безъ оконъ, словно старый инвалидъ безъ глазъ. Стѣны почернѣли, красная краска на желѣзной крышѣ частью выгорѣла, частью пестрила ее безобразными пятнами; крыльцо обвалилось; внутри дома, полъ колебался, потолки частью обрушились, частью угрожали обрушеніемъ. Но расхищенія не было, и Деруновъ положительно прилгалъ, говоря, что даже кирпичъ изъ печей растасканъ.

— Тутъ одного гвоздья сколько! восторгался Лукьянычъ, безстрашно водя меня по опустѣлымъ комнатамъ.— Кирпичу, израсцу, заслонокъ — страсть! Опять же и дерево! только нижніе вѣнцы подгнили, да балки поперечныя сопрѣли, а прочее — хоть опять сейчасъ въ дѣло! Сейчасъ взялъ, балки перемѣнилъ, верхнюю половину дома вывѣсилъ, нижніе вѣнцы подрубилъ — и опять ему вѣку не будетъ, дому-то!

Осмотрѣвши домъ, перешли къ оранжереямъ, скотному и конному дворамъ, флигелямъ, людскимъ, застольнымъ... Все было ветхо, все покривилось и накренилось, вездѣ пахло опальною затхлостью, но гвоздья вездѣ было пропасть. Садъ заглохъ, дорожекъ не было и помина, но березы, тополя и липы разрослись такъ роскошно, что мнѣ самому стало какъ-то не по себѣ, когда я подумалъ, что, быть можетъ, черезъ мѣсяцъ или черезъ два, пріѣдетъ сюда Деруновскій прикащикъ и по манію его ляжетъ, посѣченная топоромъ, вся эта великолѣпная растительность. И эти отливающіе серебромъ тополи, и эти благоухающія липы, и эти стройныя, до самой верхушки обнаженныя отъ сучьевъ березы, неслышно помавающія въ вышинѣ своими всклоченными, чуть видными вершинами... Еще мѣсяцъ — и старый, чемезовскій садъ будетъ представлять собою ровное мѣсто, усѣянное пеньками и загроможденное полсаженками дровъ, готовыхъ къ отправленію на фабрику. Казалось, вся эта заглохшая, одичалая чаща въ одинъ голосъ говорила мнѣ: выростили! выхолили! и вотъ пришелъ «скучающій» человѣкъ, которому неизвѣстно почему, неизвѣстно что̀ надоѣло, пришелъ, черкнулъ какое-то дурацкое слово, и разомъ уничтожилъ весь этотъ процессъ рощенія и холенія!

— Ишь какой выросъ! говорилъ, между тѣмъ, Лукьянычъ: — вотъ недѣли черезъ двѣ зацвѣтутъ липы, пойдетъ это духъ — и не выйдешь отсюда! Грибовъ сколько — все бѣлые! Орѣшникъ вонъ въ томъ углу засѣлъ — и не додерешься! Малина, ежевика...

Въ тонѣ голоса Лукьяныча слышалось обольщеніе. Меня самого такъ и подмывало, такъ и рвалось съ языка: а что̀, братъ, коли-ежели и т. д. Но вспомнивъ, что *если, однажды*, я встану на почву разговора по душѣ,

то всѣ мои намѣренія и предположенія относительно «конца» разлетятся, какъ дымъ — я промолчалъ.

— Ежели даже теперича срубить ихъ, парки-то, продолжалъ Лукьянычъ: — такъ отъ одного молодятника черезъ десять лѣтъ новые парки выростутъ! Вонъ она липка-то — робёнокъ еще! Купятъ, начнутъ кругомъ большія деревья рубить — и ее тутъ же зря замнутъ. Потому, у него, у купца-то, ни бережи, ни жалѣнія: онъ взялъ деньги, и прочь пошелъ... хоть бы тотъ же Осипъ Иванычъ! А сруби теперича эти самые парки настоящій хозяинъ, да сруби жалѣючи — въ десять лѣтъ эта липка такъ выхолится, что и не узнаешь ее!

Обольщеніе шло crescendo; я чувствовалъ себя, такъ сказать, на краю пропасти, но все еще оставался неколебимъ.

— Опять ежели теперича самимъ рубить начать, вновь началъ Лукьянычъ: — изъ каждой березы вѣрно полсажонокъ выйдетъ. Ишь она какая стеколистая выросла — и вершины-то не видать! А подъ парками-то восемь десятинъ — однихъ дровъ полторы тысячи саженей выпилить можно! А молодятникъ самъ по себѣ! Молодятникъ еще лучше послѣ вырубки пойдетъ! Черезъ десять лѣтъ и не узнаешь, что тутъ рубка была!

— А что̀, коли-ежели... невольно сорвалось у меня съ языка.

Однако, Богъ спасъ, и я успѣлъ остановиться во время.

— Коли-ежели этотъ паркъ Дерунову въ руки, поправился я: — вѣдь, онъ тутъ кучу деньжищъ загребетъ!

— И Деруновъ загребетъ, и другой загребетъ. Главная причина: у кого голова на плечахъ состоитъ, тотъ и загребетъ. Да парки что̀! Вотъ ужо̀ запряжемъ мери-

Осмотрѣвши домъ, перешли къ оранжереямъ, скотному и конному дворамъ, флигелямъ, людскимъ, застольнымъ... Все было ветхо, все покривилось и накренилось, вездѣ пахло опальною затхлостью, но гвоздья вездѣ было пропасть. Садъ заглохъ, дорожекъ не было и помина, но березы, тополя и липы разрослись такъ роскошно, что мнѣ самому стало какъ-то не по себѣ, когда я подумалъ, что, быть можетъ, черезъ мѣсяцъ или черезъ два, пріѣдетъ сюда Деруновскій прикащикъ и по манію его ляжетъ, посѣченная топоромъ, вся эта великолѣпная растительность. И эти отливающіе серебромъ тополи, и эти благоухающія липы, и эти стройныя, до самой верхушки обнаженныя отъ сучьевъ березы, неслышно помавающія въ вышинѣ своими всклоченными, чуть видными вершинами... Еще мѣсяцъ — и старый, чемезовскій садъ будетъ представлять собою ровное мѣсто, усѣянное пеньками и загроможденное полсаженками дровъ, готовыхъ къ отправленію на фабрику. Казалось, вся эта заглохшая, одичалая чаща въ одинъ голосъ говорила мнѣ: выростили! выхолили! и вотъ пришелъ «скучающій» человѣкъ, которому неизвѣстно почему, неизвѣстно что̀ надоѣло, пришелъ, черкнулъ какое-то дурацкое слово, и разомъ уничтожилъ весь этотъ процессъ рощенія и холенія!

— Ишь какой выросъ! говорилъ, между тѣмъ, Лукьянычъ: — вотъ недѣли черезъ двѣ зацвѣтутъ липы, пойдетъ это духъ — и не выйдешь отсюда! Грибовъ сколько— все бѣлые! Орѣшникъ вонъ въ томъ углу засѣлъ — и не додерешься! Малина, ежевика...

Въ топѣ голоса Лукьяныча слышалось обольщеніе. Меня самого такъ и подмывало, такъ и рвалось съ языка: а что̀, братъ, коли-ежели и т. д. Но вспомнивъ, что *если, однажды*, я встану на почву разговора по душѣ,

то всѣ мои намѣренія и предположенія относительно «конца» разлетятся, какъ дымъ — я промолчалъ.

— Ежели даже теперича срубить ихъ, парки-то, продолжалъ Лукьянычъ: — такъ отъ одного молодятника черезъ десять лѣтъ новые парки выростутъ! Вонъ она липка-то — робёнокъ еще! Купятъ, начнутъ кругомъ большія деревья рубить — и ее тутъ же зря замнутъ. Потому, у него, у купца-то, ни бережи, ни жалѣнія: онъ взялъ деньги, и прочь пошелъ... хоть бы тотъ же Осипъ Иванычъ! А сруби теперича эти самые парки настоящій хозяинъ, да сруби жалѣючи — въ десять лѣтъ эта липка такъ выхолится, что и не узнаешь ее!

Обольщеніе шло crescendo; я чувствовалъ себя, такъ сказать, на краю пропасти, но все еще оставался неколебимъ.

— Опять ежели теперича самимъ рубить начать, вновь началъ Лукьянычъ: — изъ каждой березы вѣрно полсажонокъ выйдетъ. Ишь она какая стеколистая выросла — и вершины-то не видать! А подъ парками-то восемь десятинъ — однихъ дровъ полторы тысячи саженей выпилить можно! А молодятникъ самъ по себѣ! Молодятникъ еще лучше послѣ вырубки пойдетъ! Черезъ десять лѣтъ и не узнаешь, что тутъ рубка была!

— А что̀, коли-ежели... невольно сорвалось у меня съ языка.

Однако, Богъ спасъ, и я успѣлъ остановиться во время.

— Коли-ежели этотъ паркъ Дерунову въ руки, поправился я: — вѣдь, онъ тутъ кучу деньжищъ загребетъ!

— И Деруновъ загребетъ, и другой загребетъ. Главная причина: у кого голова на плечахъ состоитъ, тотъ и загребетъ. Да парки что̀! Вотъ ужо̀ запряжемъ мери-

на, въ Филипцево съѣздимъ, лѣсъ посмотримъ — вотъ такъ лѣсъ!

Съѣздили въ Филипцево, потомъ въ Ковалиху съѣздили, потомъ въ Тараканиху. И вездѣ оказался лѣсъ. Въ одномъ мѣстѣ настоящій лѣсъ, «хоть въ какую угодно стройку пущай», въ другомъ — молодятникъ засѣлъ.

— Вотъ тутъ, вашъ папенька пятнадцать лѣтъ назадъ лѣсъ вырубилъ, хвалилъ Лукьянычъ: — а смотри, какой ужь стеколистый березнячекъ на его мѣстѣ засѣлъ. Коли ежели только терпѣніе, такъ черезъ двадцать лѣтъ цѣны этому лѣсу не будетъ!

Словомъ сказать, столько богатствъ оказалось, что и не сосчитать. Только поля около усадьбы плохи. Загрубѣли, задерневѣли, поросли лознякомъ. А, впрочемъ, «коли ежели къ рукамъ», то и поля, пожалуй, не дурны.

— Одного лозняку тутъ на всю жизнь протопиться станетъ! Мы ужь сколько лѣтъ имъ протапливаемся, а все его, каторжнаго, не убываетъ. Хитеръ толстомясый (т. е. Деруновъ)! За всю палестину пять тысячъ надавалъ! Ахъ, дуй-те горой! Да тутъ одного гвоздья... да кирпича... да дровъ... окромя всего прочаго... ахъ ты, Господи!

Зрѣлище этихъ богатствъ поколебало и меня. Шутка сказать! Въ Филипцевѣ, по малой мѣрѣ, пятнадцать тысячъ сажень дровъ, въ Ковалихѣ пять тысячъ, въ паркѣ полторы, а тамъ еще Тараканиха, Опалиха, Ухово, Волчьи Ямы... Срубить лѣсъ, продать дрова (ежели даже хоть по рублю за сажень очистится)... сколько тутъ денегъ-то! А земля то, все-таки, будетъ моя! И опять пошелъ на ней лѣсъ рости!.. Черезъ двадцать лѣтъ опять Тараканиху да Опалиху по боку... и опять пошелъ лѣсъ! А отопиться и лознякомъ можно! Лѣсъ и лознякъ! Лѣсъ, лѣсъ, лѣсъ! Просто, хоть сойти съ ума!

Но, вѣдь, для этого надобно жить въ Чемезовѣ, надобно безпокоиться, разговаривать, хлопать по рукамъ, запрашивать, уступать... А главное, жить тутъ, жить съ чистымъ сердцемъ, на глазахъ у всевозможныхъ сердцевѣдцевъ, оффиціальныхъ и партикулярныхъ, которыми кишитъ современная русская провинція! Вотъ что̀ страшитъ. Еще въ Петербургѣ до меня доходили, черезъ разныхъ пріѣзжихъ изъ провинціи, слухи объ этихъ новоявленныхъ сердевѣдцахъ.

— Теперь, братъ, не то, что̀ прежде! говорили одни пріѣзжіе: — прежде, бывало, живешь ты въ деревнѣ, и никому нѣтъ дѣла, въ потолокъ ли ты плюешь, химіей ли занимаешься, или Поль-де-Кока читаешь! А нынче, братъ, ау! Химію-то изволь по боку, а читай Поль-де-Кока, да и тутъ еще такъ читай, чтобы всѣ твои домочадцы знали, чтоты именно Поль-де-Кока, а не «Общепонятную физику» Писаревскаго читаешь!

— Теперь, братъ, деревню бросить надо! говорили другіе: — теперь тамъ цѣлая стѣна сердцевѣдцевъ образовалась. Смотрятъ, уставивъ брады, да умозаключаютъ каждый сообразно со степенью собственной невѣжественности! Чѣмъ больше который невѣжественъ, тѣмъ больше потрясаній и подкоповъ видитъ. Молви ты въ присутствіи сердцевѣдца какое-нибудь неизвѣстное ему слово — ну, хоть «моветонъ», что̀ ли — сейчасъ «фюить!», и пошла писать губернія.

Да̀, это такъ; въ этомъ я самъ теперь убѣдился, поговоривъ съ Деруновымъ. Я былъ на одинъ шагъ отъ опасности, и ежели не попался въ бѣду, то обязанъ этимъ лишь тому, что Деруновъ самъ еще не вполнѣ обнялъ всю обширность полномочій, которыя находятся въ его распоряженіи. Конечно, онъ не настоящій, то-есть, не оффиціальный сердцевѣдецъ, онъ только «подспорье»...

но, вѣдь, и съ подспорьемъ ныньче шутить нельзя! Посмотритъ, умозаключитъ, возьметъ въ руки перышко — смотришь, анъ и сѣло на тебя пятнышко... Положимъ, крошечное, съ булавочную головку, а, всетаки, пятнышко! Поди потомъ, отскребывай его!

Какъ все измѣнилось! какъ все вдругъ шарахнулось въ сторону! Давно ли исправники пламенѣли либерализмомъ, давно ли частные пристава обливались слезами, дѣлая домовыя выемки! Давно ли?.. да не больше десяти лѣтъ тому назадъ!

— Ne croyez pas à ces larmes! ce sont des larmes de crocodile! еще въ то время предостерегалъ меня одинъ знакомый французъ, свидѣтель этихъ выемочныхъ слезъ.

Но, признаюсь, не смотря на это образное предостереженіе, я вѣрилъ не ему, а полицейскимъ слезамъ. Я думалъ, что разъ полились эти слезы, и будутъ онѣ литься безъ конца... Что въ этихъ слезахъ заключается только зародышъ, которому суждено развиваться дальше и дальше...

Я столько видѣлъ въ то время чудесъ, что не могъ, не имѣлъ права быть скептикомъ. Я зналъ губернатора, который было до того либераленъ, что не вѣрилъ даже въ существованіе тверди небесной.

— Ничему я этому не вѣрю! говорилъ онъ: — какъ будто земля подъ стеклянным колпакомъ виситъ, и кто-то тамъ ею ворочаетъ — какіе пустяки!

Я зналъ генерала, который до того скептически относился къ «чудесамъ кровопусканія», что говорилъ мнѣ:

— Конечно... есть случаи... какъ это ни прискорбно... когда безъ кровопусканія обойтись невозможно... Это такъ! это я допускаю! Но чтобы во всякомъ случаѣ... сейчасъ же... съ перваго же раза... такъ сказать, не разобравши

дѣла .. не вѣрьте этому, милостивый государь! не вѣрьте этому никогда! Это... неправда!

И все это я видѣлъ своими глазами, все это я слышалъ своими ушами... не дальше, какъ десять лѣтъ тому назадъ!

И вдругъ, весь этотъ либерализмъ исчезъ! Исправникъ «подтягиваетъ», частный приставъ обыскиваетъ и гогочетъ отъ внутренняго просвѣтлѣнія. Всѣ повѣрили, что земля подъ стеклянным колпакомъ виситъ, всѣ увѣровали въ «чудеса кровопусканія», да нетолько сами увѣровали, но хотятъ, чтобъ и другіе тому же вѣрили, чтобы ни въ комъ не осталось ни тѣни прежняго либерализма...

«На счетъ вина свободно, на счетъ чтенія—строго!» вотъ собственныя слова Дерунова, которыя, конечно, никогда не изгладятся изъ моей памяти. И какой загадочный человѣкъ, этотъ Деруновъ! Вслушаешься въ тонъ, которымъ онъ произноситъ свои «предики», кажется, что онъ говоритъ серьёзно и даже съ нѣкоторою нажимкой. И вдругъ, прорвется нотка... ну, смѣется эта нотка, да и все тутъ! Смѣется, словно вотъ такъ и говоритъ: видишь, какія я чудеса въ рѣшетѣ передъ тобой выкладываю! а ты, всетаки, слушай, да на усъ себѣ мотай! Потому что я столпъ!

Жестокіе нравы! Загадочный, запутанный міръ!

Нѣтъ, лучше уйти! какія тутъ тысячи, десятки тысячъ саженей дровъ! Пойдетъ ли на умъ все это обиліе гвоздья, кирпича, израсца, которымъ соблазняетъ меня старикъ! Кончить и уйти — вотъ это будетъ хорошо!

— Нѣтъ, Лукьянычъ, мнѣ здѣсь жить нѐзачѣмъ! сказалъ я однажды, когда старикъ съ особеннымъ рвеніемъ началъ разводить передо мною на бобахъ.

— А почему-жь бы?

— А вотъ почему: скажи я теперь хоть тебѣ, что, напримѣръ, не Илья пророкъ громомъ распоряжается...

— Что̀ вы, сударь! Христосъ съ вами!

— Ну, видишь! Ты вотъ отъ моихъ словъ только ротъ разинулъ, а другой и рта не разинетъ, а свиснетъ...

— А вы, сударь, не говорите! За это тоже не похвалятъ.

— Знаю, поэтому и ухожу отъ грѣха. Такъ вотъ что̀: подыскивай-ка ты покупщика.

Въ теченіи мѣсяца, передъ моими глазами прошла цѣлая портретная галлерея лицъ. Я видѣлъ всѣ оттѣнки любостяжанія, начиная съ заискивающаго, въ основаніи котораго лежитъ робкое чувство зависти, и кончая наглымъ, отъ котораго такъ и пышетъ беззавѣтною вѣрою въ несокрушимую силу хищничества. Мирное Чемезово сдѣлалось ареною борьбы, которая, благодаря элементу соревнованія, нерѣдко принимала характеръ ненависти. Всякій являлся на арену купли, съ головы до ногъ вооруженный темными подозрѣніями, и потому не шелъ прямою дорогой къ дѣлу, но выбиралъ окольные пути. Всякій старался нетолько отбить у другого облюбованный кусокъ, но еще подставить конкурренту ногу и по возможности очернить его. Сначала меня занимала эта безпардонная игра страстей, разгоравшаяся по поводу какой-нибудь Ковалихи или Тараканихи, потому что я имѣлъ наивность видѣть въ ней выраженіе настоятельно говорившаго чувства собственности; но потомъ, всмотрѣвшись ближе, я убѣдился, что принципъ собственности, въ смыслѣ общественной основы, играетъ здѣсь самую жалкую, почти призрачную роль.

Конечно, я былъ бы не правъ, еслибъ утверждалъ,

что въ моихъ глазахъ происходило прямое воровство, или кража, или грабежъ. Но что тутъ въ постоянномъ ходу было дѣйствіе, называемое въ просторѣчіи «подвохомъ»—это несомнѣнно. Только теперь я увидѣлъ, сколько можетъ существовать видовъ «отнятія», которыхъ нетолько законъ, но даже самый тонкій психологъ ни предусмотрѣть, ни поименовать не можетъ. Весь процессъ купли и продажи основанъ на психологическихъ тонкостяхъ, относительно которыхъ немыслимы какія бы то ни было юридическія опредѣленія. Вы слабохарактерны—я налетаю на васъ орломъ; вы тщеславны — я опутываю васъ паутиною самой тонкой лести; вы недальновидны или глупы — я показываю вамъ чудеса въ рѣшетѣ, отъ которыхъ вы дурѣете окончательно. Очень часто «подвохъ» является даже въ самой цинической и грубой формѣ, безъ всякаго участія психологіи, но и тутъ онъ недоступенъ для изобличенія, потому что въ основаніи его предполагается обоюдное согласіе. Своими ли ты глазами смотрѣлъ? своими ли руками бралъ?—таковы афоризмы, на которыхъ твердо стоитъ «подвохъ». Двѣ стороны находятся другъ противъ друга, и обѣ стараются другъ друга обойти. Не украсть, а именно обойти. Даже «дуракъ» не прочь бы обойти умнаго, но только не умѣетъ. И только тогда, когда «подвохъ» возъимѣлъ уже свое дѣйствіе, когда психологическая игра совершила весь свой кругъ и получила отъ нотаріуса надлежащую санкцію, когда участвовавшія въ ней стороны уже получили возможность провѣрить самихъ себя, только тогда начинаютъ онѣ ощущать нѣчто странное. Я уже не говорю о сторонѣ «объегоренной», «облапошенной» и т. д., которая съ растерявшимся видомъ ощупываетъ себя, какъ будто съ нею на яву произошло что-то въ родѣ сновидѣнія; я думаю, что даже сторона «объегорившая», «обла-

пошившая» и т. д.—и та чувствуетъ себя изубытченною, на томъ основаніи, что «мало еще дурака нагрѣли». Конечно, кражи тутъ нѣтъ, но, какъ хотите, есть нѣчто, до такой степени похожее, что самая неопредѣлительность факта возбуждаетъ чувство еще болѣе тревожное, нежели настоящая кража. Куда идти? гдѣ искать отмщенія? Ежели искать его въ сферѣ легальности, то ни одинъ правильно-организованный судъ не признаетъ себя компетентнымъ въ дѣлѣ психологическихъ игръ. Ежели искать его въ сферѣ такъ-называемаго общественнаго мнѣнія, то всѣ эти «рохли», «разини» и «дураки» занимаютъ на изнженномъ пирѣ такое приниженное, постылое мѣсто, что внезапный протестъ ихъ можетъ возбудить только чувство изумленія.

Собственно говоря, я почти не принималъ участія въ этой любостяжательной драмѣ, хотя и имѣлъ воспользоваться плодами ея. Самымъ процессомъ ликвидаціи всецѣло овладѣлъ Лукьянычъ, который чувствовалъ себя тутъ, какъ рыба въ водѣ. Покупщики приходили, уходили, опять приходили, и старикъ нетолько не утомлялся этою безконечною сутолокою, но даже какъ будто помолодѣлъ.

— Вотъ погодите! говорилъ онъ, спровадивъ какого-нибудь претендента на обладаніе Опалихой: — онъ еще ужо̀ придетъ! мы его тутъ съ однимъ человѣкомъ стравимъ!

И стравливалъ. Стравливалъ всегда внезапно, какъ бы ненарокомъ, и, притомъ, такъ язвительно, что у конкуррентовъ наливались кровью глаза и выступала пѣна у рта. Конечно, это въ значительной степени оттягивало ликвидацію моихъ дѣлъ, но въ этомъ отношеніи всѣ мои настоянія оставались безсильными. Лукьянычъ нетолько не хотѣлъ понимать, но даже просто, на просто не по-

нималъ, чтобъ можно было какое-нибудь дѣло сдѣлать, не проведя его сквозь всѣ мытарства запрашиваній, оговорокъ, обмолвокъ и всей безконечной свиты мелкихъ подвоховъ, которыми сопровождается всякая такъ-называемая полюбовная сдѣлка, совершаемая въ мірѣ столповъ и основъ.

Я, конечно, не намѣренъ разсказывать читателю всѣ перипетіи этой драмы, но считаю не лишнимъ остановиться на одномъ эпизодѣ ея, которымъ, впрочемъ, и кончились мои деревенскія похожденія по предмету продажи и купли.

Между прочимъ, Лукьянымъ счелъ долгомъ запастись сводчикомъ. Однимъ утромъ, сижу я у окна — вижу, къ барскому дому подъѣзжаетъ такъ-называемая купецкая тележка. Лошадь сильная, широкогрудая, длинногривая, сбруя такъ и горитъ, дуга росписная. Изъ тележки бойко соскакиваетъ человѣкъ въ синемъ армякѣ, привязываетъ вожжами лошадь къ крыльцу и направляется въ помѣщеніе, занимаемое Лукьянычемъ. Не проходитъ десяти минутъ, какъ старикъ является ко мнѣ.

— Заяцъ изъ Долгинихи пріѣхалъ, докладываетъ онъ.

— Покупщикъ, что̀ ли?

— Говоритъ, что «Волчьи Ямы» купить охотится.

— Что̀ жь, переговори съ нимъ!

— Стало быть, онъ до васъ дойти хочетъ.

— А коли хочетъ, такъ зови.

Но, вмѣсто того, чтобъ уйти, Лукьянычъ переминается съ ноги на ногу, видимо желая что̀-то сказать еще.

— Только онъ покупщикъ не настоящій, произноситъ онъ, наконецъ, по своему обыкновенію, загадочно понижая голосъ:—у него всего и имущества вонъ эта телега съ лошадью.

— Такъ объ чемъ же я буду съ нимъ говорить?

— Поговорите, можетъ, и польза будетъ.

— Да кто онъ такой?

— Здѣшній, изъ Долгинихи, Өедоръ Никитинъ Чурилинъ. А Зайцемъ прозванъ отъ того, что онъ на всякомъ мѣстѣ словно бы изъ подъ куста выпрыгнулъ. Гдѣ его и не ждешь, а онъ тутъ. Крестьянствомъ не занимается, а то[illegible]ко маклерить. Чуть гдѣ прослышитъ, что въ раздѣлку пош[illegible] — ему ужь и не сидится. Съ недѣлю мѣста есть, какъ онъ [illegible] около насъ кружитъ, да я все молчалъ. Самъ, думаю, при[illegible]тъ — анъ вотъ и пришелъ.

— Чѣмъ же [illegible] онъ для насъ-то можетъ быть полезенъ?

— Первое дѣло, [illegible] покупателя приведетъ. Второе дѣло, и самъ для виду подторгов[illegible]вывать будетъ, коли прикажемъ. Только баловать его не нужно.[illegible]

— То-есть, какъ же не «баловать»?

— Много денегъ давать не надо. Он[illegible]тъ тоже ловокъ на чужія-то деньги чай пить. Вы сами-то не дава[illegible]йте, ко мнѣ посылайте.

Лукьянычъ уходитъ, и черезъ минуту является вмѣстѣ съ Зайцемъ. Это средняго роста человѣкъ, жиденькій, бѣлокуренькій, съ подстриженною рыжеватою бородкой, съ маленькими бѣгающими глазками, обрамленными розовыми, какъ у кролика, вѣками, съ востренькимъ носомъ. Вообще, фигурой своей онъ напоминаетъ отчасти лисицу, отчасти зайца. Одѣтъ щеголемъ: въ синей тонкаго сукна сибиркѣ, подпоясанной алымъ кушакомъ, по сверхъ которой надѣтъ такой же синій армякъ; на ногахъ высокіе смазные сапоги. Подходитъ онъ на цыпочкахъ, почти не слышно, къ самому столу, за которымъ я сижу. Къ разговору приступаетъ шопотомъ, словно секретъ вывѣдать хочетъ. При этомъ безпрерывно оглядывается по сторонамъ и при малѣйшемъ шорохѣ вздрагиваетъ.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Наслышаны, что ваша милость вотчину продать желаете?

— Да, желалъ бы.

— Такъ-съ. А какая, примѣрно, цѣна ваша будетъ?

— Да вы осматривали дачу-то?

— Даже очень довольно смотрѣли. Мы, ваше благородіе, здѣшніе жители. Можетъ, около каждаго куста разъ десять обошли. Очень довольно знаемъ. Въ Филипцевѣ это точно, что есть лѣсокъ, а въ прочіихъ мѣстахъ лѣтъ двадцать настоящаго лѣсу дожидаться надо!

— Мнѣ кажется, однако, что и въ нѣкоторыхъ другихъ пустошахъ порядочный лѣсъ есть.

— Помилуйте, ваше благородіе! позвольте вамъ доложить! Лѣсъ, одно слово, это такое дѣло: возьмемъ теперича одну десятину — ей одна цѣна; возьмемъ другую десятину — ей другая цѣна! Стало быть, коли ежели я, или, къ примѣру, другой покупщикъ...

— Постой, Ѳедоръ Никитичъ! вмѣшивается Лукьянычъ: — ты, вѣдь, не для себя торговаться пришелъ! Зачѣмъ же ты нашъ лѣсъ хаешь! А ты похвали! Можетъ, отъ твоего-то слова, гдѣ и нѣтъ лѣсу — онъ выростетъ!

— Это такъ точно-съ. Главная причина, какъ его показать покупателю. Можно теперича и такъ показать, что куда онъ ни взглянулъ, вездѣ у него лѣсъ въ глазахъ будетъ, и такъ показать, что онъ только одну рѣдочь увидитъ. Проѣхалъ я давича Ковалихой: въ бочку-то, направо-то... ахъ, хорошъ лѣсокъ! Ну, а ежели полѣвѣе взять—пильщикамъ заплатить не изъ чего!

— А ты бы вотъ съѣздилъ да показалъ барину-то, какъ оно по твоему выходитъ!

— Чего же лучше-съ! Вотъ не угодно ли на моей ло-

онъ на коня, замедлившаго ходъ на дорогѣ, усѣянной цѣлымъ переплетомъ древесныхъ корней.

Черезъ пять минутъ, мы опять выѣхали на торную дорогу, съ которой уже нельзя было своротить, потому что по обѣимъ ея сторонамъ стояла сплошная стѣна высокихъ и толстыхъ елей.

— Вотъ и опять тоже Филипцево, только въ этомъ самомъ мѣстѣ цѣны ему нѣтъ! съ нѣкоторымъ торжествомъ провозгласилъ Заяцъ.

— Да вы зачѣмъ же показываете либо одно, либо другое! Вы бы, какъ слѣдуетъ, все показали!

— Помилуйте! позвольте вамъ доложить! Неужто я своего дѣла не знаю! Къ примѣру, возьмемъ теперича хоть покупателя — могу ли я его принуждать! Привезъ я его теперича хоть въ это самое мѣсто, показалъ ему, онъ сейчасъ взглянулъ: ахъ, хорошъ лѣсокъ, Ѳедоръ! Главная причина, значитъ, облюбовалъ. Что же я теперича противъ этого сдѣлать могу? Само собой, чтобы, примѣрно, въ отвѣтѣ предъ нимъ не остаться, скажешь ему: не весь, молъ, такой лѣсъ, есть и прогалинки. Однако, какъ онъ сразу въ своемъ дѣлѣ увѣрился, такъ тутъ ему, что хочешь говори: онъ все мимо ушей пропущаетъ! Айда домой, Ѳедоръ! говоритъ:—лѣсъ первый сортъ! нечего и смотрѣть больше! теперь только маклери, какъ бы подешевле намъ этотъ лѣсъ купить! И купитъ, и цѣну хорошую дастъ, потому что онъ настоящій лѣсъ видѣлъ! А какъ начнешь съ рѣдочи-то показывать, такъ послѣ хоть и привези его сюда, къ настоящему лѣсу—онъ все про рѣдочь поминать будетъ!

— Скажите, вы имѣете въ виду какого-нибудь покупщика?

— У меня, ваше благородіе, по здѣшней округѣ очень знакомства довольно. Хорошіе господа довѣряютъ мнѣ,

а не то, чтобы что̀! Ну, и купцы тоже: и въ Р., и въ К., и въ Т.

— Дерунова вы знаете?

— Ка̀къ не знать Осипа Иваныча! Довольно знаемъ. Послужилъ тоже его степенству. Да, признаться, зацѣпочка этта небольшая у насъ вышла.

— А что̀?

— Да так-съ. Тоже онамеднись лѣсъ показывалъ, генералъ Г[illegible]озадовъ продавалъ. Признаться, маленько спапашился я то[illegible]да, а молодецъ Деруновскій и догадайся. Очень они на м[illegible]еня въ ту пору обидѣлись, Осипъ-то Иванычъ!

— Чай и за вихры до[illegible]талось! вставилъ свое слово Лукьянычъ.

— Этого Богъ еще миловалъ. Ско[illegible]лько на свѣтѣ живу, а за вихры, кромѣ тятеньки съ маменьк[illegible]ой, никто еще не диралъ. А не велѣлъ, значитъ, Осипъ И[illegible]ванычъ до себя допущать.

— Да̀, братъ, ваша должность тоже—и-и! Плутовать—плутуй, а по сторонамъ не заглядывайся!

— Наша должность, ваше благородіе, осмѣлюсь вамъ доложить, даже очень довольно строгая. Смо̀трите, примѣрно, теперича хоть вы или другой кто: гуляетъ, молъ, Ѳедоръ, въ баклуши бьетъ! А я, между прочимъ, нисколько не гуляю, все про между себя обдумываю. Ка̀къ, значитъ, кому угодить, и кому что̀, къ примѣру, требуется. Все это я завсегда у себя на замѣчаніи держать долженъ. Иной купецъ самъ доходитъ, а другой—черезъ прикащиковъ.

— Съ прикащиками, я думаю, скорѣе дѣло-то сдѣлаешь!

— *И прикащикъ прикащику розь, Степанъ Лукьянычъ—вотъ какъ надо сказать.* Одно дѣло, Деруновскій

прикащикъ, и одно дѣло—Владыкинскій прикащикъ. А въ прочіихъ частяхъ, разумѣется, коли ежели господинъ маслица не пожалѣетъ, съ прикащикомъ, всетаки, складнѣе дѣло сдѣлать можно.

— Подкупить, значитъ, нужно?

— Зачѣмъ подкупать? а просто, къ примѣру, пообѣщать. Копейку, что̀ ли, съ рубля, или хоша бы и двѣ, если, значитъ, дѣло хорошо доложитъ хозяину.

— Ну двѣ-то копейки — это, братъ, ты совралъ! вступился Лукьянычъ:—копейку—это точно! это по христіански будетъ!

— Эхъ, Степанъ Лукьянычъ, какъ это, братецъ, ты говоришь: «совралъ»! Могу ли я теперича господина обманывать! Можетъ, я черезъ это самое кусокъ хлѣба себѣ получить надѣюсь, а ты говоришь: совралъ! А я все одно, что передъ Богомъ, то и передъ господиномъ! Возьмемъ теперича хоть это самое Филищево! Будемъ говорить такъ: что̀ для господина пріятнѣе, пять ли тысячъ за него получить, или три? Сказывай!

— Оно, конечно, кабы пять... да наврядъ...

— Ты говоришь: наврядъ, а я тебѣ говорю: никто, какъ Богъ! Владыкина Петра Семеныча знаешь?

— Слыхивалъ.

— А слыхивалъ, такъ и про Тихона Иванова, про прикащика его, значитъ, слыхивалъ. Вотъ ужо̀ поѣду въ К., шепну Тихону Иванову: Тихонъ, молъ, Иванычъ! доложите, молъ, хозяину, что хорошій баринъ лѣсокъ продаетъ!

— Да, кабы пять тысячъ... не жаль бы и двухъ копеекъ...

— И не пять тысячъ, а больше дастъ—вотъ что̀! Потому, сейчасъ ты его въ трактиръ сводилъ, закуску потрафилъ: Тихонъ Иванычъ! сдѣлай милость!

— Закуска—это точно; закуска—это первое дѣло!

Заяцъ постепенно разгорячался и началъ лгать; съ своей стороны, и Лукьянычъ, постепенно поддаваясь обаянію лганья, съ какимъ-то беззавѣтнымъ простодушіемъ вторилъ ему.

— Потому что у насъ все на чести! ораторствовалъ Заяцъ. — Будемъ такъ говорить: баринъ лѣсъ продаетъ, а Тихонъ Ивановъ его осматриваетъ. Въ одномъ мѣстѣ посмотритъ — ахъ, хорошъ лѣсокъ! въ другомъ поглядитъ — вотъ и такъ, братъ, лѣсокъ! Правильно ли я говорю?

— Это такъ... правильно... это такъ точно!

— Ты думаешь, мало у насъ въ Филипцевѣ добра?

— Мало ли тутъ добра!

— Я тебѣ вотъ какъ скажу: будь я теперича при капиталѣ—не глядя бы, семь тысячъ за него далъ! Потому что, сейчасъ бы я первымъ дѣломъ этотъ самый лѣсъ разсортировалъ. Начать хоть со строеваго... видѣлъ, какія по дорогѣ деревья-то стоятъ... ужастё-ённыя!

— Мало ли тутъ дерева! Хоть въ какую угодно стройку!

— Хорошо. Стало быть, перво-на-перво строевой лѣсъ... сколько тутъ по твоему корней будетъ? Тысячи три будетъ?

— Коли не побольше... какъ трехъ тысячъ не быть!

— Ну, клади три!... Анъ дерево-то, оно три рубля... на мѣ-ѣ-стѣ! А на станціи за него дашь и пять рублей... какъ калачъ! Вотъ ужь девять тысячъ. А потомъ дрова... Сколько тутъ дровъ-то!

— Мало ли тутъ дровъ!

— Опять же товарникъ... сучья... по нашему мѣсту всякій сучекъ денегъ стоитъ! А земля-то! земля-то, вѣдь, *тоже за покупателемъ* останется!

— *И опять* по ней лѣсъ пойдетъ!

— И какой еще лѣсъ-то пойдетъ! Въ десять лѣтъ и не узнаешь, была ли тутъ рубка, или нѣтъ! Мѣсто же здѣсь боровое, ходкое!

— Эхма!

— А я что̀ же говорю! Я тоже и говорю: кабы теперича капиталъ въ руки—сейчасъ бы я это самое Филипцево... то-есть, ни въ жизнь бы никому не уступилъ! Да тутъ, коли человѣкъ съ дарованіемъ... тутъ конца-краю деньгамъ не будетъ!

— Такъ ты такъ и дѣйствуй. Улещай покупателя. Старайся.

— И то стараюсь. Потому, вижу: господинъ добрый, невѣдущій—для кого же намъ и стараться-то! Слава Богу! я всѣмъ господамъ по здѣшнему мѣсту довольно извѣстенъ! Голозадовъ генералъ, Порфирьевъ господинъ... всѣ хоть сейчасъ аттестатъ мнѣ подписать готовы!

— Вотъ ты объ Владыкинѣ давича помянулъ... такъ онъ вряд ли у насъ купитъ. Онъ, слышь, у кандауровскаго барина всю палестину торгуетъ! У насъ ему не рука.

— А Владыкинъ не захочетъ, такъ къ Бородавкину, къ Филиппу Ильичу, толкнемся. Мужикъ денежный. Этотъ самъ осматривать поѣдетъ, прикащику не поручитъ.

— Ну, самому-то двухъ копеечекъ не посулишь!

— У этого опять другой фортель: пунштъ любитъ. Какъ пріѣхалъ—такъ чтобы сейчасъ ему пунштѣ готовъ былъ! И пьетъ онъ этотъ пунштъ, докуда глаза у него круглые не сдѣлаются! А въ ту пору, что̀ хошь, то у него и бери!

— Проспится—небось?

— Проспится—и опять, чтобы сейчасъ пунштъ! Само собой, ужь тутъ не зѣвай. Главная причина, все такъ подстроить, чтобы въ эвтомъ самомъ видѣ хорошей не-

устойкой его обязать. Страсть, какъ онъ этихъ неустоекъ боится! Словно ребенокъ!

— Ишь ты, парень!

— А Бородавкинъ ежели не поѣдетъ — Хмѣлева Павла Ѳомича за бока приволокемъ! И на счетъ его опять есть фортель: амбицію большую имѣетъ! Скажи ему только: Деруновъ, молъ, Осипъ Иванычъ, пять тысячъ давалъ— сейчасъ онъ, не гляди, шесть тысячъ отвалитъ!

— Житье имъ, этимъ аршинникамъ!

— И какое еще житье-то! Скажемъ, къ примѣру, хоть объ томъ же Хмѣлевѣ—давно ли онъ сѣрымъ мужикомъ состоялъ! И вдругъ ему Господь разумъ развязалъ! Зачалъ онъ и направо загребать, и налѣво разгребать... Страсть! Сядетъ это, словно котъ въ темномъ углу, выпуститъ когти и ждетъ... только глаза мерцаютъ!

Изъ Филипцева заѣхали мы въ Ошмелиху, а по дорогѣ осмотрѣли и Волчьи Ямы. И тутъ оказалось тоже: по лѣвѣе проѣхать — цѣны нѣтъ, по правѣе взять — вся цѣна грошъ.

— Главная причина, какъ показать! настойчиво утверждаетъ Заяцъ.

— Это что̀ и говорить! Ка̀къ показать... это такъ точно! вторитъ ему Лукьянычъ.

Словно во снѣ слушаю я этотъ разговоръ Въ ушахъ моихъ раздаются слова: фортель... загребать... ка̀къ показать... никто, какъ Богъ... тысячи, три тысячи... семь тысячъ... Картины, одна другой фантастичнѣе, рисуются въ моемъ воображеніи. То мнѣ кажется, что я волкъ, а всѣ эти Деруновы, Владыкины, Хмѣлевы, Бородавкины — мирно пасущееся стадо барановъ, въ виду котораго я сижу и щелкаю зубами. И вотъ я начинаю гарцовать и, распустивъ хвостъ по вѣтру, описываю круги. Одинъ смѣлый прыжокъ — и я уже тамъ, въ самой серединѣ

стада! Но, о ужасъ! Не успѣлъ еще я хорошенько раскрыть пасть, какъ всѣ эти бараны, вмѣсто того, чтобы смиренно подставить мнѣ свои загривки, вдругъ оскаливаютъ на меня зубы и поднимаютъ побѣдный вой! Картина перемѣняется. Я оказываюсь не волкомъ, а бараномъ, на котораго Заяцъ обманнымъ образомъ напялилъ волчью шкуру! Я слышу хохотъ и вой: «Жарь его!», «наяривай!», «накладывай!», «въ загривокъ-то! въ загривокъ его!» раздается въ моихъ ушахъ: «дуракъ! дуракъ! дуракъ!»

Пообѣдавши, Заяцъ уѣхалъ.

— Ты смотри! по сторонамъ не заглядывайся! за это, братъ, тоже не похвалятъ! напутствовалъ его Лукьянычъ.

— Зачѣмъ по сторонамъ глядѣть! мы на чести дѣло поведемъ! Счастливо оставаться, ваше благородіе! Увидите, коли я завтра же вамъ Бородавкина Филиппа Ильича не предоставлю!

Тележка загремѣла, и вскорѣ цѣлое облако пыли окутало и ее, и фигуру деревенскаго маклера. Я сѣлъ на крыльцо, а Лукьянычъ сталъ нѣсколько поодаль, одну руку положивъ поперегъ груди, а другою упершись въ подбородокъ. Нѣкоторое время мы молчали. На дворѣ была тишь; солнце стояло низко; въ воздухѣ чуялась вечерняя свѣжесть и весь онъ былъ пропитанъ ароматомъ отъ только-что зацвѣтшихъ липъ.

— Ишь, вѣдь! вдругъ отозвался Лукьянычъ, озирая глазами высь и отирая платкомъ потъ, выступившій на лбу.

— Да, братъ, хорошо теперь на вольномъ воздухѣ.

— И не вышелъ бы!

Въ самомъ дѣлѣ, такъ было хорошо среди этой тишины, этой теплыни угасающаго дня, этихъ благоуханій, что разговоръ нашъ непремѣнно принялъ бы сантимен-

тальный характеръ, еслибъ изрѣдка долетавшій стукъ Зайцевой тележки не возвращалъ насъ къ дѣйствительности.

— Не нравится мнѣ этотъ Заяцъ, сказалъ я.

— Чего въ немъ нравиться!

— Зачѣмъ же ты привелъ его?

— А намъ развѣ «нравиться» надо! Намъ нужно, чтобъ дѣло сдѣлалъ, а тамъ, пожалуй, хоть вѣкъ его не видать!

— Однако, вѣдь, ты самъ видишь, что онъ просто-напросто мошенникъ!

— Мошенникъ — много про него сказать. А лодырь... нестоющій, значитъ, человѣкъ!

— Вотъ ты говоришь: нестоющій человѣкъ, а между тѣмъ, самъ же его привелъ! Какъ же такъ жить! Ну, скажи, можно ли жить, когда безъ подвоха никакого дѣла сдѣлать нельзя!

— Живемъ по маленьку. Стало быть, не до конца еще прегрѣшили.

— Да ты пойми же, Лукьянычъ, вотъ завтра Бородавкинъ пріѣдетъ: неужто жь и въ самомъ дѣлѣ ты будешь его пуншемъ спаивать?

— А коли ему нравится! пущай пьетъ!

— Да, вѣдь, это значитъ прямо мошенничать! Съ пьянымъ человѣкомъ въ сдѣлку входить!

Лукьянычъ изумленными глазами взглянулъ на меня.

— Да никакъ вы въ самъ дѣлѣ думаете, что вы Бородавкина обидѣть можете? удивился онъ.

— Обидѣть! Не обидѣть, а коли по твоему дѣлать, такъ просто-на-просто обмануть!

— Христосъ съ вами! Да вы слыхали ли про Бородавкина-то! Онъ, вѣдь, два раза невинно-падшимъ объявлялся! Два раза въ острогѣ сидѣлъ, и всякій разъ чистъ

выходилъ! Натко! нашли кого обмануть! Да его и пуншпомъ-то для того только поятъ, чтобы онъ не слишкомъ ужь лютъ былъ!

Сказавши это, Лукьянычъ махнулъ рукой и ушелъ въ свое логово готовиться къ завтрашнему дню. Черезъ полчаса вышелъ оттуда еще такой же ветхій старикъ и началъ, вмѣстѣ съ Лукьянычемъ, запрягать въ одноколку мерина.

Посылали въ городъ за кизляркой и другими припасами для предстоящихъ «пуншпотовъ».

Но я не выдержалъ.

Ежедневные разъѣзды по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ, безпрерывные разговоры объ однихъ и тѣхъ же предметахъ до того расшатали мои нервы, что мнѣ почти всю ночь не спалось. Передо мной, въ теченіи нѣсколькихъ безсонныхъ часовъ, прошли всѣ подробности любостяжательной драмы, которой я былъ очевидцемъ и участникомъ. Вспомнился благолѣпный Деруновъ и его самодовольныя предики на счетъ «бунтовъ», въ которыхъ такъ ясно выразилась наша столповая мораль; вспомнилась свита мелкихъ торгашей-прасоловъ, которые въ теченіи цѣлаго мѣсяца, съ утра до вечера, держали меня въ осадѣ и которые, хотя и не успѣли еще, подобно Дерунову, уловить вселенную, но уже имѣли на готовѣ всѣ нужныя для этого уловленія мрежи; вспомнилась и безконечная канитель разговоровъ между Лукьянычемъ и безчисленными претендентами на обладаніе разрозненными клочьями нѣкогда великолѣпнаго Чемезовскаго имѣнія...

Эти разговоры, въ особенности, раздражали меня. Всѣ они велись въ одной и той формѣ, всѣ одинаково не имѣли никакого содержанія, кромѣ совершенно безсмы-

ной укоризны. На русскомъ
онный терминъ для характеристики
оровъ. Этотъ терминъ: «собачиться».

— А ты настоящую цѣну давай! собачился, напримѣръ,
укьянычъ.

— И то настоящую цѣну даемъ! съ своей стороны,
отсобачивался прасолъ-покупщикъ.

— А ты дѣло говори!

— И то дѣло говоримъ!

— Слушай! сколько ты тутъ дровъ напилить хочешь?

— Сколько напилимъ — все наше будетъ!

— Опять товарникъ! Ты думаешь, сколько ты товар-
нику тутъ напилишь!

— Опять-таки, сколько ни напилимъ — все наше бу-
детъ!

— Бога ты не боишься!

— Ты одинъ, видно, боишься!

И такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока запасъ «собаченья»
не истощался на время. Тогда наступало затишье,
впродолженіи котораго Лукьянычъ, пощипывая бородку,
язвительно взглядывалъ на покупателя, а покупатель упорно
смотрѣлъ въ уголъ. Но, обыкновенно, Лукьянычъ не вы-
держивалъ и, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, съ су-
дорожнымъ движеніемъ хватался за счеты и начиналъ на
нихъ выкладывать какія-то фантастическія суммы.

— Слушай! Боишься ли ты Бога! принимался онъ вновь
за прежнюю канитель укоризнъ.

Вспомнился мнѣ, наконецъ, и Заяцъ, за нѣсколько ча-
совъ передъ тѣмъ съ такою безцеремонною торжествен-
ностью посвящавшій меня въ тайны искуства «показы-
ванія», котораго я нѣкогда былъ жертвою!
искуство «показыванія» уже не меня обез-
мнѣ предлагало свои услуги

Ясно, что передо мной, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, каждодневно прозводился тотъ самый актъ «потрясанія», который поселяетъ такой наивный ужасъ въ сердцахъ нашихъ столповъ. Да, это было оно, это было «потрясаніе», и вотъ, эти люди, которые такъ охотно блѣднѣютъ при произнесеніи самаго невиннаго изъ освященныхъ преданіемъ «страшныхъ словъ» — эти люди, говорю я, повидимому, даже и не подозрѣваютъ, что рядомъ съ ними, чуть ли не ими самими, каждый часъ, каждую минуту, производится самое дѣйствительное изъ всѣхъ потрясаній, какое только можетъ придумать человѣческая злонамѣренность!

И съ какою наивною безсознательностью, съ какимъ простодушнымъ невѣдѣніемъ производится этотъ актъ «потрясанія общественныхъ основъ». Это даже не актъ, а почти простой обрядъ. Даже добрякъ Лукьянычъ, которому, конечно, и на мысль никогда не приходило кого-нибудь ограбить, и тотъ является чуть не грабителемъ, или, по крайней мѣрѣ, попустителемъ и пособникомъ грабежа. Не услаждался ли онъ всѣмъ существомъ своимъ фокусами «показыванія», представленными Зайцемъ? Не послалъ ли онъ въ городъ за кизляркой, въ надеждѣ, что Бородавкинъ, подъ вліяніемъ «пуншговъ», ходчѣе пойдетъ въ устроиваемую ему Зайцемъ ловушку?

И чѣмъ дольше я думалъ, тѣмъ больше и больше таяла моя недавняя рѣшимость дѣйствовать съ умомъ. И по мѣрѣ того, какъ она исчезала, на ея мѣсто, сначала робко, но потомъ все настойчивѣе и настойчивѣе всплывала другая рѣшимость: бросить! Бросить все и бѣжать!

Какъ-то вдругъ для меня сдѣлалось совсѣмъ ясно, что мнѣ совсѣмъ не къ лицу ни продавать, ни покупать, ни даже ликвидировать. Что мое мѣсто совсѣмъ не тутъ, не въ мірѣ продажъ, войнъ, трактатовъ и союзовъ, а гдѣ-

то въ безвѣстномъ углу, изъ котораго мнѣ никто не препятствовалъ бы кричать вслѣдъ несущейся мимо меня жизни: возьми все — и отстань!...

Утромъ, едва я успѣлъ забыться тревожнымъ сномъ, какъ меня разбудилъ громъ и звонъ, раздававшійся на дворѣ. Одѣвшись наскоро, я выбѣжалъ на крыльцо, и глазамъ моимъ представилась картина необычной для Чемезова суеты. Старики и старухи, мирно доживавшіе свой вѣкъ въ подвальныхъ этажахъ барскаго дома, всѣ разомъ выползли на барскій дворъ, сновали взадъ и впередъ, отъ амбара къ кладовой, отъ кладовой къ погребу, гремѣли ключами, отпирали, запирали, что̀-то вынимали, несли. У конюшни стояла крытая ямская повозка; вблизи нея, на лужку, ходили три спутанныя лошади и кормились, встряхивая бубенчиками. На вопросъ мой, что̀ случилось, мнѣ отвѣчали, что пріѣхалъ купецъ Бородавкинъ и вмѣстѣ съ Зайцемъ и Лукьянычемъ отправился осматривать дачу.

Я ждалъ довольно долго. Наконецъ, часа черезъ три, осторожно, словно крадучись, вошелъ въ мою комнату Заяцъ. Лицо его, въ буквальномъ смыслѣ слова, было усѣяно каплями пота и выражало таинственность и озабоченность.

— Желаютъ васъ видѣть, доложилъ онъ шопотомъ.

Я чувствовалъ, что рѣшительный часъ насталъ; но все еще колебался.

— Ваше высокоблагородіе! позвольте вамъ доложить! продолжалъ онъ таинственно: — они теперича въ такомъ пунктѣ состоятъ, что всего у нихъ, значитъ, просить можно Коли ежели, къ примѣру, всю дачу продать пожелаете — они всю дачу купятъ; коли ежели пустошь какую, или парки, или хоша бы и домъ — они и на это

согласны! Словомъ сказать, съ ихъ стороны на все согласіе будетъ полное!

И надо было видѣть его изумленіе и даже почти негодованіе, когда я объявилъ ему, что въ настоящую минуту ничего продавать не намѣренъ!!

ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Надняхъ, иду по Невскому, мимо парикмахерской Дюбюра, смотрю и глазамъ не вѣрю: по лѣстницѣ магазина сходитъ... самъ Осипъ Ивановичъ Деруновъ!!

Нужно было въ свое время очень запечатлѣть въ памяти лицо Осипа Иваныча, чтобы узнать его въ томъ обличіи, въ какомъ онъ предсталъ передо мной въ эту минуту. На плечахъ накинута соболья шуба рѣдчайшей воды (въ «своемъ мѣстѣ» онъ носитъ желтую лисью шубу, а въ дорогу такъ и волчьей не брезгуетъ), на головѣ надѣтъ самаго новѣйшаго фасона цилиндръ, изъ подъ котораго высыпались наружу серебряныя кудри; борода расчесана, мягка, какъ пухъ, и разитъ духами; румянецъ на щекахъ даже пріятнѣе прежняго; глаза блестятъ... Словомъ сказать, лѣтъ двадцать пять съ плечъ долой — никакъ не меньше.

И прежде случалось, что Деруновъ, по временамъ, наѣзжалъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ, но пріѣзды эти всегда совершались болѣе, чѣмъ скромно. Останавливался онъ обыкновенно у кума своего, Ивана Иваныча *Зачатіевскаго*, сына к—скаго пономаря, который слу-

жилъ въ одномъ изъ департаментовъ столоначальникомъ, досидѣлся до чина статскаго совѣтника и съ полученіемъ его воспользовался титуломъ управляющаго столомъ. Если же у кума было нельзя пріютиться (Зачатіевскій былъ не обыкновенно плодущъ и не всегда въ его квартирѣ имѣлся свободный уголъ), въ такомъ случаѣ Деруновъ нанималъ дешевенькій нумеръ въ гостинницѣ «Рига» или у Ротина, и тамъ всѣ его издержки, сверхъ платы за нумеръ, ограничивались требованіемъ самовара, потому что чай и сахаръ у него были свои, а вмѣсто обѣда, онъ насыщался холодными закусками съ сайкой, покупаемыми у лоточниковъ. Франтить онъ не только не франтилъ, но даже, ступая на петербургскую почву, какъ бы съ разсчетомъ усугублялъ невзрачность своего костюма. Иногда, во время этихъ наѣздовъ, онъ удостоивалъ посѣщать и меня.

— Охота вамъ, Осипъ Иванычъ, себя изнурять! бывало, скажешь ему: — человѣкъ вы состоятельный, а другіе говорятъ и богатый, могли бы въ Петербургѣ шику задать, а вы вотъ въ сибиркѣ ходите, да бѣлужиной, вмѣсто обѣда, пробавляетесь!

— А ты слушай-ко, другъ, что̀ я тебѣ скажу! благосклонно объяснялъ онъ мнѣ въ отвѣтъ: — ты говоришь, я человѣкъ состоятельный, а знаешь ли ты, ка́къ я капиталъ-то свой пріобрѣталъ! все постепенно, другъ, все пятачками, да гривенничками! Кабы платье-то у меня хорошее было, мнѣ бы въ каретѣ ѣздить надо, а за нее, поди, пять рублей въ день отдать мало! А теперь я отъ Ивана Иваныча (Зачатіевскаго, изъ Измайловскаго полка) выйду — платье-то у меня таковское: и забрызгаетъ — терпитъ! Вотъ я иду—иду на биржу, да и даю извозчику сначала двугривенничекъ, а потомъ, у Вознесенья, и пятиалтынничекъ. Времени передо мной достаточно, на

пожаръ спѣшить нечего. Не возьметъ извозчикъ пятиалтынничка, я и до адмиралтейства, замѣсто прогулки, дойду, а оттоль ужь за гривенничекъ и сяду до биржи. Анъ сочти-ка ты, сколько гривенниковъ-то за день въ карманѣ останется — вѣдь, шутя-шутя полтора, два рубля въ сутки набѣжитъ!

— А вамъ очень эти полтора, два рубля дороги?

— Мнѣ все дорого, другъ, потому на полу и гривенника не поднимешь. Опять и то скажу: я, вѣдь, всякою операціей орудую, и сало покупаю, и масло постное, всякій, значитъ, товаръ. Во все пальцемъ колупнуть долженъ, а иное и на языкъ испробовать. Кабы теперича я въ хорошемъ платьѣ, да въ перчаткахъ ходилъ, какъ бы къ товару-то я приступился? Вѣдь, около него хорошее-то платье изгадишь, а оно, поди, денегъ стòитъ. Вотъ и сталъ бы я, вмѣсто того, чтобы самъ до всего доходить, приказчика за себя посылать, а приказчику-то плати, да онъ же тебя за твои деньги продастъ! А теперь — святое дѣло! Нужды нѣтъ, что по пятачкамъ да по гривенничкамъ сбираемъ: курочка и по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ!

— Ну, вы-то, чай, не все по зернушку клюете! Какъ сало-то на языкъ попробуете — въ карманѣ, смотри, и изрядный кушъ очутится!

— Бываютъ и куши — и отъ кушей не отказываемся. Да, вѣдь, и тутъ опять: отъ чего эти самые куши до насъ доходятъ? Все черезъ нашу же экономію да осмотрительность! Лучше скажу тебѣ: даже нѣмецъ здѣшній такое мнѣніе объ насъ, русскихъ, имѣетъ, что въ худомъ-то платьѣ человѣку больше вѣрятъ, нежели который человѣкъ къ нему въ каретѣ да на рысакахъ къ крыльцу подъѣдетъ. Теперича хоть бы я: миткалевая фабрика у меня есть, хлопокъ нуженъ; какъ приду я къ нѣмцу въ

своемъ природномъ, русскомъ видѣ, мнѣ и поклониться ему не стыдно! Да и онъ тоже, глядя на мою одёжу! соображаетъ: этотъ человѣкъ, говоритъ, основательный! Глядишь — анъ мнѣ и уступочка за мою основательность, Нѣтъ, сударь, видно, намъ, русскимъ, еще предѣлъ не вышелъ въ хорошемъ-то платьѣ ходить!

И вотъ, этотъ самый человѣкъ, возведшій хожденіе въ худомъ платьѣ чуть не въ теорію, является передо мной совершеннымъ франтомъ. Изъ-за распахнувшейся на мгновеніе шубы, я замѣтилъ отлично сшитый сюртукъ и ослѣпительной бѣлизны рубашку съ крупными бриллiантовыми запонками; на рукахъ перчатки à double couture, на шеѣ узенькій черный col... Только сапоги на выпускъ обличаютъ русскаго человѣка, да и то, быть можетъ, онъ сохранилъ ихъ потому, что видѣлъ такіе же у какого-нибудь знакомаго кирасира.

— Осипъ Иванычъ — вы? спросилъ я нерѣшительно.

— Самолично-съ.

Онъ высунулъ изъ подъ шубы два пальца, одинъ изъ которыхъ я слегка и потянулъ къ себѣ, сказавъ:

— Вотъ вы и въ перчаткахъ! а помните, недавно еще вы говорили, что вамъ непремѣнно голый палецъ нуженъ, чтобъ сало ловчѣе было колупать и на языкъ пробовать?

— Было... и это! отвѣтилъ онъ, нѣсколько сконфузясь: — а что только два пальца вамъ подалъ, такъ этому есть причина: шубу поддерживаю.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! Не шутя, вѣдь, узнать васъ нельзя, Осипъ Иванычъ! Похорошѣли! помолодѣли! Просто двадцать пять лѣтъ съ костей долой! Надолго ли въ Петербургъ?

— Думаю недѣльки три еще побыть.

— А помнится, вы не очень-то Петербургъ долюбливали? По дѣламъ?

— По дѣламъ... ну, и провѣтриться тоже... Сидишь-сидишь этта въ захолустьи — захочется и на свѣтъ божій взглянуть!

— И прекрасно. Теперь, стало быть, вамъ остается только «штучку» какую-нибудь подцѣпить — и дѣло въ шляпѣ! А можетъ быть, вы ужь и подцѣпили?

— Есть ихъ, «штучекъ»-то... довольно здѣсь! Я, впрочемъ, нестолько для нихъ, сколько для того, что ужь очень генералъ пріѣхать просилъ.

— Какой генералъ?

— Да вотъ, что лѣтось къ намъ въ К. пріѣзжалъ... сказывалъ, помнится? На счетъ облигаціевъ...

— Стало быть, объ концессіи хлопотать пріѣхали?

— Парень-то ужь больно хорошъ. Говоритъ: можно сразу капиталъ на капиталъ нажить. Ну, а мнѣ что жь! Состояніе у меня достаточное; думаю, не все же по гривенникамъ сколачивать, и мы попробуемъ, какъ люди разомъ большіе куши гребутъ. А сверхъ того, кстати ужь и Марья Потапьевна провѣтриться пожелала.

— Какая Марья Потапьевна?

— Ужь и забыли? Яшенькина, сына моего, супруга...

Мнѣ показалось, что, говоря это, онъ какъ-то посмотрѣлъ совсѣмъ уже вкось.

— Не видалъ я ее, Осипъ Иванычъ, не привелось въ ту пору. А красавица она у васъ, сказываютъ. Такъ, значитъ, вы не одни? Это отлично. Получите концессію, а потомъ, можетъ быть, и совсѣмъ въ Петербургѣ оснуётесь. А впрочемъ, что жь я! Переливаю изъ пустого въ порожнее, и не спрошу, какъ у васъ въ К., всѣ ли здоровы? Анна Ивановна? Николай Осипычъ?

— Что имъ дѣлается! Цвѣтутъ красотой и шабашъ.

Я ныньче со всѣми въ миру живу, даже съ Яшенькой поладилъ. Да и онъ за умъ взялся: сколь прежде строптивъ былъ, столь ноньче покоренъ. И такъ это родительскому сердцу пріятно...

— Еще бы! какой онъ, однакожь, чудакъ у васъ! Марью Потапьевну въ Петербургъ отпустилъ, а самъ въ захолустьи остался!

— Вѣдь, не одну онъ ее отпустилъ, а съ родителемъ. Да ему-то, признаться, въ хорошую-то компанію и войти покуда нельзя.

— Что̀ такъ?

— Да все тоже. Вино мы съ нимъ очень достаточно любимъ. Да не зайдете ли къ намъ, сударь: я здѣсь, въ Европейской гостинницѣ, по близности, живу. Марью Потапьевну увидите; она же который день ко мнѣ пристаетъ: покажь да покажь ей господина Тургенева! А онъ, слышь, заграницей. Ну, да, вѣдь, и вы писатель — все одно, значитъ. Э-эхъ! загоняла меня совсѣмъ молодая сношенька! Вотъ къ французу послала, прическу новомодную сдѣлать велѣла, а сама съ «калегвардами» разговаривать осталась.

— Вотъ ка̀къ!

— Да̀, сударь, всякаго люду къ намъ теперь ходитъ множество. Ко мнѣ — отцы, народъ дѣловой, а къ Марьѣ Потапьевнѣ — сынки навѣдываются. Да вѣдь, и то, сказать: съ молодыми-то молодой поваднѣе, нечѣмъ со стариками. Смѣху у нихъ тамъ... ну, а иной и глаза таращитъ — бабенкѣ-то и лестно, будто какъ по ней калегвардское сердце сохнетъ! Народъ военный, свѣжій, саблями побрякиваетъ — а время-то, между тѣмъ, идетъ, да идетъ. Бываютъ и штатскіе, да все такіе же румяные, да пшеничные — за одно я и всѣхъ «калегвардами» прозвалъ.

— Что жь, чай, любезности напѣваютъ Марьѣ Потапьевнѣ?

— Не безъ того. Вѣдь, у васъ, въ Питерѣ, на счетъ женскаго-то полу утѣснительно, офицерства да чиновничества пропасть заведено, а провизіи про нихъ не припасено. Слѣдственно, они и гогочутъ, эти самыя «калегварды». Такъ идемъ, что̀ ли, къ намъ?

Я согласился.

Деруновъ занималъ въ гостинницѣ отлично мёблированный аппартаментъ, комнатъ въ пять. Прямо изъ передней — столовая (здѣсь, въ настоящую минуту, былъ накрытъ столъ, уставленный разнообразнѣйшими закусками и цѣлою батареей водокъ и винъ), изъ столовой налѣво — кабинетъ и спальня Осипа Иваныча, направо — гостинная и будуаръ Марьи Потапьевны. Въ гостиной раздавались голоса и смѣхъ. Когда мы вошли (было около двухъ часовъ утра), то глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: Марья Потапьевна, въ прелестнѣйшемъ дезабилье, изъ какой-то неслыханно дорогой матеріи, лежала съ ножками на кушеткѣ и играла кистями своего пеньюара; кругомъ, на стульяхъ, сидѣло четверо военныхъ и одинъ штатскій. Военные принадлежали къ разнымъ родамъ оружія, но всѣ были одинаково румяны и бѣлы и всѣ одинаково глядѣли крѣпышами; даже штатскій былъ такъ бѣлъ и румянъ, что сразу его нельзя было признать за штатскаго.

— А я тебѣ, Машенька, писателя привелъ! шутя на улицѣ нашелъ! балагурилъ Осипъ Иванычъ, рекомендуя меня Марьѣ Потапьевнѣ.

Марья Потапьевна поспѣшно сошла съ кушетки и какъ-то оторопѣла, словно институтка, передъ которой выросъ изъ земли учитель и требуетъ ее къ отвѣту въ ту самую минуту, когда она всѣми силами души призывала къ себѣ

«калегварда». Очень возможно, что она думала, что передъ нею стоитъ самъ Тургеневъ, но я, разумѣется, поспѣшилъ ее успокоить, назвавъ себя. И, увы! я съ горестью долженъ сознаться, что фамилія моя ровно ничего не сказала ей, кромѣ того, что я К—скій помѣщикъ и какъ-то лѣтомъ былъ у Осипа Иваныча съ предложеніемъ какихъ-то земельныхъ обрѣзковъ.

Впрочемъ, она очень предупредительно подала руку и даже на мгновенье задумалась, словно стараясь что-то припомнить.

— Ахъ, да! вѣдь, вы по смѣшной части! наконецъ, вспомнила она.

— Горестей не имѣю — отъ этого, отвѣтилъ я, и, не знаю отчего, мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ весело, точно я цѣлый вѣкъ былъ знакомъ съ этою милою особой. «Сколько тутъ хохоту должно быть, въ этой маленькой гостиной, и сколько вранья!» думалось мнѣ при взглядѣ на этихъ краснощекихъ, крупитчатыхъ «калегвардовъ», изъ которыхъ каждый, кажется, такъ и готовъ былъ ежеминутно прыснуть со смѣху.

— Садитесь — гости будете! пригласила меня Марья Потапьевна, принимая прежнее положеніе на кушеткѣ.

Я сѣлъ и тутъ только всмотрѣлся въ нее. Дѣйствительно, это была женщина, въ матеріальномъ смыслѣ очень привлекательная. Рослая, ширококостая, высокогрудая, съ румянымъ, нѣсколько болѣе чѣмъ нужно круглымъ лицомъ, съ большими сѣрыми на выкатѣ глазами, съ роскошною темнорусою косой, съ алыми пухлыми губами, осѣненными чуть замѣтно темнымъ пушкомъ; она представляла собой совершенный типъ великорусской красавицы, въ самомъ завидномъ значеніи этого слова. Мнѣ досадно было смотрѣть на роскошный ея пеньюаръ и на ту нелѣпую позу, въ которой она раски-

нулась на кушеткѣ, считая ее, вѣроятно, за nec plus ultra аристократичности; мнѣ показалось даже, что всѣ эти «калегварды», въ другихъ случаяхъ придающіе блескъ обстановкѣ, здѣсь только портятъ. Хотѣлось бы видѣть ее въ штофномъ малиновомъ сарафанѣ, въ кисейной рубашкѣ, среди хоровода. Одна рука уперлась въ бокъ, другая полукругомъ застыла въ воздухѣ, голова склонена на бокъ, роскошныя плечи чуть вздрагиваютъ, ноги каблучками притопываютъ, и вотъ она, словно павушка-лебедушка, истово плыватъ по хороводу, а парни такъ и стонутъ кругомъ, не «калегварды», а настоящіе русскіе парни, въ синихъ распашныхъ сибиркахъ, въ красныхъ александрійскихъ рубашкахъ, въ сапогахъ на выпускъ, въ поярковыхъ шляпахъ, утыканныхъ кругомъ разноцвѣтными перьями...

Какъ по морю по Хвалынскому
Выплывала лебедь бѣлая...

раздается въ моихъ ушахъ...

Ну, скажите на милость, зачѣмъ тутъ «калегварды»? что̀ они могутъ тутъ подѣлать, не смотря на всю свою крупитчатость? Вотъ кабы Дерунову, Осипу Иванычу, годовъ сорокъ съ плечь долой — это точно! Можно было бы залюбоваться на такую парочку!

— Ну-съ, господа «калегварды», о чемъ лясы точите? между тѣмъ, фамильярно обратился къ присутствующимъ Деруновъ.

— Да вотъ, Осипъ Иванычъ, хотимъ вамъ на Марью Потапьевну пожаловаться! никакого хорошаго разговору не допускаетъ! сразу такъ оборветъ — хоть на Кавказъ переводись! отвѣтилъ одинъ юный корнетъ, съ самымъ легкимъ признакомъ усовъ, совсѣмъ-совсѣмъ херувимъ.

— Стало быть, перепустили маленько. А вы, господа, *не все за разъ*. Посрамословьте малость, да и на завтра

что-нибудь оставьте! Дней-то, вѣдь, впереди много у Бога!

— Да мы и то крошечку..: объ Шнейдершѣ чуть-чуть вспомнили!

— Знаю я вашу «крошечку». Взглянуть на васъ — ужь такъ-то вы молоды, такъ-то молоды! Одѣнь любого въ сарафанъ — отъ дѣвки не отличишь! А какъ начнете говорить — кажется, и габвахта ваша, и та отъ вашихъ словъ со стыда сгорѣть должна!

Общій смѣхъ.

— Вотъ я и привелъ нарочно писателя: авось, молъ, онъ васъ остепенитъ. Я ужь Ивана Иваныча (Зачатіевскаго) къ нимъ не однажды въ компанію припускалъ — для степенности, значитъ — а они, не будь просты, возьмутъ да и откомандируютъ его въ кондитерскую за конфектами!

Сказавъ это, Осипъ Иванычъ тоже взялъ стулъ, придвинулъ его къ кружку и сѣлъ верхомъ.

— Ну, что же притихли! прикрикнулъ онъ:—безъ меня, небось, словно мельница безъ мелева, а пришелъ — языки прикусили! Сказывайте, объ чемъ безъ меня срамословили?

— Да что при васъ... безъ васъ свободнѣе! отозвался кто-то, и все вдругъ смолкло.

Дѣйствительно, съ нашимъ приходомъ болтовня словно оборвалась; «калегварды» переглядывались, обдергивались и гремѣли оружіемъ; штатскій «калегвардъ» нѣсколько разъ обѣими руками брался за тулью шляпы и шевелилъ губами, порываясь что-то сказать, но ничего не выходило; Марья Потапьевна тоже молчала; да, вѣроятно, она и вообще не была разговорчива, а болѣе отличалась по части млѣнія.

— Ну, батюшка, это вы страху на нихъ нагнали!

обратился ко мнѣ Деруновъ: — думаютъ, вотъ въ смѣшномъ видѣ представитъ! Ахъ, господа, господа! а еще подъ хивинца хотите идти! А я, Машенька, по приказанію вашему, къ французу ходилъ. Обнатурилъ меня въ лучшемъ видѣ, и бороду духами напрыскалъ!

Марья Потапьевна лѣниво вскинула глазами на Осипа Иваныча; изъ рядовъ «калегвардовъ» послышалось нѣсколько панегирическихъ восклицаній.

— Скажите хоть вы что̀-нибудь! вдругъ обратилась ко мнѣ Марья Потапьевна.

Обращеніе это застало меня совершенно врасплохъ. Вообще, я робокъ съ дамами; въ одной комнатѣ быть съ ними могу, но разговаривать опасаюсь. Все кажется, что вотъ-вотъ *она* спроситъ что̀-нибудь такое совсѣмъ неожиданное, на что̀ я ни подъ какимъ видомъ отвѣтить не смогу. Вотъ «калегвардъ» — тотъ отвѣтитъ; тотъ, напротивъ, при мужчинѣ совѣстится, а дама никогда не застанетъ его врасплохъ. И будутъ *они* вмѣстѣ разговаривать долго и безъ умолку, будутъ смѣяться, и — кто знаетъ! — будутъ, можетъ быть, и понимать другъ друга!

— Вы ко мнѣ?.. Но, вѣдь, я... право со мной не случалось ничего такого... бормоталъ я сконфуженно.

И въ то время мнѣ думалось: а ну, какъ она скажетъ «какой вы, однакожь, невѣжа!» Литераторъ, въ нѣкоторомъ родѣ служитель слова—и ничего не умѣетъ разсказать; вѣроятно ли это!

Къ счастію, меня озарила внезапная мысль. Я вспомнилъ, что когда-то въ дѣтствѣ я читалъ разсказъ подъ названіемъ «Происшествіе въ Абруццскихъ горахъ»; сверхъ того, я вспомнилъ еще, что когда наши русскіе Александры-Дюма̀-фисы желаютъ очаровывать дамъ (*дамы — ихъ* спеціальность), то всегда разсказываютъ имъ

это самое «Происшествіе въ Абруццскихъ горахъ», и всегда выходитъ прекрасно.

— А что, не пройтись ли и мнѣ насчетъ «Происшествія въ Абруццскихъ горахъ»? пришло мнѣ на умъ. — Правда, я тамъ никогда не бывалъ, но, вѣдь, и они тоже навѣрное не бывали... Слѣдственно...

Я наскоро припомнилъ басню разсказа, читаннаго мною въ дѣтствѣ, и, въ то же время, озаботился позаимствоваться нѣкоторыми подробностями изъ оперы «Фра-Діаволо», для соблюденія couleur locale.

— Позвольте! воскликнулъ я, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ: — есть у меня одна вещица «Происшествіе въ Абруццскихъ горахъ»... Происшествіе это случилось со мной лично, и если угодно, я охотно разскажу вамъ его.

Предложеніе мое встрѣтило радушный пріемъ. Марья Потапьевна томно улыбнулась и даже, оставивъ горизонтальное положеніе на кушеткѣ, повернулась въ мою сторону; «калегварды» переглянулись другъ съ другомъ, какъ бы говоря: nous allons rire!

— Итакъ, началъ я: — я обѣщалъ вамъ, милая Марья Потапьевна, разсказать случай изъ моей собственной жизни, случай, который въ свое время произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Вотъ онъ:

«Происшествіе въ Абруццскихъ горахъ».

(Посвящается русскимъ беллетристамъ, очаровывающимъ русскихъ дамъ разсказами изъ собственной жизни).

«Въ 1848 году, путешествовали мы съ извѣстнымъ адвокатомъ Евгеніемъ Легкомысленнымъ (для чего я привлекъ къ моему разсказу адвоката Легкомысленнаго — этого я и теперь объяснить себѣ не могу; ежели для

правдоподобія, то, вѣдь, въ 1848 году и адвокатовъ, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, не существовало!!) по Италіи, и, какъ сейчасъ помню, жили въ Неаполѣ, волочились за миловидными неаполитанками, ѣли frutti della mare и пили una fiasca dal vino. Вотъ только однажды говоритъ мнѣ Легкомысленный:

«— А не съѣздить ли намъ въ Абруццскія горы?

«— Съ какой стати въ Абруццскія горы загорѣлось? спрашиваю я.

«— А тамъ, говоритъ, разбойники!

«Взглянулъ я, знаете, на Легкомысленнаго, а онъ такъ и горитъ храбростью. Сначала меня это озадачило: вѣдь, разбойники-то, думаю, убить могутъ! — однако, вижу, что товарищъ мой кипятится, ну, и я какъ будто почувствовалъ угрызеніе совѣсти.

«— Идетъ, говорю: — ѣдемъ!

«Ну-съ, только ѣдемъ мы съ Легкомысленнымъ, а въ Неаполѣ, между тѣмъ, насъ предупредили, что разбойники всего чаще появляются подъ видомъ мирныхъ пастуховъ, а потомъ уже оказываются разбойниками. Хорошо. Взяли мы съ собой запасъ frutti della mare и une fiasca dal vino, ѣдемъ въ коляскѣ и калякаемъ.

«— А знаешь ли, говоритъ Легкомысленный: — я понимаю поступокъ гимназиста Полозова!

«—Что̀ жь тутъ понимать-то?

«— Нѣтъ, какъ хочешь, а нанять тройку и безъ всякой причины убить ямщика — тутъ есть своего рода дикая поэзія! я за себя не ручаюсь... можетъ быть, и я сдѣлалъ бы то же самое!

«— Наплевать мнѣ на твою поэзію, а ты бы вотъ объ чемъ подумалъ: Абруццскія горы близко, страшные-то разговоры оставить бы надо!

«— *Помилуй*! говоритъ. — Да я затѣмъ и веду страш-

ные разговоры, чтобъ падшій духъ въ себѣ подкрѣпить! Но знаешь, что̀ иногда приходитъ мнѣ на мысль! прибавилъ онъ печально: — что въ этихъ горахъ, въ виду этой суровой природы, мнѣ суждено испустить многомятежный мой духъ!

«Ладно. Между этими разговорами, пріѣзжаемъ на станцію. «Тутъ, говорятъ намъ, коляску оставить нужно, а придется вамъ ѣхать на ослахъ»! Что̀ жь, на ослахъ, такъ на ослахъ! — сѣли, поѣхали.

«Отъѣхали мы верстъ десять — и вдругъ гроза. Вѣтеръ; снѣгъ откуда-то взялся; небо черное, воздухъ черный, и молніи, совсѣмъ не такія, какъ у насъ, а толстыя-претолстыя. Мы къ проводникамъ: долго ли молъ этакъ будетъ? — не понимаютъ! А сами, между тѣмъ, по своему что̀-то лопочутъ да посвистываютъ.

«— Молись! кричитъ мнѣ Легкомысленный.

«И вдругъ, при этомъ его словѣ, показался въ сторонѣ огонекъ. Смотримъ — хижина, и на порогѣ крыльца бѣдные пастухи съ факелами въ рукахъ.

«— Помнишь, что̀ намъ въ Неаполѣ о пастухахъ говорили? шепнулъ мнѣ на ухо Легкомысленный.

«Признаюсь откровенно, въ эту минуту я именно только объ этомъ и помнилъ. Но дѣлать было нечего: пришлось сойти съ ословъ и воспользоваться гостепріимствомъ въ разбойничьемъ пріютѣ. Первое, что̀ поразило насъ при входѣ въ хижину — это чистота, почти запустѣлость, царствовавшая въ ней. Ясное дѣло, что хозяева, имѣя постоянный промыселъ на большой дорогѣ, не нуждались въ частомъ посѣщеніи этого пріюта. Затѣмъ, на стѣнахъ было развѣшано нѣсколько ружей, которыя тоже не предвѣщали ничего добраго.

«— Видишь? спросилъ я шопотомъ Легкомысленнаго.

«Но онъ, въ отвѣтъ, только стучалъ зубами.

«Не успѣли мы снять съ себя верхнее платье и расположиться, какъ намъ принесли овечьяго сыру, козьяго молока и горячихъ лепешекъ. Но такихъ вкусныхъ лепешекъ, милая Марья Потапьевна, я ни прежде, ни послѣ никогда не ѣдалъ! А шельмы пастухи прислуживаютъ намъ, и между тѣмъ все что-то по своему лопочутъ.

«Поѣли, надо ложиться спать. Я заперъ дверь на крючекъ и, по разсѣянности, совершенно машинально потушилъ свѣчку. Представьте себѣ мой ужасъ! — ни у меня, ни у Легкомысленнаго ни единой спички! Очутиться среди непроглядной тьмы и при этомъ слышать, какъ товарищъ, безъ малѣйшаго перерыва, стучитъ зубами! Согласитесь, что такое положеніе вовсе неблагопріятно для «покойнаго сна»...

«Надо вамъ сказать, милая Марья Потапьевна, что никто никогда въ цѣломъ мірѣ не умѣлъ такъ стучать зубами, какъ стучалъ адвокатъ Легкомысленный. Слушая его, я иногда переносился мыслью въ Испанію, и начиналъ вѣрить въ существованіе кастаньетъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ стукъ до того раздражилъ мои возбужденные нервы, что я, несмотря на всѣ старанія, не могъ ни на минуту уснуть.

«Въ полночь, мы совершено явственно услышали шорохъ...

«— Слышишь? полушопотомъ спросилъ меня Легкомысленный, переставъ стучать.

«— Слышу, отвѣтилъ я.

«— Я полагаю, что теперь самое время выстрѣлить изъ револьвера!

«— А я такъ думаю, что покуда мы съ тобой разговариваемъ, разбойники давно ужь догадались и спрятались. Будемъ же молчать и ожидать.

«И дѣйствительно: едва мы умолкли, какъ шорохъ прекратился.

«Черезъ полчаса, онъ, однакожь, возобновился съ новою силой.

«— Слышишь? вновь спросилъ меня Легкомысленный.

«— Стрѣляй! отвѣчалъ я рѣшительно.

«— Но я боюсь стрѣлять.

«— И, все таки, стрѣляй, потому что ты адвокатъ. Въ случаѣ чего, ты можешь цѣлый романъ выдумать, сказать, напримѣръ, что на тебя напала толпа разбойниковъ и ты находился въ состояніи самозащиты; а я сказать этого не могу, потому что лгать не привыкъ.

«Не успѣлъ я высказать всего этого, какъ раздался выстрѣлъ. И въ то же время, два вопля поразили мой слухъ: одинъ раздирающій, похожій на визгъ, другой — въ которомъ я узналъ искаженный голосъ моего друга.

«— Легкомысленный! ты убитъ, или ты убилъ? воскликнулъ я, пораженный ужасомъ.

«Но прежде, нежели я получилъ отвѣтъ, снаружи послышались голоса. Проводники, пастухи — все это всполошилось и стучалось къ намъ въ дверь. Разумѣется, я уперся и не отпиралъ, но дюжіе молодцы въ одну минуту высадили дверь, и безъ того чуть державшуюся на ржавыхъ петляхъ. И что̀ же представилось нашимъ взорамъ при свѣтѣ факеловъ?! Вопервыхъ, на полу простерта была прострѣленная насквозь кошка, и, вовторыхъ, на лавкѣ лежалъ въ глубокомъ обморокѣ мой другъ. Разумѣется, мы прежде всего употребили энергическія усилія, чтобъ возвратить Легкомысленнаго къ сознанію, а остальное время ночи посвятили разъясненію недоразумѣній. Оказалось, что наши хозяева совсѣмъ не разбойники, а дѣйствительно добродушные пастухи, которые

на другой день опять накормили насъ сыромъ и лепешками, и даже напутствовали своими благословеніями.

«На этотъ разъ Легкомысленный спасся. Но предчувствіе не обмануло его. Не успѣли мы сдѣлать еще двухъ переходовъ, какъ на него напали три голодные зайца и въ нашихъ глазахъ растерзали на клочки! Бѣдный другъ! съ какою грустью онъ предсказывалъ себѣ смерть въ этихъ негостепріимныхъ горахъ! И какъ онъ хотѣлъ жить!

«Хотите вѣрьте, хотите не вѣрьте этой исторіи, милая Марья Потапьевна, но вы видите передъ собою нетолько очевидца, но и участника ея».

«Конецъ».

Я кончилъ, но, къ удивленію, исторія моя не произвела никакого эффекта. Очевидно, я адресовался съ нею не туда, куда слѣдуетъ. «Калегварды» переглядывались, Марья Потапьевна какъ-то вяло проговорила:

— Я думала, что вы смѣшное что-нибудь разскажете, а вы, напротивъ, печальное...

А Осипъ Иванычъ сказалъ:

— Слышалъ я что-то; одинъ купецъ у насъ сказывалъ, что съ нимъ подъ Корчевой на постояломъ такое же дѣло приключилось...

Затѣмъ, всѣ вдругъ зѣвнули.

— А что, господа «калегварды!» въ столовой закуска-то зачѣмъ же нибудь да поставлена! Ходимъ! провозгласилъ Осипъ Иванычъ.

Дѣйствительно, это былъ самый лучшій и, повидимому, даже давно желанный исходъ изъ затрудненія, въ которомъ неожиданно очутилась веселая компанія. Оружіе загремѣло, стулья задвигались, и мы всѣ, вслѣдъ за поднявшеюся Марьей Потапьевной, направились въ столовую.

Въ столовой всѣмъ стало какъ-то повраднѣе. «Кале-

гварды» выпили по двѣ рюмки водки, и затѣмъ, по мѣрѣ закусыванья, поглощали соотвѣтствующее количество хересу и другихъ напитковъ. Разговоръ сдѣлался шумнымъ; предметомъ его служила Жюдикъ. Нѣкоторые хвалили; одинъ «калегвардъ» даже всталъ въ позу, и спѣлъ «la Chatouilleuse». Другіе, напротивъ того, порицали, находя, что Жюдикъ слишкомъ добродѣтельна, и что, напримѣръ, Шнейдерша...

— Чортъ ли мнѣ въ ея добродѣтели! восклицалъ одинъ изъ порицателей: — если я на добродѣтель хочу любоваться, я, конечно, въ Буффъ не пойду!

— Ты не понимаешь, душа моя! возражалъ одинъ изъ хвалителей: — это только такъ кажется, что она добродѣтельна, а въ сущности — c'est une coquine accomplie! Вслушайся, напримѣръ, какъ она поетъ:

Assez!
Finissez!
Monsieur! vous me faites mal!

вѣдь, она произноситъ это, какъ будто она совсѣмъ-совсѣмъ невинная, а вглядись-ка въ нее поближе...

—Elle est tellement innocente
Qu'elle ne connait presque rien!

запѣлъ штатскій «калегвардъ».

— То-то вотъ и есть! подхватилъ панегиристъ Жюдикъ: — «qu'elle ne connait *presque* rien!» — это очень тонко, душа моя!

— Оченно хорошо она это дѣлаетъ, подтвердила и Марья Потапьевна.

— Хорошо-то хорошо, подался порицатель: — а все-таки... Помните Шнейдеръ въ «Dites lui» — вотъ это... масло! Нѣтъ, воля твоя! мнѣ въ «Буффъ» добродѣтели ненужно! Добродѣтель — я ее уважаю, это опора, это,

такъ сказать, основаніе... je n'ai rien à dire contre cela! но въ «Буффъ»...

— А я такъ, право, дивлюсь на васъ, господа «калегварды!» по своему обыкновенію, нѣсколько грубо прервалъ эти споры Осипъ Иванычъ: — что̀ вы за скусъ въ этихъ Жюдикахъ находите! Смотрѣлъ я на нее намеднись: вертитъ хвостомъ ловко — это такъ! А настоящаго фундаменту, чтобъ, значитъ, во всѣхъ статьяхъ состоятельность чувствовалась — ничего такого у нея нѣтъ! Да и не можетъ его быть у французенки!

— Ха-ха! «Фундаментъ!» délicieux! про какой же это «фундаментъ» вы изволите говорить, Осипъ Иванычъ? подстрекнулъ старика одинъ изъ «калегвардовъ».

— А про такой, чтобы и спина, и бёдра — все чтобы въ настоящемъ видѣ было! Ты французенкѣ-то не вѣрь: она передъ тобой бёдрами шевелитъ — анъ тамъ однѣ юпки. Вотъ какъ наша русская, которая ежели утробистая, такъ это точно! Какъ почнетъ въ хороводѣ бёдрами вздрагивать — инда все нутро у тебя переберетъ!

— А вы-таки, Осипъ Иванычъ, любитель!

— Въ стары годы охочь былъ. А впрочемъ, скажу прямо: и молодъ былъ — никогда этихъ соусо̀въ да труфелей не любилъ. По моему, коли ежели все, какъ слѣдуетъ, на лицо, такъ труфель тутъ только препятствуетъ.

— Однако, вы тоже, папаша! только молодымъ предики читаете, а сами, ишь ты, какой разговоръ завели! укорила Марья Потапьевна.

— Я, сударыня, настоящій разговоръ веду. Я натуральные виды люблю, которые, значитъ, отъ Бога такъ созданы. А что̀ создано, то все на потребу, и никакой въ томъ гнусности или разврату нѣтъ, кромѣ того, что говорить объ томъ пріятно. Вотъ имъ, «калегвардамъ»,

натуральный видъ противенъ — это точно. Для нихъ главное дѣло, чтобъ вывертъ былъ, да погнуснѣе чтобы... Настоящаго бы ничего, а только бы подлость одна!

— Ну, господа, бѣда! Теперь намъ всѣмъ одно отъ Осипа Иваныча рѣшенье—въ молчанку играть! воскликнулъ одинъ изъ «калегвардовъ».

— Нѣтъ, я ничего! По мнѣ что̀! пожалуй, хоть до завтрева языкомъ мели! Я вотъ только на счетъ срамословія: не то, говорю, срамословіе, которое отъ избытка естества, а то, которое отъ мечтанія. Такъ ли я, сударь, говорю? обратился Осипъ Иванычъ ко мнѣ.

— Да какъ вамъ сказать! Я думаю, что вообще, и «отъ избытка естества», и «отъ мечтанія», матерія эта сама по себѣ такъ скудна, что если съ утра до вечера объ ней говорить, то непремѣнно, въ концѣ-концовъ, должно почувствоваться утомленіе.

— Вотъ объ этомъ самомъ я и говорю. Естества, говорю, держись, потому естество — оно отъ Бога и предѣлъ ему положенъ. А мечтанію этому — конца-краю ему нѣтъ. Далъ ты ему волю однажды — оно ежеминутно тебѣ пакость за пакостью представлять будетъ!

Покуда мы такимъ образомъ морализировали, «калегварды» втихомолку вели свой особливый разговоръ; слышалось шушуканье и тихое, сдержанное хихиканье; казалось, что вотъ-вотъ сама Марья Потапьевна сейчасъ запоетъ:

Assez!
Finissez!
Monsieur! vous me faites mal!

Вообще, старики неразсчетливо поступаютъ, смѣшиваясь съ молодыми. Увы! ка̀къ они ни стараются поддѣлаться подъ молодой тонъ, а всетаки, подъ конецъ на мораль съѣдутъ. Вотъ я, напримѣръ, ну, зачѣмъ я это несчаст-

ное «Происшествіе въ Абруццскихъ горахъ» разсказалъ? То ли бы дѣло, еслибъ я провелъ параллель между Шнейдершой и Жюдикъ! провелъ бы весело, умно, съ самымъ тонкимъ запахомъ милой бездѣлицы! Какъ бы я всѣхъ оживилъ! Какъ бы все это разомъ встрепенулось, запѣло, загоготало!

Словомъ сказать, я почувствовалъ себя лишнимъ, и потому, улучивъ первую удобную минуту, взялъ шляпу и сталъ раскланиваться.

— Вы лучше вечеркомъ къ намъ зайдите, любезно пригласилъ меня Осипъ Иванычъ:—по пятницамъ у насъ хорошіе люди собираются. Можетъ быть, въ стуколку съиграете, а не то, такъ Иванъ Иванычъ и по маленькой партію составитъ.

Не смотря на богатство обстановки, которое я сейчасъ видѣлъ, впечатлѣніе, вынесенное мною, было очень непріятно. Мнѣ было жаль прежняго Дерунова, въ старозавѣтномъ синемъ сюртукѣ, желающаго «худымъ платьемъ» вселить въ нѣмцѣ-негоціантѣ увѣренность въ своей «обстоятельности», пробующаго на языкъ сало, дающаго извозчику сначала двугривенный и потомъ постепенно съѣзжающаго на гривенникъ и т. д. Не смотря на всю несовмѣстность подобныхъ поступковъ съ милліоннымъ состояніемъ, въ личности Осипа Иваныча не было ничего такого, что̀ бы сразу претило. Посторонній человѣкъ рѣдко проникаетъ глубоко, еще рѣже задается вопросомъ, какимъ образомъ изъ ничего полагается основаніе милліонамъ и на что̀ можетъ быть способенъ человѣкъ, который создалъ себѣ какъ бы ремесло изъ выжиманія пятаковъ и гривенниковъ. Ему видится въ Дерунове какая-то искренность и простота, которыя дѣлаютъ

отношенія къ нему до крайности легкими. Осипъ Иванычъ могъ прямо смотрѣть въ глаза своему собесѣднику, разсказывая о гривенникахъ, пятакахъ, о колупаніи сала и о пользѣ «худого платья» въ коммерческомъ дѣлѣ. Онъ былъ въ этомъ случаѣ только юмористомъ, добродушно подсмѣивающимся надъ самимъ собой и въ то же время снисходительно выдерживающимъ и чужую шутку. Другое дѣло, еслибъ онъ разсказалъ самую подноготную выжимательнаго процесса; но, вѣдь, и то сказать: еще вопросъ, понималъ ли онъ самъ, что тутъ существуетъ какая-то подноготная и что она можетъ быть подвергаема нравственной оцѣнкѣ.

По крайней мѣрѣ, что касается до меня, то хотя я и понималъ довольно отчетливо, что Деруновъ своего рода вампиръ, но наружное его добродушіе всегда какъ-то подкупало меня. А еще болѣе подкупали его практическій умъ и его бывалость. Въ первомъ смыслѣ, никто не могъ подать болѣе дѣловаго совѣта, какъ въ данномъ случаѣ поступить (разумѣется, можно было слѣдовать или не слѣдовать этому совѣту — это уже зависѣло отъ бо̀льшей или мѐньшей нравственной брезгливости—но нельзя было не сознавать, что при извѣстныхъ условіяхъ это именно тотъ самый совѣтъ, который наиболѣе выгоденъ); во второмъ смыслѣ, никто не зналъ столько «Приключеній въ Аббруццскихъ горахъ» и никто не умѣлъ разсказать ихъ такъ занятно. Даже явно неправдоподобные разсказы его о чудодѣйственной силѣ скапливаемыхъ гривенниковъ и пятаковъ не казались особенно непріятными, потому что въ самой манерѣ разсказыванія уже слышалось его собственное ироническое отношеніе къ предмету разсказовъ. Видно было, что при этомъ онъ имѣлъ въ виду одну цѣль: такъ-называемое «заговариванье зубовъ», но, какъ человѣкъ умный, онъ и тутъ различалъ людей, и

зналъ, кому можно «заговаривать зубы» наголо̀, и кому съ тонкимъ оттѣнкомъ юмора, придающаго рѣчи пріятный полузагадочный характеръ.

Теперь, съ исчезновеніемъ старозавѣтной обстановки, исчезла и прежняя загадочность; выжиманіе гроша втихомолку смѣнилось наглымъ вожделѣніемъ грабежа, и хотя старинный юморъ по временамъ еще сказывается, но имѣетъ уже характеръ случайный, искусственный. Очевидно, что Деруновъ ужь оставилъ всякую оглядку, что онъ не будетъ впредь ни колоколовъ лить, ни пудовыхъ свѣчей къ образамъ ставить, что онъ совсѣмъ бросилъ мысль о гривенникахъ и пятакахъ и задумалъ грабить наголо̀ и въ болѣе приличной формѣ. Всѣ мелкіе виды грабежа, производимые надъ живымъ матеріаломъ, и потому сопровождаемые протестомъ въ формѣ оханья и криковъ, онъ предоставляетъ сыну Николашенькѣ и приказчикамъ, самъ же на будущее время исключительно займется грабежемъ «отвлеченнымъ», не сопряженнымъ съ оханьями и криками и дающимъ въ нѣсколько часовъ рубль на рубль. «И голова у тебя слободна и совѣсть чиста—потому «разговоровъ» нѣтъ!»—такъ, я увѣренъ, разсуждаетъ онъ въ настоящее время. Генералъ, который нарочно пріѣзжалъ въ К., чтобъ доказать Осипу Иванычу, что въ его рублѣ даже надобности никакой нѣтъ, что онъ нуженъ только для прилику, для видимости, а что два другихъ рубля на этотъ мнимый рубль придутъ сами собой — успѣлъ въ этомъ больше, чѣмъ надо. Деруновъ даже утратилъ присущее всякому русскому кулаку представленіе о существованіи Сибири, или, лучше сказать, онъ и теперь еще помнитъ объ ней, но знаетъ навѣрное, что Сибирь существуетъ не для него, а для «другіихъ-прочіихъ».

И вотъ, хотя отвлеченный грабежъ, повидимому, го-

раздо меньше рѣжетъ глаза и слухъ, нежели грабежъ, производимый въ формѣ операціи надъ живымъ матеріаломъ, но глаза Осина Иваныча почему-то уже не смотрятъ такъ добродушно-ясно, какъ сматривали во время оно, когда онъ въ «худой одёжѣ» за гривенникъ доѣзжалъ до биржи; напротивъ того, онъ старается ихъ скосить въ бокъ, особливо при встрѣчѣ съ старымъ знакомымъ. Онъ какъ бы чувствуетъ, что его уже не защищаетъ больше ни «глазокъ-смотрокъ», ни «колупанье пальцемъ», ни та безконечная сутолока, которой онъ, съ утра до вечера, въ качествѣ истаго хозяина-пріобрѣтателя, предавался и которая оправдывала его въ его собственномъ мнѣніи, а пожалуй, и въ мнѣніи другихъ. Теперь, онъ оголенъ, онъ ходитъ праздно съ утра до вечера и только соображаетъ, въ какой степени выгодна новая финансовая пакость, которую предложилъ ему «генералъ». По изстари установившемуся въ немъ самомъ понятію, все это никоимъ образомъ не осуществляетъ представленія объ «дѣлѣ», какъ объ чемъ-то, сопряженномъ съ трудомъ. Онъ вполнѣ сознаетъ, что тутъ нѣтъ и тѣни «труда», а есть только ничѣмъ неприкрытое ёрничество, сопровождаемое наглымъ бросаніемъ денегъ и бражничаньемъ безъ конца.

Самыя отношенія его къ Марьѣ Потапьевнѣ утратили прежнюю загадочность. Нагота ихъ разомъ всплыла наружу и, для своего прикрытія, потребовала такой обстановки, которая сообщаетъ этимъ отношеніямъ характеръ еще бо̀льшей пошлости. Въ обществѣ «сквернослововъ», Осипъ Ивановичъ самъ незамѣтно сдѣлался сквернословомъ, и хотя еще держится въ этомъ отношеніи на реальной почвѣ, но кто же можетъ поручиться, что дальнѣйшая практика не сведетъ и его, въ ближайшемъ будущемъ, на ту почву мечтанія, о которой онъ покуда

отзывается съ негодованіемъ. Благо въ жизнь вошелъ элементъ срамословія, а что градаціи его будутъ пройдены всѣ до конца — это неминуемо. И тогда — Марьѣ Потапьевнѣ матъ; Осипъ Ивановичъ войдетъ во вкусъ, и не станетъ смотрѣть, «утробиста» ли женщина, или не «утробиста», а будетъ подмѣчать только, какъ она «виляетъ хвостомъ». И останется онъ постояннымъ жителемъ города С.-Петербурга и найметъ себѣ дѣвицу Сузетту, а Марью Потапьевну ушлетъ въ К. на жертву издѣвкамъ Анны Ивановны и семьи Николая Осиповича...

Тѣмъ не менѣе, въ одну изъ пятницъ я отправился въ Европейскую гостинницу, отправился отъ скуки, самъ не сознавая зачѣмъ. Было довольно поздно, когда я пришелъ. Въ столовой стоялъ раздвинутый столъ, уставленный фруктами, конфектами и крюшонами съ шампанскимъ; въ кабинетѣ у Осипа Иваныча, вокругъ трехъ соединенныхъ ломберныхъ столовъ, сидѣло человѣкъ десять, которые играли въ стуколку. Было страшно накурено; тамъ и сямъ, около играющихъ виднѣлись стаканы съ шампанскимъ. Среди плавающихъ облаковъ дыма, я замѣтилъ нѣсколько физіономій, несомнѣнно принадлежащихъ тузамъ финансоваго міра, физіономій, по носамъ которыхъ можно было безошибочно заключить о восточномъ ихъ происхожденіи. Нѣсколько перстней съ крупными бриллiантами блеснуло мнѣ въ глаза. Тутъ же сидѣлъ и «генералъ», человѣкъ очень угрюмаго вида, когда-то бывшій полководецъ, совершившій знаменитую переправу черезъ рѣку Вьюлку *) и побѣдившій мятежныхъ Семендяевцевъ **), но теперь, за побѣдой и одолѣніемъ, оставшійся за штатомъ и нашедшій пріютъ

*) Тверской губерніи Калязинскаго уѣзда.

**) *Торговое* село Семендяево тамъ же.

около концессіонеровъ. Тишина царствовала невозмутимая, прерываемая только условнымъ стуканьемъ пальцевъ и хлясканіемъ картъ. Одинъ Осипъ Иванычъ изрѣдка балагурилъ, немилосердно мусля при этомъ карты. Посреди стола лежала изрядная куча скомканныхъ бумажекъ.

Мое появленіе взбудоражило всю компанію. Осипъ Иванычъ выразилъ какъ бы недоумѣніе, увидѣвъ меня; когда же онъ назвалъ мою фамилію, то такое же недоумѣніе сказалось и на другихъ лицахъ.

— Съ нами, что̀ ли, въ стуколку играть сядете? тѣмъ не менѣе, любезно обратился ко мнѣ хозяинъ, дѣлая видъ, что очищаетъ мѣсто подлѣ себя.

— Нѣтъ, я ужь къ Марьѣ Потапьевнѣ...

— Ну, къ Марьѣ Потапьевнѣ, такъ къ Марьѣ Потапьевнѣ! А у ней соскучитесь, такъ съ Иваномъ Иванычемъ займетесь. Иванъ Иванычъ! вотъ, братецъ, гость тебѣ! Займи! да смотри, чтобъ не соскучился! Да чаю имъ! да по питейной части, чтобъ неустойки не было! Милости просимъ, сударь!

Иванъ Иванычъ Зачатіевскій, куда-то исчезавшій въ минуту моего прихода, словно изъ земли выросъ на зовъ своего патрона и стоялъ уже сзади меня, готовый, по первому манію, увлечь меня хоть въ преисподнюю.

— Пожалуйте-съ! Марья Потапьевна будутъ очень рады-съ! говорилъ Иванъ Иванычъ, уводя меня подъ руку изъ кабинета.

— Помѣщикъ изъ нашихъ мѣстовъ... Еще родителя ихняго знавалъ... объяснялъ, слѣдомъ за мной, Деруновъ, повидимому, все еще недоумѣвающимъ игрокамъ, и, сказавъ это, намуслилъ карты и стукнулъ.

Въ гостинной, вокругъ Марьи Потапьевны, тоже собралось человѣкъ около десяти, въ числѣ которыхъ былъ

даже одинъ дипломатъ, сухой, длинный, желтый, со звѣздой на груди. Въ ту минуту, когда я вошелъ, дипломатъ объяснялъ Марьѣ Потапьевнѣ происхожденіе, значеніе и цѣль брюссельскихъ конференцій.

— Представьте себѣ, chère Марья Потапьевна, что одна изъ воюющихъ сторонъ вошла въ непріятельскую землю, однозвучно цѣдилъ онъ сквозь зубы, отчего его рѣчь была похожа на гудѣнье: — что̀ мы видимъ теперь въ подобныхъ случаяхъ? А то, что мѣстное населеніе старается всячески повредить побѣдоносному врагу, устроиваетъ ему измѣнническія засады, бѣжитъ въ лѣса, заранѣе опустошая и предавая огню все, что̀ стоитъ на его пути, предательски убиваетъ солдатъ и офицеровъ, словомъ сказать, совершаетъ все, что̀ дикость и варварство могутъ ему внушить. Тогда какъ теперь...

Мой приходъ помѣшалъ дальнѣйшему развитію объясненій. Но и въ гостинной Марьи Потапьевны я былъ не болѣе счастливъ, чѣмъ въ кабинетѣ Осипа Иваныча. Она словно забыла мое лицо, и одно мгновеніе какъ бы колебалась; потомъ, однакожь, вспомнила, и подала руку, нѣсколько кисло улыбнувшись. «Калегварды», которыхъ я уже встрѣтилъ во время моего перваго утренняго визита, приняли меня радушнѣе. Казалось, имъ надоѣлъ дипломатъ (онъ, навѣрное, надоѣлъ и Марьѣ Потапьевнѣ) и они надѣялись, что мой приходъ дастъ бесѣдѣ новое направленіе. Многіе зѣвали, и ежели не уходили, то только благодаря крюшонамъ, стоявшимъ въ столовой, и ожидаемой перспективѣ ужина. Что касается до дипломата, то онъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ, почти непріязненно.

— Помѣщики изъ нашихъ мѣстовъ, какъ бы оправдывалась Марья Потапьевна, называя меня по фамиліи.

— *Вы*, кажется, писатель? спросилъ дипломатъ, сопро-

вождая этотъ вопросъ какимъ-то невыразимо загадочнымъ взглядомъ, въ которомъ, въ одинаковой степени, смѣшались и брезгливость, и смутное опасеніе быть угаданнымъ, и желаніе подольститься, показать, что и мы, дескать, не чужды...

Я поклонился, думая въ то же время (эта мысль преслѣдуетъ меня вездѣ и всегда): а ну, какъ послѣдуетъ назначеніе... вѣдь, бывали же примѣры!

— Они по смѣшной части! объяснила Марья Потапьевна.

— Ah! ah! «по смѣшной части!» joli! именно, именно по «смѣшной части!» Faites nous rire, monsieur! Мы такъ бѣдны смѣхомъ, что нужно, чтобы кто-нибудь расправлялъ наши морщины.

Онъ благосклонно подалъ мнѣ руку и затѣмъ обратился къ прерванному разговору, и окончательно разъяснилъ Марьѣ Потапьевнѣ пользу Брюссельскихъ конференцій.

Исполнивъ это, онъ любезно обратился къ «калегвардамъ».

— Ну-съ, господа, какъ идутъ дѣла съ м-мъ Жюдикъ?

— Да что̀, баронъ! Нельзя сказать, чтобы очень... добродѣтельна черезчуръ, отозвался тотъ самый «калегвардъ», который и въ первый визитъ мой заявилъ себя противникомъ Жюдикъ.

— Ну, нѣтъ-съ; я вамъ скажу это женщина... это, какъ по испански говорится, salado, salada... такъ кажется?

— Такъ-то такъ, баронъ, но къ чему эта строгость... cette austérité, enfin!

— Не знаю, не замѣтилъ... а по моему мнѣнію, бываетъ воздержность, которая гораздо больше говоритъ, нежели самая недвусмысленная жестикуляція... Впрочемъ,

вы, молодёжь, лучшіе цѣнители въ этомъ дѣлѣ, нежели мы, старики. Вамъ и книги въ руки.

— Что касается до меня, то я совершенно вашего мнѣнія, баронъ! вступился «калегвардъ», приверженецъ Жюдикъ: — я говорю: жестъ актрисы никогда не долженъ давать все съ разу; онъ долженъ оставлять желать, долженъ возбуждать воображеніе, открывать передъ нимъ перспективы.. Schneider! что̀ такое Schneider?—это нѣсколько̀ усовершенствованная Alphonsine—и ничего больше! Она съ разу даетъ все, она не оставляетъ моему чувству никакого повода для самодѣятельности... je vous demande un peu si c'est de l'art.

— Такъ-съ, такъ-съ, совершенно съ вами согласенъ... Vous avez saisie mon idée! А впрочемъ, вы, кажется, и изъ корпуса вышли первымъ, если не ошибаюсь...

— Точно такъ, баронъ.

— Н-да... это такъ... Жюдикъ... Salado, salada... Ну-съ, chère Марья Потапьевна, я васъ долженъ оставить! произнесъ дипломатъ, съ достоинствомъ взвиваясь во весь ростъ и взглядывая на часы: — одиннадцать! А меня ждетъ еще цѣлый ворохъ депешъ! Пойти на минуту къ почтеннѣйшему Осипу Иванычу—и затѣмъ домой!

— А я думала, что вы съ нами отужинаете, баронъ?

— Нѣтъ, chère Марья Потапьевна, я въ этомъ отношеніи строго слѣдую предписаніямъ гигіены: стаканъ воды на ночь — и ничего больше! И подавъ Марьѣ Потапьевнѣ руку, а прочимъ сдѣлавъ общій поклонъ, онъ вышелъ изъ гостинной, въ сопровожденіи Ивана Иваныча, который, выпятивъ круглый животикъ и, граціозно виляя имъ, послѣдовалъ за нимъ. Пользуясь передвиженіемъ, которое произвело удаленіе дипломата, поспѣшилъ и я ускользнуть въ столовую.

— *Ну*, теперь я васъ не выпущу! шепнулъ мнѣ по

дорогѣ Иванъ Иванычъ: — вотъ дайте только проводить генерала.

Дипломатъ прослѣдовалъ въ кабинетъ и благосклонно присѣлъ около Осипа Иваныча, который въ эту самую минуту загребъ цѣлую уйму денегъ.

— Ну-съ, господа, кàкъ поигрываете? спросилъ дипломатъ.

— Да вотъ, его превосходительство побѣждаетъ, шутилъ Осипъ Иванычъ, указывая на бывшаго полководца.

— Дà? непобѣдимъ, какъ и вездѣ! и на полѣ сраженія, и на зеленомъ полѣ! А я съ вами, генералъ, когда, нибудь намѣренъ серьёзно поспорить! Переправа черезъ Вьюлку—это, безспорно, одно изъ славнѣйшихъ дѣлъ новѣйшей военной исторіи, но ошибочка съ вашей стороны таки была!

— Толкуй больной съ подлекаремъ! проворчалъ себѣ подъ носъ полководецъ.

— Нѐчего, ваше превосходительство, сердиться, съ своей стороны подшучивалъ Осипъ Иванычъ:—ихъ превосходительство это правильно замѣтить изволили! Была ошибочка! дѣйствительно, ошибочка была!

— Я, по крайней мѣрѣ, позволяю себѣ думать, что еслибы вы въ то время взяли направленіе чуть-чуть влѣво, то талдомцы *) не успѣли бы придти на помощь мятежнымъ семендяевцамъ и вы не были бы вынуждены пробивать кровавый путь, чтобъ достигнуть соединенія съ генераломъ Голотыловымъ. Сверхъ того, вы успѣли бы обойти Никитскія болота и не потопили бы въ нихъ своей артиллеріи!

— Да чтò говорить, ваше превосходительство, подзадоривалъ Осипъ Иванычъ: — я самъ тамошній житель, и

*) Талдомъ тоже торговое село въ Калязинскомъ уѣздѣ.

вѣрно это знаю. Сдѣлай теперича генералъ направленіе влѣво, къ тому, значитъ, мѣсту, гдѣ и безъ того готовый мостъ черезъ Вьюлку выстроенъ, первое дѣло— не нужно бы совсѣмъ переправы дѣлать, второе дѣло— кровопролитія не было бы, а третье дѣло — артиллерія осталась бы цѣла!

— Ну, вотъ видите! я хоть и не тактикъ, а сейчасъ замѣтилъ... Впрочемъ, господа, побѣдителя не судятъ! рѣшилъ дипломатъ, и съ этимъ словомъ окончательно всталъ, чтобы удалиться.

Осипъ Иванычъ кинулся-было за нимъ, но дипломатъ благосклоннымъ жестомъ руки усадилъ его на мѣсто. Это не помѣшало, однако, Дерунову вновь встать и постоять въ дверяхъ кабинета, слѣдя взоромъ за Иваномъ Иванычемъ, провожавшимъ дорогого гостя.

— Ну, слава Богу, проводили! сказалъ мнѣ Зачатіевскій, возвращаясь изъ передней:—теперь вы—нашъ гость! садитесь-ка сюда, поближе къ источнику! прибавилъ онъ, усаживая меня къ столу, установленному фруктами и питіями.

Я не разъ бывалъ у Зачатіевскаго во время наѣздовъ Дерунова въ Петербургъ, но зналъ его вообще довольно мало. Помню, что онъ называлъ Осипа Иваныча благодѣтелемъ, но я никогда особенно не вѣрилъ искренности его изліяній. Въ сущности, благодѣянія, изливаемыя семействомъ Деруновыхъ на Зачатіевскаго, были очень скудны и едва ли вознаграждали послѣдняго за хлопоты и стѣсненія. Не смотря на неприхотливость Осипа Иваныча, правила гостепріимства требовали и успокоить его, т. е. отдать въ его распоряженіе лучшій уголъ, и приготовить лишнее блюдо къ обѣду. Все это дѣлалось почти безкорыстно, потому что Деруновъ отбояривался домашнею провизіей, присылаемой изъ К., и тѣмъ, что кре-

стилъ дѣтей Зачатіевскаго, причемъ давалъ на зубокъ выигрышный билетъ, съ пожеланіемъ двухъ сотъ тысячъ. Но таково уже магическое дѣйствіе богатства: Зачатіевскій, быть можетъ, и ругалъ втихомолку Дерунова, но никогда не позволилъ себѣ отказать ему въ какой-либо услугѣ, хотя бы для этого онъ вынужденъ былъ бѣгать нѣсколько дней сряду высуня языкъ.

Впрочемъ, сама природа, казалось, создала Зачатіевскаго для услуги. Онъ былъ средняго роста и весь круглый. Круглый животъ, круглая спина, округлыя ноги, круглые, какъ сосиски, пальцы—все это съ перваго раза дѣлало впечатлѣніе, что вотъ-вотъ этотъ человѣкъ сейчасъ засеменитъ ногами и побѣжитъ, куда приказано. Круглое, одутловатое и нѣсколько съуженное кверху лицо не свидѣтельствовало о значительныхъ умственныхъ способностяхъ, но постоянно выражало возбужденность и беззавѣтную готовность что̀-то выслушать и сейчасъ же исполнить. И на лицѣ у него все было кругло: полныя щеки, носъ картофелиной, губы сердечкомъ, маленькій лобъ горбикомъ, глаза кругленькіе и свѣтящіеся, словно мозжевеловыя ягодки у хлѣбнаго жаворонка, и поверхъ ихъ круглые очки, которые онъ безпрестанно снималъ и вытиралъ. Даже лысина на его головѣ имѣла видъ пятачка, получившаго постепенно значительное распространеніе. Проворенъ онъ былъ изумительно, и я думаю, что въ этомъ случаѣ ему въ весьма большой степени помогала бочковатость его существа. Онъ устремлялся впередъ и при этомъ учтиво вилялъ всѣмъ тѣломъ, что̀ особенно пріятно поражало начальствующихъ лицъ.

Не смотря, однакожь, на услужливость, дѣйствительной доброты въ немъ не было. Собственно говоря, онъ былъ услужливъ помимо своей воли, потому только, что тѣло его очень удобно для этого было приспособлено. Но,

оказывая услуги, вскакивая и устремляясь, словно на пружинахъ, онъ внутренно рпталъ и завидовалъ. Въ этой зависти, впрочемъ, скорѣе сказывалось завидущее пономарское естество, которое всю жизнь какъ будто куда-то человѣка подманиваетъ и всю жизнь оставляетъ его на бобахъ. На дѣлѣ онъ довольствовался очень малымъ, но глазами захапалъ бы, кажется, цѣлый міръ. Вообще, это былъ очень своеобразный малый, въ которомъ полное отсутствіе воли постоянно препятствовало установленію сознательныхъ отношеній къ людямъ.

— Такъ вотъ мы здѣсь, у источника, и побесѣдуемъ! сказалъ онъ, садясь возлѣ меня: — намъ съ вами *тамъ* дѣлать нѐчего, а вотъ около крюшончиковъ... Постойте! я сейчасъ велю новый принести... съ земляникой!

— Да нужно ли, Иванъ Иванычъ?

— Что̀ вы! что вы! да Осипъ Иванычъ обидится! Не тѣ ужь мы нынче, что прежде были! прибавилъ онъ, уже стоя, мнѣ на ухо.

И прежде, нежели я успѣлъ остановить его, онъ быстрыми шагами юркнулъ въ переднюю.

— А не то, можетъ быть, вы закусить бы предпочли? продолжалъ онъ, возвратившись:—и закуска въ передней совсѣмъ готовая стоитъ. У насъ все такъ устроено, чтобъ по первому манію... Такъ угодно?

Но въ эту минуту лакей уже внесъ новый крюшонъ, и вопросъ насчетъ путешествія въ переднюю для закусыванья остался открытымъ.

— Да̀, не тѣ *мы* нынче! возобновилъ онъ прерванную матерію, нервно передвигая на носу очки: — гривеннички-то да пятачки оста̀вили, а желаемъ разомъ...

— Да̀, большую перемѣну и я въ Осипѣ Иванычѣ замѣчаю.

— Въ каретахъ мы нынче ѣздимъ—да-съ; за карету

десять рубликовъ въ сутки-съ; за нумеръ пятьдесятъ рубликовъ въ сутки-съ; прислугѣ, чтобы проворнѣе была, три рублика въ сутки; да обѣды, да ужины, да закуски-съ; цѣлый день у насъ труба нетолченая-съ; одни «калегварды» что̀ за сутки слопаютъ-съ; греки, армяне-съ; опять генералъ-съ; вотъ хоть бы сегодня вечерокъ-съ... одного шампанскаго сколько вылокаютъ!

При этомъ перечисленіи меня такъ и подмывало спросить: ну, а вы? что̀ вы получаете? Само собою разумѣется, что я, однакожь, воздержался отъ этого вопроса.

— Здѣсь въ одинъ вечеръ тысячи летятъ, продолжалъ, какъ бы угадывая мою мысль, Зачатіевскій: — а старому пріятелю, можно сказать, слугѣ—грибковъ, да маслица-съ. А бѣготни сколько! съ утра до вечера, словно въ котлѣ кипишь! Повѣрите ли, даже службой неглижировать сталъ.

— Вольно же вамъ!

— Нельзя, сударь, нравъ у меня легкій — *онъ* знаетъ это и пользуется. Опять же землякъ, кумъ, дѣтей отъ купели воспринималъ — надо и это во вниманіе взять. Вѣдь, онъ, батюшка, оболтусъ оболтусомъ, порядковъ-то здѣшнихъ не знаетъ: ни подать, ни принять—ну, и руководствуешь. По его, какъ собрались гости, онъ на всѣхъ готовъ одну селедку выставить, да полштофъ очищеннаго! Ну, а я и воздерживай. Эти крюшончики, да фрукты — *кто* обо всемъ подумалъ? — Я-съ! А кому почетъ-то?

— Иванъ Иванычъ! распорядись, братецъ! раздался изъ кабинета голосъ Дерунова: — съ гостемъ со своимъ занялся, а насъ обросилъ!

Зачатіевскій засеменилъ ногами по направленію къ передней, и вслѣдъ затѣмъ прошли въ кабинетъ два лакея съ подносами, обремененными налитыми стаканами.

— Ваше превосходительство! повелите! Новенькаго! раздавалось въ кабинетѣ.

— Не велѣть ли закуску подавать? обратился ко мнѣ Иванъ Иванычъ, смотря на часы:—первый въ половинѣ!

— Не знаю; по моему, спать пора.

— У насъ, вѣдь, до четырехъ часовъ матерія-то эта длится... Н-да-съ, такъ вы, значитъ, удивлены? А уже мнѣ-то какой сюрпризъ былъ, такъ и вообразить трудно! Для васъ-то, бывало, онъ, всетаки, принарядится, хоть сюртучишко надѣнетъ, а, вѣдь, при мнѣ... Вѣрите ли, шепнулъ онъ мнѣ на ухо: — даже при семейныхъ моихъ, при женѣ-съ...

— Но чѣмъ же вы объясняете эту перемѣну?

— Да какъ вамъ сказать? первое дѣло, кровь на старости лѣтъ заиграла, а главное, я вамъ доложу, всетаки, жадность.

— Онъ и мнѣ что-то объ концессіи говорилъ.

— Да-съ, вотъ этотъ генералъ... вонъ онъ, полководецъ! Онъ первый его обрящилъ. Нарочно въ К. ѣздилъ, чтобъ залучить. Я, знаете, такъ полагаю, что думали они, вся эта компанія, на простачка напасть, анъ вышло, что сами къ простачку въ передѣлъ попали. Грека-то видите, что возлѣ генерала сидитъ?—онъ собственно воротило и есть, а генералъ не самъ по себѣ, а на содержаніи у грека живетъ. Вотъ они и затѣяли эту самую механику, думали: мужикъ жадный, ходко на прикормку пойдетъ! — Анъ Осипъ-то Иванычъ жаднѣе всякаго жаднаго вышелъ, ходитъ около прикормки, да посматриваетъ: не трогъ, говоритъ, другіе сперва потеребятъ, а я увижу, что на пользу, тогда уже за одно подплыву, да вмѣстѣ съ прикормкой всѣхъ разомъ и заглону! И такъ этотъ грекъ его теперь ненавидитъ, такъ ненавидитъ!

— Ну, а Осипъ Иванычъ что̀?

— Смѣется — ему что̀! Помилуйте! развѣ возможная вещь въ торговомъ дѣлѣ ненависть питать! Тутъ, сударь, именно смѣяться надо, чтобы завсегда въ человѣкѣ свободный духъ былъ. Онъ генерала-то смѣшками кругомъ пальца обвелъ; сунулъ ему этта въ руку пакетъ, съ виду толстый претолстый: какъ, молъ? — ну, тотъ и смалодушествовалъ. А въ пакетѣ-то ассигнаціи все трехърублевыя. Такимъ манеромъ онъ за какихъ-нибудь триста рублей сразу человѣка за собой закрѣпилъ. Объясняться генералъ-то потомъ пріѣзжалъ.

— И что̀ же?

— Велѣлъ закуску подать — и только. Коли, говоритъ, отъ тебя, ваше превосходительство, и впредь заслуга будетъ, и впредь не оставлю, а теперь, говоритъ, закусимъ, да въ кабинетъ пойдемъ, тамъ по душѣ потолкуемъ. Заперлись они-это, пошушукали тамъ, только на сей разъ остался нашъ генералъ ужь доволенъ. Веселый вышелъ, да не успѣлъ, знаете, уйти, какъ слѣдомъ этотъ самый грекъ является. Купите, говоритъ, мои акціи — одни хозяиномъ дѣла останетесь! А я, говоритъ (это нашъ-то), Христофоръ Златоустычъ, признаться сказать, погорячился маленько: полчаса тому назадъ, его превосходительству, довѣренному отъ васъ лицу, всѣ свои акціи запродалъ — да дешево, говоритъ, какъ!

— Скажите! и, все таки, продолжаютъ видѣться?

— И дѣло даже продолжаютъ вмѣстѣ дѣлать! Только грекъ серьёзнѣе сталъ на Осипа Иваныча смотрѣть. И по сейчасъ каждый день бесѣдуютъ. Грекъ этотъ, знаете, больше насчетъ выдумки, а нашъ — насчетъ понятія. Тотъ выдумаетъ, а нашъ пойметъ. Тотъ пока съ духомъ собирается, а нашъ, смотри, уже и дѣло сдѣлалъ. И представьте себѣ, вѣдь, во всемъ ему счастіе такое! Вотъ

хоть бы стуколка эта — рѣдкій разъ пройдетъ, чтобы онъ у нихъ карманы не обчистилъ! Намеднись даже самъ говоритъ мнѣ: помилуй, говоритъ, да мнѣ здѣсь дешевле, нежели въ нашей уѣздной мурьѣ, жить, потому, сколько ни на есть кармановъ, всѣ они теперь мои стали!

— Ну, это до поры, до времени!

— Нѣтъ, сударь, это сущую правду онъ сказалъ: поколѣ онъ живъ, всѣ карманы его будутъ! А котораго, онъ видитъ, ему сразу не одолѣть, онъ и самъ отъ него на время отойдетъ, да издали и поглядываетъ, ровно бы посторонній человѣкъ. Уже такъ-то вороватъ, такъ-то вороватъ!

Опять возгласъ изъ кабинета: «Иванъ Иванычъ! заснулъ, что̀ ли, братецъ!» и опять торопливое движеніе со стороны Зачатіевскаго.

— Первый часъ въ исходѣ, закуску не прикажете ли подавать? докладываетъ онъ Осипу Ивановичу.

— А тебѣ, видно, спать къ женѣ загорѣлось! Отпустить, что̀ ли, его, господа честная компанія! предложилъ Деруновъ.

— Отпустить! Отпустить!

— Ну, что̀ съ тобой дѣлать! волоки закуску!

Иванъ Иванычъ распорядился и опять подсѣлъ ко мнѣ.

— Вотъ вы сказали давича, началъ я: — что у Дерунова кровь на старости лѣтъ заиграла? Я, вѣдь, и самъ объ этомъ въ К. мелькомъ слышалъ: неужели это правда?

— Вѣрно-съ.

— А отецъ протоіерей к—скій еще «пріятнѣйшимъ сыномъ» его величаетъ!

— Будешь величать! Сторублевку-то на полу не подниметь!

— Но Яковъ Осипычъ, какъ онъ это терпитъ?

— А онъ съ утра до вечера въ туманѣ: помнитъ ли даже, что и женатъ-то! Ныньче ему на счетъ вина не велѣно препятствія дѣлать.

— Ну, а Анна Ивановна!

— А Глафирина Николая Петровича знаете?

— Такъ что̀ жь?

— Ну, онъ самый и есть... мужчина! У насъ, батюшка, ныньче всѣ дѣла полюбовнымъ манеромъ кончаются. Это прежде *онъ* лютъ былъ, а ныньче смекнулъ, что безъ огласки да потихоньку не въ примѣръ лучше.

— А знаете ли что̀! Вѣдь, я это семейство до сихъ поръ за образецъ патріархальности нравовъ ночиталъ. Та̀къ это у нихъ тихо да просто... Ну, опять и медалей у него на шеѣ сколько! Думаю: стало быть, много у этого человѣка добродѣтелей, коли начальство его отличаетъ!

— Да вы спросите, кто медали-то ему выхлопоталъ! — вѣдь, я же-съ! Вы меня спросите, что̀ эти медали-то сто̀ятъ! Можетъ, за каждою не одинъ мѣсяцъ, высуня языкъ, бѣгалъ... а онъ съ грибками, да съ маслицемъ! Конечно, я за большимъ не гонюсь... Слава Богу! самъ отъ Царя жалованье получаю... ну, частная работишка тоже есть... Сытъ, одѣтъ... А все таки, какъ подумаешь: этакой аспидъ, а на даровщину все норовитъ! Да еще и притѣсняетъ! Чуть позамѣшкаешься — ужь онъ и тово... голосъ подаетъ: распорядись... Развѣ я слуга... помилуйте!

Сказавши это, онъ даже отъ меня отвернулся и столь плотно усѣлся въ кресло, что я такъ и ждалъ: вотъ-вотъ Деруновъ кликнетъ изъ кабинета, и Зачатіевскій останется глухъ къ этому кличу.

— Конечно, ежели разсудить, то и за обѣдомъ, и за ужиномъ мнѣ завсегда лучшій кусокъ! продолжалъ онъ, нѣсколько смягчаясь: — въ этомъ *онъ* мнѣ не отказы-

ваетъ! Да, вѣдь, и то сказать: отказывай, братъ, или не отказывай, а я и самъ возьму, что̀ мнѣ принадлежитъ! Не хотите ли, обратился онъ ко мнѣ, едва ли не съ затаеннымъ намѣреніемъ показть свою власть надъ «кусками»: — покуда они тамъ еще рѣжутся, а мы предварительную! Икра, я вамъ скажу, какая! сёмга... царская!

— Понуждай, Иванъ Иванычъ! понуждай, братецъ! раздался голосъ Осипа Иваныча.

Но Зачатіевскій на этотъ разъ не ринулся съ мѣста, и ограничился отвѣтомъ: «сейчасъ!», потому что закуска была почти уже сервирована.

— А все *она*-съ, сказалъ онъ, вновь обращаясь къ разоблаченіямъ тайнъ Деруновской семьи: — она сюда его и привезла. Мало ей к—скихъ приказчиковъ, захотѣлось на здѣшнихъ «калегвардовъ» посмотрѣть!

— Однако, Осипъ Иванычъ, кажется, не ревнуетъ?

— Хитеръ, сударь, онъ — вишь ихъ какую ораву нагналъ; ну, ей и неспособно. А, впрочемъ, кто жь къ нему въ душу влѣзетъ! можетъ, и тутъ у него разсчетъ есть!

— Ну, какой же тутъ разсчетъ!

— Не говорите, сударь! Такого подлеца, какъ этотъ самый Осипъ Ивановъ, днемъ съ огнемъ поискать! Живого и мертваго готовъ ободрать! У насъ въ К. такую механику завелъ, что хоть брось торговать. Одно обидно: всѣ видѣли, у всѣхъ на знатѝ, какъ онъ на постояломъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, извозчиковъ овсомъ обмѣривалъ!

— Счастье, Иванъ Иванычъ, счастье!

— Не счастье-съ, а вся причина въ томъ, что онъ проѣзжаго купца обворовалъ. Останавливался у него на постояломъ купецъ, да и занемогъ. Туда-сюда, за попомъ, за лекаремъ, анъ онъ и душу Богу отдалъ. И оказалось *у этого* купца денегъ всего двадцать пять рублей, а

Осипъ Иванычъ пообождалъ немного, да и сталъ потихоньку да полегоньку, шире да глубже, да такъ, сударь, это дѣло умненько повелъ, что и сейчасъ у насъ въ К. никто не разберетъ, когда именно онъ разбогатѣлъ.

— Иванъ Иванычъ! батюшка! да, вѣдь, это уголовщина!

— А вы думали какъ? вы, можетъ быть, думали, что милліонеръ изъ безпортошника такъ, самъ собой и дѣлается?

— Да, я слыхалъ и про такіе случаи... Вотъ, напримѣръ, былъ одинъ мальчишка, спичками торговалъ, а потомъ четырехъ-этажный домъ выстроилъ.

— И я отъ матушки покойницы слыхалъ, что она меня не родила, а подъ капустнымъ листомъ нашла.

Говоря это, Зачатіевскій нервно подергивалъ свои очки, и я убѣжденъ положительно, что въ эту минуту онъ искренно, отъ всего сердца ненавидѣлъ Дерунова.

— Эти «столпы», я вамъ доложу... началъ онъ, и вдругъ осѣкся.

Въ кабинетѣ послышалось движеніе отставляемыхъ стульевъ. Иванъ Иванычъ вскочилъ и всталъ въ позу почтительнѣйшаго метрдотеля; даже губы у него какъ-то вспухли и замаслились. Съ обѣихъ сторонъ, и изъ кабинета, и изъ гостиной показались процессіи гостей и ринулись на закуску.

— Вотъ онъ каковъ! шепнулъ мнѣ на ухо Зачатіевскій: — даже не хотѣлъ подождать, покуда я доложу! А осетрины-то въ соку, между тѣмъ, нѣтъ, да и стерлядь копченая...

— Гдѣ стерлядь копченая? Что жь копченая стерлядь? ринулся онъ въ толпу лакеевъ, покуда я въ передней отыскивалъ свое пальто.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

На сѣверѣ дикомъ ростетъ одиноко
На голомъ утесѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ,
Какъ ризой одѣта она.
И снится ей...

Снятся консервативныя начала, благонадежные элементы, правящія сословія, англійскіе лорды — и, какъ неизбѣжное къ нимъ въ русскомъ стилѣ дополненіе: Сидорова коза и Макаръ, телятъ негоняющій...

На обрывистомъ берегу рѣки Вопли стоитъ дворянская усадьба и дремлетъ. Снится ей новый съ иголочки домъ, стоящій на противоположномъ низменномъ берегу рѣки — домъ, словно облупленное яичко весь свѣтящійся въ лучахъ солнца, домъ съ обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ досчатымъ заборомъ, съ цѣлымъ рядомъ хозяйственныхъ строеній по обоимъ бокамъ — строеній, совсѣмъ новыхъ, свѣжихъ, въ которыхъ помѣщаются: кабакъ, называющійся, впрочемъ, «бѣлой харчевней», лавочка, скотопрогонный дворъ, амбаръ и проч.

Въ барской усадьбѣ живетъ старый генералъ Павелъ *Петровичъ* Утробинъ; въ новомъ домикѣ, напротивъ, хо-

зайствуетъ Антошка кабатчикъ, Антошка прасолъ, Антошка закладчикъ, словомъ, Антошка — homo novus, выброшенный волнами современной русской цивилизаціи на поверхность житейскаго моря.

Генералъ называетъ Антошку подлецомъ и христопродавцемъ; Антошка называетъ генерала «гнилою колодою». Оба избѣгаютъ встрѣчъ другъ съ другомъ, оба стараются даже не думать другъ объ другѣ и оба не могутъ ступить шагу, чтобы одному не бросился въ глаза новый съ иголочки домикъ «новаго человѣка», а другому — тоже не старая, но уже несомнѣнно потухающая усадьба «ветхаго человѣка»...

Въ сумерки, когда надвигающіяся со всѣхъ сторонъ тѣни ночи уже препятствуютъ ясно различать предметы, генералъ не утерпитъ и выйдетъ на крутой берегъ рѣки. Долгое время стоитъ онъ недвижно, уставясь глазами въ противоположную сторону.

— Ежели вѣрить Токвилю... начинаютъ шептать его губы (генералъ — членъ губернскаго земскаго собранія, въ которыхъ Токвиль, какъ извѣстно, пользуется славой почти народнаго писателя), но мысль вдругъ перескакиваетъ черезъ Токвиля и круто заворачиваетъ въ сторону родныхъ представленій: въ бараній рогъ бы тебя, подлеца! уже не шепчетъ, а гремитъ генералъ: — туда бы тебя, христопродавца, куда Макаръ телятъ не гонялъ!

И въ тотъ же таинственный часъ, крадучись, выходитъ изъ новенькаго дома Антошка, садится на берегъ, и тоже не можетъ свести лисьихъ глазъ съ барской усадьбы.

— Ежели теперича за̀ домъ, шепчутъ его губы: — ну, хоть полторы, ну, положимъ, за паркъ съ садомъ тысячу... а впрочемъ, зачѣмъ же! Можетъ, и такъ, безъ денегъ, изморомъ... та̀къ-то, старая колода.

И намечтавшись досыта, оба, не замѣтивъ другъ друга, расходятся по домамъ...

Генеральская усадьба имѣетъ видъ очень странный, чтобъ не сказать загадочный. Она представляетъ собой богатую одежду, усѣянную множествомъ безобразныхъ заплатъ. Дѣло въ томъ, что она соединила въ себѣ два элемента: старую усадьбу, слѣды которой замѣчаются и теперь въ видѣ незаровнянныхъ ямъ и разбросанныхъ кирпичей и осколковъ бутоваго камня, и новую усадьбу съ обширными затѣями, оставшимися, по произволенію судебъ, недоконченными.

Старая барская усадьба еще не такъ давно стояла нѣсколько поодаль отъ рѣки, на берегу впадающаго въ нее оврага. Оврагъ этотъ былъ изстари запруженъ въ своемъ устьѣ и образовалъ громадный, глубокій и хорошо содержанный прудъ, въ водахъ котораго отражался старинный и длинный, словно казарма, господскій домъ. Вправо отъ дома, по берегу пруда, раскинулся обширный паркъ, разбитый по старинному на квадраты, засаженные внутри березами, елями и соснами, а по бокамъ вѣковыми липами, которыя образовали, такимъ образомъ, длинныя и темныя аллеи. Сзади дома, подъ руками находились службы: конный и скотный дворы, застольныя, флигеля для дворовыхъ, амбары, погреба и проч. За паркомъ, на пяти десятинахъ былъ разведенъ плодовитый садъ съ оранжереями и теплицами, съ яблонями и вишеньемъ, съ громадными ярусами грядъ клубники и ягодныхъ кустовъ. Напротивъ дома, чрезъ прудъ, бокомъ къ барской усадьбѣ и лицомъ къ Воплѣ, расположился крестьянскій поселокъ, дворовъ около двадцати.

Въ то время (съ небольшимъ лѣтъ двадцать пять тому

назадъ) генеральскій домъ кипѣлъ млекомъ и медомъ. Самъ генералъ, Павелъ Петровичъ Утробинъ, былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, бодрый, дѣятельный, изъ себя краснощекій и тучный. Служилъ онъ нѣкогда, лѣтъ пятнадцать сряду, губернаторомъ и былъ, какъ тогда говорилось, хозяиномъ своей губерніи. Почтовыя дороги обсадилъ по бокамъ березками, почтовыя станціи выстроилъ съ иголочки, хлѣбные запасные магазины пополнилъ, недоимки взыскалъ, для губернскаго города выписалъ новую пожарную трубу, а для губернской типографіи новый шрифтъ. Затѣмъ, когда все земное было имъ совершено, онъ самъ, motu proprio, вышелъ въ отставку съ приличною пенсіей (это было лѣтъ за десять до упраздненія крѣпостного права), и поселился у себя въ Воплинѣ. Сюда онъ перенесъ ту же кипучую дѣятельность, которая отличала его и на губернаторскомъ мѣстѣ, а для того, чтобъ не было скучно одному посреди холоповъ, привезъ съ собой, въ качествѣ секретаря, одного, довольно жалконькаго чиновника приказа общественнаго призрѣнія, Іону Чибисова, предварительно женивъ его на шустренькой маленькой поповнѣ, по имени Агніи.

Съ пріѣздомъ хозяина, прадѣдовская, нѣсколько запущенная усадьба ожила. Дворовые встрепенулись; генералъ — лѣтомъ въ бѣломъ пикейномъ сюртучкѣ съ форменными пуговицами, зимой въ коротенькомъ дубленомъ полушубкѣ и всегда въ сѣросиневатыхъ брюкахъ съ выпушкой, въ обтяжку, и въ сапогахъ со шпорами, съ утра до вечера бродилъ по полямъ, садамъ и огородамъ; за нимъ по пятамъ, какъ тѣнь, всюду слѣдовалъ Іона Чибисовъ для принятія приказаній. Аллеи парка утрамбовали и посыпали густымъ слоемъ песка; оранжереи и плодовитый садъ подчистили, конный и скотный дворы обрядили такъ, что взойти любо. Генералъ былъ строгъ,

но справедливъ: любя наказывалъ, но и добрымъ словомъ не обходилъ. Румяный, плотный, довольный собой, онъ бодро ходилъ по усадьбѣ, позвякивая шпорами, играя селезёнкою и зоркимъ старческимъ глазомъ подмѣчая малѣйшую неисправность. Шустрая поповна Агнушка, кругленькая, пухленькая, находилась при ключахъ, и генералъ только языкомъ прищелкивалъ, глядя, какъ она, словно комочекъ, съ утра до вечера перекатывается отъ погреба къ амбару, отъ амбара къ молочной и т. д.

Въ скоромъ времени Воплино сдѣлалось почти ежедневнымъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ. Генералъ водилъ ихъ по усадьбѣ, хвастался вводимыми порядками, кормилъ, предоставлялъ въ ихъ распоряженіе ломберные столы и не отказывалъ въ перинахъ для отдохновенія. Вслѣдствіе этого, любовь и довѣріе дворянства къ гостепріимному воплинскому хозяину росли не по днямъ, а по часамъ, и не разъ шла даже рѣчь о томъ, чтобъ почтить Утробина крайнимъ знакомъ дворянскаго довѣрія, то-есть, выборомъ въ предводители дворянства, но генералъ, еще полный воспоминаній о недавнемъ славномъ губернаторствѣ, самъ постоянно отклонялъ отъ себя эту честь.

Однимъ словомъ, все шло какъ нельзя лучше желать, и ни о какихъ признакахъ, предвѣщающихъ пришествіе Антошки homo novus, не было и въ поминѣ. Но въ 1856 году смутилъ генерала бѣсъ. Пріѣхалъ къ нему въ побывку сынъ, новоиспеченный двадцатилѣтній титулярный совѣтникъ, молодой человѣкъ, съ честью прошедшій курсъ наукъ въ самыхъ лучшихъ танцъ-классахъ того времени и основательно изучившій всего Поль-де-Кока. Петинька Утробинъ на чемъ свѣтъ стоитъ раскостилъ папашину усадьбу. И виду нѣтъ, и скотнымъ дворомъ воняетъ, и домъ на казарму похожъ, и рѣка далеко. По-

палъ, однажды, Петинька на крестьянскій поселокъ — и восхитился. Мѣсто высокое, почти утесъ; у подошвы течетъ глубокая Вопля, которая тутъ же неподалеку, принявъ въ себя оврагъ, на которомъ стояла старая усадьба, дѣлаетъ крутой поворотъ направо. Черезъ рѣку — видъ на безграничное пестрое пространство луговой поймы и деревень. По низменному берегу вьется почтовая дорога, упирающаяся прямо въ загибъ Вопли, черезъ которую въ этомъ мѣстѣ ходитъ на канатѣ досчаникъ. На мыску, образуемомъ рѣчнымъ изгибомъ (тамъ, гдѣ нынѣ выстроилъ почти цѣлый поселокъ Антошка-подлецъ), чернѣетъ постоялый дворъ, отдаваемый генераломъ въ аренду богобоязненному и смирному мужику Калинѣ Силантьеву изъ своихъ же крѣпостныхъ. Около постоялаго двора и досчаника всегдашняя живописная суета: отпряженныя лошади, возы съ завороченными вверхъ оглоблями, мужики, изрѣдка почтовыя тройки и большіе экипажи, кареты, коляски. Вотъ *гдѣ* надобно быть усадьбѣ, а *не тамъ*, разомъ рѣшилъ Петинька. Вотъ тутъ на берегу, лицомъ къ рѣкѣ, слѣдуетъ выстроить новый домъ съ башенками, балконами, террасами, и весь его утопить въ зелени кустарниковъ и деревьевъ; обрывистый берегъ срыть и между домомъ и рѣкой устроить покатость, которую убрать газономъ, а по газону распланировать цвѣтникъ; сзади дома, параллельно съ прудомъ, развести изящный молодой паркъ, соединивъ его красивымъ мостомъ черезъ прудъ съ старымъ паркомъ. Крестьянъ, разумѣется, выселить за старый паркъ плодовитый садъ. Таковъ былъ планъ, который начертилъ Петинька и изъ котораго долженъ былъ выйти настоящій château, а не какая-нибудь мурья, въ окна которой безпрестанно врываются гнусные запахи со скотныхъ дворовъ и изъ застольныхъ и въ которой немыслимо

никакое другое развлеченіе, кромѣ мрачнаго истребленія ерофеича.

Къ удивленію, преобразовательныя затѣи Петиньки не встрѣтили почти никакого отпора со стороны генерала. Вопервыхъ, Петинька былъ единственный сынъ, и, притомъ, такъ отлично кончилъ курсъ наукъ и стоялъ на такой прекрасной дорогѣ, что старикъ-отецъ не могъ безъ сердечной тревоги видѣть, какъ это дорогое его сердцу чадо фыркаетъ, бродя по лабиринту отчаго хозяйства и нигдѣ не находя удовлетворенія своей потребности изящнаго. Вовторыхъ, генералъ былъ такъ долго «хозяиномъ губерніи», что всякая ломка и перетасовка ему самому была по душѣ. Сообразивъ составленный Петинькой планъ, онъ понялъ, что тутъ предстоитъ цѣлое море построекъ, переносокъ, посадокъ, присадокъ— и селезенка пуще, чѣмъ когда-либо, заиграла въ немъ.

Одно только обстоятельство заставляло генерала задуматься: въ то время уже сильно начали ходить слухи объ освобожденіи крестьянъ. Но Петинька, который, посѣщая въ Петербургѣ танцъ-классы, былъ, какъ говорится, au courant de toutes les choses, удостовѣрилъ его, что никакого освобожденія не будетъ, а будетъ «только такъ».

— Полно, такъ ли, мой другъ? допытывался старикъ:— въ народѣ ужь сильно поговаривать начали.

— Niaiseries, mon père! отвѣчалъ Петинька:—вы подумайте только, есть ли въ этомъ человѣческій смыслъ! Вотъ и Архипушку, стало быть, освободить!

Архипушка, деревенскій дурачекъ, малый лѣтъ ужь за пятьдесятъ, какъ нарочно шолъ въ это время мимо господской усадьбы, поднявши руки въ уровень съ головой, болтая рукавами своей пестрядинной рубахи, свистя и *мыча*. Взглянулъ генералъ на Архипушку, подумалъ:

въ самомъ дѣлѣ, неужели Архипушку освободятъ? и рѣшилъ: нѣтъ, это было бы даже не великодушно! Тѣмъ не менѣе, чтобы окончательно быть удостовѣреннымъ, что «зла» не будетъ, онъ, по отъѣздѣ сына въ Петербургъ на службу, съѣздилъ въ губернскій городъ и тамъ изложилъ свои сомнѣнія губернатору и архіерею. Губернаторъ, человѣкъ стараго закала, только улыбнулся въ отвѣтъ, присовокупивъ, что хотя подобные слухи и распространяются врагами отечества, но что вѣрить имъ могутъ только люди, не понимающіе истинныхъ потребностей Россіи. Преосвященный же прямо сказалъ, что какъ въ древности были господа и рабы, такъ и напредь сего таковые имѣютъ остаться безъ измѣненія.

Заручившись столь вѣскими авторитетами, Утробинъ успокоенный возвратился въ Воплино и при первомъ удобномъ случаѣ приступилъ къ преобразованіямъ. На его бѣду, весна и лѣто 1857 года прошли совсѣмъ тихо. Онъ живо перенесъ крестьянскій поселокъ за плодовитый садъ, выстроилъ вчернѣ большой домъ, съ башнями и террасами, лицомъ къ Воплѣ, возвелъ на первый разъ лишь самыя необходимыя службы, выписалъ садовника нѣмца, вмѣстѣ съ нимъ проектировалъ англійскій садъ передъ домомъ къ рѣкѣ и паркъ позади дома, прорѣзалъ двѣ-три дорожки, но ни къ нивелировкѣ береговой кручи, ни къ посадкѣ деревьевъ, долженствовавшей положить начало новому парку, приступить не успѣлъ. Какъ ни усердствовали крестьяне, какъ ни старались сельскіе начальники, но къ концу осени окрестности будущаго château представляли собою скорѣе картину недавняго геологическаго переворота, нежели что-нибудь съ чѣмъ-нибудь сообразное: даже ямы, свидѣтельствовавшія о пребываніи въ этомъ мѣстѣ крестьянскихъ дворовъ и гуменъ, не были заровнены.

А между тѣмъ, грозный часъ не медлилъ, и въ концѣ 1857 года уже сдѣланъ былъ первый шагъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса.

Генералъ былъ такъ озадаченъ, что опять поскакалъ въ губернскій городъ. Тамъ уже сидѣлъ другой губернаторъ, изъ молодыхъ ранній, но архіерей былъ прежній. На вопросъ генерала: что̀ сей сонъ значитъ? — губернаторъ нѣсколько нахмурился, ибо просторѣчія даже въ разговорѣ не любилъ, а какъ самъ говорилъ слогомъ докладныхъ записокъ, такъ и отъ другихъ того требовалъ. Впрочемъ, въ виду преклонныхъ лѣтъ, прежнихъ заслугъ и слишкомъ яркой непосредственности Утробина, губернаторъ снизошолъ и процѣдилъ сквозь зубы, что хотя фактъ обращенія къ генералъ-губернатору Западнаго Края есть фактъ единичный, такъ какъ и положеніе этого края исключительное, и хотя за симъ виды и предположенія правительства неисповѣдимы, но что, впрочемъ, идея правды и справедливости, съ одной стороны подкрѣпляемая идеей общественной пользы, а съ другой стороны побуждаемая и, такъ сказать, питаемая высшими государственными соображеніями...

Генералъ слушалъ эту рацею, выпучивъ глаза, и къ ужасу своему—понималъ.

— А я, вашество, въ нынѣшнемъ году переформировку у себя затѣялъ, признесъ онъ какъ-то машинально, словно эта идея одна и была въ его головѣ.

— Очень радъ-съ! очень радъ-съ! отвѣтилъ губернаторъ: — очень радъ видѣть, что господа дворяне оставляютъ прежніе рутинные пути и выказываютъ духъ предпріимчивости, этотъ, такъ сказать, нервъ...

На этомъ мѣстѣ Утробинъ шаркнулъ ножкой, откланялся и направился къ архіерею.

Архіерей принялъ генерала съ распростертыми объятіями и сейчасъ же велѣлъ подать закуску.

— Слышали? спросилъ генералъ.

— Нетокмо слышалъ, но и возвеселился! отвѣтилъ преосвященный. — Истинно любезная для христіанскаго сердца минута сія была.

Генералъ побагровѣлъ.

— Какъ же такъ, преосвященнѣйшій! А помните: «и въ древности были господа и рабы, и напредь таковые должны остаться безъ измѣненія?» огрызнулся онъ.

— Да, да, да! то-то вотъ всѣ мы, бѣсу смущающу, умствовать дерзновеніе имѣемъ! И предполагаемъ, и планы строимъ — и все на песцѣ. Думалось вотъ: должны оставаться рабы, а вдругъ воспослѣдовало благочестивѣйшаго Государя повелѣніе: не быть рабамъ! При чемъ же, скажите мнѣ, предположенія и планы-то наши остались? Истинно говорю: на песцѣ строимъ!

Генералъ просидѣлъ у преосвященнаго съ четверть часа, но не проронилъ больше ни слова и даже не прикоснулся ни къ балыку, ни къ свѣжей икрѣ. Казалось, онъ былъ въ летаргическомъ снѣ.

Пріѣхавши изъ губернскаго города въ Воплино, Утробинъ двое сутокъ сряду проспалъ непробуднымъ сномъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ на столѣ письмо отъ сына, который тоже извѣщалъ о предстоящей катастрофѣ, и писалъ: «самое лучшее теперь, милый папаша—это переселить крестьянъ на неудобную землю, въ родѣ песковъ: такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ дальновидные люди здѣсь думаютъ».

— Ну, нѣтъ, слуга покорный! надо еще объ окончаніи своего собственнаго переселенія подумать! воскликнулъ генералъ и тутъ же мысленно присовокупилъ:—а, впрочемъ, можетъ быть, ничего и не будетъ!

Но въ январѣ 1858 года отовсюду посыпались адресы, а слѣдующимъ лѣтомъ уже было приступлено къ выборамъ членовъ комитета объ улучшеніи быта крестьянъ, и генералъ былъ въ числѣ двоихъ, избранныхъ за К—ій уѣздъ.

Тѣмъ не менѣе, на глазахъ генерала, работа по возведенію новой усадьбы шла на столько успѣшно, что онъ могъ уже въ іюлѣ перейти въ новый, хотя далеко еще не отдѣланный домъ и сломать старый. Но въ августѣ онъ долженъ былъ переселиться въ губернскій городъ, чтобы принять участіе въ работахъ комитета, и дѣло по устройству усадьбы замялось. Іону и Агнушку генералъ взялъ съ собой, а староста, на котораго было возложено приведеніе въ исполненіе генеральскихъ плановъ, на всѣ заочныя понужденія отвѣчалъ, что крестьяне къ труду охладѣли.

Въ комитетѣ, между тѣмъ, Утробинъ выказалъ себя либераломъ. Онъ нетолько говорилъ, но и *кричалъ*, что «сдѣлать что̀-нибудь надобно». Впрочемъ, предостерегалъ отъ излишествъ и отъ имени большинства представилъ проектъ, который начинался словами «но ежели» и кончался словомъ «однако». Надъ оригинальной редакціей этого проекта въ то время много смѣялись, не сообразивъ, что необычная форма вступленія въ бесѣду съ читателемъ посредствомъ «но ежели» была лишь порожденіемъ той страстности и убѣжденности, которая постоянно присутствовала при составленіи проекта. Утробинъ просто, на̀-просто былъ убѣжденъ, что все, предшествовавшее словамъ «но ежели», всякому слишкомъ извѣстно, чтобъ требовалось повторять. Какъ прожектеръ, онъ былъ посланъ отъ большинства въ коммиссіи, въ качествѣ эксперта. Это было лѣтомъ. Въ Петербургѣ, его, *вмѣстѣ съ* прочими экспертами, возили по праздникамъ

гулять въ Павловскъ, въ Царское Село, въ Петергофъ и даже въ Баблово, гдѣ показывали громадную гранитную купальню, въ которой никогда никто не купался. Остальное время онъ проводилъ въ номерѣ гостинницы Демутъ, каждый день все болѣе и болѣе убѣждаясь, что его «но ежели» не выгоритъ. Единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ этого періода его жизни былъ вечеръ, проведенный вмѣстѣ съ Агнушкой на минерашкахъ, причемъ они сообща отлично надули Іону, сказавъ ему, чтобъ онъ ожидалъ ихъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

1861 годъ засталъ генеральскую усадьбу на слѣдующемъ положеніи: домъ отстроенъ и обитъ тесомъ, но не выкрашенъ; крыша покрыта желѣзомъ, но тоже не выкрашена и мѣстами уже проржавѣла и дала течь. Внутри дома, три комнаты оштукатурены совсѣмъ, въ двухъ сдѣланы приготовленія, т. е. приколочена къ стѣнамъ дрань, въ прочихъ — стѣны стояли голыя. Передъ домомъ, гдѣ надлежало сдѣлать нивеллировку кручи, существовали слѣды нѣкоторыхъ попытокъ въ этомъ смыслѣ, въ видѣ канавъ и дыръ; сзади дома были прорѣзаны дорожки, по бокамъ которыхъ посажены кленки, ясенки и липки, изъ которыхъ принялась одна десятая часть, а все остальное посохло и, въ видѣ голыхъ прутьевъ, стояло на мѣстахъ посадки, раздражая генеральское сердце. Изъ службъ были перенесены только кухня и погребъ, все прочее осталось на прежнемъ мѣстѣ за прудомъ. Ямы, гдѣ стояли крестьянскія избы и гумна, остались незаравненными и густо поросли крапивой и дикимъ малинникомъ. Старый паркъ заросъ и одичалъ; по дорожкамъ началъ пробиваться осинникъ; на мѣстѣ стараго дома валялись осколки кирпича и поднялась цѣлая стѣна крапивы и лопуховъ. Оранжереи потемнѣли, грунтовые сараи задичали; яблони, по случаю немилостивой зимы 1861 года, почти всѣ

вымерзли, такъ что въ плодовитомъ саду, на мѣстѣ роскошныхъ когда-то деревъ, торчали голые и карявые остовы ихъ.

Въ первое время, генералу было, впрочемъ, не до усадьбы: онъ наблюдалъ, кто изъ крестьянъ ломаетъ передъ нимъ шапку и кто не ломаетъ. Собственно говоря, ломали всѣ, безъ исключенія; но генералъ сдѣлался до того уже прозорливъ, что въ самой маневрѣ ломанія усматривалъ очень тонкіе, почти неуловимые оттѣнки. Затѣмъ, онъ велъ ожесточенную полемику съ мировымъ посредникомъ, самолично ѣздилъ къ нему на разбирательство и съ какою-то страстностью подвергалъ себя «единовременному и унизительному для него совмѣстному сидѣнію» съ какимъ-нибудь Гришкой-поваромъ, который никакъ не хотѣлъ отслужить заповѣдные два года.

Мало-по-малу, однако, страсти улеглись. Прекратилась полемика съ мировымъ посредникомъ, прошла пора «унизительнаго совмѣстнаго сидѣнія» съ Гришками, Прошками и Мареушками. Но тутъ, какъ нарочно, случилась катастрофа съ Антошкой-христопродавцемъ, о которой ниже и которая подѣйствовала еще горчѣе, нежели «совмѣстныя сидѣнія». Генералъ былъ окончательно надломленъ. Унылая сиротливость словно пологомъ окутала и его самого, и недавнія его затѣи. Дикъ и угрюмъ шумитъ въ сторонѣ за прудомъ старый паркъ и рядомъ съ нимъ голо̀ и мизерно выглядитъ окопанное канавой пространство, гдѣ предполагалось быть новому парку. Генералъ посѣдѣлъ, похудѣлъ и осунулся; онъ поселился въ трехъ оштукатуренныхъ комнатахъ своего новаго дома и на все остальное, повидимому, махнулъ рукой. Заложивъ руки назадъ и понуривъ сѣдую голову, онъ бродитъ по этимъ комнатамъ, словно дремлетъ. Но, по *временамъ*, взоръ его вспыхиваетъ и какъ бы магнети-

ческою силой приковывается къ тому берегу Вопли, гдѣ свѣтлѣется выстроенная съ иголочки усадьба Антошки-христопродавца.

Антонъ Валерьяновъ Стрѣловъ былъ мѣщанинъ сосѣдняго уѣзднаго города и большинство мѣстныхъ обывателей еще помнитъ, какъ онъ съ утра до вечера стрѣлой леталъ по базару, исполняя порученія и приказы купцовъ-толстосумовъ. Отсюда, прозвище Антонъ-Стрѣла, которое и оставалось за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не переименовалъ себя въ Стрѣлова. Долгое время, Антошка погрязалъ въ ничтожествѣ и никакъ не могъ выбиться изъ колеи мелкаго торгаша-зазывателя и облапошивателя, да и то не за свой счетъ, а за счетъ какого-нибудь капиталиста, зорко слѣдившаго, чтобы лишній пятакъ не задерживался межъ Антошкиныхъ пальцевъ. Способности были у него богатыя; никто не умѣлъ такъ быстро обшарить мышьи норки, такъ бойко клясться и распинаться, такъ ловко объегорить, какъ онъ; ни у кого не было въ головѣ такого обилія хищническихъ проектовъ; но ни изобрѣтательность, ни настойчивая дѣятельность лично ему никакой пользы не приносили, какъ былъ онъ голякъ, такъ и оставался голякомъ до той минуты, когда пришелъ его чередъ. Время тогда было тугое, темное; сословная обособленность царила во всей силѣ, поддерживаемая всевозможными искусственными перегородками; благодаря этимъ послѣднимъ, всякій имѣлъ возможность крѣпко держаться предоставленнаго ему судьбою мѣста, не употребляя даже особенныхъ усилій, чтобы обороняться отъ вторженія незванныхъ элементовъ. Пробиться при такихъ условіяхъ было мудрено, и какъ бы ни изворотливъ былъ умъ человѣка, брошеннаго обще-

ственною табелью ранговъ на послѣднюю ступень лѣстницы — лично для него эта изворотливость пропадала даромъ и много-много ежели давала возможность кое-какъ свести концы съ концами.

Антошка былъ дѣятеленъ необыкновенно. Каждое утро онъ начиналъ изнурительную работу сколачиванья грошей, бѣгалъ высуня языкъ отъ базарной площади къ заставѣ и обратно, махалъ руками, торопился, проталкивался впередъ, божился, даже терпѣлъ побои — и каждый вечеръ ложился спать все съ тѣмъ же грузомъ, съ какимъ всталъ утромъ. Всталъ — грошъ, и легъ — грошъ. Посмотритъ, бывало, Антошка на этотъ заколдованный грошъ, помнётъ его, щелкнетъ языкомъ — и полѣзетъ спать на палати, съ тѣмъ, чтобъ завтра чуть свѣтъ опять пустить тотъ грошъ въ оборотъ, да чтобы не зѣвать, а то, чего Боже сохрани, и послѣдній грошъ прахомъ пойдетъ. И что̀ всего замѣчательнѣе, несмотря на эту вѣчно преслѣдующую бѣдность, никто не обращалъ на нее вниманія, никто не сострадалъ къ ней, а напротивъ, всякій до того былъ убѣжденъ въ «дарованіяхъ» Антошки, что звалъ его «стальною душой» и охотно подшучивалъ, что онъ «родного отца на кобеля промѣнять готовъ».

Такъ шло до тѣхъ поръ, пока на русскую землю не повѣяло новымъ духомъ. Антошка былъ однимъ изъ первыхъ, воспользовавшихся ближайшими результатами этого вѣянія. Онъ разомъ смекнулъ, что упраздненіе крѣпостнаго права должно въ значительной степени понизить старинныя перегородки и создать совершенно новое положеніе, въ которомъ свѣжему и алчному человѣку слѣдуетъ только не зѣвать, чтобы обрѣсти сокровище. Арена промышленной дѣятельности несомнѣнно расширилась: не однимъ мѣстнымъ толстосумамъ понадобились подруч-

ные люди, свободно продающіе за грошъ свою душ
и другимъ всякаго званія шлющимся людямъ, вд
вспомнившимъ изрѣченіе: «земля наша велика и обильна
и на этомъ шаткомъ основаніи вознамѣрившимся воздви
гнуть храмъ будущей славы и благополучія.

Во множествѣ появились невѣдомые люди (тѣ же Антошки, но только называвшіе себя «изслѣдователями»), съ пронзительными, почти колючими взорами, съ острымъ и развитымъ обоняніемъ и съ непоколебимою рѣшимостью въ Тетюшахъ открыть Америку. Эти люди ничего не покупали и не законтрактовывали, а нюхали, разспрашивали встрѣчныхъ и поперечныхъ, шатались по базарамъ и торгамъ и увѣряли всѣхъ и каждаго, что полагаютъ основаніе для какихъ-то сношеній, отыскиваютъ новые рынки и новые истоки для отечественной производительности. Для подобныхъ субъектовъ, Антошка былъ сущій кладъ. Онъ отлично понялъ, что имѣетъ дѣло съ людьми легкомысленными, которымъ нужно одно: чтобъ «идея», зашедшая въ голову имъ самимъ или ихъ патронамъ, была подтверждена такъ-называемымъ «мѣстнымъ изслѣдованіемъ». Поэтому, онъ охотно пристроивался къ вѣстникамъ воспрянувшаго промышленнаго духа, и нетолько остерегался имъ противорѣчить, но лгалъ въ ихъ смыслѣ что̀ было мочи, лишь бы они остались довольны.

Изслѣдованіе обыкновенно производилось очень просто: пріѣзжій Улиссъ бралъ записную книжку и начинать допросъ.

— Скажите, пожалуйста, я слышалъ, что у васъ здѣсь въ значительномъ количествѣ хмѣль разводится?

Улисъ развертываетъ при этомъ карту, на которой Россія разрисована разными красками, смотря по бо̀льшей или мѐньшей производительности хмѣля.

— Хмѣль-то! Позвольте вамъ, ваше сіятельство, доложить! Хмѣлю у насъ въ одномъ здѣшнемъ городѣ такъ довольно, такъ довольно, что можно сказать не одна тыща пудовъ сгніетъ его... потому сбыта ему у насъ нѣтъ.

— Ну, такъ я и зналъ! Это изумительно! Изумительно, какія у насъ странныя свѣдѣнія объ отечествѣ! горячится Улисъ:—а что касается до сбыта, то объ этомъ безпокоиться нѣчего; сбытъ мы найдемъ.

— А какое бы, ваше сіятельство, здѣшнимъ жителямъ удовольствіе сдѣлали!

— Сбытъ мы найдемъ. Да. Ну, а какъ у васъ обработываютъ хмѣль? прессуютъ?

— Это что же такое «прессуютъ»?

— Ну, да; вотъ въ Англіи, напримѣръ; тамъ хмѣль прессуютъ, и въ этомъ видѣ снабжаютъ всѣ рынки во всѣхъ частяхъ свѣта... Да-съ, батюшка! вотъ это такъ страна! Во всѣхъ частяхъ свѣта—все англійскій хмѣль! Да-съ, это не то, что мы-съ!

Антошка слушаетъ и въ тактъ качаетъ головой.

— И ни Боже мой! говоритъ онъ:—у насъ и заведеніевъ этихъ нѣтъ! Помилуйте! примѣрно, ежели теперича мужикъ, или хоша мѣщанинъ... ну, гдѣ же имъ этой самой прессовкѣ обучиться!

— Ну, этого, батюшка, не говорите, потому что русскій народъ—талантливый народъ.

— Это на счетъ того, чтобы перенять, что ли-съ? Ваше сіятельство! да помилуйте! да покажите хоть мнѣ! Скажите: сдѣлай, Антонъ Верельяновъ, вотъ эту самую машину... ну, то-есть вотъ какъ! съ мѣста, значитъ, не сойду, а ужь дойду и представлю!

— То-то вотъ и есть. Тутъ только руку помощи нужно подать. Стало быть, вы думаете, что ежели устроить здѣсь *хмѣлепрессовальное* заведеніе...

— Самая это, ваше сіятельство, полезная вещь будетъ! А для простого народа, для черняди легость какая — и Боже ты мой! Потому что, возьмемъ къ примѣру хоть этотъ самый хмѣль: сколько теперича его даромъ пропадаетъ! Просто, съ позволенія сказать, въ навозъ валятъ! А тогда, значитъ, всякій, кто даже отроду хмѣлемъ не занимался, и тотъ его будетъ разводить. Потому, тутъ дѣло чистое: взялъ, собралъ въ мѣшокъ, представилъ въ прессовальное заведеніе, получилъ денежки—и шабашъ!

— Гм... а лёнъ въ вашихъ мѣстахъ — тоже въ большомъ количествѣ разводится!

Улиссъ развертываетъ другую карту, на которой Россія разрисована тоже разными красками, показывающими бо̀льшее или мѐньшее развитіе льняной промышленности. К*** покрытъ краскою жидко, что̀ означаетъ слабое развитіе.

— Лёнъ-то! Да наше мѣсто, можно сказать, изстари... Позвольте вамъ, ваше сіятельство, доложить: что̀ теперича хмѣль, что̀ лёнъ — все, значитъ, едино, все — первыя по здѣшнему мѣсту статьи-съ! То-есть, столько тутъ льну! столько льну!

— Ну, такъ я и зналъ! Напередъ зналъ, что всѣ эти предварительныя свѣдѣнія—все пустяки! Однако, хорошо мы знаемъ наше отечество... можно сказать! Посмотрите-ка, батюшка! вотъ это карта! вотъ на ней положеніе нашей льняной промышленности представлено, и противъ вашего уѣзда значится: льняная промышленность — слабо.

— Ваше сіятельство! да неужели же я! Сколько лѣтъ, значитъ, здѣсь живу! да можетъ, не одна тыща пудовъ...

— Еще бы! Разумѣется, кому же лучше знать! Я объ томъ-то и говорю: каковы въ Петербургѣ свѣдѣнія!

Да-съ, вотъ извольте съ такими свѣдѣніями дѣло дѣлать! Я всегда говорилъ: господа! покуда у васъ нѣтъ *живого* изслѣдованія, до тѣхъ поръ все равно, что вы ничего не имѣете! Правду я говорю? правду?

— Это истинное слово, ваше сіятельство, вы сказали!

— Ну да. А впрочемъ, я, вѣдь, одинъ... Прискорбно это... Трудно, батюшка, трудно!

— Ужь на что̀ больше труда, ваше сіятельство!

— Ну-съ, а теперь будемъ продолжать наше изслѣдованіе. Такъ вы говорите, что лёнъ... ка̀къ же его у васъ обработываютъ? Вотъ въ Бельгіи, въ Голландіи кружева дѣлаютъ...

— Позвольте вамъ, ваше сіятельство, доложить! Это точно, что по нашему мѣсту... по нашему, можно сказать, необразованію... лёнъ у насъ, можно сказать, въ большомъ упущеніи... Это такъ-съ. Однако, ежели бы теперь обучить, какъ его сѣять, или хоша бы, напримѣръ, сѣмена хорошія предоставить... большую бы пользу можно отъ этого самаго льна получить! Опять хоша бы и наша деревенская баба... нѐшто она хуже галанской бабы кружева сплететъ, коли ежели ей показать?

И такъ далѣе. Изслѣдованіе обходило всѣ предметы мѣстнаго производства, и, притомъ, нетолько тѣ, которые уже издавна получили право промысловой гражданственности, но и тѣ, которые даже вовсе не были въ данной мѣстности извѣстны, но, при обращеніи на нихъ должнаго вниманія, могли принести значительныя выгоды. Въ заключеніе, изслѣдователь обыкновенно спрашивалъ:

— А не можете ли вы назвать мнѣ главнѣйшихъ здѣшнихъ промышленниковъ?

Антошку при этомъ вопросѣ подергивало: онъ уже начиналъ ревновать своего Улисса.

— Деруновъ Осипъ Ивановичъ, отвѣчалъ онъ, запи-

наясь: — большое колесо у нихъ заведено... Только позвольте, ваше сіятельство, вамъ доложить!

— Что̀ такое?

— Не понравятся они вамъ, господинъ, то-есть, Деруновъ...

— Отчего такъ?

— Да такъ-съ... немножечко они какъ будто по старинѣ-съ... На счетъ предпріятіевъ очинно осторожны... Опасаются. Это чтобы вотъ на счетъ прессовки хмѣлю или на счетъ кружевъ-съ — и ни Боже мой!

— Рутинными, значитъ, путями идетъ? Рутинными? старыми?

— Еще какими старыми-то! Какъ, значитъ, ваше сіятельство, отцы и дѣдушки калью наѣздили — такъ и мы!

Но изслѣдователь, всетаки, отправлялся къ Дерунову (нельзя: вопервыхъ, мѣстный Ротшильдъ, а вовторыхъ, и «сношенія» надо же завести), калякалъ съ нимъ, удивлялъ его легкостью воззрѣній и быстротою мысленныхъ переходовъ — и въ концѣ-концовъ, какъ и предсказывалъ Антошка, выходилъ отъ него недовольный.

— Да, батюшка! говорилъ онъ Антошкѣ: — вы правду сказали! Это не промышленникъ, а истуканъ какой-то! Ни духа предпріимчивости, ни пониманія экономическихъ законовъ... ничего! Нѣтъ-съ! намъ не такихъ людей надобно! Намъ надобно совсѣмъ другихъ людей... понимаете? Вотъ какъ мы съ вами, напримѣръ! А? Понимаете? вотъ какъ мы съ вами?

— Сказывалъ я вашему сіятельству, что понапрасну только время терять изволите. Самый, что̀ называется, закоренѣлый это человѣкъ!

Непосредственнымъ результатомъ этихъ наѣздовъ было то, что въ короткое время Антошка успѣлъ сколотить нѣсколько сотень рублей. Главный же результатъ ска-

зался въ томъ, что цѣна на Антошкину услугу внезапно повысилась и отношенія къ нему мѣстныхъ обывателей въ значительной степени измѣнились. Съ этихъ поръ онъ дѣлается солиднымъ человѣкомъ, вмѣсто «Антошки» начинаетъ именоваться «Антономъ Верельянычемъ», а прозвище «Стрѣла» замѣняетъ фамиліею «Стрѣловъ». И дѣйствительно, въ городѣ начали ходить удивительные слухи. Сперва начали говорить, что учреждается компанія для «разведенія и обдѣлки льна», а еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прошелъ слухъ о другой компаніи, которая поставила себѣ задачей вытѣснить изъ торговли англійскій прессованный хмѣль и замѣнить его таковымъ же русскимъ. Наконецъ, пришла вѣсть и о желѣзной дорогѣ. Хотя же первые два слуха такъ и остались слухами, а послѣдній осуществился лишь гораздо позднѣе, тѣмъ не менѣе, репутація Антошки установилась уже на столько прочно, что даже самому Дерунову не приходило въ голову называть его, попрежнему, Антошкою.

Въ это же самое время и въ средѣ помѣщиковъ обнаружилось движеніе. Нѣкоторое, просто-на̀-просто, сознали свое неумѣніе вести хозяйство на новыхъ основаніяхъ, другіе же, не отказываясь отъ надежды достигнуть плодотворныхъ результатовъ въ будущемъ, требовали капиталовъ, капиталовъ, капиталовъ... Отсюда — общее желаніе ликвидировать или все, или, по крайней мѣрѣ, то, что̀ казалось менѣе необходимымъ. Неумѣлые готовы были сбыть все и во что̀ бы ни стало, лишь бы бѣжать изъ постылаго мѣста; мнившіе себя умѣлыми отдѣлывались отъ пустошей и тѣхъ обрѣзковъ, которые, благодаря ихъ же настояніямъ, образовались при написаніи уставныхъ грамотъ. Эти затѣи тоже требовали бойкихъ и ходкихъ посредниковъ, потому что толстосумы, въ родѣ *Дерунова*, ежели обращались къ нимъ непосредствен-

но, безъ зазрѣнія совѣсти предлагали за рубль грошъ. Въ числѣ этихъ посредниковъ-маклеровъ, само собою разумѣется, на первомъ планѣ оказался Антонъ Стрѣловъ; и дѣйствительно, онъ устроилъ на первыхъ порахъ нѣсколько такихъ сдѣлокъ, которыми обѣ стороны остались довольны.

То была именно та самая минута, когда заскучалъ генералъ Утробинъ. Оброки шли туго; земля нетолько ничего не приносила, но еще требовала затратъ. Генералъ вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ и безпомощнымъ. Всякій интересъ къ жизни въ немъ словно погасъ; онъ уже пересталъ ревниво присматриваться къ выраженію лицъ временно-обязанныхъ, онъ даже разомъ прекратилъ, словно оборвалъ, полемику съ мировымъ посредникомъ. Все это было хорошо, покуда теплились еще остатки прежней барской жизни, но теперь, когда пошла рѣчь объ удовлетвореніи потребностей ежедневнаго расхода, шутки шутить было уже не къ лицу. Безучастнымъ, скучающимъ взоромъ глядѣлъ генералъ изъ оконъ новаго дома на воды Вопли и на изрытый, изуродованный берегъ ея, тотъ самый, гдѣ было когда-то предположено быть лугу и цвѣтнику. Изрѣдка, выходя изъ дома, онъ обводилъ удивленными, словно непонимающими взорами засохшія деревца, ямы, оставшіяся незаровненными, неубранный хламъ — и въ сѣдой его головѣ копошилась одна мысль: что гдѣ-нибудь долженъ быть человѣкъ, который придетъ и все это устроитъ разомъ, однимъ махомъ. Что онъ, генералъ, въ одно утро проснется, и *вдругъ* увидитъ, что все цвѣтетъ, красуется, благоухаетъ, и никакихъ признаковъ недавняго геологическаго переворота въ поминѣ нѣтъ. Для опытнаго, свыше шестидесятилѣтняго старика, конечно, это была надежда совсѣмъ дѣтская, но когда нервы человѣка почти

убиты, то волшебство невольнымъ образомъ дѣлается единственнымъ исходомъ, на которомъ успокоивается мысль.

На Іону генералъ не надѣялся. Со времени освобожденія крестьянъ, Іона нѣсколько разъ нагрубилъ генералу, а раза два даже позволилъ себѣ явиться къ нему «не въ своемъ видѣ». По этому поводу произошла баталія, во время которой генералъ напомнилъ Іонѣ, что онъ его «изъ грязи вытащилъ», а Іона, въ свою очередь, сдѣлалъ генералу циническое замѣчаніе на счетъ Агнушки. Конечно, на другой день Іона проспался и принялъ прежній смиренный видъ, но въ сердце генерала уже заползла холодность. Холодность эта, мало-по-малу, перешла и на Агнушку, особливо съ тѣхъ поръ, какъ генералъ, однажды стоя у окна, увидѣлъ, что Агнушка, озираясь, идетъ со скотнаго двора и что̀-то хоронитъ подъ фартукомъ. Генералъ, разумѣется, ни однимъ словомъ не намекнулъ о своемъ открытіи, но сталъ примѣчать и услѣдилъ чудовищныя вещи. Въ его глазахъ, съ быстротой молніи, исчезали громадные куски сахару, а расходъ чухонскаго масла, чая и кофея становился, просто-на̀-просто, скандальнымъ. Былъ у генерала цѣлый запасъ перинъ, а недавно пріѣхалъ становой и нѐ на чѣмъ было положить его спать. Наконецъ, стали исчезать подсвѣчники, а о мелкахъ, карточныхъ щеткахъ и т. п. давно и въ поминѣ не было. Куда все это дѣвалось? спрашивалъ себя генералъ и продолжалъ молча наблюдать, съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ растравляя собственныя раны.

— Это они на всякій случай прикапливаютъ! разсуждалъ онъ самъ съ собою: — только куда они прячутъ?

И онъ съ злорадствомъ ожидалъ, что вотъ-вотъ придетъ нѣкто, который всю эту шваль погонитъ и все разомъ устроитъ.

Этотъ таинственный «нѣкто» явился въ лицѣ Антона Стрѣлова. Это уже былъ не прежній худой и замученный Антошка, съ испитымъ лицомъ, съ вдавленною грудью, съ полнымъ отсутствіемъ живота, который въ обшарпанномъ длиннополомъ сюртукѣ ждалъ только мановенія, чтобы бѣжать впередъ, куда глаза глядятъ. Напротивъ того, предъ лицо генерала предсталъ малый солидный, облеченный въ синюю поддевку тонкаго сукна, плотно обтягивавшую довольно объемистое брюшко, который говорилъ сдержанно резоннымъ тономъ и, притомъ, умѣлъ сообщить своей почтительности такой характеръ, какъ будто источникомъ ея служило не грубое раболѣпство, а лишь сознаніе заслугъ и высокости званія того лица, которому онъ, Антонъ, имѣлъ честь «докладывать». Это до того пріятно поразило генерала, что и онъ, въ свою очередь, не счелъ возможнымъ отнестись къ Стрѣлову въ томъ презрительно-фамильярномъ тонѣ, въ какомъ онъ вообще говорилъ съ людьми низкаго званія.

— Ну, Антонъ... какъ по отчеству — не знаю... сказалъ онъ, самъ, очевидно, смущенный необходимостью допущенной имъ уступки.

— Верельянычъ-съ, спокойно отвѣтилъ Стрѣловъ.

— Ну, такъ вотъ, стало быть, Антонъ Валерьянычъ, надобно намъ ладкомъ объ дѣлахъ поговорить!

— Съ великимъ моимъ удовольствіемъ, ваше превосходительство! Дѣла вашего превосходительства я даже и сейчасъ очень хорошо знаю. Не хороши дѣла, ваше превосходительство! то-есть, такъ не хороши! такъ не хороши!

— Затѣмъ, братецъ, я тебя и позвалъ. Поправить надо.

— Ваше превосходителъство! какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами! Поправку тутъ даже очень хорошую можно сдѣлать! Одно слово — извольте приказать! Только

кликнуть извольте: Антонъ, молъ, Верельяновъ... и коли ежели...

— Ну да, вотъ, этого-то я и хочу. Самъ видишь, какъ я живу. Усадьба — не достроена; въ садъ войдешь — сухіе прутья да ямы изъ-подъ овиновъ...

— На что̀ хуже-съ!

— А оброки, между тѣмъ, поступаютъ плохо, земля — въ убытокъ...

— Земля въ убытокъ! Помилуйте! это даже удивительно для меня! усомнился Антонъ и словно бы даже укоризненно покачалъ головой.

— И я, братецъ, удивляюсь...

— По нашему, ваше превосходительство, такъ нужно сказать: не токма, что убытокъ, а пользу должна земля принести! вотъ какое объ этомъ дѣлѣ мы разсужденье имѣемъ.

— И я, братъ, это разсужденье-то имѣю...

— Ваше превосходительство! позвольте вамъ доложить! Какъ же эта самая земля можетъ убытокъ приносить, коли ежели ей, можно сказать, отъ самого Бога такъ опредѣлено, чтобы человѣкъ отъ нея пропитанье себѣ имѣлъ! Это точно, что по нынѣшнему времю всѣ господа большую претензію имѣютъ... Вотъ Толстопятовъ господинъ или Кандауровскій баринъ — всѣ они меня точно такъ же спрашивали: отчего, молъ, Антонъ, землю нынче работать — себѣ въ убытокъ? Однако, какъ осмотрѣлъ я все какъ слѣдуетъ, и вижу: тутъ мѣстечко полезное, тамъ мѣстечко, въ другомъ мѣстѣ — десятинка-съ... Смотришь десятинка да десятинка — анъ, можно сказать, и пользу сыскали!

Рѣчь эта сильно пришлась по сердцу генералу. Онъ даже унынье съ себя сбросилъ и нѣсколько дней сряду ходилъ по усадьбѣ орломъ. Стрѣловъ въ это время

осматривалъ земельную дачу и каждый вечеръ докладывалъ о результатѣ осмотра.

— Ну, дачка у васъ, ваше превосходительство! восхищался онъ: — такая дачка! такая дачка! И коли ежели эту самую дачу да къ рукамъ — и Господи Боже мой!

— Гм... стало быть, пользу можно получить?

— Позвольте вамъ, ваше превосходительство, доложить! Возьмемте теперича къ примѣру хоша бы лѣсъ... что̀ такое этотъ самый лѣсъ? Есть лѣсъ всякой-съ; есть теперича дровяникъ, есть угольникъ, а есть, примѣрно, и строевой-съ. Главная причина — какъ разсортировать. Ежели теперича дрова, скажемъ примѣрно, къ дровамъ, угольникъ къ угольнику, а строевой, значитъ, чтобы особо... сколько теперича отъ одного угольника пользы получить можно! А при семъ сучья. Крестьянину, значитъ, отопиться нужно — гдѣ онъ возьметъ? А земля-то, ваше превосходительство! По ней, вѣдь, и опять лѣсъ пойдетъ! Мѣста же здѣсь вольныя, боровыя...

— Такъ ты полагаешь: пилить самимъ?

— Полагаю, что такъ бы слѣдовало. Потому ежели теперича лѣснику на сводъ продать, онъ, первое дѣло, лѣсъ затопчетъ и загадитъ, и второе дѣло — половинной цѣны противъ настоящихъ барышовъ не дастъ!

— Что̀ же, братъ, съ Богомъ!

Черезъ десять дней, Стрѣловъ окончательно поселился въ генеральской усадьбѣ, въ качествѣ главноуправляющаго.

Устроившись такимъ образомъ, Стрѣловъ счелъ первымъ долгомъ освободить генерала отъ всякихъ «безпокойствъ». Съ помощью безчисленныхъ мелкихъ предупредительностей, онъ довелъ генерала до того, что послѣдній даже утратилъ потребность выходить изъ дому,

а не то, чтобы дѣлать какія-нибудь распоряженія. Но, что всего важнѣе, генералъ сейчасъ же почувствовалъ непосредственный результатъ Стрѣловскаго управленія: отъ него перестали требовать денегъ на расходы по веденію полеваго хозяйства. Обработка земли нетолько не приносила убытка, но въ самое короткое время дала 57½ копеекъ барыша.

— Ты, братецъ, волшебникъ! воскликнулъ генералъ внѣ себя отъ изумленія.

— Всѣ силы-мѣры, ваше превосходительство! скромно отвѣтилъ Стрѣловъ: — тутъ урвешь, тамъ сократишь... а ваше превосходительство изволите говорить: волшебникъ-съ! Да кабы мы волшебствами могли заниматься, такъ ли бы мы передъ вашимъ превосходительствомъ заслужили!

И дѣйствительно, волшебства никакого не было, а просто-на-просто, Стрѣловъ покрывалъ расходы по полевому хозяйству изъ доходовъ по лѣсной операціи. Генералъ этого не видѣлъ, да и нѣкому было указать ему на это волшебство, потому что и относительно окружающихъ Стрѣловъ принялъ свои мѣры. Весь служебный персоналъ онъ измѣнилъ, Іону съ утра до вечера держалъ въ полубезчувственномъ отъ вина положеніи, а съ Агнушкой прямо вошелъ въ амурныя отношенія, сказавъ ей:

— Теперича, ежели вы его превосходительство безпокоить будете, такъ у насъ въ городу дѣвицъ очень довольно на ваше мѣсто найдется.

Въ первый разъ, послѣ мучительныхъ двухъ лѣтъ, генералъ почувствовалъ себя спокойно. Конечно, это было спокойствіе очень однообразное, которое скоро бы надоѣло генералу, не смотря ни на какія ухищренія Стрѣлова, еслибъ не нашлось подходящаго предмета, который вполнѣ

поглотилъ все вниманіе старика. Этимъ предметомъ явились пресловутые безпорядки 1862 года Съ самодовольствомъ вычитывалъ генералъ изъ газетъ загадочныя, но захватывающія духъ извѣстія и торжествующе улыбался при мысли, что все это онъ предвидѣлъ и предрекалъ еще въ то время, когда писалъ свой проектъ «но ежели». Сынъ тоже слалъ ему извѣстіе за извѣстіемъ: молодой человѣкъ шелъ въ гору и подробно увѣдомлялъ объ увольненіяхъ, перемѣщеніяхъ и назначеніяхъ. Все говорило генералу, что горячка новшествъ должна въ скоромъ времени стихнуть. Сверхъ того, Петинька писалъ еще о какихъ-то нигилистахъ, привосокупляя при этомъ, что въ Москвѣ выработывается проектъ изслѣдованія корней и нитей. Генералъ пріосанился и запомнилъ слово «нигилистъ». Быть можетъ, ему даже показалось, что его время еще не прошло, что объ немъ вспомнятъ, его призовутъ. Тогда это многимъ казалось. Такое было это время, что всякій шлющійся человѣкъ могъ мысленно дерзать. Генералъ началъ даже готовиться по секрету къ какой-то важной миссіи, какъ бы опасаясь, чтобъ его не застали врасплохъ. Съ этою цѣлью, онъ началъ сочиненіе, которому, по бывшему уже примѣру, присвоилъ названіе «О поврежденіи нравовъ», и которое должно было служить, такъ сказать, готовою программой на случай, если его «призовутъ».

Сочиненіе писалось въ разлиненванной тетрадкѣ, и, по старинному, раздѣлялось на параграфы, причемъ сбоку обозначалось краткое содержаніе каждаго. Ежедневно прибавлялъ онъ по одному параграфу, приблизительно, въ пять строкъ. Параграфъ: «въ чемъ заключается современное поврежденіе?» — гласилъ такъ: «всякому времени особливое поврежденіе свойственно; такъ, при блаженной памяти Императрицѣ Екатеринѣ II введены были фижмы

и господствовалъ геройскій духъ; впослѣдствіи же къ сему присоединилась наклонность къ военнымъ поселеніямъ. Нашему времени свойственное поврежденіе — есть нигилизмъ». Въ параграфѣ: «видимое происхожденіе нигилизма и тайные предтечи его» — говорилось: «явное мѣсторожденіе нигилизма открыто недавно въ Москвѣ, на Цвѣтномъ бульварѣ, въ домѣ Селиванова, въ гостинницѣ «Крымъ», въ особомъ оной отдѣленіи, именуемомъ «Адъ»; тайные же предтечи онаго уже съ 1856 года изливали свой ядъ въ той же Москвѣ, въ редакціи нѣкотораго повременнаго изданія, впослѣдствіи принесшаго въ томъ раскаяніе». Въ параграфѣ: «въ чемъ оное поврежденіе состоитъ?» значилось: въ отверженіи промысла Божія и пользы, предержащими властями приносимой. Равнымъ образомъ: въ непочтеніи, неуваженіи, разрушеніи и неповиновеніи. Сущее отрицаютъ, крѣпкое шаткимъ почитаютъ, а не сущее и не крѣпкое за сущее и крѣпкое выдаютъ. Нелѣпость сего очевидна». Въ параграфѣ: «какъ въ семъ случаѣ поступать?» — объяснялось: «по усмотрѣнію. Но ежели бы сіе до таковаго лица относилось, которое, бывъ нѣкогда опытно, а потомъ въ отставкѣ, внезапу подверглось призванію съ облеченіемъ довѣрія, то, кажется, лучшее въ семъ случаѣ было бы поступить такъ: розыскавъ корни и нити и отдѣливъ вредныя плевелы отъ подлинныхъ и полезныхъ класовъ, первыя исторгнуть, вторымъ же дать надлежащій по службѣ ходъ».

Однимъ словомъ, въ жизнь генерала всецѣло вторгнулся тотъ могущественный элементъ, который въ то время былъ извѣстенъ подъ именемъ борьбы съ нигилизмомъ.

Тѣмъ не менѣе, сначала это была борба чисто платоническая. Генералъ одинъ на одинъ бесѣдовалъ въ кабинетѣ съ воображаемымъ нигилистомъ, старался образумить его, доказывалъ опасность *сего*, и хотя постоянно

уклонялся отъ объясненія, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ *cie*, но по тѣмъ огонькамъ, которые бѣгали при этомъ въ его глазахъ, ясно было видно, что дѣло идетъ совсѣмъ не о невѣдомомъ какомъ-то нигилизмѣ, а о совершившихся новшествахъ, которыя собственно и составляли неизбывную обиду, подлежавшую генеральскому отомщенію.

Впрочемъ, такое платоническое отношеніе не могло быть продолжительно. Явилась потребность осуществить безкровный идеалъ нигилиста въ сколько-нибудь подходящемъ живомъ образѣ, и генералъ былъ отмѣнно доволенъ, когда потребность эта нашла себѣ удовлетвореніе въ лицѣ его мелкопомѣстнаго сосѣда, Анпетова.

Анпетовъ былъ малый лѣтъ двадцати семи, получившій очень ограниченное образованіе, но не глупый по природѣ и, главное, очень сочувствующій. Когда случился тотъ переломъ, который повергъ генерала въ уныніе, Анпетовъ, напротивъ того, какъ-то особенно закопошился: онъ разъѣзжалъ веселый по селамъ и весямъ, обнимался, цѣловался, плакалъ, хохоталъ, и въ заключеніе даже принялъ безмездно мѣсто письмоводителя при мировомъ посредникѣ. Въ то время подобныхъ людей еще не причисляли къ лику нигилистовъ, но считали опорами и дѣлали имъ лестныя предложенія. Но Анпетовъ до того былъ зарытъ въ толпѣ, что даже тогдашнее сильное движеніе не выдвинуло его впередъ, какъ выдвинуло, напримѣръ, Луку Кисловскаго, добившагося, à son corps défendant, чести служить волостнымъ писаремъ. Анпетовъ, попрежнему, остался въ толпѣ, заявляя о себѣ однимъ лишь ликованіемъ и нося въ своемъ чистомъ сердцѣ только одну гражданскую зависть — къ Лукѣ Кисловскому. Онъ изъ первыхъ покончилъ съ крестьянами выкупною сдѣлкой, что̀, впрочемъ, доставило ему больше

радости, нежели матеріальныхъ выгодъ. Подобно большинству энтузіастовъ того времени, онъ съ жаромъ обратился къ вольнонаемному труду, и, подобно всѣмъ, повелъ это дѣло безъ разсчета и съ перваго же раза осѣкся. Однако, это не подѣйствовало на него одуряющимъ образомъ: онъ не бросился вонъ изъ «своего мѣста» и не осовѣлъ, запершись въ четырехъ стѣнахъ полуразвалившейся храмины, въ которой предки его съ незапамятныхъ временъ истребляли ерофеичъ. Въ немъ было черезчуръ много потребности жить, чтобъ запереться, и онъ слишкомъ любилъ «свое мѣсто», чтобы бѣжать изъ него въ уѣздный или губернскій городъ на службу. Онъ любилъ приволье, любилъ охоту, любилъ лѣсъ, рѣку, лугъ, любилъ народъ. Вслѣдствіе всего этого, не желая умереть съ голода, онъ сломалъ ветхія отцовскія хоромы, на мѣсто ихъ вывелъ просторную избу и сдѣлался самъ, въ одно и то же время, и землевладѣльцемъ, и работникомъ. Само собою разумѣется, что во всемъ этомъ не было ни тѣни намека ни на соціализмъ, ни на коммунизмъ, о которыхъ онъ, впрочемъ, и понятія не имѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, поступокъ его произвелъ сенсацію.

Внѣшнимъ поводомъ для этой сенсаціи послужило то, что дворянинъ «занимается несвойственными дворянскому званію поступками»; дѣйствительною же, внутреннею причиной служило просто желаніе къ чему-нибудь придраться, на комъ-нибудь сорвать накипѣвшее зло. Вся окрестность загудѣла; дворяне негодовали, мужики-торгаши посмѣивались, даже крестьянская масса — и та съ какимъ-то пренебрежительнымъ любопытствомъ присматривалась.

Генералъ взлянулъ на Аннетова сначала съ недоумѣніемъ; но потомъ, припомнивъ тѣ тысячи досадъ, которыя онъ въ свое время испыталъ отъ однихъ извѣстій о

новаторской рьяности молодого человѣка, нашелъ, что теперь настала настоящая минута отомститъ. Какъ-то вдругъ вырвалось изъ устъ его восклицаніе: ну вотъ! ну да! ну «онъ»! Онъ, то-есть, нигилистъ, то-есть, то загадочное существо, которое, подобно древнему козлу очищенія, обязывалось понести на себѣ наказаніе за реформаторскую прыткость вѣка. Сейчасъ же генералъ охарактеризовалъ Анпетова именемъ «негодяй», и съ тѣхъ поръ это прозвище вошло въ воплинской усадьбѣ въ употребленіе, вмѣсто собственнаго имени.

Трудно представить себѣ, что̀ можетъ произойти и на что̀ можетъ сдѣлаться способенъ человѣкъ, коль скоро обиженное и возбужденное воображеніе его усвоитъ себѣ какое-нибудь убѣжденіе, найдетъ подходящій образъ. Генералъ глубоко увѣровалъ, что Анпетовъ негодяй, и сквозь призму этого убѣжденія началъ строить его жизнь. Само собою разумѣется, что это былъ вымышленный и совершенно фантастическій романъ, но романъ, у котораго было свое незыблемое основаніе и который можно было пополнять и варьировать до безконечности.

Во всякомъ случаѣ, все это наполняло бездну праздпаго времени и, въ то же время, окончательно уничтожало въ генералѣ чувство дѣйствительности. Стрѣловъ понялъ это отлично и съ большимъ искусствомъ поддерживалъ фантастическое настроеніе генеральскаго духа.

Каждое утро, генералъ, сидя за чаемъ и попыхивая трубку, машинально выслушивалъ рапортъ Стрѣлова о вчерашнихъ операціяхъ и тотчасъ же свертывалъ на любимый предметъ.

— Ну, а ка̀къ... негодяй?

Въ отвѣтъ, Антонъ не то скорбно, не то какъ бы едва воздерживаясь отъ смѣха, махалъ рукой.

— Новенькое что̀-нибудь начудилъ?

— Дѣлежка у нихъ этта была! говоритъ Стрѣловъ, словно умирая отъ смѣха.

— И что̀ жь?

— Вычисленіе дѣлалъ. Это, говоритъ, мнѣ процентъ на капиталъ, это—моя часть, значитъ, какъ хозяина, а остальное поровну раздѣлилъ. Рабочіе даже сейчасъ разсказываютъ—смѣются.

— Однако... это важно! это даже очень важно!

— Помилуйте, ваше превосходительство! нестоящій это совсѣмъ человѣкъ, чтобы вамъ, можно сказать, такъ объ немъ безпокоиться!

— Нѣтъ, мой другъ, не говори этого! не въ такомъ я званіи, чтобъ это дѣло втунѣ оставить! Не Анпетовъ важенъ, а тотъ ядъ, который онъ разливаетъ! вотъ что̀ я прошу тебя понять!

— Ядъ — это такъ точно-съ. Отравы этой они и по сейчасъ промежду черняди довольное число распространили. Довольно, кажется, съ ихней стороны было ужь низко изъ одной чашки съ мужиками хлебать—такъ нѣтъ, и этого мало показалось!

— А что̀ еще?

— Помилуйте! позвольте вамъ доложить! теперича сами съ сохой въ поле выходятъ, за одно съ мужиками всѣ работы исполняютъ!

— Негодяй!

— Истинное, ваше превосходительство, вы это слово сказали. Именно не иначе объ нихъ теперича заключить можно!

— Да ты видѣлъ?

— Самолично-съ. Вечо̀ръ иду я изъ «Пѣтуховъ», и онъ тоже за сохой домой возвращается. Только я, признаться, имъ камешо̀къ тутъ забросилъ: «что̀, говорю, Петръ Иванычъ, видно, ныньче и баре за соху принялись?» Ну, онъ ничего—смолчалъ.

— Негодяй! почти задавленнымъ голосомъ произносилъ генералъ.

— А все таки, позвольте вамъ доложить: напрасно себя изъ-за нихъ безпокоить изволите!

— Нѣтъ, мой другъ, это слишкомъ важно! это такъ важно! такъ важно! Знаешь ли ты, чѣмъ такіе поступки пахнутъ?

— Оно, конечно, ваше превосходительство, большая смута черезъ это самое промежду черняди идетъ!

— Ну, вотъ, видишь ли!.. Значитъ, и простой народъ... крестьяне... какъ они на эти поступки смотрятъ?

— Которые хорошіе мужички — ни одинъ не одобряетъ. Взять хоть бы Лександра-телятникъ, или Пётра-бумажникъ—ни одинъ, то-есть, и ни-ни! Ну, а промежду черняди—тоже не безъ сумлѣнія!

— А что въ писаніи сказано? «Пасите овцы ваша»— вотъ что сказано! Ты говоришь: не извольте безпокоиться, а кто въ отвѣтѣ будетъ?

— Въ отвѣтѣ—это такъ точно, другому нѣкому быть! Ахъ! только посмотрю я, ваше превосходительство, на чины на эти! Почётъ отъ нихъ — это слова нѣтъ! ну, однако, и отвѣту на нихъ лежитъ много! то-есть, столько отвѣту! столько отвѣту!

— Кому много дано, съ того много и взыщется. Такъ-то, мой другъ!

— Это такъ точно, ваше превосходительство. Только коли ежели теперича все сообразить...

Стрѣловъ махалъ рукой и умолкалъ, какъ бы нѣмѣя передъ необъятностью открывавшихся ему перспективъ.

Такъ проходили дни за днями, и каждый день генералъ становился серьёзнѣе. Но онъ не хотѣлъ начать прямо съ крутыхъ мѣръ. Сначала, онъ потребовалъ Анпетова къ себѣ—Анпетовъ не пришелъ. Потомъ, подъ видомъ

прогулки верхомъ, онъ отправился на Анпетовское поле и тамъ самолично убѣдился, что «негодяй» дѣйствительно пробиваетъ борозду за бороздой.

— Стыдно, сударь! званіе дворянина унижаете! крикнулъ ему Утробинъ, но такъ какъ въ эту минуту Анпетовъ находился на другомъ концѣ полосы, то неизвѣстно, слышалъ ли онъ генеральское вразумленіе, или нѣтъ.

Наконецъ, генералъ надумался и обратился къ «батюшкѣ». Отецъ Алексѣй былъ человѣкъ молодой, очень приличнаго вида и страстно любимый своею попадьей. Онъ щеголялъ шелковою рясой и возвышеннымъ образомъ мыслей, и плѣнилъ генерала, сказавъ однажды, что «вѣра — главное, а разумъ — все равно, что слуга на запяткахъ; есть надобность за чѣмъ-нибудь его послать — хорошо, а нѣтъ надобности — и такъ простоитъ на запяткахъ!»

Генералъ любилъ батюшку; онъ вообще охотно разговаривалъ отъ писанія и даже хвалился начитанностью своей по этой части. Сверхъ того, батюшка давалъ ему случай припоминать объ архіереяхъ, которыхъ онъ зналъ во времена своего губернаторства, и о томъ, какъ и кто изъ нихъ служилъ заутреню въ Свѣтлое Христово Воскресенье.

— При мнѣ у насъ преосвященный Иракламвонъ *) былъ, разсказывалъ генералъ: — такъ тотъ, бывало, по военному, къ двумъ часамъ и заутреню, и обѣдню отпоетъ. Чуть, бывало, пѣвчіе зазѣваются: а-а-э-э... онъ сейчасъ съ горняго мѣста: распѣлись!?

— Значитъ, скорое и свѣтлое пѣніе любилъ?

— Да, а вотъ преосвященный Памфалонъ **) — тотъ,

*) Празднуется 12-го іюня.

**) Празднуется 17-го мая.

бывало, полчаса чешется, да полчаса облачается, а пѣвчіе въ это время: а-а-а-а..

— Торжественность, значитъ, предпочиталъ?

Одного не любилъ генералъ въ отцѣ Алексѣѣ: что онъ елеемъ волосы себѣ мазалъ. И потому, поговоривъ объ архіереяхъ, всегда склонялъ разговоръ и на этотъ предметъ.

— И охота тебѣ, батя, маслищемъ этимъ...

— Прошу, ваше превосходительство, извинить; еще времени не изобралъ помады купить! оправдывался отецъ Алексѣй.

Однажды, изъ-за этого обстоятельства даже чуть не вышло между ними серьёзное столкновеніе. Генералъ не вытерпѣлъ и, слѣдуя традиціямъ старинной русской шутливости, послалъ отцу Алексѣю копытной мази. Отецъ Алексѣй обидѣлся...

Вотъ къ нему-то и обратился генералъ въ настоящемъ случаѣ.

— Слышалъ, батя?

— Что̀ изволите, ваше превосходительство, приказать?

— Про «негодяя»?

— Недоумѣваю...

— Про Аннетова, про Ваньку Аннетова говорю! да ты никакъ, съ попадейкой-то цѣлуясь, и не видишь, что̀ у тебя въ паствѣ дѣлается?

— У господина Аннетова бываю и даже ревнивымъ окомъ за нимъ слѣжу. До сихъ поръ, однако, душепагубнаго ничего не примѣтилъ. Ведетъ себя доброчинно, къ церкви божіей нельзя сказать, чтобъ особливо прилеженъ, но и неприлежнымъ назвать нельзя.

— Землю пашетъ! прогремѣлъ генералъ, вдругъ вытянувшись во весь ростъ: — самъ! самъ! самъ съ сохой по полю ходитъ! Это—дворянинъ-съ!

Батюшка потупился. Онъ и самъ примѣтилъ, что Анпетовъ поступаетъ «странно нѣкако», но до сихъ поръ ему не представлялся еще вопросъ: возбраняется или не возбраняется?

— Дворянинъ-съ! продолжалъ восклицать, между тѣмъ, генералъ. — Знаешь ли ты, чѣмъ это пахнетъ! Ядъ, сударь! возмущеніе! Ты вотъ сидишь да съ попадьей цалуешься, «доброчинно» да «душепагубно»—и откуда только ты эти слова берешь! Чѣмъ бы вразумить, да пристыдить, а онъ лукошко въ руку да съ попадейкой въ лѣсъ по грибы!

Рѣшили на томъ, чтобъ идти отцу Алексѣю къ Анпетову и попробовать его усовѣстить. Эту миссію выполнилъ отецъ Алексѣй въ ближайшій воскресный день, но успѣха не имѣлъ. Началъ отецъ Алексѣй съ того, что сказалъ, что всегда были господа и всегда были рабы.

— А теперь вотъ рабовъ нѣтъ! отвѣтилъ Анпетовъ.

— И теперь они есть, только въ сокровенномъ видѣ обрѣтаются, продолжалъ усовѣщивать отецъ Алексѣй.

— Ты, батя, на тощакъ, должно быть—оттого вздоръ и городишь! замѣтилъ на это Анпетовъ и затѣмъ отперъ шкапъ, вынулъ оттуда полуштофъ и налилъ двѣ рюмки.— Выпьемъ!

Однимъ словомъ, кончилось ничѣмъ, и батюшка, придя въ тотъ же вечеръ къ генералу, заявилъ, что Анпетовъ, даже по многому увѣщанію, остался непреклоненъ.

Тогда генерала вдругъ осѣнила мысль, что батюшка, въ одно изъ ближайшихъ воскресеній, произнесетъ краткое поученіе, направленное противъ Анпетова, которое взялся написать самъ генералъ.

И дѣйствительно, поученіе было написано и гласило слѣдующее:

«Давно собирался я, братія, побесѣдовать съ вами объ

отцѣ лжи, но доселѣ не представлялось удобнаго къ тому случая. Нынѣ же случай сей несомнѣнно представился, ибо между нами появился одинъ изъ ревностнѣйшихъ аггеловъ его. Не думайте, однако, чтобъ онъ имѣлъ видъ унылый и душепагубный, свойственный дьяволу, обрѣтающемуся въ первобытномъ состоянiи. Нашъ аггелъ не таковъ; онъ не имѣетъ ни крылъ темныхъ, ни копытъ громкозвонныхъ, ни турьяго рога на челѣ, ни раскаленнаго уголья въ гортани своей. Онъ носитъ видъ обыкновеннаго человѣка, съ тѣмъ лишь отличiемъ, что во внутренностяхъ его сокрытъ адъ. Или прямѣе: это не человѣкъ, но человѣкоадъ. Человѣкъ по наружному виду, но адъ по виду внутреннему. Воистину, человѣкоадъ, ибо ни о чемъ другомъ не мыслитъ, ничего другого не дѣлаетъ, какъ только сѣетъ плевелы. Сѣетъ на землѣ грѣхопаденiя, срѣзаетъ серпомъ умерщвленiя и ссыпаетъ зерна въ житницѣ погубленiя.

«Но, сказавъ вамъ достаточно о появившемся между нами человѣкоадѣ и прелестяхъ его, я еще не открылъ вамъ его самого. Кто же ты, столь часто упоминаемый мной человѣкоадъ? Кто ты, носящiй въ сердцѣ ядъ, а руками сѣющiй измѣну? Ты — сынъ почтеннаго коллежскаго регистратора, съ честью служившаго засѣдателемъ въ земскомъ судѣ, и потомъ почившаго отъ трудовъ въ дому отцовъ своихъ! Ты—сынъ достойнѣйшей родительницы, которая вскормила и воспитала тебя, отнюдь не думая, что у почтеннѣйшей груди ея вскармливается и воспитывается младенецъ, которому суждено сдѣлаться ближайшимъ совѣтникомъ отца лжи! Ты — юноша, на казенный счетъ, по причинамъ отъ начальства независѣвшимъ, не кончившiй курса въ среднемъ учебномъ заведенiи, и на казенный же счетъ взлелеявшiй въ сердцѣ своемъ сѣмя разврата! Почтенные и добродѣтельные

родители—и душепагубный сынъ! попечительное начальство—и результатъ сей благопопечительности... ужаснѣйшій человѣкоадъ! Размыслимъ о семъ, братья, и поскорбимъ!»

Отецъ Алексѣй даже похолодѣлъ, когда генералъ прочиталъ ему произведеніе своей фантазіи. Но съ генераломъ спорить было мудрено, а заставить его добровольно отступиться отъ однажды принятаго рѣшенія—и совсѣмъ невозможно.

Два воскресенья сряду батюшка сказывался больнымъ и не служилъ обѣдню, но на третье такая отговорка оказалась уже неудобною. Такъ какъ по всей окрестности разнесся слухъ, что генералъ, устами отца Алексѣя, будетъ обличать Анпетова, то народу въ церковь собралось видимо-невидимо. Явился и самъ Анпетовъ. Генералъ всталъ на возвышенное мѣсто и обводилъ орлинымъ взглядомъ толпу. Но вотъ прочитана была заамвонная молитва, Анпетовъ уже вытянулъ шею, чтобы принять публичный репримандъ, все вдругъ притихло... увы! аналоя не появилось! Батюшка не рѣшился...

Послѣ обѣдни, Анпетовъ взошелъ въ генеральскій домъ, пробрался въ кабинетъ къ генералу и сказалъ:

— Еслибъ вы были умны, то, вмѣсто того, чтобы полемизировать со мной въ церкви, вы прогнали бы вора Антошку, а меня взяли бы на его мѣсто въ управляющіе. Я бы васъ не обкрадывалъ.

— Вонъ! заревѣлъ на него не своимъ голосомъ генералъ.

Покуда генералъ боролся съ Анпетовымъ и мнилъ на немъ отомстить пораженіе старыхъ порядковъ, Антонъ *Стрѣловъ* распоряжался въ имѣніи полнымъ господиномъ.

Ни Іоны, ни Агнушки въ генеральскомъ домѣ уже не было. Іону генералъ опредѣлилъ въ К—скій уѣздный судъ протоколистомъ, на имя Агнушки — купилъ въ К. домъ. Мѣсто Агнушки заняла дородная и краснощекая дѣвица Евпраксея, которую Стрѣловъ самолично розыскалъ и представилъ. Самъ Антонъ къ этому времени раздобрѣлъ такъ, что сталъ почти неузнаваемъ. Обличіе у него сдѣлалось настоящее купеческое; широкое и скулистое отъ природы лицо налилось; сѣрые, нѣкогда пронзительные глаза слегка заплыли. Ѣздилъ онъ по дѣламъ въ купеческой тележкѣ, на породистомъ коренникѣ-иноходцѣ, котораго генералъ подарилъ ему въ ознаменованіе побѣды надъ сердцемъ дѣвицы Евпраксеи. Но, что̀ всего важнѣе, въ теченіи года съ небольшимъ, онъ представилъ генералу до десяти тысячъ рублей денегъ.

Генералъ не справлялся, откуда и какимъ образомъ пришли къ нему эти деньги: онъ былъ доволенъ. Онъ зналъ, что у него есть гдѣ-то какіе-то «Пѣтухи», какое-то «Разуваево», какая-то «Лѣтесиха» и проч., и зналъ, что все это никогда не приносило ему ни полушки. Кромѣ того, онъ давно уже не имѣлъ въ рукахъ разомъ столько денегъ. Онъ былъ такъ доволенъ, что однажды даже, въ порывѣ гордыни, позволилъ себѣ сказать:

— Антонъ, проси у меня, чего хочешь!

Но на тотъ разъ Антонъ еще не осмѣлился. Въ отвѣтъ на приглашеніе генерала, онъ только повалился ему въ ноги и произнесъ:

— Ничего мнѣ, окромя спокойствія вашего превосходительства, не надобно! коли ежели ваше превосходительство... ахъ, ваше превосходительство!

И былъ такъ при этомъ взволнованъ, что генералъ, чтобъ успокоить его, трикраты съ нимъ облобызался.

Но черезъ короткое время Антонъ одумался. Однажды,

принеся генералу выручку, полученную за проданный лѣсъ, онъ скромно доложилъ, что имѣетъ попросить у его превосходительства милости.

— Говори, мой другъ! благосклонно отвѣтилъ генералъ.

— Не будетъ ли вашей милости это самое мѣстечко мнѣ уступить?

Антонъ произнесъ эти слова робко, какъ будто ему давили горло. При этомъ онъ взмахнулъ глазами на Мысокъ, на противоположномъ берегу рѣки, гдѣ и до сихъ поръ стоялъ постоялый дворъ Калины Силантьева. Генералъ словно очнулся отъ сна.

— А какъ же Калина? спросилъ онъ.

— Калина Силантьичъ довольно попользовались. А при семъ они и на деревнѣ осѣдлость имѣютъ—могутъ, коли ежели, и тамъ свою торговлю производить.

— Гм... дà... стало быть, Калина...

— А между прочаго, ежели такое ихъ желаніе будетъ, чтобъ безпремѣнно на семъ мѣстѣ остаться, такъ они и отъ меня могутъ онное кортомить!

— Чтò!! такъ ты купить, значитъ, «Мысокъ» задумалъ!? вскочилъ генералъ, словно ужаленный.

— Коли ежели ваша милость...

— Натко!

И генералъ сдѣлалъ такой жестъ, вслѣдствіе котораго Антошка на цыпочкахъ убрался восвояси, наклонивъ голову, словно бы избѣгая удара.

Цѣлую недѣлю потомъ Стрѣловъ ходилъ точно опущенный въ воду, и при докладѣ генералу говорилъ печально и какъ-то особенно глубоко вздыхалъ. Въ то же время, дѣвица Евпраксея сдѣлалась сурова и неприступна. Прочая прислуга, вся подобранная Стрѣловымъ, приняла какой-то особенный тонъ, не то жалостливый, не то пренe-

брежительный. Словомъ сказать, въ домѣ воцарился странный порядокъ, въ которомъ генералъ очутился въ роли школьника, съ которымъ, за фискальство или другую подлость, положено не говорить.

Одиноко ходилъ онъ по комнатамъ барскаго дома и какъ-то фаталистически влекся къ балконной двери, изъ которой, какъ на ладони, виднѣлся «Мысокъ» и постоялый дворъ Калины Силантьева. Какъ будто онъ что̀-то смутно предчувствовалъ. Онъ видѣлъ отпряженныя телѣги, видѣлъ восьмидесятилѣтняго Калину, который сидѣлъ на заваленкѣ, грѣлся на солнцѣ и чертилъ что̀-то палкой на землѣ; видѣлъ цѣлое поколѣніе здоровыхъ и кряжистыхъ Калинычей, сновавшихъ взадъ и впередъ; потомъ переносилъ свою мысль на Агнушку, на Іону, даже на Анпетова... и никакъ не могъ освободиться отъ предчувствія.

Въ одно прекрасное утро онъ получилъ письмо отъ Петиньки, которому писалъ о «дерзкомъ поступкѣ» Антона (Стрѣловъ и съ своей стороны написалъ Петинькѣ слезное письмо).

«Не понимаю», писалъ Петинька, «изъ-за чего вы кипятитесь на Антона. По моему мнѣнію, это — единственный человѣкъ, который стоитъ au niveau de la position. Онъ очень хорошо понялъ, что намъ нужно продавать, продавать и продавать, то-есть, обращать въ деньги. Всѣ эти «Пѣтухи», «Разуваевы» и проч., которые не приносили вамъ ни обола — онъ ихъ утилизировалъ и доставилъ вамъ деньги. Почему же «Мысокъ» святѣе ихъ, если Антонъ за него хорошую цѣну даетъ? Вы пишете, что «Мысокъ» прямо противъ оконъ усадьбы — ну, и пусть будетъ прямо противъ оконъ усадьбы. Если вы боитесь, что Стрѣловъ будетъ передъ вашими глазами живыя картины представлять, такъ на счетъ подобныхъ

случайностей можно въ купчей крѣпости оговорить. А что касается до того, что «жаль Калину обидѣть», то это просто смѣшно. Насъ никто не жалѣетъ, а мы весь міръ будемъ жалѣть — когда же этимъ великодушіямъ будетъ конецъ!»

Прочитавъ это письмо, генералъ окончательно поникъ головой. Онъ даже по комнатамъ бродить пересталъ, а сидѣлъ, не вставаючи, въ большомъ креслѣ и дремалъ. Антошка очень хорошо понялъ, что письмо Петиньки произвело эффектъ, и сдѣлался еще мягче, раболѣпнѣе. Евпраксея, съ своей стороны, прекратила неприступность. Всѣ люди начали ходить на цыпочкахъ, смотрѣли въ глаза, старались угадать желанія.

Однажды утромъ, при докладѣ, Антонъ опять осмѣлился.

— Такъ какъ же на счетъ «Мыска», ваше превосходительство? какое распоряженіе сдѣлать изволите? спросилъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Гм... это на счетъ того, что̀ ли, что ты купить его хочешь?

— Такъ точно, ваше превосходительство. А ужь какъ бы я за васъ Бога молилъ... ужь такъ бы!

Генералъ потупилъ глаза въ землю и молчалъ.

— А ежели, что на счетъ услуги касается, такъ ужь на что̀ способнѣе! Только кликните отселѣ: Антонъ! а ужь я на томъ берегу и слышу-съ!

— Да... вотъ и сынъ тоже...

— Одобряютъ-съ? ну хоша за Петра Павлычево здоровье Богу помолимъ, ежели теперича у родителя заслужить не съумѣли...

— Вонъ съ моихъ глазъ, негодяй!

. . . . . .

Тѣмъ не менѣе, недѣли черезъ двѣ, купчая была со-

вершена, и, притомъ, безъ всякихъ ограниченій на счетъ «живыхъ картинъ», а напротивъ, съ обязательствомъ со стороны генерала оберегать мѣщанина Антона Валерьянова Стрѣлова отъ всякихъ вступщиковъ. А черезъ недѣлю по совершеніи купчей, генералъ, даже черезъ затворенныя окна своей усадьбы, слышалъ тотъ почти волчій вой, который подняли кряжистые сыны Калины, когда Антонъ объявилъ имъ, что имѣютъ они въ недѣльный срокъ снести постоялый дворъ и перебраться, куда пожелаютъ.

Стрѣловъ имѣлъ теперь собственность, которая заключалась, въ «Мыскѣ» съ прибавкомъ четырехъ десятинъ луга по Воплѣ. За все это онъ внесъ наличными деньгами пятьсотъ рублей, а купчую, чтобы не ѣхать въ губернскій городъ, написали въ триста рублей и совершили въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ. При этомъ генералъ былъ твердо убѣжденъ, что продалъ только «Мысокъ», безъ всякой прибавки луговой земли.

Антонъ сдѣлалъ несомнѣнно выгодное дѣло. Мѣсто было бойкое; къ тому же, какъ разъ въ это время, объявили въ ближайшемъ будущемъ свободную продажу вина.

Мало-по-малу, отношенія выяснились. Зиму 1862—1863 года Антонъ, «для ради признательности», еще оставался у генерала, но уже исподволь заготовлялъ лѣсъ для построекъ. Когда же окончательно сказали вину волю, то онъ не вытерпѣлъ и явился за расчетомъ.

— Куда? снова какъ бы проснулся генералъ.

— Послужили-съ, кротко отвѣтилъ Стрѣловъ, стоя на благоразумной дистанціи.

Генералъ бросился-было впередъ, но Антонъ уже не на цыпочкахъ, а полнымъ ходомъ ушелъ изъ дому, а затѣмъ и совсѣмъ изъ усадьбы.

Генералъ попробовалъ не расчесться съ Антономъ, но расчелся; затѣмъ онъ попробовалъ потребовать отъ него отчета по лѣсной операціи, но такъ какъ Антонъ дѣйствовалъ безъ довѣренности, въ качествѣ простого рабочаго, то и въ требованіи отчета полученъ былъ отказъ. Въ довершеніе всего, дѣвица Евпраксея сбѣжала, и на вопросъ «куда?» генералу было отвѣтствовано, что къ Антону Валеріянычу, у котораго она живетъ «въ родѣ, какъ въ наложницахъ».

Съ начала марта, несмотря на невполнѣ стаявшій снѣгъ, на той сторонѣ рѣки уже кипѣла необычайная дѣятельность. Антошка выводилъ какое-то длинное зданіе съ двумя крылечками, изъ которыхъ одно вело въ свѣтелку, а другое — въ закрытое помѣщеніе, въ родѣ амбара. Рядомъ продолжалъ возвышаться старый постоялый дворъ, который Стрѣловъ за безцѣнокъ купилъ у Калины. Въ самое Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ новомъ зданіи открытъ былъ кабакъ, и генералъ имѣлъ случай убѣдиться, что все село, не исключая и сыновъ Калины, праздновало это открытіе, горланя пѣсни, устроивая живыя картины и ни мало не стѣсняясь тѣмъ, что генералъ нѣсколько разъ самолично выходилъ на балконъ и грозилъ пальцемъ.

Но всего больше поразила генерала картина, представившаяся его глазамъ въ послѣдовавшій затѣмъ Петровъ день. Вставши еще задолго до обѣдни, онъ увидѣлъ, что на самомъ лучшемъ его лугу собрался какой-то людской сбродъ и коситъ его. Антонъ Стрѣловъ ходитъ между рядами косцовъ съ полштофомъ въ одной рукѣ и стаканомъ въ другой и подчуетъ виномъ; а Проська раздаетъ куски пирога. Внѣ себя, генералъ попробовалъ послать рабочихъ, чтобы унять мерзавцевъ, но былъ отбитъ. Тогда онъ отправился въ уѣздный городъ, и съ изумле-

ніемъ, почти дошедшимъ до параличнаго удара, узналъ, что онъ самъ, вмѣстѣ съ «Мыскомъ», продалъ Антошкѣ четыре десятины своего лучшаго луга по Воплѣ...

Съ этихъ поръ, жизненная колея стараго генерала начала видимо съуживаться. Тщетно слалъ онъ письмо за письмомъ къ Петинькѣ, описывая продерзостные поступки «негодяя» (увы! съ Аннетова онъ уже перенесъ эту кличку на Стрѣлова!), на всѣ его жалобы сынъ отвѣчалъ одними сарказмами. «Извините меня, милый папенька (писалъ онъ), но вы, живучи въ деревнѣ, до того переплелись со всякимъ сбродомъ, что вещи, не стоящія ломаннаго гроша, принимаютъ въ вашихъ глазахъ размѣры чего-то важнаго». Или: «пожалуйста, милый папенька, не волнуйте меня вашими дрязгами съ Стрѣловымъ, иначе я, право, подумаю, что вы впадаете въ дѣтство». Письма эти постоянно сопровождались требованіемъ денегъ, при чемъ представлялись такія убѣдительныя доказательства необходимости неотложныхъ и обильныхъ субсидій въ видахъ поддержанія Петинькиной карьеры, что генералъ стоналъ, какъ раненый звѣрь.

Къ счастью, генерала не оставила благородная страсть къ литературнымъ упражненіямъ; но и тутъ случилось нѣчто неожиданное, доведшее и это развлеченіе до самыхъ крайнихъ размѣровъ. Надумавши (чтобы забыться отъ преслѣдовавшаго его представленія о «негодяѣ») писать свои мемуары, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что все позабылъ. Отъ цѣлаго славнаго прошлаго, въ его памяти осталось что̀-то смутное, несвязное, порою даже какъ будто неожиданное. То учебный сигналъ, то бѣлая лошадь, то аллеи почтовыхъ дорогъ, то жидовская корчма, то деньщикъ Макарка... И все это безъ ма-

лѣйшей послѣдовательности и связано только фразой: «и еще припоминаю такой случай»... Въ заключеніе, онъ началъ-было: «и еще разскажу, какъ я отъ графа Аракчеева однажды благосклонною улыбкой взысканъ былъ», но едва вознамѣрился разсказать, какъ вдругъ покраснѣлъ, и ничего не разсказалъ. Въ одной коротенькой главѣ, въ три страницы разгонистаго письма, умѣстилась вся жизнь генерала Утробина, тогда какъ объ одномъ пятнадцатилѣтнемъ славномъ губернаторствѣ можно было бы написать цѣлые томи. Онъ тѣмъ болѣе удивился этому, что въ то-же самое время въ «Русской Старинѣ» многіе генералы, гораздо меньше совершившіе подвиговъ, писали о себѣ безъ малѣйшаго стѣсненія. Пришлось, оставивъ въ покоѣ «исторію», прибѣгнуть къ вымыслу, для чего онъ и выбралъ форму притчей, какъ наиболѣе подходящую къ роду его дарованія. Но и притчей онъ написалъ, въ теченіи шести лѣтъ, только двѣ, которыя здѣсь и приводятся цѣликомъ.

I. Притча о нѣкоторомъ неосторожномъ генералѣ.

«Одинъ генералъ, служившій по гражданской части (впрочемъ, съ сохраненіемъ военнаго чина и эполетъ), не бывъ никогда въ лѣсу, пожелалъ войти во внутрь онаго. И будучи храбръ отъ природы, рѣшилъ идти въ лѣсъ одинъ, безъ свиты, но въ мундирѣ. Напрасно секретарь его упреждалъ, что въ лѣсу томъ водятся волки, которые могутъ генерала растерзать; на всѣ таковыя упрежденія генералъ отвѣтствовалъ одно: «не можетъ этого случиться, чтобы дикіе звѣри сего мундира коснулись!» И съ сими словами отправился въ путь. Что́ же, однако, случилось? прошелъ одинъ день — генерала нѣтъ; *прошелъ* другой день — опять нѣтъ генерала; на третій

день, обезпокоенные подчиненные идутъ въ лѣсъ, и что находятъ? обглоданный дикими звѣрьми генеральскій остовъ, и при семъ столь искусно, что мундиръ и даже сапоги со шпорами оставлены ни мало не тронутыми.

«Смыслъ сей притчи таковъ: и содержащее не всегда для содержимаго защитой быть можетъ».

II. Притча о двухъ расточителяхъ: умномъ и глупомъ.

«Нѣкоторые два расточителя получили отъ дальнихъ родственниковъ въ наслѣдство по одной двадцатипяти рублевой бумажкѣ. Ни мало не думая, оба рѣшили невеликіе сіи капиталы проѣсть; но при семъ одинъ, накупивъ себѣ на базарѣ знатныхъ яствъ и питій и получивъ, за всѣми расходами, полтинникъ сдачи, сдѣлалъ изъ купленнаго матеріала обѣдъ и со вкусомъ съѣлъ оный; другой же, взявъ кострюлю, наполнивъ оную водою и вскипятивъ ее, сталъ въ кипяткѣ варить наслѣдственную двадцатипяти рублевую бумажку, исполняя сіе дотолѣ, пока отъ бумажки не осталось одно тѣсто. И велико было его удивленіе, когда, испробовавъ отъ сего новоявленнаго варева, онъ нашелъ, что оно не томко отмѣннаго, по цѣнѣ своей, вкуса не имѣетъ, но еще смердитъ по причинѣ жира отъ множества потныхъ рукъ, коими та бумажка была захватана.

«Читатель! размысли, не имѣетъ ли притча сія отношенія къ тѣмъ нашимъ реформаторамъ-нигилистамъ (увы! генералъ все еще не могъ забыть мировыхъ посредниковъ начала шестидесятыхъ годовъ!), кои полученное отъ отцовъ наслѣдіе въ котлѣ переформировокъ варятъ, но варевомъ симъ никому удовольствія не дѣлаютъ, а томко смрадъ?»

Но занятія эти не наполняли и милліонной доли той бездны досуга, которая оставалась въ распоряженіи генерала. Онъ сдѣлался апатиченъ, брюзгливъ, почти близокъ къ разрушенію. Прежде, онъ былъ консерваторъ, теперь — постоянно смѣшивалъ консерваторовъ съ нигилистами, и какъ-то загадочно говорилъ: давно пора! Прежде, онъ былъ душою уѣздной охранительной оппозиціи, теперь — только щелкалъ языкомъ, когда ему разсказывали о новыхъ реформаторскихъ слухахъ. Всѣ помнили его гордую и смѣлую позу въ тотъ моментъ, когда катастрофа, не смотря на всѣ контрпрожекты, явилась совершившимся фактомъ. «Сгною подлецовъ во временно-обязанныхъ, а на выкупъ не пойду... нѣтъ! никогда!» воскликнулъ онъ тогда — и что̀ же? теперь онъ нетолько *пошелъ* на выкупъ, но и вынужденъ былъ совершить его «по требованію одного владѣльца»...

Всѣ его оставили, и онъ не могъ даже претендовать на такое забвеніе, а могъ только удивленными глазами слѣдить, какъ все спѣшитъ ликвидировать и бѣжать изъ своего мѣста. Оставались только какіе-то мрачные наемники, которымъ удалось, при помощи ненавистныхъ мужиковъ, занять по земству и мировымъ судамъ мѣста, съ которыми сопряжено кое-какое жалованье.

А Стрѣловъ, между тѣмъ, цвѣлъ. Онъ вписался въ купцы, женился на молодой купеческой дочери и выглядѣлъ совершенно природнымъ купцомъ. Стараго постоялаго двора уже не было, на мѣстѣ его возвышался полукаменный двухъ-этажный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщался самъ хозяинъ, а внизу — его многочисленные прикащики и рабочіе. Дѣятельность его кипѣла. Онъ торговалъ кабаками, рощами, скупалъ гурты и проч. До десяти кабаковъ и столько же лавочекъ со всякимъ крестьянскимъ товаромъ, въ окрестностяхъ Воплина, держали

все населеніе въ кабалѣ. Постепенно оперяясь, Стрѣловъ началъ скупать земли и заводилъ хутора.

Ничего легкомысленнаго, напоминавшаго прежнюю, пущенную изъ лука стрѣлу, не осталось въ этомъ человѣкѣ. Даже рѣчь его измѣнилась. Прежде, онъ говорилъ тороико, склонивъ голову на бокъ и безпрерывно озираясь по сторонамъ, какъ будто освѣдомляясь, не хочетъ ли кто дать ему сзади треуха по затылку. Теперь, онъ выпускалъ слова точно жемчугъ, мазалъ, уснащалъ рѣчь околичностями, но такъ, что это было не смѣшно, а казалось какъ бы принадлежностью высокаго купецкаго слога. Онъ не покинулъ русской одежды, но послѣдняя, особенно въ праздничные дни, глядѣла на немъ такъ щеголевато, что никому не приходило даже въ голову видѣть его въ нѣмецкомъ неуклюжемъ костюмѣ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова русскій бель-омъ: бѣлый, рыхлый, съ широкимъ лицомъ, съ пушистою свѣтлорусою бородкой и съ узенькими, бѣгающими глазами. Любо было посмотрѣть, какъ онъ, нарядившись въ синій тонкаго сукна кафтанъ, въ купецкомъ шарабанѣ, катилъ въ воскресенье съ разряженною въ пухъ женой въ Воплинскую церковь, самъ правя откормленнымъ иноходцемъ, стариннымъ генеральскимъ подареньемъ. Генералъ постоянно блѣднѣлъ, когда видѣлъ этого коня, привязаннаго на время обѣдни къ церковной оградѣ. Но дѣлать было нѣчего, потому что Стрѣловъ представлялъ уже силу. Мужики ломали передъ нимъ шапки даже поспѣшнѣе, чѣмъ передъ генераломъ, и считали за счастье бѣжать къ нему, если онъ поманитъ кого пальцемъ. Самъ батюшка постепенно привыкъ смотрѣть на Стрѣлова, какъ на благонадежнѣйшаго сына церкви, и по окончаніи обѣдни всегда высылалъ ему съ дьячкомъ просвиру.

При всей этой благополучной обстановкѣ, была, одна-

кожь, язва, которая точила существованіе Стрѣлова. Этою язвой была господская Воплинская усадьба. При воспоминаніи объ ней, фантазія его болѣзненно разыгрывалась. *Тамъ* было приволье, былъ паркъ, была какая-то особенная прохлада въ тѣнистыхъ аллеяхъ. Здѣсь, въ этой низинѣ, не смотря на все довольство, онъ, всетаки, пёсъ, а настоящій *баринъ*, всетаки, тотъ, который сидитъ *тамъ*, наверху Воплинской кручи, въ недостроенномъ домѣ, среди признаковъ геологическаго переворота. И только *онъ*, сидящій *тамъ*, имѣетъ законное основаніе считать себя властелиномъ окрестности, по праву, издавна признанному, а не купленному при содѣйствіи табаковъ, и только *онъ* же всегда былъ и будетъ подлиннымъ сыномъ церкви, а не нахальнымъ пришлецомъ, воровски восхитившимъ непринадлежащее ему званіе.

И онъ тосковалъ, выходилъ въ сумерки любоваться на барскій домъ, разсчитывалъ на пальцахъ и въ тайнѣ давалъ себѣ клятву во чтобы то ни стало быть *тамъ*.

Таково было положеніе дѣлъ на Воплѣ, когда, наконецъ, давно желанный и ожиданный Петинька пріѣхалъ къ отцу.

Прошло уже лѣтъ шестнадцать съ тѣхъ поръ, какъ онъ не бывалъ въ Воплинѣ и въ теченіи этого времени онъ успѣлъ значительно пойти вверху. Уже года четыре онъ несъ на плечахъ своихъ генеральскій чинъ, но, къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что онъ несъ его, какъ рабъ лукавый, постоянно вводившій въ заблужденіе благодѣющее ему начальство.

Увы! я не могу скрыть, что наше неустойчивое во всѣхъ отношеніяхъ время выработало особенную породу чиновниковъ-карьеристовъ, которые хотя прикидываются преданными, но, въ сущности, никакой любви къ начальству не питаютъ. Эти люди обладаютъ чрезвычайнымъ

чутьемъ относительно мелочей жизни и замѣчательною подвижностью, которая дозволяетъ имъ вёздѣ попадаться въ глаза, такъ сказать, съ оника. Съ проницательностью, достойной лучшей участи, они намѣчаютъ «человѣка судьбы», приснащиваются къ нему, льстятъ, изучаютъ его характеръ, и иногда даже раздѣляютъ колебанія и невзгоды его карьеры... разумѣется, если есть увѣренность, что «человѣкъ судьбы» съумѣетъ вынырнуть вновь. Если «человѣкъ судьбы» либеральничаетъ — они захлебываются отъ либерализма, если «человѣкъ судьбы» впадаетъ въ консервативное озлобленіе — они озлобляются вдвое. Шалопаи по натурѣ и по воспитанію, они никогда не несутъ никакой дѣятельной службы, и потому постоянно состоятъ въ качествѣ безсмѣнныхъ паразитовъ при административномъ механизмѣ и принимаютъ дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ канцелярскихъ интригахъ. Кромѣ того, они обладаютъ небольшимъ запасомъ общихъ мѣстъ и взглядовъ, которые, при неуклонномъ повтореніи и благодаря современному оскудѣнію, принимаются за что́-то дѣйствительно похожее на нѣкоторый нравственный и умственный фондъ. Я зналъ, напримѣръ, много такихъ карьеристовъ, которые, никогда не читавъ ни одной русской книги и получивъ научно-литературное образованіе въ театрѣ Берга, такъ часто и такъ убѣжденно повторяли: «la littérature russe — parlez moi de ça!» или: «ah! si l'on me laissait faire, elle n'y verrait que du feu, votre charmante littérature russe!» — что люди, даже болѣе опытные, но тоже ничего не читавшіе и получившіе научно-литературное образованіе въ танцклассѣ Кессенихъ *), не на шутку повѣрили имъ.

*) Танцклассъ этотъ былъ знаменитъ въ сороковыхъ годахъ и помѣщался въ домѣ Тарасова, у Измайловскаго моста.

И вотъ, благодаря какому-нибудь глупому, но вò время попавшемуся на языкъ слову, эти паразиты далеко проскакиваютъ впередъ и даже со временемъ становятся на стражѣ.

Но повторяю: они не имѣютъ никакой серьёзной преданности къ своимъ начальникамъ и благодѣтелямъ. Напротивъ того: бывали примѣры самой черной неблагодарности и изумительно гнуснаго предательства...

Я не виню начальства за то, что оно не всегда провидитъ въ сердцахъ подобныхъ людей. Вопервыхъ, оно обременено высшими государственными соображеніями, а вовторыхъ, оно не всевидяще. Передъ глазами его мелькаютъ молодые и цвѣтущіе здоровьемъ люди, которые ничего другого не являютъ, кромѣ небрезгливой готовности — и это, разумѣется, нравится. Конечно, тутъ есть немножко пристрастія («Ужь сколько разъ твердили міру» и т. д.), но пристрастія совершенно естественнаго. Естественнѣе брать живой административный матеріалъ между своими, въ томъ вѣчно полномъ садкѣ, гдѣ во всякое время можно зачерпнуть «дàкающаго человѣка», нежели въ той несослѣдимой массѣ, о которой извѣстно только то, что она не вѣдаетъ никакой дисциплины и которая, слѣдовательно, имѣетъ самыя сбивчивыя понятія о «тонѣ», представляющемся въ данную минуту желательнымъ. Послѣднее и хлопотливо, и рискованно. Хлопотливо — потому что̀ приходится убѣждать, разговаривать, что̀ замедляетъ теченіе дѣлъ. Рискованно — потому что можно ждать ироническаго отношенія. Тогда какъ свой человѣкъ, прямо животрепещущій, вынутый изъ садка, ни малѣйшихъ хлопотъ не представляетъ (только мигни — и онъ готовъ!), кромѣ, конечно, возможнаго предательства... Но, вѣдь, къ предательству мы уже такъ привыкли, что оно, такъ сказать, вошло

уже въ нашъ домашній обиходъ, и даже названіе носитъ не предательства, а savoir-vivre'а.

Къ такимъ именно обманывающимъ довѣріе начальства карьеристамъ принадлежалъ и Петинька Утробинъ. Въ 1860—1861 годахъ онъ былъ прогрессистъ; въ 1862 году онъ поглядывалъ по сторонамъ и обнюхивалъ, чѣмъ пахнетъ; въ 186* году—прямо объявилъ себя консерваторомъ.

Петинька не шутя вознамѣрился сообщить блескъ фамиліи Утробиныхъ. Уже въ школѣ онъ смотрѣлъ государственнымъ младенцемъ, теперь же, въ тридцать пять лѣтъ, онъ прямо и не шутя мнилъ себя государственнымъ человѣкомъ en herbe. Носились слухи, что въ ресторанѣ Бореля, по извѣстнымъ днямъ, собирается какая-то компанія государственныхъ людей en herbe (тутъ были и Ѳедя, и Сережа, и Володя, и даже какой-то жидокъ, которому, въ воображаемыхъ комбинаціяхъ, предоставлялась блестящая финансовая будущность), душою которой былъ Петька Утробинъ и которая постоянно злоумышляла противъ установленныхъ порядковъ. Тамъ, за изящнымъ обѣдомъ, обсуждались текущія правительственныя распоряженія (où allons nous!) и развивались насущные государственные вопросы (je ne vous dis que ça!). Въ заключеніе, компанія, закончивъ свои занятія, отправлялась въ циркъ или въ театръ Буффъ.

Самъ Петинька не готовилъ себя спеціально ни по какой части, но дѣйствовалъ съ такимъ расчетомъ, чтобъ быть необходимымъ всюду, гдѣ бы ни пришлось. Только военную, морскую и финансовую части признавалъ онъ стоящими внѣ его компетентности. Военную — потому что тутъ былъ уже кандидатомъ какой-то полководецъ, состоявшій, въ ожиданіи, на службѣ у нѣкоего концессіонера; морскую—потому что боялся морской болѣзни;

финансовую—потому что не смѣлъ обойти жидка, у котораго постоянно занималъ деньги. Ко всѣмъ прочимъ частямъ онъ готовился неуклонно и каждую ночь, ложась спать, разрѣшалъ, хотя кратко, по одному государственному вопросу.

Вопросъ: Какое необходимо образованіе для высшихъ классовъ?

Отвѣтъ: Классическое, ибо только высшіе классы обладаютъ необходимымъ для чтенія Кошанскаго («Universus mundus» мелькаетъ въ это время въ его головѣ) досугомъ.

Вопросъ: Какое необходимо образованіе для среднихъ классовъ?

Отвѣтъ: Реальное, съ такимъ, впрочемъ, расчетомъ, чтобы каждый былъ обучаемъ въ предѣлахъ своей спеціальности, не вторгаясь въ спеціальности другихъ.

Вопросъ: Какое наиполезнѣйшее образованіе для низшихъ классовъ?

Отвѣтъ: Никакого. Должны быть воспитываемы въ страхѣ Божіемъ.

Вопросъ: Есть ли необходимость, при управленіи извѣстною частью, знать составныя части ея механизма и дѣйствіе сихъ послѣднихъ?

Отвѣтъ: Нетолько нѣтъ необходимости, но даже вредъ, ибо даетъ поводъ къ умствованіямъ. Необходимъ лишь даръ сердцевѣдѣнія и удача въ выборѣ подчиненныхъ чиновниковъ.

Вопросъ: Нуженъ ли судъ присяжныхъ?

Отвѣтъ: Съ удобствомъ можетъ быть замѣненъ судомъ постоянныхъ дворянскихъ засѣдателей, коимъ необходимо присвоить приличное содержаніе, снабдивъ, при томъ, надлежащими отъ начальства наставленіями.

И такъ далѣе.

Рѣшивши такимъ образомъ насущные вопросы, онъ съ такимъ апломбомъ пропагандировалъ свои «идеи», что нетолько Сережа и Володя, но даже и нѣкоторые начальники увѣровали въ существованіе этихъ «идей». И когда это мнѣніе установилось прочно, то онъ легко достигъ довольно важнаго второстепеннаго поста, гдѣ имѣлъ своихъ подчиненныхъ, которымъ могъ вполнѣ развязно говорить: «вотъ вамъ моя идея! вамъ остается только развить ее»! Но уже и отсюда онъ прозрѣвалъ далеко и видѣлъ въ будущемъ перспективу совсѣмъ иного свойства...

Тѣмъ не менѣе, и у этого человѣка былъ червь, который грозилъ подточить всѣ эти импровизированныя перспективы: онъ по уши погрязъ въ долгахъ. Игра въ государственные подростки составляла лишь малую часть его существованія; бо̀льшая часть послѣдняго была посвящена женщинамъ, обжорству и вину. Нынѣшніе кокодессы не любятъ ни домашняго очага, ни такъ-называемаго «свѣта», ни женщинъ его, ни его удовольствій. Они любятъ нанять женщину (иногда даже въ кредитъ) и пользоваться ею на всей своей волѣ, какъ пользуются стаканомъ хорошаго вина или вкуснымъ блюдомъ. Поэтому, нѣтъ ресторана, въ которомъ они не были бы кругомъ должны, нѣтъ кокотки, которой бы они, въ концѣ-концовъ, самымъ постыднымъ образомъ не надули. Часто эти подвиги сходятъ съ рукъ, но иногда они вліяютъ на ходъ карьеры и даже получаютъ трагическій конецъ.

Петинька былъ именно въ подобномъ положеніи, такъ что въ послѣднее время у него окончательно закружилась голова. Почти безпрерывно онъ обращался къ отцу съ требованіемъ денегъ, и, надо отдать справедливость генералу, онъ рѣдко отказывалъ. Выкупныя свидѣтельства сбывались одно за другимъ и вырученныя деньги

отсылались въ Петербургъ на поддержаніе Петинькиной карьеры. Но когда на днѣ шкатулки оказались какіе-то смѣшные остатки, то генералъ застоналъ. Онъ не спросилъ себя, чѣмъ онъ будетъ жить лично (у него, впрочемъ, оставалась въ резервѣ пенсія), онъ понялъ только, что посылать больше нѐчего.

Въ эту минуту пріѣхалъ Петинька. Онъ явился взбѣшенный и совершенно непонимающій, какимъ образомъ могло случиться, что денегъ нѣтъ.

Свиданіе двухъ генераловъ было странное. Старый генералъ расчувствовался и пролилъ слезы. Молодой генералъ смотрѣлъ строго, какъ будто пріѣхалъ судить старика. «Рабъ лукавый!» какъ бы говорилъ его холодный, почти стеклянный взоръ: «куда ты зарылъ ввѣренный тебѣ талантъ?»

Старикъ, впрочемъ, не примѣтилъ этого съ перваго раза. Онъ помолодѣлъ и стряхнулъ съ себя сонливость. Съ почти дѣтскою жадностью разспрашивалъ онъ объ увольненіяхъ, перемѣщеніяхъ, опредѣленіяхъ, о слухахъ и предположеніяхъ, но молодой генералъ на всѣ вопросы отвѣчалъ нѐхотя, сквозь зубы. Наконецъ, зашла рѣчь и о деньгахъ. Старый генералъ какъ бы сконфузился и только вздыхалъ; но молодой генералъ настаивалъ. Тогда старикъ изложилъ положеніе дѣлъ довольно подробно и даже связно. Оказывалось, что Воплинская экономія, со всѣми ея обезлѣсенными угодьями, стòитъ много-много двадцать тысячъ рублей; сверхъ того, оставалось еще одно выкупное свидѣтельство въ десять тысячъ рублей. Въ суммѣ, все состояніе фамиліи Утробиныхъ представляло цѣнность отнюдь не свыше тридцати тысячъ рублей.

— Это чортъ знаетъ чтò! фыркнулъ молодой генералъ.

— Да, другъ мой; еще я, благодаря пенсіону, могу кой-какъ концы съ концами сводить... заикнулся-было старый генералъ.

Но молодой генералъ уже окончательно вышелъ изъ себя и не далъ ему докончить.

— Вы! вы! «вы можете»! еще бы... вы! Вы посмотрите только, кàкъ вы живете... вы! это чтò? это чтò? восклицалъ онъ бѣшено, указывая пальцами на хаосъ, царствовавшій въ комнатахъ, и на изрытый берегъ Вопли, виднѣвшійся черезъ отворенную балконную дверь.

Старый генералъ ни слова не сказалъ въ отвѣтъ. Онъ покорно понурилъ сѣдую голову, словно сознавая себя безъ оправданія.

— Вы! продолжалъ, между тѣмъ, молодой генералъ, расхаживая тревожными шагами взадъ и впередъ по кабинету:—вы! вамъ нужна какая-нибудь тарелка щей, да еще, чтобъ трубка Жукова не выходила у васъ изъ зубовъ .. вы! Посмотрите, кàкъ у васъ вездѣ нагажено, насрамлено пепломъ этого поганаго табачища... какая подлая вонь!

Наконецъ, онъ остановился противъ отца, и пустилъ ему въ укоръ:

— Но объясните же, наконецъ, какимъ образомъ *это* могло случиться? Говорите же! что такое вы тутъ дѣлали? балы, что ли, для уѣздныхъ кокотокъ устроивали? Говорите! я желаю знать!

— Мой другъ! я... я... ты самъ отчасти... Въ послѣднее время... требованія денегъ...

— Ну да! вотъ это прекрасно! *Я*—виноватъ! *Я*—много требовалъ! Я!! Je vous demande un peu! А впрочемъ, я зналъ зараньше, что у васъ есть готовое оправданіе! *Я*—долженъ былъ жить на хлѣбѣ и водѣ! *Я*—долженъ былъ рисковать своею карьерой! *Я*—долженъ

былъ довольствоваться ролью pique-assiette'а при болѣе счастливыхъ товарищахъ! Вы *это,* конечно, хотите сказать?

— Сохрани Богъ, мой другъ! но...

— Безъ всякихъ «но»! Point de «mais», mon père! Я очень хорошо понимаю и вижу! Я зараньше знаю все, что̀ вы можете сказать! О! я травленный звѣрь, mon père! меня провести не такъ-то легко! Іоны... Агнушки! вотъ куда *дозволительно* бросать деньги! Имъ дома покупаютъ, имъ отдаютъ домашнюю движимость, имъ—все! А сынъ — что̀ такое сынъ?! On l'engendre — et tout est dit! И за это онъ обязывается почитать родителей и цѣловать у нихъ ручки... ces chers parents! Нѣтъ, вы скажите, зачѣмъ вы, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать, извлекать, добывать цѣнности, въ нелѣпыя пререканія съ Стрѣловымъ вошли?

— Но, другъ мой, онъ-то и есть та причина...

— Нѣтъ, вы, вы, вы! Онъ доставалъ вамъ деньги! онъ умѣлъ это! И, конечно, онъ съумѣлъ бы достать и теперь! онъ нашелъ бы изъ чего извлечь пользу! Вы! развѣ вы имѣете понятіе о томъ, что̀ у васъ есть? Развѣ можно повѣрить, чтобы все... чтобы не было... ну, пустоши какой-нибудь... une prairie... une forêt... А онъ... въ пререканія входитъ! Ему, изволите видѣть, оскорбительно, что въ виду его усадьбы поселился честный труженикъ... oui, un honnête travailleur... который, быть можетъ, по̀томъ и кровью...

Петинька такъ расчувствовался, что произнесъ послѣднія слова почти дрожащимъ голосомъ (au fond je suis démocrate! мелькнуло въ его головѣ). Въ это же самое время онъ взглянулъ въ окно.

— Э! да онъ тамъ премило устроился! воскликнулъ *онъ:*—цѣлый городокъ... право!

— Онъ, другъ мой, нашъ лугъ обманомъ...

— Обманомъ! а кто виноватъ? Вы, вы и вы! Зачѣмъ вы подписываете бумаги не читая? а? на Іону попадѣялись? а? И хотите, чтобъ этимъ не пользовались люди, у которыхъ практическій смыслъ — все? Mais vous êtes donc bien naif, mon père!

Въ такомъ духѣ разговоръ продолжался около двухъ часовъ. Наконецъ, это надоѣло Петинькѣ. Онъ оставилъ старика подъ бременемъ обвиненій, и, сказавъ: il faut que je mette ordre à ça! выбѣжалъ изъ дома во вновь разведенный садъ. Тамъ все смотрѣло уныло и заброшенно; рѣдко-рѣдко, гдѣ весело поднялись и одѣлись листвой липки, но и то какъ бы для того, чтобы сдѣлать еще болѣе рѣзкимъ контрастъ съ окружающею наготой. Желая пробраться въ старый паркъ, который все еще сохранялъ прежнюю дикую прелесть, Петинька спустился-было по заросшей дорожкѣ къ пруду, который въ этомъ мѣстѣ съуживался, и черезъ переузину былъ когда-то перекинутъ мостъ,—но, вмѣсто моста, торчали сгнившіе столбики. Взбѣшенный, побѣжалъ онъ назадъ, прибѣжалъ на скотную — никого не нашелъ, потомъ на конный дворъ — опять никого не нашелъ, и, наконецъ, случайно набрелъ на мужика, спавшаго подъ деревомъ, растолкалъ его ногою и далъ волю сквернословію. Къ обѣду пришелъ онъ усталый, озлобленный, съ пересохшимъ горломъ и безъ малѣйшаго признака аппетита.

Обѣдъ прошелъ молчаливо. Петинька брезгливо расплескивалъ ложкой превосходные лѣнивые щи (старый генералъ хотѣлъ похвастаться, что у него, несмотря на «катастрофу», въ началѣ іюля, всетаки, есть новая капуста), и съ какимъ-то неизрѣченнымъ презрѣніемъ швырялся вилкой въ соусѣ изъ телячьей головки. Вино тоже не понравилось ему, хотя это былъ добрый St.-Julien,

года четыре лежавшій въ подвалѣ у генерала. Только по временамъ онъ прерывалъ тяжелое молчаніе (онъ, впрочемъ, не чувствовалъ его тяжести, и фыркалъ совсѣмъ хладнокровно, какъ ни въ чемъ не бывало), чтобы высказать поученіе въ родѣ слѣдующаго:

— Дà-съ, любезнѣйшій родитель! Не могу похвалить ваши порядки! не могу-съ! Пошелъ въ садъ — ни души! на скотномъ — ни души! на конномъ — хоть шаромъ покати! Одного только ракалью и нашелъ — спитъ брюхомъ кверху! И надобно было видѣть, какъ негодяй изумился, когда я ему объяснилъ, что онъ нанятъ не для спанья, а для работы! Дà-съ! нельзя похвалить-съ! нельзя-съ!

— Они въ это время отдыхаютъ, мой другъ, пòлдни... попробовалъ оправдаться старый генералъ.

— У васъ, повидимому, всегда пòлдни! И давича пòлдни, и теперь пòлдни! Наспятся, потомъ начнутъ потягиваться, да почесываться—опять пòлдни! Нѣтъ-съ, этакъ нельзя-съ! этакъ не управляютъ имѣніями! такимъ манеромъ, конечно, никакого дохода никогда получить нельзя!

Генералъ молча выслушивалъ эти реприманды, наклонивъ лицо къ тарелкѣ, и ни разу не пришло ему даже на мысль, что, не смотря на старость, онъ настолько еще сильнѣе и крѣпче своего пащёнка, что стòило ему только протянуть руку, чтобъ раздавить эту назойливую гадину.

Послѣ обѣда, едва старикъ успѣлъ вымолвить: ну, теперь я пойду... какъ уже Петинька схватился за фуражку и исчезъ изъ дома.

Старый генералъ удалился въ спальную и, по обыкновенію, легъ отдохнуть. Но ему не спалось. Чтò-то горькое до остроты, до жгучести шевелилось въ его душѣ, *хотя онъ* и самъ ясно не сознавалъ, чтò именно. Со-

мнительно, впрочемъ, чтобъ это было чувство негодованія, возбужденное поведеніемъ сына при встрѣчѣ послѣ шестнадцатилѣтней разлуки; скорѣе это было чувство упорнаго самообвиненія. Дѣйствительно, вѣдь, онъ отъ отца своего получилъ полную чашу, а самъ оставляетъ сыну что? Правда, что черезъ него прошла, такъ сказать, цѣлая катастрофа; но все же, еслибъ повести дѣло умненько, да, именно, еслибъ умненько повести... еслибъ не воевать съ дворовыми, не полемизировать съ Анпетовымъ, еслибъ сразу обрѣзать себя по новому, еслибъ не ввѣряться Антошкѣ, еслибъ... Генералъ насчиталъ столько «еслибъ», что объ отдохновеніи нечего было и думать. Проворочавшись цѣлый часъ съ боку на бокъ, онъ всталъ съ тяжелою головой и прежде всего спросилъ:

— Петръ Павлычъ не возвращался?

— Они къ Антону Верельянову ушли, услышалъ онъ въ отвѣтъ.

Старикъ широко раскрылъ глаза, словно сразу не понялъ.

А Петинька былъ дѣйствительно тамъ, у того самаго Антошки, котораго одно имя производило нервную дрожь во всемъ организмѣ стараго генерала. Онъ рѣшилъ этотъ вопросъ очень скоро. Онъ сказалъ себѣ: все это вздоръ, въ которомъ почтеннѣйшій мой родитель можетъ, если ему угодно, купаться хоть до скончанія вѣковъ, но который я имѣю полное право игнорировать. Для меня ясно одно: что мнѣ необходимы деньги и что на фàтера надежда плоха. Антошка же человѣкъ оборотливый, у него должны быть деньги, и онъ обязывается снабдить меня ими. Прежде всего, я долженъ знать навѣрное, нѣтъ ли еще какихъ-нибудь рессурсовъ... напримѣръ, лѣсъ, земля... и если нѣтъ, то... ma foi! надо будетъ поступить рѣшительно!

Антошка словно предчувствовалъ, что молодой генералъ посѣтитъ его, и едва лодка, перевезшая Петиньку, успѣла причалить къ «Мыску», какъ уже Стрѣловъ, облеченный въ праздничный костюмъ, помогалъ ему выдти на берегъ.

— Если не ошибаюсь, Антонъ... заговорилъ первый Петинька и остановился: онъ позабылъ отчество Стрѣлова.

— Велерьянычъ-съ, поправилъ спокойно Стрѣловъ:— вотъ и вы, ваше превосходительство, изволили въ наши, можно сказать, палестины пожаловать?

— Да, не надолго. А вы тутъ премило устроились... право! любезно бесѣдовалъ Петинька, оглядывая рядъ построекъ, выведенныхъ Стрѣловымъ: — этотъ домъ... двухъэтажный... вы въ немъ, конечно, сами живете?

— Точно такъ, ваше превосходительство, благодареніе Богу-съ. Все отъ него, отъ Создателя Милостиваго! Скажемъ теперича такъ: иной человѣкъ и старается, а все ему милости нѣтъ, коли ежели онъ, значитъ, Создателя своего прогнѣвилъ! А другой человѣкъ, ежели, къ примѣру, и не совсѣмъ потрафить съумѣлъ, а смотришь, Создатель все ему посылаетъ да посылаетъ, коли ежели передъ нимъ съумѣлъ заслужить! Такъ-то и мы, ваше превосходительство: своей заслугѣ не приписываемъ, а все Богу-съ!

— Гм... это похвально! Всѣ должны бы такъ думать... Но вы, надѣюсь, напоите меня чаемъ?

— Помилуйте, ваше превосходительство, съ превеликимъ нашимъ удовольствіемъ. Даже за счастіе-съ... какъ мы еще папаши вашего благодѣянія помнимъ... Не токма, что чашку чаю, а даже весь домъ-съ... все, можно сказать, имущество... просто, значитъ, какъ есть...

— *Да*... вотъ видите! сейчасъ вы сказали, что по-

мните добро, которое вамъ сдѣлалъ отецъ, а между тѣмъ, ссоритесь со старикомъ! Дурно это, Антонъ Валерьянычъ, не хорошо-съ! не то укорялъ, не то шутилъ Петинька.

— Ваше превосходительство! Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами-съ! Съ моей стороны, окромя, можно сказать, услуги... чтобы его превосходительству, значитъ, спокой былъ... Да помилуйте! кабы не они, что̀ же бы я безъ нихъ былъ? Червь-съ, червякъ—и больше ничего! Неужто жь я не обязанъ это помнить! Да я, можно сказать, и денно, и нощно... А что съ ихней стороны—это дѣйствительно-съ... Позвольте вамъ доложить! даже по̀ходя скверными словами обзываютъ! Иной разъ, сядешь-этта у окошка плачешь, плачешь: Господи! думаешь, съ моей стороны и услуга, и стараніе... ну, крикни его превосходительство съ того берега... ну, такъ бы... И за все за это награда—просто, можно сказать, по̀ходя...

— Ну, ничего! я это устрою! я собственно и пріѣхалъ... всѣ эти недоразумѣнія... Уладимъ, почтеннѣйшій мой, уладимъ мы это!

— А ужь какъ бы мы-то, ваше превосходительство, рады были! точно бы промежь насъ тутъ царствіе небесное поселилося! ни шуму, ни гаму, ни свары, тихо, благородно! И сколько мы, ваше превосходительство, васъ здѣсь ждемъ — такъ это даже сказать невозможно! точно вотъ ангела небеснаго ждемъ—истинное это слово говорю!

Комната, въ которую Стрѣловъ привелъ Петиньку, смотрѣла свѣтло и опрятно; некрашенный полъ былъ на̀чисто вымытъ и снабженъ во всю длину полотняною дорожкой; по стѣнамъ и у оконъ стояли краснаго дерева стулья, съ деревянными выгнутыми спинками и волосянымъ сидѣніемъ; по серединѣ задней стѣны былъ поставленъ

такой же формы диванъ, и передъ нимъ продолговатый столъ съ двумя креслами по бокамъ; въ углу виднѣлась этажерка съ чашками и небольшимъ количествомъ серебра. Стѣны были нештукатуренныя, въ чемъ, впрочемъ, Стрѣловъ немедленно извинился, сказавъ, что еще «не изобралъ времени».

— Бы, вѣдь, женаты, кажется? спросилъ Петинька.

— Въ законѣ-съ.

— Надѣюсь, что познакомите меня съ супругой.

— Помилуйте, ваше превосходительство! даже осчастливите-съ! Авдотья Григорьевна! крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь въ сосѣднюю комнату:—чайку-то! да сами-съ! сами подайте! Большого гостя принимаемъ! Такого гостя! такого гостя! что, кажется, и не чаяли себѣ никогда такой чести! продолжалъ онъ, уже обращаясь къ Петинькѣ.

Черезъ минуту, съ подносомъ, уставленнымъ чашками, вошла, или, вѣрнѣе сказать — выплыла и сама Авдотья Григорьевна. Это была женщина средняго роста, бѣлая, разсыпчатая, съ сахарными грудями, съ сѣрыми глазами на выкатѣ, съ алыми губами сердечкомъ, словомъ сказать, по купечески—красавица.

— Въ Кашинѣ у купца взялъ-съ! похвастался Стрѣловъ: — старинные купцы ихъ родители! Еще когда Москва всей Рассеѣ голова была — еще тогда они торговали!

— Очень, очень пріятно, любезничалъ Петинька, между тѣмъ, какъ Авдотья Григорьевна, стоя передъ нимъ съ подносомъ въ рукахъ, кланялась и алѣла.—Да вы что̀ жь это, Авдотья Григорьевна, съ подносомъ стоите? Вы съ нами присядьте! поговоримъ-съ.

— Что̀ жь, сядьте, Авдотья Григорьевна, коли его превосходительство такое можно сказать вниманіе къ вамъ

имѣютъ! поощрилъ Стрѣловъ, и, обращаясь къ Петинькѣ, прибавилъ:—онѣ у меня, ваше превосходительство, городскія-съ! въ монастырѣ у монашены обучались! Какой угодно разговоръ имѣть могутъ.

— Тѣмъ лучше-съ, тѣмъ лучше-съ, милая Авдотья Григорьевна! Вотъ мы и поговоримъ! Скучаете здѣсь, конечно?

— Нѣтъ-съ, намъ скучать нѐкогда, потому что мы завсегда въ трудахъ...

— Онѣ у меня, ваше превосходительство, къ своему дѣлу приставлены-съ, потому мы такъ насчетъ этого судимъ, что коли ежели эта самая... хочь бы дама-съ... да ежели по нашему мѣсту безъ трудовъ-съ... большихъ тутъ мечтаніевъ ожидать нужно-съ!

— Дà, это такъ; я это самъ... А, всетаки, милая Авдотья Григорьевна, сознайтесь, что скучно?

— Конечно, коли ежели сравнить съ Кашиномъ... тамъ однѣхъ церквей сколько! Опять же родители.

— А въ Петербургъ хотѣлось бы? Ну, признайтесь, хотѣлось бы?

— Нѣтъ ужь, куда въ Петербургъ! вотъ въ Кашинъ... въ Угличѣ тоже весело живутъ! ну, а Калязинъ—нѣтъ, кажется, этого города постылѣе!

— Ну, Угличъ тамъ, Кашинъ, Калязинъ... А все, я думаю, сердечко-то такъ въ Петербургъ и рвется?

— Нѣтъ ужь... Въ одномъ только я петербургскіимъ господамъ завидую: что они царскую фамилію постоянно видѣть могутъ!

— Это дѣлаетъ вамъ честь, сударыня. Чтò же! со временемъ, когда дѣла Антона Валерьяныча разовьются, можетъ быть, вамъ и представится случай удовлетворить вашему похвальному чувству.

— Нѣтъ ужь... А вотъ у насъ, въ Кашинѣ, одинъ ку-

пецъ въ Петербургѣ былъ, такъ сказывалъ: каждый день, говоритъ, на Невскіимъ въ золотыхъ каретахъ...

— Ну, это-то онъ, положимъ, отъ себя присочинилъ, а всетаки... Знаете ли что̀? потормошите-ка вы Антона Валерьяновича вашего, да и махнемъ... а я бы вамъ все показалъ!

— Нѣтъ ужь... А вы и во дворцѣ бывали?

— Сколько разъ, милая Авдотья Григорьевна!

— И Государя видѣть изволили?

— Сколько разъ! Однажды даже...

Петинька вдругъ ощутилъ потребность лгать. Онъ далъ волю языку и цѣлый часъ болталъ безъ умолку. Разсказывалъ про придворные балы, про то, какія платья носятъ петербургскія барыни, про итальянскую оперу, про Патти; однимъ словомъ, истощилъ весь репертуаръ. Подъ конецъ, однако, спохватился, взглянулъ на часы и вспомнилъ, что ему надо еще объ дѣлѣ переговорить.

— А я, вѣдь, къ вамъ, Антонъ Валерьянычъ, между прочимъ, и по дѣлу, сказалъ онъ.

— Извольте только приказать, ваше превосходительство! Всѣ силы-мѣры, т. е. сколько есть силы возможности...

— Скажите, неужели дѣла отца такъ плохи?

— Такъ плохи! такъ плохи! т. е. какъ только живутъ еще его превосходительство! Усадьба теперича безъ призору... Скотный дворъ, конный... опять же поля... такъ худо! такъ худо!

— Да, и я ужь замѣтилъ. Давеча, бѣгалъ — нигдѣ ни одной души не нашелъ. Одинъ только мерзавецъ съискался, да и тотъ вверхъ брюхомъ дрыхнетъ!

— Ужь коли ваше превосходительство, въ короткую, можно сказать, минуту, замѣтили, такъ ужь намъ-то что̀ и говорить!

— А, вѣдь, знаете, генералъ немного и васъ обвиняетъ. Говоритъ, что вы весь лѣсъ за десять тысячъ продали, тогда какъ...

— Первое дѣло, не десять, а пятнадцать тысячъ я его превосходительству предоставилъ. Пять-то тысячъ они на покупку Агнушкѣ дома извели... Богъ имъ судья, ваше превосходительство! конечно, маленькаго человѣка обидѣть ничего не значитъ, однако, я завсегда, можно сказать, и денно и нощно, словомъ, всѣмъ сердцемъ... Ваше превосходительство! позвольте вамъ доложить! что̀ я такое? можно сказать, червь ползучій, а можетъ быть, и того хуже-съ! Стало быть, ежели теперича сказать про меня: Антонъ, молъ, Стрѣловъ воръ! — кому въ этомъ разѣ стыдъ будетъ? Мнѣ ли, который, примѣрно, всѣ силы-мѣры... или тому, кто меня обидѣлъ?

— Такъ-то такъ, голубчикъ, только вотъ отецъ говоритъ, что за одни Пѣтухи можно было десять тысячъ выручить, а вы тамъ всего на четыре тысячи дровъ продали.

— А коли ежели можно было десять тысячъ выручить, кто же, позвольте вамъ доложить, имъ въ этомъ препятствіе дѣлалъ? А при семъ, позвольте, ваше превосходительство, еще одно слово сказать! Все — отъ ихняго нетерпѣнія-съ Можетъ быть, возможно было бы и больше выручить, да что̀ жь, ежели они внимать ничему не хотятъ! Кто я таковъ и кто они-съ? позвольте васъ спросить. Я рабъ-съ, а они господинъ-съ. Слѣдственно, ежели теперича мой господинъ мнѣ приказываетъ: Антонъ! продай такую-то пустошь за пять тысячъ! И я, значитъ, видючи, что эта пустошь, примѣрно, не пять тысячъ стоитъ, а восемь, докладываю: не лучше ли, молъ, ваше превосходительство, попридержаться до времени? И коли ежели при семъ господинъ мнѣ вторительно приказыва-

етъ: безпремѣнно эту самую пустошь чтобъ за пять тысячъ продать — долженъ ли я господина послушаться?

— Ну, все таки... Впрочемъ, это дѣло прошлое, я не объ томъ... Скажите, неужели же у отца совсѣмъ-совсѣмъ никакого лѣсу не осталось?.. Ну, понимаете, который бы продать было можно?

— Теперича, ваше превосходительство, ежели всю дачу наскрозь обшарить, кажется, ни одного путнаго дерева не найти. Для своего продовольствія кой-какой лѣсишко остался... Такъ, небольшое количество.

Петинька задумался.

— Ну, а зѐмли? вѣдь, есть же лишнія?

— Зѐмли, ваше превосходительство, по здѣшнему мѣсту, самый, значитъ, нестоющій товаръ. А при семъ у папаши вашего въ пустошахъ — одинъ пенёкъ-съ. Даже поросли нѣтъ, потому что мужицкій скотъ безвыходно теперича по порубкѣ ходитъ.

Петинька задумался еще больше и испустилъ глубокое «гм»...

— Чудеса! вымолвилъ онъ, наконецъ.

— Уже такъ чуднò! такъ чуднò, ваше превосходительство! Первые, можно сказать, по здѣшней округѣ помѣщики были, и вдругъ...

— Ну-съ, такъ я того... постараюсь какъ-нибудь васъ со старикомъ уладить. Можетъ быть, сообща, чтò-нибудь и придумаемъ! сказалъ Петинька, поднимаясь.

— Сообща — какъ же можно-съ! сообща — завсегда лучше! Ладкомъ да міркомъ — смотришь, анъ шутя что-нибудь полезное и представится.

Петинька воротился домой довольно поздно. Старый генералъ ходилъ въ это время по залѣ, заложивъ руки за спину. На столѣ стоялъ недопитый стаканъ холоднаго чая.

— *Тамъ* былъ? спросилъ старикъ, указывая глазами на балконъ.

— Тамъ. А знаешь ли, фàтеръ, вѣдь этотъ Антонъ — онъ вовсе...

— Ни слова, мой другъ! серьёзно вымолвилъ старый генералъ, и, махнувъ рукой, отправился въ спальную, откуда уже и не выходилъ цѣлый вечеръ, приславъ сказать сыну, что у него болитъ голова.

Не смотря на безмолвный протестъ отца, путешествія Петиньки на «Мысокъ» продолжались. Онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи лишь ту уступку, что производилъ свои посѣщенія во время послѣ-обѣденнаго сна старика. Вообще, въ поведеніи Петиньки и Стрѣлова было что̀-то таинственное, шли между ними какіе-то дѣятельные переговоры, при чемъ Петинька нѣкоторое время не соглашался, а Стрѣловъ настаивалъ, и, наконецъ, настоялъ.

Дѣло въ томъ, что Петинькѣ до зарѣзу нужно было имѣть пятнадцать тысячъ рублей, которые онъ и предположилъ занять или у Стрѣлова лично, или черезъ его посредство, подъ документъ. Стрѣловъ и съ своей стороны не прочь былъ дать деньги, но требовалъ, чтобы долговой документъ былъ подписанъ самимъ старикомъ генераломъ.

— Позвольте вамъ, ваше превосходительство, доложить! вы еще не отдѣленные-съ! объяснилъ онъ обязательно: — слѣдственно, ежели какова пора ни мѣра, какъ же я въ семъ разѣ долженъ поступить? Ежели начальство ваше изъ-за пустяковъ утруждать, и вамъ конфузъ, а мнѣ-то и вдвое противъ того! Такъ вотъ, собственно, по этой самой причинѣ, чтобы, значитъ, непріятнаго разговору промежду насъ не было...

Петинька сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ къ примиренію отца съ Стрѣловымъ, но всякій разъ слышалъ одинъ отвѣтъ: ни слова, мой другъ! — послѣ чего старый генералъ удалялся въ спальную и запирался тамъ.

Наконецъ, Петинька рѣшился: въ одно прекрасное утро, въ карманѣ у Стрѣлова очутились четыре заемныя обязательства, срокомъ на шесть мѣсяцевъ, каждое въ суммѣ пять тысячъ рублей.

— На силу уломалъ старика! сказалъ молодой генералъ, вручая документы Стрѣлову и получая отъ него, взамѣнъ ихъ, пятнадцать тысячъ рублей разношерстными пятипроцентными бумагами.

Миссія Петиньки была окончена и онъ немедленно заторопился въ Петербургъ. Въ послѣдніе два дня онъ уже не посѣщалъ «Мысокъ» и былъ почти нѣженъ съ отцемъ. Старый генералъ, съ своей стороны, по мѣрѣ приближенія отъѣзда сына, дѣлался тревоженъ и взволнованъ, повидимому, тоже принимая какое-то рѣшеніе.

Наконецъ, наступила и минута разлуки. Экипажъ стоялъ у крыльца; по старинному обычаю, отецъ и сынъ на минуту присѣли въ залѣ. Старый генералъ всталъ первый. Онъ былъ блѣденъ, пошатываясь, подошелъ къ сыну и слабѣющими руками обнялъ его.

— Другъ мой! сказалъ онъ прерывающимся голосомъ: — служи! А это — вотъ...

Съ этими словами онъ сунулъ въ карманъ Петиньки свое послѣднее выкупное свидѣтельство, съ довѣренностью на продажу его и на употребленіе вырученныхъ денегъ по усмотрѣнію.

Петинька поцаловалъ у папаши ручку, попробовалъ смигнуть съ глазъ слезу, но не смигнулъ, выбѣжалъ изъ *комнаты* и поспѣшно сѣлъ въ экипажъ.

Ровно черезъ шесть мѣсяцевъ генералу были предъявлены четыре документа, въ которыхъ значилось: «я, нижеподписавшійся, повиненъ»... и въ концѣ которыхъ весьма отчетливо изображена была его собственноручная подпись: «Отставной генералъ-лейтенантъ Павелъ Петровъ Утробинъ», съ характернымъ росчеркомъ, въ формѣ вскинутой вверхъ лесы, къ концу которой прикрѣпленъ крючекъ.

Генералъ не сдѣлалъ даже вида, что не понимаетъ. Онъ спокойно призналъ документы за подлинные и предоставилъ приступить къ описи и оцѣнкѣ Воплина.

Вечеромъ того же дня, онъ лежалъ въ спальной, разбитый параличемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

	стр.
Къ читателю	1
Въ дорогѣ	24
Охранители	56
Переписка	102
Столпъ	136
Кандидатъ въ столпы	180
Превращеніе	214
Отецъ и сынъ	255

Stanford University Libraries
3 6105 124 447 926

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.